LE
DÉMOCRATE-SOCIALISTE

СОЦІАЛЬ-ДЕМОКРАТЪ

трехмѣсячное
ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ
обозрѣніе.

ФЕВРАЛЬ
книга первая.

Содержаніе.

Объ изданіи

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКАГО ОБОЗРѢНІЯ

„СОЦІАЛЬ-ДЕМОКРАТЪ"

Въ 1888 году, выпуская первую книжку нашего сборника „Соціаль-демократъ", мы писали, что не можемъ обозначить даже приблизительно срока выхода второй, такъ какъ продолженіе изданія не вполнѣ зависѣло отъ насъ. Въ настоящее время, благодаря энергической поддержкѣ сочувствующихъ нашему дѣлу лицъ, мы имѣемъ возможность приступить къ изданію *трехмѣсячнаго обозрѣнія*, книги котораго выйдутъ 15-го Февраля, 15-го Мая, 15-го Августа и 15 Ноября 1890 года. Объ условіяхъ изданія „Соціаль-демократа" на 1891 годъ читающая публика будетъ извѣщена въ ноябрьской книгѣ.*)

Направленіе русскихъ соціаль-демократическихъ изданій достаточно извѣстно. Мы были и останемся сторонниками *международнаго соціализма*, подъ знаменемъ котораго совершается наиболѣе многозначительное и наиболѣе прогрессивное движеніе девятнадцатаго вѣка: борьба рабочаго класса за свое экономическое освобожденіе.

Ученіе международнаго соціализма не представляетъ собою утопическаго *символа вѣры*, совокупности догматовъ, убѣдительныхъ и интересныхъ только для его послѣдователей. Это

---

*) Первоначально выходъ первой назначенъ былъ на 15 Января. Эпидемія, отъ которой пострадало большинство нашихъ сотрудниковъ, замедлила на мѣсяцъ выходъ первой книги; сообразно съ этимъ пришлось измѣнить предположенный срокъ выхода и всѣхъ остальныхъ.

сть ученіе *критическое* по преимуществу. Исходя изъ анализа всѣхъ сторонъ современной общественной жизни, международный соціализмъ *указываетъ* рабочему классу тотъ путь, на который *выдвигаетъ* его сама исторія, *уясняетъ* ему тѣ самыя задачи, которыя *ставитъ* передъ нимъ неотвратимое развитіе буржуазнаго общества. Критикѣ всѣхъ отношеній этого общества будетъ, поэтому, отведено широкое мѣсто въ нашемъ изданіи, независимо отъ того, гдѣ наиболѣе ярко проявляется то или другое изъ этихъ отношеній: въ Россіи или на Западѣ. Точно такъ же, всѣ перипетіи великой борьбы труда съ капиталомъ найдутъ въ насъ внимательныхъ и безпристрастныхъ лѣтописцевъ. „Пролетаріатъ не имѣетъ отечества", и для насъ, ставшихъ подъ его знамя, одинаково отрадны всѣ его успѣхи, одинаково тяжелы всѣ его временныя пораженія, подъ какою бы широтой и долготой они ни имѣли мѣсто.

Но мы пишемъ по русски, мы издаемъ свое обозрѣніе для русскихъ читателей. Если мы хотимъ остаться вѣрны критическому духу современнаго международнаго соціализма, мы должны показать, — какъ это, впрочемъ, всегда старались дѣлать русскіе соціаль-демократы, — что и въ Россіи ученіе это имѣетъ подъ собою реальную почву, что развитіе русскихъ общественныхъ отношеній идетъ теперь по тому же пути, на который давно уже выступили опередившія насъ страны Запада. Это тѣмъ болѣе необходимо, что славянофильская пропаганда наложила свою печать на міросозерцаніе самыхъ передовыхъ нашихъ общественныхъ дѣятелей. Наше народничество и даже такъ называемый „русскій соціализмъ", представляютъ лишь собою болѣе или менѣе революціонныя, но во всякомъ случаѣ крайне неудачныя варьяціи на реакціонно-славянофильскія темы. Поэтому въ нашемъ обозрѣніи вопросамъ русской общественной жизни и литературы должно быть посвящено главное вниманіе. Едва-ли нужно прибавлять, что по нашему мнѣнію главнѣйшимъ изъ всѣхъ современныхъ русскихъ общественныхъ вопросовъ является вопросъ о борьбѣ противъ нашего азіатскаго деспотизма, не только давящаго все живое внутри страны, но и угрожающаго дѣлу прогресса во всей Европѣ.

Таковы наши цѣли. Достигнемъ-ли мы ихъ, объ этомъ будетъ судить читающая публика. Съ своей стороны мы можемъ

только обратиться съ просьбой о литературной поддержк всѣмъ тѣмъ, кто хотя бы отчасти стоитъ на одинаково нами точкѣ зрѣнія.

Въ виду неблагопріятныхъ условій распространенія за щенныхъ книгъ въ Россіи редакція позаботится о томъ, ч бы каждая книга „Соціаль-демократа" представляла собою возможности законченное цѣлое.

Первоначально были объявлены слѣдующія условія под писки:

На 1 годъ	9 фр.
На 6 мѣсяцевъ	5 фр.
Отдѣльная книга	3 фр

Эти цѣны были назначены въ то время, когда мы предполагали издавать наше обозрѣніе въ форматѣ сборника „Соціаль-демократъ". Теперь мы окончательно остановились на другомъ, значительно большемъ форматѣ. и потому вынуждены слѣдующимъ образомъ измѣнить подписную цѣну:

На годъ	12 фр.
На полгода	6 „

Отдѣльно каждая книжка, заключающая въ себѣ, согласно прежнему предположенію, отъ 10 до 12 печатныхъ листовъ, будетъ продаваться по 3 фр. 50. Книжки большаго объема будутъ дороже. Такъ, эта первая книжка стоитъ 5 фр.

Подписчики, уже заявившіе свои требованія редакціи, будутъ удовлетворены на старыхъ условіяхъ.

Письма, рукописи и деньги просимъ адресовать такъ:

Mr. Stepniak, 13 Grove Gardens, N. W. London.

Редакторъ

В. Н. Алексѣевъ.

Просимъ предварительно исправить слѣдующія опечатки:

Въ первомъ отдѣлѣ 35 страница, 17 строка снизу напечатано: нераззоренной, должно быть: не раззоренной. Во второмъ отдѣлѣ 16 стр. въ заглавіи напечатано: 14-15 Іюля, должно быть: 14-21.

УЛИЧНАЯ ТОРГОВКА.

Поля Эзи *)

Осенью паркъ Монсо отличается какою-то изящною и скромною меланхоличностью. Растительность не обнажается въ немъ съ такой быстротой, какъ въ другихъ садахъ и рощахъ Парижа... Большинство деревьевъ сохраняетъ тамъ свой зеленый уборъ, тѣ же, которыхъ жестокая природа лишаетъ его, разоблачаются съ благопристойной скромностью. Каждый опавшій листъ подбирается и уносится немедленно. Потому никогда не видно тамъ круговоротовъ листьевъ, вертящихся. подобно танцовщицамъ Мабиля, въ дикой и безшабашной пляск...

Каждое утро тамъ убираютъ дорожки подстригаютъ лужайки и подвиваютъ плющевые ковры. Но яркіе лѣтніе цвѣты уже исчезли, общій колоритъ потускнѣлъ, во всемъ преобладаетъ темнозеленый цвѣтъ, мѣстами испещренный темными стволами деревьевъ и каменными колоннами.

—Темнозеленый цвѣтъ отлично подойдетъ къ коричневому, подумала въ одинъ прекрасный ноябрьскій день, взглянувъ на шлейфъ своего новаго платья, г-жа де Вирмонъ, жена извѣстнаго банкира съ Лиссабонской улицы. И внезапно почувствовавъ приливъ материнской нѣжности, она позвонила.

—Прикажите Тому заложить купэ, сказала она вошедшей

*) Поль Эзи молодой французскій реалистъ школы Э. Золя но гораздо болѣе демократическаго направленія. Помѣщаемый нами разсказъ, авторъ посвящаетъ своему учителю.

чаю и пусть Жермена приведетъ Гастона. Я поѣду съ сегодня въ паркъ Монсо.

ыкновенно прогуливаться съ ея пятилѣтнимъ сыномъ она оставляла нянѣ Жерменѣ, а сама отправлялась въ Булонскій

корѣ показался Гастонъ, сіяющій отъ радости.

резъ нѣсколько времени мать и сынъ вышли изъ коля у широкой аллеи парка.

Прошлою ночью морозило, и мѣстами у подножьевъ деревьеще бѣлѣли слѣды инея. Свѣжій, сухой воздухъ пощипыъ лицо, но закутанная въ роскошную русскую шубу г-жа -Вирмонъ вдыхала его съ наслажденіемъ.

Время отъ времени она улыбалась Гастону, который вертѣлся вокругъ нея, прыгая, какъ козленокъ. Онъ былъ очень илъ въ своемъ темномъ бархатномъ костюмѣ и въ барашковой, адѣтой на бекрень шапочкѣ. Мать съ гордостью смотрѣла на ына, невольно сравнивая его съ другими дѣтьми, бѣгающими о парку. Не было ни одного одѣтаго съ такимъ вкусомъ, какъ къ Гастонъ. И затѣмъ, мысленно переходя къ себѣ самой, она увствовала какое-то внутреннее удовлетвореніе, находя что ірирoдная грація окружавшихъ ее растеній пріятно соотвѣтствовало ея собственной. Этою удовлетворенностью дышало все ея лицо, покрытое легкимъ, почти незамѣтнымъ слоемъ рисовой пудры и смѣло предоставленное безвредному дѣйствію лучей осенняго солнца!

Какой чудесный день и какая прекрасная вещь—жизнь!

Гастонъ увлекъ мать до пруда, въ которомъ плескалась цѣлая флотилія утокъ. Онъ изо всей мочи принялся бросать имъ кусочки хлѣба и долго забавлялся прожорливостью, съ которою эти пернатыя пожирали ихъ.

Затѣмъ вдругъ онъ вскричалъ:

— Мамочка, дай мнѣ су.

— Су? спросила мать, для чего это?

— Чтобъ купить пирожнаго у г-жи Самсонъ. Жермена всегда даетъ мнѣ су, когда мы приходимъ сюда.

— Но вѣдь дома у тебя есть всякія лакомства, и навѣрное лучше этихъ.

— Ну, а мнѣ больше нравится это пирожное. Пойдемъ, посмотри, какъ это забавно. Повертишь машинку — выходитъ номеръ. И какой номеръ,—столько штукъ получаешь и пирож

наго. Если тебѣ попадется третій номеръ, — то получишь три штуки. Самый большій номеръ—12, но я никогда еще на него не попадалъ. Пойдемъ, мамочка, пожалуйста, пойдемъ!

— Ну, такъ и быть, пойдемъ къ г-жѣ Самсонъ, согласилась г-жа-де Вирмонъ.

Захлопавъ отъ восторга въ ладоши, Гастонъ помчался впередъ. Добѣжавъ до выходящихъ на бульваръ де-Курсель воротъ парка, онъ весело закричалъ: „вотъ здѣсь!", и указалъ на старуху, сидѣвшую на низкомъ табуретѣ у жестяного боченка.

Подойдя къ мальчику, г-жа де-Вирмонъ вручила ему обѣщанное су.

Пока Гастонъ, покрутивъ стрѣлку машинки, сосредоточенно и нетерпѣливо слѣдилъ за ея движеніемъ, мать машинально повернулась къ торговкѣ. Она увидѣла передъ собой длинное, страшно исхудалое, желтозеленое, испещренное морщинами —подобно скомканному пергаменту—лицо, на которомъ едва свѣтились блѣднымъ отблескомъ печальные глаза, съ глубоко задумчивымъ выраженіемъ. Худыя руки бѣдной женщины тряслись, а сгорбленная, едва прикрытая плохонькой шерстяной шалью, спина вздрагивала при малѣйшемъ дуновеніи вѣтра.

Видъ этой старухи заставилъ вздрогнуть самое г-жу де-Вирмонъ. Ей представилась картина того печальнаго существованія, на которое осуждены бѣдняки извѣстныхъ закоулковъ Парижа. Что вынуждало эту болѣзненную на видъ женщину выносить суровую непогоду, вмѣсто того, чтобы въ тепло натопленной комнатѣ пользоваться всѣми удобствами и попеченіями, на которыя даютъ ей право ея преклонныя лѣта? Какъ дошла она до необходимости торговать пирожнымъ у воротъ парка? Значитъ у нея нѣтъ ни средствъ къ существованію, ни мужа, ни сына, ни дочери: никакой поддержки? А торговля ея, повидимому, приноситъ ей не болѣе нѣсколькихъ су. Чѣмъ же она живетъ?

Тысяча подобныхъ вопросовъ явилась у г-жи де-Вирмонъ Ею овладѣло состраданіе.

Ей самой стало какъ будто холодно при видѣ этой несчастной. и она поспѣшила закутаться поплотнѣе въ шелковистые мѣха своей роскошной шубки.

— Десятый, мамочка, у меня десятый номеръ, вдругъ вскричалъ Гастонъ, на разные лады повторяя слово „десятый"

Г-жа Самсонъ приподняла крышку боченка своими

ными пальцами. Медленно взявъ свертокъ вдвинутыхъ одно въ другое печеній, она подала ихъ съ восторгомъ протянувшему ручонки Гастону.

Оторванная на время отъ своихъ мыслей радостными криками мальчика, г-де-Вирмонъ снова приняла серьезный видъ, и, вынувъ изъ своего портмонэ пятифранковую монету, она положила ее на край боченка и приготовилась уходить.

Поднявъ голову, торговка молча, многозначительнымъ жестомъ указала на монету. Г-жа де-Вирмонъ поняла этотъ жестъ.

— Извините, смущенно прошептала она, и, взявъ обратно деньги, медленноудалилась. Слѣдомъ за нею побѣжалъ Гастонъ, беззаботно уплетая свои трубочки.

Старуха по прежнему продолжала вздрагивать на вѣтру, а ея тусклые и печальные глаза снова погрузились въ думы.

II

Раза два въ теченіе этого дня образъ старой торговки, съ печальнымъ лицомъ и тусклымъ взоромъ, мелькалъ въ воображеніи г-де-Вирмонъ, вызывая въ ней всякій разъ слегка болѣзненное ощущеніе. Вечеромъ, встрѣтивъ г. Буаво въ своемъ салонѣ, она заговорила съ нимъ о старухѣ. Она просила его навести справки объ этой бѣднягѣ и узнать, нельзя-ли ей чѣмъ нибудь помочь. Г. Буаво, воздавъ въ деликатныхъ, произнесенныхъ въ полголоса, выраженіяхъ хвалу доброй душѣ своей собесѣдницы, обѣщалъ справиться обо всемъ. И знатная барыня, съ успокоенной совѣстью принялась самымъ оживленнымъ образомъ болтать со своими сосѣдями — двумя молодыми людьми безукоризненной элегантности — о предстоящемъ балѣ въ австрійскомъ посольствѣ.

Г-ну Буаво около шестидесяти лѣтъ. Бѣлые волосы и бакенбарды, гладко выбритый подбородокъ, изысканный костюмъ и таковая же обувь—все это вмѣстѣ при первомъ знакомствѣ давало поводъ причислять его къ тому сорту пожилыхъ людей о которыхъ говорятъ обыкновенно „это почтенный старичекъ“

Но позже, при болѣе тщательномъ наблюденіи, оказывалось что эта характеристика не соотвѣтствуетъ дѣйствительности. Особенная улыбка, сопровождавшаяся оттопыриваніемъ нижней губы, и многозначительное томное прищуриваніе маленькихъ глазъ внушали о немъ иное понятіе. Правда, при своихъ аристократическихъ рукахъ, жирныхъ и мягкихъ, онъ обладалъ самыми изысканными и утонченными манерами. Его голосъ, нѣжный и умилительный, пріятно щекоталъ слухъ, и никогда не повышаясь, изливался медленнымъ потокомъ. Лишь только онъ заговаривалъ о морали — что дѣлалъ, онъ довольно охотно — переливы его голоса напоминали собой журчаніе. Когда же, вперивъ взоръ въ небеса, онъ восхвалялъ добродѣтель сестеръ Креста, святаго Викентія, братьевъ христіанскихъ школъ, монаховъ и монашенокъ всякаго рода и одѣянія, рѣчь его становилась восторженной. Невоздержность по его мнѣнію страшный грѣхъ. А между тѣмъ время отъ времени ходятъ странные слухи о хорешенькихъ экономкахъ, завѣдующихъ его холостымъ хозяйствомъ.

Г. Буаво, кромѣ того что участвуетъ во многихъ конгрегаціяхъ, исполняетъ также обязанности постояннаго секретаря во всѣхъ благотворительныхъ комитетахъ предмѣстья Сэнтъ-Онорэ. Онъ вноситъ въ исполненіе своихъ обязанностей столько усердія, теплоты и благодушія, что вызываетъ удивленіе во всѣхъ окружающихъ, Онъ посѣщаетъ чердаки, навѣщаетъ мансарды, съ добросовѣстнымъ рвеніемъ справляясь о нравственныхъ чувствахъ бѣдняковъ, нуждающихся въ помощи.

И рука его никогда не ошибается, подавая милостыню только людямъ, извѣстнымъ своимъ благочестіемъ. Самый актъ благотворительности сопровождается у него обыкновенно трогательными наставленіями, отъ которыхъ порядочно таки разитъ елеемъ.

Вотъ къ этому-то г. Буаво и адресуются всѣ дамы финансоваго предмѣстья, когда онѣ чувствуютъ зудъ благотворительности.

На другой же день послѣ разговора съ г-жей де-Вирмонъ онъ пустился въ поиски. Вскорѣ узнавъ мѣсто жительства торговки печеніями, онъ отправился немедленно по указанному адресу. Привратница, при имени г-жи Самсонъ, крикнула: „въ шестомъ этажѣ, дверь направо„! Привыкшій къ такимъ восхожденіямъ, г Буаво сталъ медленно подыматься по грязнымъ, избитымъ ступенькамъ, оста-

навливаясь по временамъ, чтобы перевести духъ.

Въ комнату, гдѣ жила старуха, свѣтъ проходилъ черезъ крошечное, продѣланное въ крышѣ окошко. Длинныя, рыжеватыя полосы сырости, спускавшіяся отъ окна до полу, указывали, что туда часто проникалъ дождь. Два грубыхъ соломенныхъ стула съ прямыми спинками и худая кровать, покрытая жиденькимъ одѣяльцемъ, составляли всю мебель этой узкой каморки. Леденящій воздухъ охватилъ г. Буаво при входѣ и, онъ поторопился застегнуть пальто на всѣ пуговицы.

— Г-жа Самсонъ? спросилъ онъ, приближаясь.

— Я — г-жа Самсонъ, произнесла глухимъ голосомъ старуха, едва привставъ со стула, стоявшаго у очага, въ которомъ чуть-чуть тлѣлъ пучекъ хворосту.

— Г-жа де-Вирмонъ поручила мнѣ...

— Кто эта г-жа де-Вирмонъ? прервала старуха.

— Очень богатая особа, которая видѣла васъ въ паркѣ Монсо и желаетъ вамъ добра...

— Мало людей, желающихъ мнѣ добра, замѣтила какъ бы про себя старуха...

— Г-жѣ де-Вирмонъ, продолжалъ своимъ сладкимъ голосомъ Буаво, не обративъ вниманія на замѣчаніе старухи, — хотѣла бы быть вамъ полезной. Она думаетъ, что вы бѣдны и..

— Да, я очень несчастна.

— Она хотѣла бы вамъ помочь.

— Но я не прошу милостыни.

Г. Буаво на минуту прикусилъ языкъ.

— Я вовсе не имѣлъ намѣренія васъ обидѣть — сказалъ онъ, наконецъ, еще болѣе услащая свой голосъ — но вы были бы можетъ быть не прочь получить немного дровъ и теплую одежду.

— Сынъ мой не получаетъ ни того, ни другого...

— У васъ есть сынъ?

— У меня былъ и сынъ и внукъ. Мой внукъ, четырехлѣтній ангелъ, умеръ во время осады. Когда онъ заболѣлъ, докторъ приказалъ дать ему молока. Но молока не хватило... для насъ бѣдныхъ

— А вашъ сынъ?

— Сынъ далеко, очень далеко... Гдѣ то за моремъ, въ той адской странѣ, которую вы называете Новой Каледоніей. При

этихъ словахъ въ глухомъ голосѣ старухи послышалось какое-то горестное хрипѣніе.

— Давно-ли онъ тамъ?

— Версальцы арестовали его 3 Іюня 1871 года, я его видѣла только разъ въ тюрьмѣ, и съ тѣхъ поръ вотъ уже шесть съ половиною лѣтъ, какъ мы не видались.

Г. Буаво едва разслышалъ послѣднія слова, заглушенныя рыданіями.

— Онъ не зналъ что сказать. Его стѣсняла эта такъ просто выраженная печаль.

— Религія, милостивая государыня, проговорилъ онъ, наконецъ, можетъ утѣшить...

— Религія, вскричала старуха, подымая поникшую голову и взглянувъ прямо въ лицо своему собесѣднику, — религія?! Я и слышать не хочу о вашей религіи! Вѣдь попы же и донесли на моего сына.

— Они безъ сомнѣнія исполнили только свой долгъ, набожнымъ тономъ произнесъ г. Буаво.

— Развѣ долгъ состоитъ въ томъ, чтобъ отнимать дѣтей отъ матери?

— Но вашъ сынъ былъ преступникъ, онъ поднялъ оружіе противъ Версальскаго Собранія.

Въ тусклыхъ глазахъ старой женщины засверкали искры.

— Милостивый государь, заговорила она съ энергіей, которую трудно было предполагать въ ея тщедушномъ тѣлѣ, причемъ тонъ ея хриплаго голоса, сталъ удивительно торжественъ — я не знаю ни васъ, ни вашихъ взглядовъ; я женщина безъ всякаго образованія, мой отецъ, мужъ и сынъ—рабочіе; но я много передумала въ теченіи моей жизни, а съ тѣхъ поръ, какъ у меня отняли моего сына Мишеля, я только и дѣлаю, что думаю. Мнѣ мало осталось жить. Послушайте меня, люди вашего класса могутъ кое-чему научиться отъ насъ.

Совершенно озадаченный святоша услышалъ слѣдующій разсказъ.

— Мой отецъ участвовалъ въ Великой Революціи и хранилъ о ней всю жизнь самыя дорогія воспоминанія. Лицо его горѣло всякій разъ, когда онъ заговаривалъ объ этомъ времени. Я какъ сейчасъ вижу его глаза, которые сверкали точно два горящіе угля. Не припомню теперь, что онъ говорилъ, но я помню, что его слова потрясали меня до глубины души.

и я чувствовала, что въ его время много было сдѣлано для бѣднаго люда, на который перестали смотрѣть съ прежнимъ пренебреженіемъ. Мой отецъ былъ честный человѣкъ, онъ работалъ какъ волъ; онъ никогда не пьянствовалъ, не лгалъ, и ему можно повѣрить!

Г Буаво попытался было прервать старуху.

Остановивъ его жестомъ, она продолжала.

Но много еще оставалось сдѣлать. Вскорѣ послѣ революціи бѣдный народъ потерялъ часть тѣхъ благъ, которыя она ему доставила. Непосильная работа едва-едва давала средства къ жизни. Отецъ мой и его товарищи говаривали иногда между собой: „вотъ, еслибъ опять вернулась Республика!“ Но тѣ, которые такъ думали были немногочислены. Въ то время, о которомъ я говорю, пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ. большинство рабочихъ толковало еще о Томъ, который умеръ на островѣ св. Елены. Въ 1830 году-во второмъ году моего замужества,—Я кормила еще грудью моего Мишеля. Помню какъ я затряслась, услышавъ отъ, столпившихся возлѣ дома женщинъ слово: баррикады. Мы жили въ предмѣстьи Тампль, мой отецъ и мужъ работали въ одной и той же мастерской. Возвратившись съ работы раньше, чѣмъ обыкновенно, они спросили поѣсть... Никогда не забуду я этого вечера!... Я торопилась подать на столъ что было, поглядывая украдкой на обоихъ. Они не проронили ни слова, а мужъ не посмотрѣлъ даже въ мою сторону. Я не посмѣла ихъ допрашивать. Молча пообѣдавъ, они встали. Тутъ отецъ сказалъ мнѣ: „мужайся, дочка‘ мы идемъ драться за Республику!“ Я не могла отвѣтить ни слова, изъ глазъ моихъ ручьемъ текли слезы. Мужъ обнялъ меня и сильно прижалъ къ своей груди.. Малютка закричалъ въ кроваткѣ... Отецъ подошелъ къ нему, схватилъ его и, крѣпко поцѣловавши, передалъ мужу, а тотъ въ свою очередь принялся горячо цѣловать его... Потомъ онъ отдалъ его мнѣ.. Пойдемъ! сказалъ отецъ; и они вышли. Всю ночь простояла я, рыдая, у окна, сознавая въ то-же время, что ихъ долгъ заставляетъ ихъ поступать такъ. На другой день мой мужъ вернулся въ сопровожденіи носилокъ, на которыхъ несли моего бѣднаго отца, убитаго на баррикадѣ улицы Сэнъ-Дени.

Подъ давленіемъ этихъ воспоминаній старуха на нѣсколько секундъ притихла

— Это была первая потеря, понесенная мною изъ-за этого

дѣла. Увы, она не была послѣдней! Послѣ 1830 года дѣла не пошли лучше... Республики все таки не добились... Въ первые дни послѣ революціи, совершившейся благодаря участію рабочихъ, имъ наобѣщали много, но вскорѣ совершенно забыли о нихъ. И только люди высшаго круга, милостивый государь, одни воспользовались перемѣной порядка... Мы съ мужемъ жили какъ могли, стараясь воспитать нашего Мишеля. По цѣлымъ недѣлямъ приходилось терпѣть отъ безработицы. Ахъ, эта безработица! Обладать здоровыми руками, страстно желать работы и не находить ея... Вы не знаете, на какія грустныя мысли наводитъ подобное горе о томъ порядкѣ вещей, при которомъ у однихъ ничего нѣтъ, тогда какъ другіе обладаютъ всѣмъ. Такъ жили мы до 1848 года. Въ началѣ года мужъ и товарищи его немного ободрились. Республика была, наконецъ, провозглашена. Но радость ихъ была не продолжительна. Послѣ февральскихъ битвъ имъ опять пришлось взяться за оружіе въ Іюнѣ. Мужъ мой не былъ раненъ ни въ первый, ни во второй разъ. Но послѣ іюньскихъ дней, такъ какъ возставшіе не добились ничего, ихъ обозвали преступниками... Вотъ какъ вы только что назвали моего сына... Онъ — преступникъ! мой мужъ! честный человѣкъ и самый примѣрный изъ мужей. Развѣ онъ былъ воръ, убійца или мошенникъ? Рисковать своей жизнью за то, что считаешь справедливымъ, рисковать оставить въ нуждѣ горячо любимую жену и ребенка, имѣя въ виду лишь торжество дорогого дѣла, — развѣ это преступленіе?... Ну, нѣтъ, я темная женщина, но и я поняла, что означало это названіе въ устахъ тѣхъ, которые его употребляли. Имъ пользуются, чтобы оправдать рѣзню, учиняемую всякій разъ послѣ побѣды... Я сама, своими глазами видѣла, какъ разстрѣливали заключенныхъ и обезоруженныхъ людей въ монастырѣ св. Бенуа... Они падали одинъ на другого... У меня до сихъ поръ волосы становятся дыбомъ...

Г. Буаво сдѣлалъ отрицательный жестъ...

— Я говорю вамъ, что видѣла это своими глазами! гордо повторила старуха. Я знаю, что послѣ стали отрицать эти подлыя убійства и запрещали даже говорить о нихъ. Но только мы... мы ихъ не забыли. Мой мужъ съумѣлъ спастись отъ начавшихся вслѣдъ за этимъ преслѣдованій. Два долгихъ мѣсяца прятала я ихъ обоихъ, его и Мишеля, а между тѣмъ сынъ не принималъ участія въ возстаніи; ему едва исполнилось 18 лѣтъ,

и отецъ приказалъ ему остаться около меня; скрѣпя сердце онъ повиновался, такъ какъ привыкъ всегда слушаться отца. Но я прятала ихъ обоихъ, такъ какъ могли забрать и отца и сына. Вѣдь тогда не стѣснялись арестовывать перваго встрѣчнаго. Въ слѣдующемъ году Мишель по жребію попалъ въ солдаты и былъ отправленъ въ Алжиръ, гдѣ ему пришлось прослужить около четырехъ лѣтъ И это было хорошо, такъ какъ находись онъ въ Парижѣ въ 1851 году, его, быть можетъ ,принудили бы стрѣлять въ своего отца. Третьяго декабря 1851 года мужъ мой былъ убитъ въ улицѣ Омеръ. Мы жили неподалеку, въ улицѣ Вольты. Наканунѣ вечеромъ товарищи мужа собрались у насъ и долго говорили объ афишахъ "Предателя„. Но они ничего не рѣшили, потому что не довѣряли буржуазіи. На утро послышались ружейные выстрѣлы. При первыхъ звукахъ перестрѣлки мужъ ушелъ. Черезъ нѣсколько минутъ я вышла вслѣдъ за нимъ. У виноторговца на углу улицы Омеръ собралось нѣсколько женщинъ, женъ рабочихъ какъ и я, мужья которыхъ сражались. Мы наблюдали чрезъ окна, и послѣ каждаго залпа выходили подбирать раненыхъ и убитыхъ. Я подняла троихъ... четвертый былъ тотъ, съ которымъ я прожила душа въ душу двадцать четыре года, въ теченіи которыхъ онъ ни разу меня не обидѣлъ. Онъ былъ мертвъ! И пока я, приподнявъ его блѣдную какъ полотно голову и стоя на колѣняхъ покрывала ее поцѣлуями, одна изъ пуль ранила меня самое.

И растегнувъ свою кофту съ какою-то гордою и спокойною беззастѣнчивостью, старуха указала, немного повыше ея изсохшихъ грудей, мѣсто затянувшейся раны.

- Я упала возлѣ мужа, продолжала она, и не знаю, что произошло послѣ. Черезъ нѣсколько дней, когда я пришла въ сознаніе, я была уже вдовой. Мнѣ оставался одинъ мой Мишель. Вскорѣ онъ вернулся со службы. Бѣдное дитя удвоило свою любовь ко мнѣ. Мы стали жить воспоминаніемъ о нашихъ дорогихъ покойникахъ. Республика была задушена... Мы перебивались какъ могли... Онъ только обо мнѣ и думалъ... окружалъ меня всяческими заботами... ни одинъ сынъ не былъ такъ нѣженъ со своей матерью.

Звукъ голоса старухи замиралъ въ ея горлѣ и наконецъ, потупивъ взглядъ, она снова замолкла. Г Буаво, чувствуя себя очень неловко, старался изобразить на своемъ лицѣ сочувствіе.

— Я скоро кончу, продолжала старуха, приподнявъ голову. Прошло много лѣтъ. Онъ женился поздно и его жена умерла въ родахъ, произведя на свѣтъ то маленькое существо, которое составляло все мое счастье. Я уже сказала вамъ, что малютка умеръ во время осады отъ недостатка молока. Зачѣмъ я не умерла вмѣсто него!... Мой Мишель сражался на стѣнахъ Парижа противъ пруссаковъ. „Матушка, сказалъ онъ мнѣ однажды вечеромъ, придя домой, кажется что тамъ въ Версали хотятъ сдаваться, но мы этого не допустимъ“. Его лицо горѣло, какъ бывало горѣло оно у дѣда, участника первой революціи. Въ теченіи нѣсколькихъ недѣль онъ возвращался толька изрѣдка и на самое короткое время, лишь для того, чтобъ передать мнѣ свое жаловенье, составлявшее наше единственное средство къ жизни. Вы знаете что произошло потомъ... Когда все кончилось, онъ вернулся ко мнѣ, блѣдный, оборванный, страшно исхудалый. Четыре дня прятался онъ въ комнатѣ... на пятый его арестовали... Вотъ вся наша жизнь!... Понимаете -ли вы теперь, почему я не хочу вашей милостыни? Мнѣ живется плохо, а Мишелю въ ссылкѣ еще хуже. И что такое моя нужда въ сравненіи съ его страданіями! Могу-ли я думать о себѣ, зная, что онъ тамъ, бѣдняжка, страдаетъ и тѣломъ и душой, вынося тысячу лишеній! Мнѣ нужно его, только его, мнѣ ничего не нужно кромѣ его! Шесть съ половиною лѣтъ! Какъ это долго! Увижу-ли я его когда нибудь? Теперь поговариваютъ объ амнистіи. Скорѣй бы ужь давали ее... Иначе я не доживу...

Старуха замолчала.

Всего этого было слишкомъ много для благочестивыхъ ушей г. Буаво. Пробормотавъ нѣсколько непонятныхъ словъ, онъ улизнулъ изъ комнаты и направился къ г-жѣ де-Вирмонъ.

— Ваша протежэ просто сумасшедшая, сказалъ онъ ей. И подъ вліяніемъ этого отзыва жена банкира скоро позабыла о торговкѣ пирожнымъ.

III

Три недѣли спустя у г-жи де-Вирмонъ былъ обѣдъ, на которомъ присутствовалъ г. Буаво и еще нѣсколько человѣкъ. Такъ

какъ число приглашенныхъ было не велико, то Гастонъ обѣдалъ вмѣстѣ со взрослыми. За дессертомъ, когда подали крэмъ съ печеніями, напоминавшими по виду трубочки знакомой намъ торговки, ребенокъ вдругъ воскликнулъ:

— А ты знаешь, мама, г-жа Самсонъ не приходитъ больше въ паркъ Монсо. Я слышалъ, какъ привратница разсказывала Жерменѣ, что г-жа Самсонъ не выходила два дня изъ своей комнаты, что поэтому послали за коммиссаромъ полиціи и когда онъ пришелъ, то взломали дверь и нашли старуху на полу мертвою. Докторъ сказалъ, что она умерла съ голоду. Что значитъ умереть съ голоду, мама? Это значитъ умереть отъ того, что нечего ѣсть? Не правда-ли?

Никто не отвѣчалъ. По спинѣ г-жи де-Вирмонъ пробѣжала легкая дрожь, а мальчикъ, переходя со свойственной его возрасту подвижностью къ новому предмету, проговорилъ:

— Пожалуйста, мама, дай мнѣ еще чуточку крэму.

НАШИ БЕЛЛЕТРИСТЫ - НАРОДНИКИ

Статья вторая

С. КАРОНИНЪ

Прошло уже около десяти—если не десять — лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ произведенія г. С. Каронина стали появляться въ лучшихъ нашихъ журналахъ. Его имя хорошо извѣстно читающей публикѣ. Но говорятъ о немъ мало, какъ въ публикѣ, такъ и въ литературѣ. Его читаютъ, но рѣдко перечитываютъ. Это плохой признакъ. Это показываетъ, что г. С. Каронинъ по той или другой причинѣ не умѣлъ затронуть за живое своихъ читателей. Но при этомъ нужно замѣтить, что въ той сравнительно немногочисленной публикѣ, которая не забываетъ объ его разсказахъ тотчасъ по ихъ прочтеніи, существуютъ самые различные взгляды на его дарованіе. Одни признаютъ въ немъ талантъ, и даже талантъ не дюжинный. Другіе утверждаютъ, что у него есть только слабое подобіе таланта, дальнѣйшему развитію котораго мѣшаетъ будто-бы ложная, искусственная манера автора. Это уже хорошій признакъ. Онъ наводитъ на мысль о томъ, что г. Каронинъ обладаетъ, по крайней мѣрѣ, нѣкоторою оригинальностью. Люди, лишенные оригинальности, обыкновенно угождаютъ всѣмъ безразлично или всѣми безразлично осуждаются. Посмотримъ же, не обманываетъ-ли насъ этотъ признакъ, и точно-ли г. Каронинъ можетъ назваться оригинальнымъ писателемъ.

Г. Каронинъ принадлежитъ къ народническому лагерю нашей литературы. Въ его очеркахъ и разсказахъ главное мѣсто отводится крестьянской жизни. Онъ смотритъ на эту жизнь съ народнической точки зрѣнія, и готовъ, при случаѣ, восторгаться „стройностью“ крестьянскаго міросозерцанія. Онъ и восторгается ею въ нѣкоторыхъ своихъ произведеніяхъ. Но такія произведенія стоятъ одиноко. Въ огромнѣйшемъ большинствѣ случаевъ г Каронинъ описываетъ нѣчто совсѣмъ противоположное стройности названнаго міросозерцанія, а именно, ту путаницу, тотъ хаосъ, которые вносятся въ него новыми условіями деревенской жизни. „Воздухъ, небо и земля остались въ деревнѣ тѣже, какими были сотни лѣтъ назадъ, — говоритъ онъ въ своемъ разсказѣ „Деревенскіе нервы“. И также росла на улицѣ трава, по огородамъ полынь, по полямъ хлѣба, какіе только производила

деревня, проливая потъ на землю. Время ничего не измѣнило въ природѣ, окружающей съ испоконъ вѣковъ деревню. Все по старому. Только люди, видимо, уже не тѣ; измѣнились ихъ отношенія другъ къ другу и къ окружающимъ — воздуху, солнцу, землѣ. Не проходило мѣсяца, чтобы жители не были взволнованы какой нибудь перемѣной, или какимъ нибудь событіемъ, совершенно идущимъ въ разрѣзъ со всѣмъ тѣмъ, что помнили древнѣйшіе старики въ деревнѣ. „Не бывало этого", „старики не помнятъ!" говорили чуть не каждомѣсячно про такое происшествіе. Да и нельзя помнить того, чего на самомъ дѣлѣ никогда не было". „Это появленіе въ деревнѣ „того, чего никогда не было", какъ въ зеркалѣ отражается въ очеркахъ и разсказахъ г. Каронина. Они представляютъ собою настоящую лѣтопись историческаго процесса перерожденія русскаго крестьянства. Огромное значеніе этого процесса понятно само собою. Отъ него зависитъ весь дальнѣйшій ходъ нашего общественнаго развитія, потому что подъ его вліяніемъ измѣняются всѣ основы нашего общественнаго зданія, все частичное строеніе нашего общественнаго тѣла. Оригинальность г. Каронина въ томъ и заключается, что онъ, не смотря на всѣ свои народническія пристрастія и предразсудки, взялся за изображеніе именно тѣхъ сторонъ нашей народной жизни, отъ столкновенія съ которыми разлетятся и уже разлетаются въ прахъ всѣ „идеалы" народниковъ. Онъ долженъ былъ обладать сильно развитымъ художественнымъ инстинктомъ, долженъ былъ очень внимательно прислушиваться къ требованіямъ художественной правды, для того чтобы, не смущаясь собственною непослѣдовательностью, опровергать въ качествѣ беллетриста все то, что самъ же онъ, навѣрное, горячо защищалъ бы на почвѣ публицистики. Если бы г. Каронинъ менѣе заботился о художественной правдѣ, то онъ давно уже могъ бы пожать, конечно, очень дешевые, но за то очень многочисленные лавры, предаваясь какимъ нибудь кислосладкимъ изображеніямъ исконныхъ, вѣковыхъ добродѣтелей крестьянъ-общинниковъ. Отъ этого много потеряло бы достоинство его сочиненій, но на нѣкоторое время много выиграла бы его литературная репутація. Читатели-народники обратили бы на него благосклонное вниманіе О немъ стали бы говорить, его стали бы разбирать въ печати, на него стали бы ссылаться.... Извѣстно, что читатель-народникъ не любитъ „искусства для искусства". На литературу, какъ и на жизнь, онъ смотритъ съ точки зрѣнія знаменитыхъ „устоевъ", которые онъ считаетъ несокрушимыми и непреоборимыми. Берясь за книгу, онъ прежде всего требуетъ, чтобы она изобразила ему церемоніальное шествіе „устоевъ". Если онъ не находитъ въ ней искомаго, онъ оставляетъ ее безъ вниманія. Газетныя извѣстія, статистическія данныя, доводы экономистовъ и указанія историковъ принимаются имъ къ свѣдѣнію лишь въ той мѣрѣ, въ какой они подтверждаютъ излюбленное ученіе. Вотъ поразительный примѣръ. Нигдѣ, за исключеніемъ Германіи, не читаютъ Маркса больше, чѣмъ въ Россіи. А между тѣмъ въ Россіи его хуже всего понимаютъ. Отчего это происходитъ? Оттого что и Маркса мы цѣнимъ лишь съ точки зрѣнія „устоевъ", а такъ какъ цѣнить его съ этой точки зрѣнія значитъ ничего въ немъ не видѣть, то ре-

зультатъ понятенъ. Совершенно также относится читатель-народникъ и къ беллетристикѣ, по крайней мѣрѣ къ той, которая изображаетъ народную жизнь. Онъ твердо убѣжденъ, что такая беллетристика должна дать ему лишній случай поблагодарить исторію за счастливую самобытность русскаго народа. Сочиненія же, не оправдывающія такого довѣрія, оставляются имъ безъ вниманія. Этимъ въ значительной степени объясняется равнодушіе нашихъ народниковъ къ произведеніямъ г. Каронина.

Правда, сочиненія другихъ беллетристовъ-народниковъ также не всегда подходятъ подъ указанную мѣрку. Въ нихъ также рисуется довольно яркая картина разложенія „устоевъ“. Но все дѣло въ степени. — Не подлежитъ сомнѣнію, что никто не заходилъ въ этомъ отношеніи такъ далеко, никто не возвращался къ этому предмету такъ настойчиво и такъ часто, какъ г. Каронинъ. А это много значитъ въ глазахъ нашей демократической „интеллигенціи“, изъ которой состоитъ главный контингентъ читателей народнической беллетристики. Мы помнимъ, какъ вознегодовали на г. Успенскаго народники во второй половинѣ семидесятыхъ годовъ, когда его очерки деревенскй жизни пошли было слишкомъ въ разрѣзъ съ общимъ народническимъ настроеніемъ. Литературная репутація г Успенскаго къ тому времени совершенно установилась, игнорировать его огромный талантъ не было никакой возможности. Но мы все таки увѣрены, что если бы не поправила дѣла знаменитая „власть земли“, то произведенія г. Успенскаго читались бы теперь далеко не съ тѣмъ интересомъ, съ какимъ они читаются. При томъ же г. Успенскій, подобно большинству своихъ товарищей по перу и по направленію, настолько же публицистъ, на сколько и беллетристъ. Онъ не только изображаетъ, — онъ и разсуждаетъ по поводу изображаемаго, и своими публицистическими разсужденіями онъ заглаживаетъ впечатлѣніе, производимое его беллетристическими изображеніями. Г. Каронинъ не имѣетъ этой привычки. Онъ предоставляетъ разсуждать самимъ читателямъ. Въ его сочиненіяхъ публицистъ не спѣшитъ на помощь беллетристу и поучительной надписью не возбуждаетъ вниманія зрителей къ картинѣ, содержаніе которой оставляетъ ихъ безучастными.

Г. Каронина могъ бы выручить только огромный талантъ. Огромный талантъ заставляетъ внимать себѣ даже въ тѣхъ случаяхъ, когда идетъ на перекоръ всѣмъ установившимся привычкамъ и всѣмъ самымъ дорогимъ взглядамъ публики. Но такого таланта у г. Каронина нѣтъ. *Объемъ* его дарованія не великъ. Его навѣрное не хватило бы на *большое, законченное* произведеніе. Дальше повѣсти г. Каронинъ не пойдетъ, а если пойдетъ, то самъ впослѣдствіи пожалѣетъ объ этомъ. Даже съ повѣстью онъ не всегда справляется, въ особенности, когда даетъ въ ней ходъ своимъ народническимъ пристрастіямъ, какъ онъ сдѣлалъ въ повѣсти „Мой міръ“. Его область — небольшіе очерки и разсказы, и притомъ очерки и разсказы изъ народнаго быта. Произведенія, не затрогивающія этого быта, — каковы, напримѣръ: „Бебе“, „Грязевъ“, „Бабочкинъ“, — не дурны, а нѣкоторыя даже и положительно хороши, но и только. Въ нихъ нѣтъ ничего оригинальнаго. Наоборотъ, большинство его разсказовъ изъ народной жизни

отличается, какъ мы уже сказали, именно оригинальностью. Вообще въ этой области у г. Каронина есть все, что нужно, для того чтобы занять весьма почетное мѣсто въ современной русской беллетристикѣ. Серьезная критика всегда отдастъ должное г. Каронину: у него есть умъ, наблюдательность, здоровый, увѣсистый юморъ, теплое, сердечное отношеніе къ изображаемой средѣ и замѣчательное умѣнье хорошо обрисовать ея наиболѣе выдающіяся стороны. Правда, намъ приходилось иногда слышать обвиненія г. Каронина въ томъ, что сдѣланныя имъ изображенія будто бы совсѣмъ не вѣрны дѣйствительности. Въ особенности много нападали на г. Каронина за его повѣсть „Снизу Вверхъ". Многіе читатели до сихъ поръ пресерьезно убѣждены, что такіе рабочіе, какъ Ѳомичъ или Михайло Лунинъ (дѣйствующія лица названной повѣсти) представляютъ собою не болѣе какъ продуктъ необузданной и тенденціозной фантазіи автора. Существованіе подобныхъ рабочихъ въ современной нашей дѣйствительной жизни кажется такимъ читателямъ совершенно невозможнымъ. Прислушиваясь къ ихъ нападкамъ, человѣкъ, незнакомый съ бытомъ нашихъ заводскихъ рабочихъ крупныхъ городскихъ центровъ, могъ бы, пожалуй, подумать, что въ лицѣ г. Каронина народническая беллетристика входитъ въ новый, такъ сказать романтическій періодъ своего развитія, и что названный авторъ съ такою же безцеремонностью превращаетъ русскихъ рабочихъ въ парижскихъ ouvriers съ какою Марлинскій превращалъ когда-то нашихъ офицеровъ въ героевъ мелодрамы. Но если вы спросите, на чемъ же собственно основываются эти обвиненія, то не получите и тѣни удовлетворительнаго отвѣта. Тогда, навѣрное, окажется, что обвинители совсѣмъ не знаютъ среды, о которой идетъ рѣчь въ повѣсти „Снизу Вверхъ", и уже по одному этому не могутъ быть компетентными критиками этой повѣсти. „Не бывало этого!", „старики не помнятъ!" — вотъ къ чему, въ сущности сводятся всѣ доводы обвинителей. Эти добрые люди и не подозрѣваютъ, что авторитетные въ ихъ глазахъ „старики" вообще очень многаго „не помнятъ", такъ какъ закрывавшая ихъ глаза повязка предвзятыхъ мнѣній мѣшала имъ видѣть окружающую ихъ дѣйствительность.

Просимъ замѣтить, что мы вовсе не намѣрены выдавать очерки и разсказы г. Каронина за образцовыя художественныя произведенія. До этого имъ далеко, какъ, впрочемъ, далеко произведеніямъ всѣхъ нашихъ беллетристовъ-народниковъ. Во всѣхъ произведеніяхъ этого направленія эстетическая критика можетъ указать множество недостатковъ. Всѣ они немножко угловаты, немножко неприбраны, немножко растрепаны, немножко непричесаны. Этихъ общихъ недостатковъ совсѣмъ не чужды и разсказы г. Каронина. Укажемъ хоть на языкъ. По словамъ нашего автора одинъ изъ героевъ (именно Ѳомичъ) „загибалъ" иногда въ разговорѣ такую, ‚корягу", что послѣ и самому стыдно становилось. Совершенно такія же „коряги" случается „загибать" и г. Каронину, и если самъ онъ мало смущается эдакими оказіями, то онѣ, тѣмъ не менѣе, вполнѣ способны привести въ конфузію иную пріятную во всѣхъ отношеніяхъ читательницу. На этотъ счетъ нечего грѣха таить: языкъ у г. Каронина самый разночинскій.

И совсѣмъ тѣмъ, посмотрите, какъ много мѣстами выразительности въ этомъ грубоватомъ разночинскомъ языкѣ, въ которомъ образность соединяется съ совершенно непринужденнымъ лаконизмомъ. Временами одно выраженіе, одинъ глаголъ — напримѣръ, „поползла жизнь“, или: „тогда онъ даже очень удачно *колотился*“ — замѣняютъ цѣлую характеристику. Неужели это не достоинство? И неужели въ виду такого достоинства нельзя забыть о „корягахъ“?

Наконецъ, повторяемъ, главное достоинство очерковъ и разсказовъ г. Каронина заключается въ томъ, что въ нихъ отразился важнѣйшій изъ нашихъ современныхъ общественныхъ процессовъ: разложеніе старыхъ деревенскихъ порядковъ, исчезновеніе крестьянской непосредственности, выходъ народа изъ дѣтскаго періода его развитія, появленіе у него новыхъ чувствъ, новыхъ взглядовъ на вещи и новыхъ умственныхъ потребностей. Дюжинный поставщикъ беллетристическихъ издѣлій никогда не напалъ бы на столь благодарную тему.

II

Если читатель желаетъ поближе ознакомиться съ указаннымъ процессомъ, то мы приглашаемъ его припомнить, вмѣстѣ съ нами, содержаніе нѣкоторыхъ изъ произведеній г. Каронина. Такъ какъ время появленія ихъ въ печати не имѣетъ для насъ никакого значенія, то мы можемъ не стѣсняться хронологіей.

Начнемъ съ разсказа „Послѣдній приходъ Демы“.

Деревенскій сходъ. Всѣ присутствующіе на немъ обыватели села Парашкина находятся въ страшномъ волненіи. Они спорятъ, кричатъ, ругаются. Вслушиваясь въ ихъ сбивчивыя, безсвязныя рѣчи нельзя даже и представить себѣ, что взгляды этихъ людей могли когда-то поражать господъ народниковъ своей „стройностью“. Впрочемъ, дѣло объясняется очень просто. Парашкинцы растерялись. Въ ихъ деревнѣ все чаще и чаще начинаютъ происходить странныя вещи. Нежданно-негаданно то одинъ. то другой общинникъ, являясь на сходку, рѣшительно заявляетъ, что не хочетъ больше заниматься земледѣліемъ и проситъ снять съ него „души“. Его стыдятъ, бранятъ, увѣщеваютъ; но онъ упрямо стоитъ на своемъ, и парашкинцамъ, въ концѣ концовъ, приходится сдаться. Уже много было подобныхъ случаевъ въ деревнѣ Парашкинѣ. „Петръ Безпаловъ — разъ? Потаповъ — два? Климъ Дальній — три? высчитываютъ парашкинцы. Кто еще? А Кирюшка-то Савинъ.... четыре? Семенъ Бѣлый.... это который? пять? Семенъ черный — шесть... ихъ не перечесть.... Ахъ вы голоштанники... Кочевые народы!“ Какъ тутъ не волноваться парашкинцамъ? Вопросъ о кочевыхъ народахъ принимаетъ въ ихъ глазахъ видъ совершенно неразрѣшимой финансовой задачи. „Я хозяйство брошу, другой броситъ, третій, — гремятъ деревенскіе ораторы — бѣ-

жимъ всѣ, ищи насъ, свищи, ктожъ останется-то?... *Кто будетъ платить*, ежели мы всѣ въ бѣга? а? кто?!“ Въ тотъ день, о которомъ идетъ рѣчь въ разсказѣ, этимъ роковымъ вопросомъ старались привести въ разсудокъ крестьянина Дему, рѣшившаго перейти въ „кочевое“ состояніе. Какъ ни смиренъ былъ Дема, но и онъ остался непоколебимъ, подобно своимъ предшественникамъ. Парашкинцамъ волей-неволей пришлось еще разъ уступить и помириться съ мыслью о томъ, что въ его лицѣ община теряетъ еще одного члена. Съ тяжелымъ сердцемъ разошлись они по домамъ. „Бывали-ли прежде подобные случаи? Слыхано-ли было когда нибудь, чтобы парашкинцы только и думали, какъ бы наплевать другъ на друга и разбѣжаться въ разныя стороны? — спрашиваетъ авторъ. Не бывало этого и парашкинцы объ этомъ не слыхали — отвѣчаетъ онъ. Прежде ихъ гнали съ насиженнаго мѣста, а они возвращались назадъ; ихъ столкнутъ, а глядишь — они опять лѣзутъ въ то мѣсто, откуда ихъ вытурили! Прошло это время. Нынче парашкинецъ бѣжитъ, не думая возвращаться; онъ радъ, что выбрался по добру, по здорову. Онъ часто уходитъ за тѣмъ, чтобы только уйти, провалиться. Ему тошно оставаться дома, въ деревнѣ; ему нуженъ какой нибудь выходъ, хоть въ родѣ проруби, какую дѣлаютъ зимой для ловли задыхающейся рыбы“. Въ немногихъ словахъ разсказанная авторомъ исторія Демы прекрасно показываетъ, какимъ образомъ возникаетъ, зрѣетъ и, наконецъ, становится непреодолимымъ это стремленіе земледѣльца уйти изъ-подъ власти земли, на которой сотни лѣтъ жили его предки, даже не помышляя о томъ, что для людей ихъ званія возможенъ какой нибудь другой родъ жизни. Было время, когда Дема безотлучно жилъ въ деревнѣ и вообще употреблялъ всѣ усилія для того, чтобы оставаться „настоящимъ“ крестьяниномъ. Но эти усилія были напрасны. Экономическое положеніе парашкинцевъ было вообще очень шатко. При отмѣнѣ крѣпостного права, или, лучше сказать, въ эпоху замѣны крѣпостной зависимости по отношенію къ помѣщикамъ таковою же зависимостью по отношенію къ государству, имъ отрѣзали въ надѣлъ „болотца“. Такимъ образомъ, въ примѣненіи къ парашкинцамъ рѣчь могла бы идти уже не о „власти земли“, а развѣ лишь о власти *болотцевъ*, съ которой неразрывно была связана власть полицейскаго начальства. Власть „болотцевъ“ не можетъ быть прочной. Въ добавокъ, награжденные болотцами парашкинцы обременены были ни съ чѣмъ несообразными податными тягостями. При такомъ положеніи дѣлъ достаточно было нѣсколькихъ неурожайныхъ годовъ, падежа скота, или чего нибудь подобнаго, чтобы окончательно выбить ихъ изъ равновѣсія. Разумѣется, подобнаго рода напасти — повидимому случайныя, но въ сущности вызываемыя хозяйственной несостоятельностью крестьянъ — не заставили себя долго ждать въ Парашкинѣ. Тогда парашкинцы стали покидать деревню. „Бѣжали и кучками и въ одиночку“. Вмѣстѣ съ другими бѣжалъ и Дема. Иногда онъ возвращался домой, но нужда тотчасъ же снова гнала его вонъ, на заработки. Вообще связь его съ деревней стала, какъ выражается авторъ, двусмысленной. „Первое время, послѣ ухода изъ деревни, Дема употребилъ на то, чтобы наѣсться. Онъ былъ прожорливъ, потому что

очень отощалъ у себя дома. Тѣ же деньги, которыя оставались у него отъ расходовъ на прокормленіе, онъ пропивалъ... Дема сперва очень былъ доволенъ жизнью, которую онъ велъ. Онъ вздохнулъ свободнѣе. Удивительна, конечно, свобода, состоящая въ возможности переходить съ мѣста на мѣсто по годовому паспорту, но по крайней мѣрѣ ему не зачѣмъ было ныть съ утра до ночи, какъ это онъ дѣлалъ въ деревнѣ. Пища его тоже улучшилась, т. е. онъ былъ увѣренъ, что и завтра будетъ ѣсть, тогда какъ дома онъ не могъ предсказать этого". Тѣмъ не менѣе, временами на него нападала невыносимая тоска по деревнѣ. У него являлось страстное желаніе побывать тамъ. „Но лишь только Дема показывался въ деревню, его сразу обдавало холодомъ. Черезъ нѣкоторое время... онъ видѣлъ, что дѣлать ему здѣсь нечего и оставаться нельзя. Такимъ образомъ, поколотившись дома съ мѣсяцъ, онъ уходилъ снова бродяжить. Съ теченіемъ времени его появленія въ деревнѣ дѣлались все рѣже и рѣже. Его уже не влекло сюда съ такою силой, какъ прежде, въ началѣ его кочевой жизни..." А потомъ пришло такое время, когда деревня опостылѣла Демѣ. „Являясь туда, онъ не зналъ какъ убратися назадъ; по приходѣ домой онъ не находилъ себѣ мѣста. На него разомъ наваливалось все, отъ чего онъ бѣжалъ; мигомъ онъ погружался въ обстановку, въ которой онъ раньше задыхался. Какъ ни жалки были условія его фабричной жизни, но, сравнивая ихъ съ тѣми, среди которыхъ онъ принужденъ былъ жить въ деревнѣ, онъ приходилъ къ заключенію, что жить на міру нѣтъ никакой возможности....

Внѣ деревни Дему, по крайней мѣрѣ, никто не смѣлъ тронуть, и то мѣсто, гдѣ ему было не подъ силу и гдѣ ему не нравилось, онъ могъ оставить; а изъ деревни нельзя было уйти во всякое время... Но важнѣе всего: внѣ деревни его не оскорбляли, деревня же предлагала ему рядъ самыхъ унизительныхъ оскорбленій. Страдало человѣческое достоинство, проснувшееся отъ сопоставленія двухъ жизней, и деревня для Демы, въ его представленіяхъ, стала мѣстомъ мученія. Онъ безсознательно началъ питать къ ней недоброе чувство. И чувство это росло и крѣпло." Демѣ оставалось только развязаться какъ нибудь съ надѣломъ, чтобы связь его съ деревней порвалась, наконецъ, навсегда. Хотя онъ и продолжалъ еще числиться общинникомъ, но крестьяниномъ его можно было бы назвать развѣ только въ смыслѣ *сословія*. Смѣшно было бы и заикаться о „стройности" его земледѣльческихъ „идеаловъ". Такихъ идеаловъ у него уже совсѣмъ не имѣлось. „Въ немъ произошло полное разрушеніе старыхъ понятій и желаній, съ которыми онъ жилъ въ деревнѣ".

И однако такъ велика сила привычки, что когда Дема явился въ послѣдній разъ домой, у него зашевелилось сожалѣніе о своемъ старомъ крестьянскомъ житьѣ-бытьѣ. „Разъ ты ушелъ, хозяйство забросилъ и ужь ты не вернешься" грустно говорилъ онъ, сидя въ компаніи такихъ же какъ онъ „кочевыхъ народовъ", собиравшихся на другой день уходить на заработки. Такое же чувство испытывали и всѣ его собесѣдники. Но всѣ они понимали, что судьба ихъ рѣшена безповоротно, и потому только сердились на Дему за его безполезныя со-

жалѣнія „И не надо“ угрюмо возразилъ Потаповъ въ отвѣтъ на ту мысль Демы, что „ужъ обратно пути тебѣ нѣту“.

— Какъ не надо! Домой-то! удивился Дема.

— Такъ и не надо. Будетъ! меня арканомъ сюда не затащишь, больно ужъ не способно.

— Ну все же домишка-то жалко, ежели онъ е:де разваливается, замѣтилъ Петръ Беспаловъ.

— И пущай его разваливается. Сытости въ немъ нѣтъ, потому что онъ гнилой! съострилъ Климъ Дальній, но ему никто не сочувствовалъ.

— Про то-то я и говорю: ушелъ ты и хозяйство прахомъ, настаивалъ Дема, въ головѣ котораго, повидимому, безотлучно сидѣла мысль о конечномъ его раззореніи.

— Кто же этого не знаетъ? съ неудовольствіемъ заговорилъ Кирюшка Савинъ, взмутившійся тоскливымъ однообразіемъ разговора. — И что ты наладилъ:—ушелъ, ушелъ! Словно безъ тебя не знаемъ! Тоска одна!“

Неожиданная смерть давно уже, впрочемъ, „лежавшей пластомъ“ жены Демы замедлила его уходъ лишь на то короткое время, которое потребовалось для похоронъ. На другой же день послѣ погребенія, рано утромъ, „кочевые народы“ двинулись въ путь. „Приходи повидаться-то“, сдержанно выговорила старуха-мать Демы, старавшаяся не выказать своего волненія. — А можетъ и не свидимся, задумчиво отвѣчалъ онъ...

За Демой послѣдовали другіе. Разложеніе парашкинской общины быстро подвигалось впередъ. Неумолимая сила экономической необходимости гнала крестьянина отъ земли, обращая въ ничто всѣ его земледѣльческія привязанности. Вотъ передъ нами веселый крестьянинъ Минай Осиповъ („Фантастическіе замыслы Миная“). Это величайшій фантазеръ въ мірѣ, своего рода Донъ-Кихотъ земледѣлія. „Оглушить“ его, какъ выражается авторъ, т. е. показать ему во очію всю безнадежность его хозяйственнаго положенія, было очень трудно. „Онъ какъ будто въ крови отъ прародителей получилъ привычку глядѣть легкомысленно“. Хлѣба у него никогда не хватаетъ до новой жатвы, такъ какъ полученныя имъ въ надѣлъ „болотца“ отказываются вознаграждать его трудъ. Скота у него мало, изба совсѣмъ разваливается. Но парашкинскій Донъ-Кихотъ не унываетъ. Онъ тѣшится своими „фантастическими замыслами“ относительно будущаго. „Пріѣдетъ онъ съ зимняго извоза, раздѣнется, разуется, ляжетъ на палати и начинаетъ фантазировать. Придумываетъ онъ тутъ разныя измышленія, высчитываетъ безчисленые счастливые случаи и самъ восхищается своими созданіями... Фантазія его ни передъ чѣмъ не останавливается... Въ концѣ концовъ, всегда оказывается, что хлѣба достанетъ и подати будутъ уплочены“. Чудеса, на которыя расчитывалъ Минай въ дѣлѣ поправки своего хозяйства, были двоякаго рода. Одни относились къ области явленій природы въ тѣсномъ смыслѣ этого слова и пріурочивались, главнымъ образомъ, къ хорошему урожаю, которымъ, по его соображеніямъ, должны были отплатить за его труды „болотца“. Другія — стояли въ тѣсной связи съ его взглядами на царя, какъ на защитника крестьянскихъ интересовъ, который долженъ же понять, наконецъ, что на скудной доходности болотцевъ не могутъ основываться никакія платежныя силы. Минай меч-

талъ то о „черной банкѣ“, которая позволитъ всякому крестьянину прикупить земли сколько его душѣ угодно, то объ еще болѣе отрадномъ событіи, о знаменитомъ черномъ передѣлѣ, который онъ называлъ „придѣломъ“. Ему, изволите-ли видѣть, сказывалъ на базарѣ знакомый мужикъ Захарь, что „придѣлъ скоро будетъ, ужъ это говоритъ вѣрно… безпремѣнно, говорятъ“. И Минай не только терпѣливо, но даже какъ-то радостно. съ шутками и прибаутками, несъ выпавшій ему на долю крестъ русскаго земледѣльца. Онъ любилъ свой домъ, свою общину и готовъ былъ до конца постоять за первое встрѣтившееся мірское, „анчественное дѣло“, Но печальная дѣйствительность все таки не рѣдко брала верхъ надъ его фантазіями. Это случалось съ нимъ чаще всего подъ пьяную руку. „Слышь, Дунька, кричалъ онъ, возвращаясь домой изъ кабака. Слышь Дунька, а хлѣба то у насъ не будетъ… ни въ единомъ разѣ… ни въ единственномъ.., не будетъ и не будетъ! Хлѣба-то, не-е-будетъ!“ Минай принимался плакать, а жена его, Ѳедосья, старалась поскорѣе уложить его спать.

Такое мрачное настроеніе исчезало, правда, вмѣстѣ съ винными парами, но исчезало, какъ видно, не безслѣдно. Время отъ времени Минаю приходили мысли, очень плохо вязавшіяся съ его ролью общинника. Его смущалъ кулакъ Епифанъ Ивановъ или, по просту, Епишка. Этотъ паразитъ нѣкогда былъ самымъ жалкимъ оборванцемъ и торговалъ на городскомъ базарѣ гнилой рыбой. Потомъ ему удалось попасть въ Парашкино, гдѣ онъ открылъ питейное заведеніе и понемногу разжился. Къ тому времени, о которомъ идетъ рѣчь въ очеркѣ г. Каронина, онъ уже совершенно забралъ парашкинцевъ въ свои руки. Его-то примѣръ и заставлялъ Миная задумываться. „Минай часто надолго забывалъ Епишку; но когда ему приходилось жутко, онъ вспоминалъ его. Епишка самъ лѣзъ къ нему, мелькалъ передъ глазами, разшибалъ всѣ старыя его представленія и направлялъ мечты его въ другую сторону. Главное, Епишка во всемъ успѣвалъ; не потому-ли онъ успѣвалъ, что никакого „опчисва“ у него нѣтъ?“ На этомъ роковомъ для общинныхъ „идеаловъ“ объясненіи онъ невольно останавливался все чаще и чаще. „Епишка ни съ чѣмъ не связанъ, Епишка никуда не прикрѣпленъ; Епишка можетъ всюду болтаться... Были бы только деньги, а въ остальномъ прочемъ ему все трынъ-трава... Минай неминуемо приходилъ къ выводу, что для полученія удачи необходимы слѣдующія условія: не имѣть ни сродственниковъ ни знакомыхъ, ни „опчисва“ — жить самому по себѣ. Быть отъ всего оторваннымъ и болтаться гдѣ хочешь... Для Миная Епишка былъ фактъ, которымъ онъ поражался до глубины души. Сдѣлавъ свой доморощенный выводъ изъ факта, онъ принимался размышлять дальше“. Иногда ему приходило на мысль бѣгствомъ разорвать связывавшія его „анчественныя“ путы. „Опчисво“ казалось ему врагомъ, отъ котораго надо удрать, какъ можно скорѣе. Но и удрать не легко было бѣдному фантазеру. Не легко — по многимъ причинамъ. Во-первыхъ, Епишка былъ не только свободнымъ отъ общественной тяготы человѣкомъ, но еще и человѣкомъ съ деньгами, а именно денегъ-то и не было у нашего героя. Кромѣ того, Минай прекрасно зналъ, что

„опчисво“ не такъ-то легко отпускаетъ своихъ членовъ на всѣ четыре стороны. И на какомъ бы мѣстѣ ни садился Минай въ своемъ воображеніи, передъ нимъ всегда мелькаетъ такая картина: — Минай Осиповъ здѣсь? — Я Минай Осиповъ. — Ложись... Это представленіе преслѣдовало его, какъ тѣнь. Куда бы онъ ни залегалъ въ своихъ фантастическихъ поѣздкахъ, но, въ концѣ концовъ, онъ соглашался, что его найдутъ, привезутъ и разложатъ“. Одного этого обстоятельства, такъ много говорящаго въ пользу несокрушимости „устоевъ“, достаточно было, чтобы замедлить полетъ фантазіи Миная. Наконецъ, давала себя чувствовать также и сильно укоренившаяся привычка къ обществу. „Минай только на минуту забывалъ его. Когда же онъ долго останавливался на какой нибудь картинѣ одиночной „жисти“, его вдругъ охватывала тоска. Какъ же это такъ можно? съ изумленіемъ спрашивалъ онъ себя. — Стало быть я волкъ? И окромя, стало быть, берлоги, мнѣ ужъ некуда будетъ сунуть носа?! У него не будетъ тогда ни завалинки, на которой онъ по праздникамъ шутки шутитъ и разговоры разговариваетъ со всѣми парашкинцами, ни схода, на которомъ онъ пламенно оретъ и бушуетъ, ничего не будетъ! „Волкъ и есть“ оканчивалъ свои размышленія Минай. Тоска, понятная только ему одному, охватывала его такъ сильно, что онъ яростно плевалъ на Епишку и ужь больше не думалъ подражать ему“.

Когда люди держатся за данныя общественныя отношенія лишь въ силу старой привычки, между тѣмъ какъ дѣйствительность идетъ въ разрѣзъ съ ихъ привычкой, то можно съ увѣренностью сказать, что отношенія эти близятся къ концу. Тѣмъ или другимъ образомъ они будутъ замѣнены *новымъ* общественнымъ порядкомъ, на почвѣ котораго возникнутъ *новыя* привычки. Хотя нашъ Донъ-Кихотъ съ ужасомъ думалъ о разрывѣ съ общиной, но, тѣмъ не менѣе, связь его съ нею была уже окончательно подорвана. Подъ нею не было никакой реальной основы. „Это только временная узда — говоритъ г. Каронинъ. Прійдетъ время, когда парашкинское общество растаетъ, потому что Епишка не даромъ пришелъ... Онъ знаменуетъ собой пришествіе другого Епишки, множества Епишекъ, которые загадятъ парашкинское общество“.

Впрочемъ Минаю пришлось покинуть деревню, не дожидаясь пришествія „множества Епишекъ“. Онъ „утекъ“ въ городъ, когда у него вышелъ послѣдній, взятый въ долгъ, мѣшокъ муки и когда занимать было уже негдѣ, потому что онъ и безъ того задолжалъ всѣмъ и каждому. Чтобы обезопасить себя отъ всякихъ преслѣдованій со стороны парашкинскаго „опчества“, которое могло бы черезъ посредство администраціи поймать, привести и „разложить“ его въ волостномъ правленіи. Минай долженъ былъ вступить въ таинственные переговоры съ писаремъ Семенычемъ, выдавшимъ ему годовой паспортъ. Община, уже неспособная поддерживать благосостояніе своихъ членовъ, могла еще сильно вредить попыткамъ ихъ устроиться на новомъ мѣстѣ.

Въ письмахъ къ женѣ Минай фантазировалъ по прежнему. Онъ увѣрялъ ее, что скоро заработаетъ большія деньги и что тогда они купятъ новую избу и станутъ „жить семейственно съ дѣтками“. Но

авторъ не говоритъ, сбылись-ли эти новые „фантастическіе замыслы", его героя.

III

Вѣрнѣе всего, что не сбылись, потому что парашкинское общество совсѣмъ исчезло съ лица земли. Исторія его исчезновенія изложена въ разсказѣ „*Какъ и куда они переселились*". Невозможно передать то невыносимо-тяжелое впечатлѣніе, какое производитъ этотъ разсказъ г. Каронина. Краски такъ черны, что читатель невольно спрашиваетъ себя, — неужели здѣсь нѣтъ никакого преувеличенія? Къ несчастью, преувеличенія нѣтъ, и мы увидимъ, что авторъ ни на шагъ не отступилъ отъ печальной русской дѣйствительности.

Когда мы перечитывали этотъ разсказъ, намъ припомнились слова Шиллера: Ernst ist das Leben, heiter ist die Kunst". Увы, къ намъ непримѣнимы эти слова! Печальна наша общественная жизнь и вовсе не весело искусство, служащее ея отраженіемъ.

Но вернемся къ нашему предмету. Парашкинское „опчисво" находилось при послѣднемъ издыханіи. Въ несчастной деревнѣ водворялась мерзость запустѣнія. „Прежде деревня тянулась въ два ряда вдоль рѣки — читаемъ мы въ разсказѣ — а теперь остались отъ улицы одни только слѣды. На мѣстѣ большинства избъ виднѣлось пустое пространство, заваленное навозомъ, щепками и мусоромъ и поросшее травой. Кое-гдѣ, вмѣсто избъ, просто ямы. Нѣсколько десятковъ избъ — вотъ все, что осталось отъ прежней деревни... Поля вокругъ деревни уже не засѣвались сплошь, какъ прежде; во многихъ мѣстахъ желтѣли большія заброшенныя плѣшины; тамъ и сямъ земля покрылась верескомъ", скотъ отощалъ и „едва волочилъ ноги, паршивый, худой, съ ребрами наружу и съ обостренными спинами".

Бѣдные парашкинскіе обыватели прониклись какимъ-то страннымъ равнодушіемъ ко всему окружающему. Они, когда-то съ тревогой и недоумѣніемъ задававшіе себѣ вопросъ, — „кто же будетъ платить, если мы всѣ разбѣжимся?" теперь забыли и думать объ этомъ вопросѣ, хотя онъ не только остался неразрѣшеннымъ, по дѣлался все болѣе и болѣе неразрѣшимымъ, по мѣрѣ того, какъ съуживался кругъ плательщиковъ. На нихъ накопились неоплатныя недоимки, кулакъ Епишка кругомъ запуталъ ихъ въ свои сѣти, у нихъ не было ни хлѣба, ни другихъ запасовъ, и все это не могло пробить коры овладѣвшаго ими равнодушія. „Они перестали понимать себя и свои нужды, вообще потеряли смыслъ. Существованіе ихъ за это время было просто сказочное. Они и сами не съумѣли бы объяснить сколько нибудь понятно, чѣмъ они жили". Иногда имъ подвертывались случайные заработки, иногда они ухитрялись находить новыя питательныя вещества въ родѣ отрубей, которыми они раздобылись у мельника Якова, или клевера, который получали отъ помѣщика Петра Петро-

вича Абдулова. Нѣсколько разъ приходила имъ на помощь земская ссуда, но всего этого, разумѣется, было недостаточно. Парашкинцы голодали. Встревоженное слухами объ ихъ безнадежномъ положеніи, губернское земство нарочно прислало гласнаго, который на мѣстѣ долженъ былъ ознакомиться съ ихъ нуждами. Гласный собралъ парашкинцевъ около волостного правленія и хотѣлъ вступить съ ними въ разговоръ. „Парашкинцы, однако, молчали и каждое слово надо было вытягивать изъ ихъ устъ".

— Всѣ вы собрались? спросилъ прежде всего гласный.

Парашкинцы переглянулись, потоптались на своихъ мѣстахъ, но молчали.

— Только васъ и осталось?

— А то сколько же! грубо отвѣчалъ Иванъ Ивановъ.

— Остальные-то на заработкахъ, что-ли? спросилъ гласный, раздражаясь.

— Остатніе-то? Эти ужъ не вернутся... нѣ-ѣтъ! Всѣ мы тутъ.

— Какъ же ваши дѣла? Голодуха?

— Да ужъ надо полагать она самая... Словно какъ бы дѣло выходитъ на эту точку... стало быть предѣлъ... отвѣчали нѣсколько голосовъ вяло и апатично...

— И давно такъ?

На этотъ вопросъ за всѣхъ отвѣчалъ Егоръ Панкратовъ:

— Какъ же не давно? сказалъ онъ. — Съ которыхъ уже это поръ идетъ, а мы все перемогались, все думали, авось пройдетъ, авось Богъ дастъ... Вотъ она слѣпота-то наша какая!

— Что же вы, чудаки, молчали?

— То-то она слѣпота-то и есть! и т. д.

Впрочемъ, изъ дальнѣйшаго разговора парашкинцевъ съ гласнымъ оказалось, что положеніе ихъ ни мало не измѣнилось бы даже и въ томъ случаѣ, если бы они не молчали. „А что ежели спросить вашу милость — сказали они ему — насчетъ, будемъ прямо говорить, ссуды... Будетъ намъ ссуда, ай нѣтъ?" — Ничего вамъ не будетъ, мрачно отвѣтилъ онъ и уѣхалъ".

Его отказъ мало огорчилъ парашкинцевъ. Они уже и не ждали помощи ни откуда. Повидимому, имъ оставалось только „помирать", какъ вдругъ крестьянинъ Ершовъ неожиданно заговорилъ о переселеніи на новыя мѣста. По его словамъ, онъ зналъ такія благодатныя мѣста, добравшись до которыхъ парашкинцамъ „помирать" не было бы уже никакой надобности. „Перво на перво — лѣсъ гущина такая, что просвѣту нѣтъ... — говорилъ онъ послѣ одной сходки — и земля... сколько душѣ угодно, а наземъ, черноземъ стало быть, косая сажень въ глубь, во какъ!" Радостно забились отъ этихъ словъ одичавшія сердца парашкинцевъ. Соблазнительная картина тѣхъ мѣстъ, гдѣ „земли сколько душѣ угодно" сообщила имъ новую энергію, „прежней апатіи и спокойствія не замѣчалось уже ни на одномъ лицѣ". Ершова окружили со всѣхъ сторонъ и засыпали вопросами.

Главный вопросъ, немедленно возникшій въ головахъ этихъ, будто бы „свободныхъ" земледѣльцевъ, заключался въ томъ, отпуститъ ли ихъ начальство.

— Ловокъ! Уйдешь! какъ же ты уйдешь, выкрутишься-то какъ отсюда? кричали Ершову.

— Отселѣ-то какъ выкрутишься? Говорю возьмемъ паспорта и уйдемъ, по причинѣ, напримѣръ, заработковъ, возразилъ Ершовъ и самъ началъ волноваться.

— А какъ поймаютъ?

— На кой лядъ ты нуженъ? Поймаютъ.. кто насъ ловить-то будетъ, коли ежели мы вниманія, не стоимъ по причинѣ недоимокъ? А мы сдѣлаемъ все какъ слѣдуетъ честь-честью съ паспортами..."

Чтобы окончательно столковаться относительно того, какъ „выкрутиться", постановили устроить тайный сходъ ночью въ лѣсу, вдали отъ бдительнаго ока волостного начальства.На этомъ сходѣ рѣшено было на другой же день взять паспорты, а затѣмъ, не откладывая, выступить въ путь. Весьма характерна слѣдующая подробность. Такъ какъ вмѣстѣ съ притокомъ новыхъ свлъ къ парашкинцамъ возвратилось сознаніе роковой необходимости „платить", то они тотчасъ же поняли, что хотя они и не стоютъ вниманія по причинѣ недоимокъ, какъ говорилъ Ершовъ, но предержащимъ властямъ все таки, пожалуй, не понравится ихъ исчезновеніе. Поэтому заговорщики упросили своего деревенскаго грамотѣя Фрола, всегда игравшаго у нихъ роль ходатая по дѣламъ, „отправиться немедленно по начальству и ходатайствовать за нихъ хоть заднимъ числомъ — все же можетъ простятъ ихъ!"

Сказано-сдѣлано. Парашкинцы взяли паспорта и отправились въ путь-дорогу. На старомъ пепелищѣ осталось только четыре семьи: старуха Иваниха (мать знакомаго намъ Демы) да еще дѣдушка Титъ, сильно не одобрявшій затѣв парашкинцевъ. „Не донесете вы своихъ худыхъ головъ — кричалъ онъ, грозно стуча въ землю костылемъ — свернутъ вамъ шею! Помяните слово мое, свернутъ!" У этого старика связь съ землею была вообще гораздо прочнѣе, чѣмъ у остальныхъ парашкинцевъ, принадлежавшихъ уже къ другому поколѣнію. „Гдѣ онъ родился, тамъ и помирать долженъ; которую землю облюбовалъ, въ ту и положитъ свои кости", — такъ отвѣчалъ онъ на всѣ убѣжденіи своихъ односельчанъ, казавшихся ему легкомысленными мальчишками. Эта черта заслуживаетъ большого вниманія. Г. Златовратскій также показываетъ во многихъ изъ своихъ очерковъ, что привычка къ „устоямъ" у стариковъ гораздо сильнѣе, чѣмъ у крестьянъ молодого поколѣнія.

И такъ, парашкинцы двинулись на новыя мѣста. Они шли съ легкимъ сердцемъ, бодрые и радостные. Радость ихъ была, однако, очень кратковременна. За ними по пятамъ гнался становой, какъ Фараонъ за бѣжавшими изъ Египта евреями.

— Это вы куда собрались, голубчики? закричалъ онъ, нагнавши ихъ на пятнадцатой верстѣ.

„Парашкинцы въ оцѣпенѣніи молчали.

— Путешествовать вздумали? А?

„Парашкинцы сняли шапки и шевелили губами.

— Путешествовать, говорю, вздумали? Въ какія же страны? спросилъ становой и потомъ, вдругъ перемѣняя тонъ. заговорилъ горячо. — Что вы затѣяли... а? Перес-е

леніе? Да я васъ... вы у меня вотъ гдѣ сидите! Я изъ-за васъ двое сутокъ не спавши... Маршъ домой... У! Покою не дадутъ!

„Парашкинцы все еще стояли оцѣпенѣлые, но вдругъ, при одномъ словѣ домой, заволновались и почти въ разъ проговорили:

— Какъ тебѣ угодно, ваше благородіе, а намъ уже все едино! Мы убѣгемъ!"

Полицейскій фараонъ не испугался этой угрозы и повелъ бѣглецовъ назадъ въ Парашкино. Двое понятыхъ сѣли на переднюю телегу переселенцевъ а самъ онъ поѣхалъ сзади. Въ такомъ видѣ тронулся этотъ странный поѣздъ, напоминавшій, по словамъ г. Каронина „погребальное шествіе, въ которомъ везли нѣсколько десятковъ труповъ въ общую для нихъ могилу — въ деревню". На половинѣ дороги становой выѣхалъ на середину поѣзда и громко спросилъ:

— Ну что, ребята, надумались? или все еще хотите бѣжать! Бросьте! Пустое дѣло!

— Убѣгемъ! твердо отвѣчали парашкинцы."

Передъ въѣздомъ въ деревню становой возобновилъ *мѣры кротости и увѣщанія.*— „Убѣгемъ!"— съ тою же мрачною твердостью отвѣчали парашкинцы. Бдительный и расторопный начальникъ, не ожидавшій ничего подобнаго, струсилъ и растерялся. Его положеніе въ самомъ дѣлѣ было затруднительно. Впрочемъ, онъ еще не окончательно потерялъ надежду сломить упорство бѣглецовъ, и чтобы пробудить въ ихъ ожесточившихся сердцахъ любовь къ благодѣтельной „*власти*" *болотцевъ*, онъ рѣшилъ употребить нѣсколько болѣе энергичныя средства. Онъ заперъ пойманныхъ парашкинцевъ въ бревенчатый загонъ, куда пастухи помѣщика Абдулова загоняли скотъ. Тамъ онъ рѣшилъ держать ихъ, „пока не сознаются въ незаконности своихъ дѣйствій и не откажутся отъ желанія бѣжать".

Болѣе трехъ дней просидѣли плѣнники въ скотскомъ загонѣ, безъ пищи для себя, безъ корму для лошадей, но рѣшеніе ихъ было неизмѣнно. — Убѣгемъ! говорили они на всѣ угрозы. Наконецъ терпѣніе фараона лопнуло. На него напала такая „меланхолія", что онъ не зналъ, какъ вырваться изъ несчастной деревни. „Чортъ съ вами! Живите, какъ знаете! воскликнулъ онъ и уѣхалъ. „А черезъ день послѣ его отъѣзда парашкинцы бѣжали. Только не вмѣстѣ и не на новыя мѣста, а въ одиночку, кто куда могъ, сообразуясь съ направленіемъ, по которому въ данную минуту смотрѣли глаза. Одни бѣжали въ города... Другіе ушли неизвѣстно куда и никѣмъ послѣ не могли быть отысканы, продолжая, однако, числиться жителями деревни. Третьи бродили по окрестностямъ, не имѣя ни семьи, ни опредѣленнаго занятія, ни пристанища, потому что въ свою деревню ни за что не хотѣли вернуться. Такъ кончили парашкинцы."

Не правда ли, читатель, вамъ кажется все это страннымъ и до крайности тенденціознымъ преувеличеніемъ? Но мы можемъ увѣрить васъ, что нарисованная г. Каронинымъ картина совершенно вѣрна дѣйствительности. Разсказъ „*Какъ и куда они переселились*" — это настоящій „протоколъ' хотя и не въ духѣ золяистовъ. Вотъ вамъ довольно убѣдительное доказательство. Въ 1868 г. въ славянофильской газетѣ „Москва" (№ отъ 4 го октября) было сообщено, что многіе крестьяне Смоленской губерніи продаютъ все свое имущество и бѣ-

гутъ куда глаза глядятъ. Порѣчскій исправникъ такъ излагалъ это явленіе въ своемъ донесеніи о немъ губернскимъ властямъ. „Вслѣдствіе затруднительнаго въ послѣднемъ году положенія по продовольствію крестьянъ государственныхъ имуществъ ввѣреннаго мнѣ уѣзда, Верховской, Каспликской, Лоипской и Иньковской волости, крестьяне-одиночки, обремененные семействами, распродали на продовольствіе скотъ и другое имущество; не удовлетворивъ же этимъ своихъ нуждъ по продовольствію, приступили къ распродажѣ засѣяннаго хлѣба, построекъ и всего остальнаго своего хозяйства и подъ предлогомъ заработковъ забираютъ свои семейства съ цѣлью переселиться въ другія губерніи...“ „Безъисходное, голодающее состояніе крестьянъ—писалъ тотъ же исправникъ дальше—поселило въ нихъ духъ отчаянія, недалекій до безпорядковъ...“ Разбредающихся крестьянъ отправились ловить и водворять на мѣсто жительства смоленскій вице-губернаторъ, исправникъ и жандармскій полковникъ, но убѣжденія ихъ оказались тщетными. „Крестьяне Иньковской волости заявили вице-губернатору, что они во всякомъ случаѣ уйдутъ и что если ихъ воротятъ съ дороги и подвергнутъ тюремному заключенію, это все таки будетъ лучше, чѣмъ умирать дома отъ голода...“

Мы передали этотъ фактъ такъ, какъ онъ разсказанъ „Москвою“. Скажите, заявленіе смоленскихъ крестьянъ — развѣ это не тоже, что каронинское „*убѣгемъ*“? А ловля ихъ вице-губернаторомъ, исправникомъ и жандармскимъ офицеромъ, — вѣдь это нѣчто еще болѣе грандіозное, чѣмъ каронинская погоня становаго за парашкинцами. Извольте же, послѣ этого обвинять нашего автора въ преувеличеніяхъ!

IV

Когда наша демократическая „интеллигенція“ разсуждаетъ о такъ называемыхъ „основахъ“ народной жизни, она забываетъ о реальныхъ, историческихъ условіяхъ, въ которыхъ этимъ основамъ приходилось развиваться. Даже не сомнѣваясь въ принципѣ, что сельская поземельная община очень хорошая вещь, слѣдовало бы помнить, что исторія часто шутитъ очень злыя шутки съ самыми хорошими вещами, и что подъ ея вліяніемъ сплошь да рядомъ разумное превращается въ нелѣпое, полезное во вредное: Vernunft wird Unsinn, Wohlthat Plage. Недостаточно одобрять общину въ принципѣ, нужно спросить себя, каково живется *современнымъ русскимъ общинникамъ* въ *современной русской общинѣ*, и не лучше-ли было бы, если бы эта *современная* община,—со всѣми ея *современными*, *дѣйствительными*, а не *вымышленными* условіями—перестала существовать? Мы видѣли, что самымъ фактомъ своего бѣгства парашкинцы отвѣтили на этотъ вопросъ утвердительно. И они были правы, потому что деревня стала для нихъ „*могилой*“. Мы все боимся вторженія въ деревню „циви-

заціи", т. е. капитализма, который будто бы разрушитъ народное благосостояніе. Но, во первыхъ, въ лицѣ „множества Епишекъ" т. е. въ лицѣ представителей ростовщическаго капитала, „цивилизація" уже вторглась въ деревню, не смотря на всѣ наши жалобы, а во вторыхъ, пора же, наконецъ, сообразить, что нельзя разрушить то благосостояніе, *которое не существуетъ*. Что потерялъ Дема, переходя изъ подъ власти „болотцевъ" подъ власть машины? Вы помните: „какъ ни жалки были условія его фабричной жизни, но, сравнивая ихъ съ тѣми, среди которыхъ онъ принужденъ былъ жить въ деревнѣ, онъ приходитъ къ тому заключенію, что жить на міру нѣтъ никакой возможности... Пища его улучшилась, т. е. онъ былъ увѣренъ, что и завтра будетъ ѣсть, тогда какъ дома онъ не могъ предсказать этого... Но важнѣе всего: внѣ деревни его не оскорбляли, деревня же предлагала ему рядъ самыхъ унизительныхъ оскорбленій". Вспомните также, что у Демы при мысли о деревнѣ „*страдало человѣческое достоинство*, проснувшееся отъ сопоставленія двухъ жизней"" т. е. жизни деревенской, на почвѣ старыхъ „основъ" и жизни на фабрикѣ, подъ властью капитализма. „Меня арканомъ сюда не затащишь!" говоритъ однодеревенецъ Демы, Потаповъ, можетъ быть, подъ вліяніемъ подобнаго же ощущенія. „Эти ужъ не вернутся, нѣ-ѣ-тъ!" увѣряетъ гласнаго Иванъ Ивановъ на счетъ покинувшихъ деревню „кочевыхъ народовъ". Или все это не убѣдительно? Или, можетъ быть, вы опять заговорите о преувеличеніяхъ? Но тогда обвиняйте всю *народническую* беллетристику, потому что и у г. Успенскаго и у г. Златовратскаго и даже у г. Рѣшетникова вы можете найти совершенно подобныя черты современной народной психологіи, хотя и въ менѣе яркомъ видѣ. Загляните въ статистическія изслѣдованія,—и вы увидите тамъ, что многіе крестьяне—„собственники" *платятъ* своимъ арендаторамъ за то только, что бы тѣ хоть на время развязали ихъ съ землею. Да что статистика! Снимите народническую повязку съ своихъ глазъ, присмотритесь къ быту рабочихъ, познакомьтесь съ ними, и вы у многаго множества изъ нихъ встрѣтите по отношенію къ деревнѣ то же самое „*недоброе чувство*", какое, по словамъ г. Каронина, питалъ къ ней Дема. Многому множеству изъ нихъ деревня и деревенское общество дѣйствительно представляются ничѣмъ инымъ, какъ „мѣстомъ мученій". Странно, въ виду этого, скорбѣть о пришествіи къ намъ „цивилизаціи" и о разрушеніи фабрикой не существующаго народнаго благосостоянія! Извѣстно, что нашего брата, русскаго марксиста, очень часто и очень охотно обвиняютъ въ *западничествѣ*. Вообще говоря, мы гордимся этимъ упрекомъ, потому что всѣ лучшіе русскіе люди, оставившіе наиболѣе благодѣтельные слѣды въ исторіи умственнаго развитія нашей страны, были рѣшительными и безусловными западниками. Но на этотъ разъ мы хотимъ повернуть противъ нашихъ противниковъ ихъ собственное оружіе и показать имъ, какъ много въ ихъ разсужденіяхъ безсознательнаго (а слѣдовательно и необдуманнаго) западничества.

Толки о разрушеніи капитализмомъ народнаго благосостоянія ведутся у насъ съ западно-европейскаго голоса. Но на западѣ толки эти имѣли огромный смыслъ, потому что вполнѣ соотвѣтствовали

дѣйствительности. Развитіе капитализма въ большинствѣ западно-европейскихъ странъ дѣйствительно понизило уровень народнаго благосостоянія. И въ Англіи и въ Германіи и даже во Франціи передъ началомъ капиталистической эпохи, въ концѣ среднихъ вѣковъ, трудящіеся классы отличались такой степенью зажиточности, до какой имъ очень далеко въ настоящее время*). Поэтому западно-европейскіе соціалисты правы, когда говорятъ, что капитализмъ принесъ къ нимъ съ собою народное оскудѣніе (хотя необходимо замѣтить, что они вовсе не заключаютъ отсюда, что капитализмъ былъ не нуженъ). Но развѣ же можно приравнивать современное положеніе русскихъ крестьянъ къ положенію, положимъ, англійкихъ трудящихся классовъ въ концѣ среднихъ вѣковъ? Вѣдь это же величины безконечно далекія одна отъ другой! Англійкій рабочій можетъ иногда вспомнить добромъ матеріальное положеніе своихъ средневѣковыхъ предковъ. Но слѣдуетъ-ли отсюда, что современный нашъ русскій фабричный рабочій долженъ сожалѣть о современной намъ русской деревнѣ, въ которой онъ не испытывалъ ничего, кромѣ физическихъ и нравственныхъ страданій? По отношенію къ народному благосостоянію русская исторія шла совсѣмъ не такъ, какъ западно-европейская. То, что напр., въ Англіи съѣлъ *капитализмъ*, у насъ уже съѣло *государство*. Объ этомъ не мѣбы помнить нашимъ противникамъ западничества. Герцена поразилъ шало когда-то „страшно нелѣпый фактъ, что лишеніе правъ большей части населенія шло (у насъ) увеличиваясь отъ Бориса Годунова до нашего времени“. Въ этомъ фактѣ нѣтъ ничего нелѣпаго. Иначе и быть не могло при нашей экономической неразвитости и при тѣхъ требованіяхъ, которыя навязывались русскому государству сосѣдствомъ съ гораздо болѣе развитой западной Европой, а отчасти и самодурствомъ нашихъ самодержцевъ, часто бравшихся за рѣшеніе совершенно чуждыхъ интересамъ Россіи вопросовъ международной политики. За все это, и за сосѣдство съ западной Европой и за политическія прихоти самодержцевъ, расплачивался русскій мужикъ, наша единственная платежная сила. Русское государство брало и беретъ у своего трудящегося населенія относительно (т. е. примѣнительно къ его экономической состоятельности) болѣе, чѣмъ брало когда бы ни было и какое бы то ни было государство въ мірѣ. Отсюда безпримѣрная бѣдность русскаго крестьянства, отсюда же и „лишеніе правъ большинства населенія“, которое посредственно или непосредственно закрѣпощено было государству. Само освобожденіе крестьянъ „съ землею“, до сихъ поръ приводящее въ умиленіе людей чувствительныхъ, но не очень умныхъ, было у насъ ничѣмъ инымъ, какъ новой попыткой обезпечить на счетъ крестьянъ удовлетвореніе денежныхъ нуждъ государства. Земля давалась имъ затѣмъ, чтобы обезпечить имъ исправное исполненіе ихъ „обязанностей по отношенію къ государству“,

*) См. I. Янссена „Die allgemeinen Zustände des deutschen Volkes beim Ausgang des Mittelalters. Freiburg 1881. Drittes Buch; Volkswirtschaft. О положеній англійскихъ рабочихъ наканунѣ окончательнаго торжества капитализма см. Энгельса „Lage der arbeitenden Klasse in England“, Маркса „das Kapital“ а также книгу книгу г. Янжула „Англійская свободная торговля“.

а лучше сказать затѣмъ, *что бы* оставить государству благовидный предлогъ для выжиманія изъ нихъ всѣхъ соковъ. Государство спекулировало на выкупной операціи, продавая крестьянамъ земли дороже, чѣмъ платило за нихъ помѣщикамъ. Такъ возникъ новый, современный намъ видъ крѣпостной зависимости крестьянъ, благодаря которой у нихъ часто отбирается (припомните нашу статистику) не только доходъ, приносимый надѣломъ, но и значительная часть посторонняго заработка. Бѣгство крестьянъ изъ деревень, стремленіе ихъ раздѣлаться съ землею означаетъ только желаніе ихъ сбросить съ себя эти новыя крѣпостныя цѣпи и спасти, по крайней мѣрѣ, свой посторонній заработокъ*). Ловля же крестьянъ администраціей показываетъ, что государство прекрасно понимаетъ эту сторону дѣла и, водворяя крестьянъ на мѣсто жительства, снова и снова старается обезпечить исправное исполненіе ихъ „обязанностей" по отношенію къ нему. Намъ ли, демократамъ какого бы то ни было цвѣта, сочувствовать подобной ловлѣ? Нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ, мы привѣтствуемъ бѣгство крестьянъ отъ земли, потому что мы видимъ въ немъ начало конца, экономическій прологъ великой политической драмы: паденія русской самодержавной монархіи. Самодержавная монархія зашла слишкомъ да-

*) Вотъ весьма поучительная сценка, заимствуемая нами изъ одного очерка г. Успенскаго. Онъ встрѣчаетъ одного изъ представителей „кочевыхъ народовъ", который кажется ему какимъ-то „воздушнымъ существомъ" и вступаетъ съ нимъ въ бесѣду.

„Когда я спросилъ его: — куда онъ теперь идетъ и зачѣмъ? то воздушное существо отвѣчало: — А и самъ не знаю!... Главное — капиталу нѣтъ нисколько! да и паспорта нѣту, подати требуютъ! Слова о податяхъ являлись какою-то неожиданностью въ общемъ впечатлѣніи воздушнаго человѣка; капиталу у него нѣтъ, паспорта нѣтъ, куда идетъ неизвѣстно; нѣтъ у него ни табаку, ни одежи, ни шапки — и вдругъ какія то подати! — За что же ты платишь-то? спросилъ я, недоумѣвая. — За двѣ души платимъ. — Одинъ? — Вотъ какъ есть! — Стало быть у тебя земля есть? Воздушній человѣкъ подумалъ и весело прочирикалъ по птичьи: — Нѣ! Мы платимъ *съ пуста*!

Разговоръ о податяхъ, готовый было разрушить мое впечатлѣніе о воздушности человѣка, благодаря послѣдней фразѣ „съ пуста", вновь прервалъ всякую связь между нимъ и дѣйствительностью; онъ опять оказался существомъ вполнѣ воздушнымъ что и поспѣшилъ подтвердить слѣдующими веселыми словами:

— Намъ съ пуста платить — самое пріятное дѣло!... Ежели-бы платить не съ пуста, такъ куда бы хуже было... А съ пуста-то, слава тебѣ Господи! — Съ пуста платить лучше, чѣмъ не съ пуста? Чувствуя, что я вмѣстѣ со своимъ собесѣдникомъ послѣ послѣднихъ словъ какъ бы поднялся отъ земли къ небу и нахожусь въ воздушномъ пространствѣ, — спросилъ я съ удивленіемъ, и съ удивленіемъ же услышалъ еще болѣе веселыя слова: — Безподобно хорошо *съ пуста-то* платить!... — Постой! сказалъ я, чувствуя какъ бы головокруженіе отъ высоты подъема надъ земной поверхностью; ты говоришь съ пуста платить лучше? То есть платить, не получая земли? — Это самое! — Почему такъ? Вѣдь землю ты могъ бы отдать въ аренду?... Воздушный человѣкъ засіялъ радостью: — Да она болото у насъ!...

Этотъ отвѣтъ опять какъ бы приблизилъ насъ къ землѣ.

— Болото!... Но почему же тебѣ все таки выгодно платить и безъ болота!... Чѣмъ оно тебѣ мѣшает?... — Да не дай богъ къ нему касаться, къ болоту-то! — Ты и не касайся! — Не касался бы, такъ оно касается! Возьми-ко я болото, — ань ужъ я общественникъ сталъ! Съ меня ужъ и на старосту возьмутъ, и на волость и подорожныя повинности, и мостовую, и караулъ и — Боже мой чего еще!... А какъ я отъ земли отказался, остается мнѣ моя душа, и больше ничего!... Отдалъ за двѣ порціи, — и знать ничего не надо!".. Сѣверный Вѣстникъ 1889 г., 3 книжка (стр. 210-211)

леко, она „не по чину беретъ“ и, вынуждая крестьянъ бѣжать отъ земли, разрушая всѣ старыя основы ихъ экономической жизни, она разрушаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ свое собственное экономическое основаніе. Когда-то, во времена мамаевской Руси, всѣ, невыносившіе государственной тяготы, бѣжали на окраины, на „тихій Донъ“, на „матушку Волгу“ и оттуда, собравшись въ огромныя шайки „воровскихъ людей“, не разъ угрожали государству. Теперь обстоятельства измѣнились. На пустынныхъ нѣкогда окраинахъ закипѣла новая экономическая жизнь, пульсъ которой бьется даже быстрѣе чѣмъ въ центрѣ. Покинувшіе деревню „кочевые народы“ группируются теперь уже не въ „воровскія шайки“, а въ рабочіе батальоны, управиться съ которыми русскому правительству будетъ потруднѣе, чѣмъ съ удальцами добраго стараго времени. Въ этихъ батальонахъ зрѣетъ новая историческая сила. Не стихійный, разбойничій протестъ подвинетъ ее на борьбу съ правительствомъ, а сознательное стремленіе перестроить общественное зданіе на новыхъ началахъ и на основѣ тѣхъ могучихъ производительныхъ силъ, которыя создаются теперь ихъ трудомъ на фабрикахъ. Пусть же самодержавіе дѣлаетъ свое дѣло, пусть помогаютъ ему въ этомъ дѣльцы и предприниматели. Отъ ихъ успѣха русскій народъ *уже не можетъ ровно ничего потерять*. Напротивъ, онъ *навѣрное очень много выиграетъ*.

V

Не подумайте, однако, что разложеніе старыхъ „устоевъ“ народной жизни совершается исключительно подъ вліяніемъ непомѣрныхъ платежей, взваленныхъ на общину государствомъ. Во-первыхъ, дѣло не столько въ самыхъ тягостяхъ, сколько въ томъ характерѣ *денежныхъ* платежей, который необходимо принимаютъ эти платежи въ современной Россіи и подъ вліяніемъ котораго крестьянское хозяйство изъ натуральнаго превратилось въ товарное. Кромѣ того, „когда общество попало на слѣдъ естественнаго закона своего развитія“, всѣ его внутреннія силы, работая въ самыхъ различныхъ направленіяхъ, дѣлаютъ въ сущности одно и тоже дѣло. Со времени петровской реформы государство сдѣлало очень много для того, *что бы* толкнуть Россію на путь товарнаго, а затѣмъ и капиталистическаго производства. Но теперь въ этомъ направленіи дѣйствуетъ уже не одно только государство. Напротивъ, одной рукой толкая Россію на этотъ путь, государство другой рукой стремится задержать его на старомъ. Объ это противорѣчіе и разобьется наше самодержавіе, потому что оно пустило въ ходъ такой хозяйственный двигатель, съ какимъ ему необходимо придется столкнуться. Но въ настоящее время помимо государства есть другая, еще болѣе страшная сила, ведущая Россію на путь капитализма. Она называется внутренней логикой народныхъ экономическихъ отношеній. И нѣтъ власти, которая могла бы остано-

вить ея дѣйствіе! Она проникаетъ вездѣ, ея вліяніе сказывается повсюду, она накладываетъ свою печать на всѣ попытки крестьянъ улучшить свое хозяйственное положеніе. Посмотрите, какъ хорошо изобразилъ эту сторону дѣла разбираемый нами авторъ. Крестьяне деревни Березовки (разсказъ „Братья") переселились изъ внутренней Россіи въ одну изъ привольныхъ, степныхъ губерній. На родинѣ они бѣдствовали, на новыхъ мѣстахъ имъ удалось добиться „нѣкотораго матеріальнаго довольства". Казалось бы, что тутъ-то и должно было начаться блестящее развитіе знаменитыхъ „устоевъ". Вышло, однако, какъ разъ на оборотъ. На родинѣ, въ нуждѣ и несчастьи, у нихъ „*была одна душа*", какъ говорили старики, на новыхъ мѣстахъ началось внутреннее разложеніе ихъ общества, завязалась „невидимая борьба между особью и міромъ". Постепенно „каждый сельскій житель сталъ сознавать, что онъ вѣдь человѣкъ, какъ всѣ! и созданъ для себя, и больше ни для кого, какъ именно для себя! И каждый вѣдь самъ можетъ жить, устраиваясь безъ помощи бурмистра, кокарды и „опчества". Всѣ прежнія тяготы слились въ одну нераздѣльную кучу. Въ доказательство этого открытія въ сосѣднихъ съ березовкой мѣстахъ поселились примѣры. Первый примѣръ пріѣхалъ изъ сосѣдняго города, купилъ у казны участокъ степи и сталъ жить на немъ, подъ видомъ мѣщанина Ермолаева, и зажилъ по выраженію всѣхъ березовцевъ, „дюже шибко". Другой примѣръ носилъ кокарду; самого его никто не видѣлъ, но вмѣсто него сѣлъ на степь второй гильдіи купецъ Пролетаевъ—„превосходная шельма". Третій примѣръ проявился въ этихъ мѣстахъ въ родѣ непомнящаго родства, потому что ни одинъ изъ березовцевъ не зналъ его происхожденія и званія: „кажись мужичекъ по обличью, но ужъ очень серьезности въ емъ много"... А прочіе-то люди, жившіе въ предѣлахъ деревни, люди, ни къ какому обществу неприписанные и ни съ чѣмъ несвязанные, развѣ они не были вѣскими доводами въ пользу новой жизни? Каждый изъ сельскихъ жителей очень часто *думалъ* объ этихъ явленіяхъ; и рѣшительно не было ни одного человѣка, который въ свободныя минуты не думалъ бы купить себѣ участочекъ, завести „лавочку что ли, пнъ кабакъ". Никто изъ мужиковъ не осуждалъ нравственно людей, жившихъ подобными предпріятіями; напротивъ—„любезное это дѣло!" Людей такого сорта уважали за умъ, считали „шельмовство" одною изъ способностей человѣческаго разума, И въ тоже самое мгновеніе каждый изъ березовцевъ уважалъ міръ, покоряясь ему и продолжая жить въ немъ. Совѣсть мужика раскололась тогда пополамъ; къ одной половинѣ отлетѣли „примѣры", на другой остался міръ. Явились двѣ совѣсти, двѣ нравствености. „Спрашивается, какъ отразилась, какъ *могла* отразиться на настроеніи отдѣльныхъ особей такая двойственность въ настроеніи всего „міра"? Само собою разумѣется, что здѣсь дѣло видоизмѣнялось сообразно съ личными особенностями особей. У однихъ перевѣсъ брали пока еще старыя привычки; другія—склонялись на сторону новшествъ, т. е. лавочки, кабака и т. п. И замѣчательно, что на сторону такихъ новшествъ склонялись наиболѣе энергичныя и наиболѣе даровитыя натуры. Впрочемъ, такъ всегда бываетъ въ тѣхъ случаяхъ, когда извѣстный общественный порядокъ близит-

ся къ концу. Его дряхлость выражается въ томъ, что лишь пассивныя, недѣятельныя натуры продолжаютъ подчиняться ему безъ протеста и безъ разсужденія. Все, что покрупнѣе, посамобытнѣе и посмѣлѣе бѣжитъ вонъ или, по крайней мѣрѣ, настойчиво ищетъ выхода. Нечего и прибавлять, что когда новымъ, наступающимъ порядкомъ является порядокъ *буржуазный*, то подобныя исканія часто принимаютъ очень некрасивый видъ. Въ разсказѣ „Братья" представителями этихъ двухъ началъ, пассивнаго и активнаго, являются два брата: Иванъ и Петръ Сизовы. Иванъ простодушенъ какъ ребенокъ. Онъ живетъ такъ, какъ жили его прародители, не воображая, что можно жить иначе. Да ему, по его характеру, въ иной жизни нѣтъ и надобности. Иная жизнь—это жизнь особнякомъ, внѣ міра, на свой страхъ и исключительно для своей пользы. А Иванъ человѣкъ общественный, онъ любитъ свой „міръ" и никогда не бываетъ такъ счастливъ, какъ въ то время, когда приходится дѣлать какое нибудь мірское дѣло *сообща*. Онъ лѣзетъ изъ кожи вонъ во время земельныхъ передѣловъ, которые, какъ извѣстно, являются въ деревнѣ настоящими священнодѣйствіями; онъ не пропускаетъ ни одного сборища, а когда дѣло доходитъ до общественной, мірской выпивки, то онъ немедленно принимаетъ на себя роль хозяина, потому что „никто такъ не умѣлъ дѣлить и подносить чарки общественной водки, когда міру удавалось содрать съ кого нибудь *штрахъ*" (т. е. штрафъ). Міръ хорошо понималъ характеръ своего члена, и когда рѣшено было прикупить у казны на общій счетъ участокъ земли, то Иванъ былъ выбранъ ходакомъ и ему вручили общественныя деньги.

Не таковъ былъ Петръ. Умный, настойчивый, дѣятельный, изобрѣтательный, себялюбивый и самолюбивый, онъ презиралъ и общину и общинниковъ и всѣ общинныя дѣла и интерессы. Почти во всѣхъ поступкахъ своего добродушнаго и простоватого брата онъ видѣлъ „одну сплошную глупость". Онъ мечталъ о быстрой и крупной наживѣ, а нажиться, живя по старому, не было никакой возможности. Старый порядокъ крестьянской жизни сулилъ впереди не наживу, а множество всевозможныхъ тягостей. И вотъ Петръ Сизовъ замыкается въ себя, рѣдко появляется на общественныхъ сходкахъ и думаетъ уже не о томъ, чтобы, подобно брату, служить міру, а о томъ, чтобы поживиться на его счетъ. Онъ становится кулакомъ И міръ уважаетъ его, передъ нимъ всѣ снимаютъ шапки, его называютъ „башкою". Для покупки сказаннаго участка земли вмѣстѣ сь Иваномъ Сизовымъ посылаютъ и Петра.

По дорогѣ въ городъ между братьями произошелъ слѣдующій многознаменательный разговоръ.

— Подлинно голова! сказалъ Петръ, указывая на проѣзжавшаго мимо ихъ старшину.

— А что? откликнулся Иванъ.

— Разбогатѣлъ. Теперича куда и шапку не ломаетъ! Уменъ, шельма.

— Старшина, обыкновенно.

— Ничего не старшина. Старшина одна причина, а умъ-другая.

— Должно быть, на руку нечистъ... замѣтилъ наивно Иванъ, 'удивляясь чего его братъ нахмурился...

— Допрежь голь мужиченко былъ, замѣтилъ Петръ. Значитъ башка-то не дермомъ

набита, есть же, значитъ разсудительность. Слыхалъ, какъ онъ пошелъ въ ходъ? Семеновцы, такъ же, какъ къ примѣру мы, задумали прикупить лугъ. Хорошо. Выбрали. А старшину послали за купчей. А онъ, не будь простъ, денежки да лужочекъ-то въ карманъ спустилъ. Туда-сюда, а купчая-то ужь въ кармашкѣ. Смѣется! Конечно, какъ надъ дураками и не смѣяться? Такъ и бросили.

— Безсовѣстный и есть! съ негодованіемъ воскликнулъ Иванъ.

— Не безъ того. А между прочимъ, какъ судить. Судить надо по просту. Оно и выйдетъ, что ловко вывернулся, уме-енъ! Умѣетъ жить!

— Разбойствомъ-то.

— Для чего разбойствомъ? Все по закону. Нынче, братъ мой, все законъ, бумага.

— А грѣхъ?

— Всѣ мы грѣшны.

Иванъ помолчалъ.

— А Богъ? потомъ спросилъ онъ.

— Богъ милостивъ. онъ разберетъ что кому. А жить надо.

Разбойствомъ! вѣдь онъ стало быть выходитъ воръ?

— Ну-у! протянулъ глухо Петръ...

— Совѣсть, братъ, темное дѣло, сказалъ онъ послѣ нѣкотораго молчанія.

— А міръ? спросилъ Иванъ.

—Какой такой міръ? презрительно замѣтилъ Петръ.

— Да какже, а семеновцы-то!

— Каждый свою пользу наблюдаетъ, хотя бы и въ міру. Развѣ міръ тебя произродилъ?

— Что-жь...

— Міръ тебя поитъ-кормитъ?

— Ты не туда...

— Нѣтъ, я туда... Каждый гонитъ свою линію. Какъ есть ты человѣкъ и больше ничего. А міра нѣтъ... Ну будетъ по пустому болтать. слышь?

— Асы! откликнулся задумавшійся Иванъ.

— Подбери возжи! рѣзко сказалъ Петръ".

Предметъ былъ исчерпанъ, и разговоръ болѣе не возобновлялся. Но не даромъ заводилъ его Петръ. Примѣръ „умнаго" старшины не выходилъ у него изъ головы. Когда, послѣ долгихъ хожденій по бюрократическимъ мытарствамъ, нужный березовцамъ участокъ былъ пріобрѣтенъ, то оказалось, что купчая сдѣлана на имя Петра Сизова. Бѣдный Иванъ, конечно, и не подозрѣвалъ обмана.

Что же сдѣлалъ міръ? Общинники отколотили ни въ чемъ неповиннаго Ивана, но даже пальцемъ не тронули Петра. Петръ сказалъ имъ, что бумага (т. е. купчая) „не для нихъ писана" и обѣщалъ современемъ возвратить деньги. Но денегъ онъ не возвратилъ, а березовцы погоroom-поговорили, да и пошли обработывать, по найму у Петра Тимофѣевича Сизова, у нихъ же украденный участокъ земли. Иванъ и тутъ не отсталъ отъ міра. Онъ былъ въ числѣ другихъ рабочихъ и съ увлеченіемъ варилъ для „опчиства" кашу.

Трудно сильнѣе изобразить безсиліе современной общины въ борьбѣ съ разлагающими ее вліяніями. На одной сторонѣ артельная каша, на другой—умъ, хитрость, „ законъ", „бумага"...

VI

Впрочемъ, торжество кулачества въ борьбѣ съ общиной представляетъ предметъ, давно и хорошо знакомый читателямъ. Г. Каронинъ не много сказалъ бы намъ новаго, еслибы ограничился изображеніемъ *этого* элемента внутренняго разложенія „устоевъ". Но въ его произведеніяхъ оттѣняются еще и другіе элементы, какихъ очень мало касались или совсѣмъ не затрогивали наши народники-беллетристы. А между тѣмъ они заслуживаютъ большого вниманія изслѣдователя.

Не всѣ даровитые люди современной деревни становятся кулаками. Что бы сдѣлаться кулакомъ, нужно извѣстное стеченіе обстоятельствъ, на которое можетъ разсчитывать только небольшое меньшинство. Большинству же приходится приспособляться къ переживаемому теперь деревней историческому процессу иначе: оно или покидаетъ деревню, или продолжаетъ тамъ жить, устраиваясь на новыхъ началахъ, забывая о той тѣсной, органическій связи, которая соединяла когда-то членовъ одной общины. Индивидуализмъ, внѣдряясь въ деревню со всѣхъ сторонъ, окрашиваетъ рѣшительно всѣ чувства и мысли крестьянина. Но въ высшей степени ошибочно было бы думать, что его торжество характеризуется однѣми только мрачными чертами. Историческая дѣйствительность никогда не отличается подобною односторонностью. Вторженіе индивидуализма въ русскую деревню пробуждаетъ къ жизни такія стороны крестьянскаго ума и характера, развитіе которыхъ было невозможно при старыхъ порядкахъ и въ тоже время было необходимо для дальнѣйшаго поступательнаго движенія народа. Само кулачество нерѣдко знаменуетъ собою теперь пробужденіе именно этихъ, *прогрессивныхъ* сторонъ народнаго характера. Наши слова могутъ показаться парадоксомъ, но парадокса въ нихъ нѣтъ и тѣни. Народническая беллетристика не разъ уже оттѣняла то обстоятельство, что современный крестьянинъ часто ударяется въ кулацкую наживу именно потому, что видитъ въ деньгахъ единственное средство огражденія своего человѣческаго достоинства. У г. Златовратскаго крестьянинъ Петръ—если не ошибаемся въ „*Устояхъ*" — становится кулакомъ, задавшись цѣлью охранить свой „ликъ" отъ безпрестаннаго оплеванія. Подобныя же черточки не разъ подмѣчалъ и г. Успенскій. И это очень важно и очень характерно для нашего времени. Кулаки существуютъ въ русской деревнѣ издавна, но навѣрное съ очень недавнихъ временъ въ темномъ кулацкомъ царствѣ существуютъ персонажи, думающіе о своемъ „ликѣ". Но что еще болѣе важно, такъ это то, что забота о „ликѣ" извѣстна теперь не однимъ только кулакамъ. Она начинаетъ одолѣвать и горькую деревенскую бѣдноту, она, можетъ быть, еще лучше знакома "кочевымъ народамъ". Утрачивая свою непосредственность, оглядываясь на са-

маго себя, крестьянинъ предъявляетъ русской общественной жизни новыя требованія. Передъ этими требованіями оказываются несостоятельными современные наши общественные и политическіе порядки, —и въ этомъ заключается ихъ историческое осужденіе.

Конечно, пробуждаясь отъ тысячелѣтняго сна, крестьянская мысль далеко не сразу обнаруживаетъ всю ту силу и всю ту крѣпость, какихъ мы въ правѣ ожидать отъ нея въ будущемъ. Ея первыя попытки встать на ноги оказываются часто неудачными, принимаютъ ложное, болѣзненное направленіе. Но хорошо уже и то, что подобныя попытки существуютъ; хорошо также то, что наша народническая беллетристика умѣла подмѣтить ихъ и занести на бумагу. Нѣкоторые разсказы г. Каронина спеціально посвящены ихъ изображенію.

Остановимся пока на разсказѣ „Деревенскіе нервы".

Крестьянинъ Гаврило отличался значительной зажиточностью и, если мѣрить на старую крестьянскую мѣрку, могъ бы, казалось, считаться счастливымъ. „Что такое счастье? спрашиваетъ нашъ авторъ. Или лучше сказать, что для Гаврилы счастье? Земля, меринъ, телка и бычекъ, три овцы, хлѣбъ съ капустой и многія другія вещи; потому что если бы чего нибудь изъ перечисленнаго недоставало, онъ былъ бы несчастливъ. Въ тотъ годъ, когда у него околѣла телка, онъ нѣсколько ночей стоналъ, какъ въ бреду... Но такія катастрофы бывали рѣдко; онъ ихъ избѣгалъ, предупреждая или поправляя ихъ. Хлѣбъ? Хлѣбъ у него не переводился. Въ самые голодные годы у него сохранялся мѣшокъ, другой муки, хотя онъ это обстоятельство скрывалъ отъ жадныхъ сосѣдей, чтобы который изъ нихъ не попросилъ у него одолженія. Меринъ? Меринъ вѣрно служилъ ему пятнадцать лѣтъ и никогда не умиралъ; въ послѣднее время только замѣтно сталъ сопѣть и недостаточно ловко владѣлъ задними ногами; но, въ виду его смерти, у Гаврилы былъ двухгодовалый подростокъ". Словомъ, такъ неподражаемо изображенный г. Успенскимъ и столь привлекательный ему Иванъ Ермолаевичъ на мѣстѣ Гаврилы навѣрное былъ бы вполнѣ доволенъ и собою и всѣмъ окружающимъ. Но самъ г. Успенскій сознается, что Иванъ Ермолаевичъ уже отживаетъ свой вѣкъ. Это типъ осужденный исторіей на исчезновеніе. Герой разсказа „Деревенскіе нервы" совсѣмъ не обладаетъ деревянной уравновѣшенностью Ивана Ермолаевича. Онъ страдаетъ „нервами", чѣмъ приводитъ въ величайшее изумленіе сельскаго фельдшера, а читателямъ даетъ лишній поводъ обвинить г. Каронина въ тенденціозности. Болѣзненное состояніе „деревенскихъ нервовъ" Гаврилы даетъ себя чувствовать тѣмъ, что на него вдругъ нападаетъ невыносимая, безъисходная тоска, подъ вліяніемъ которой у него изъ рукъ валится всякая работа. „Ну ее къ ляду!" отвѣчаетъ онъ на замѣчаніе жены, что пора ѣхать на пашню. Жена не можетъ придти въ себя отъ изумленія, да и самъ Гаврило страшится своихъ собственныхъ словъ; но „нервы" ни на минуту не даютъ успокоиться и нашъ герой идетъ поговорить съ батюшкой. „Я бы передъ тобой все одно, какъ передъ Богомъ—говоритъ онъ священнику. Мнѣ ужь таить нечего, дѣваться некуда, одно слово хоть бы руки на себя наложить, такъ въ пору. Значитъ приперло же меня здорово". Достойный свя-

щеннослужитель, привыкшій къ олимпійскому спокойствію Иванов Ермолаевичей, никакъ не могъ взять въ толкъ, чего нужно его странному собесѣднику.

—Да я не понимаю, какая это хворь? воскликнулъ онъ. По моему дурь одна... Какая это хворь!

—Жизни не радъ—вотъ какая моя хворь! *Не знаю, что къ чему, зачѣмъ... и къ какимъ правиламъ*... упорно настаивалъ Гаврило.

—Ты вѣдь землепашецъ? строго спросилъ батюшка.

—Землепашецъ, вѣрно.

—Чего же тебѣ еще! Добывай хлѣбъ въ потѣ лица твоего и благо тебѣ будетъ, какъ сказано въ писаніи...

—А зачѣмъ мнѣ хлѣбъ? пытливо спросилъ Гаврило.

—Какъ зачѣмъ? Ты ужь, братъ, кажется, замололся... Хлѣбъ потребенъ человѣку.

—Хлѣбъ, точно, ничего... Хлѣбъ—оно хорошее дѣло. Да для чего онъ? вотъ какая штука-то? Нынче я ѣмъ, а завтра опять буду ѣсть его... Вѣдь сваливаешь въ себя хлѣбъ, какъ въ прорву какую, какъ въ мѣшокъ пустой, а для чего? Вотъ оно и скучно... Такъ во всякомъ дѣлѣ, примешься хорошо, начнешь работать, да вдругъ спросишь себя: *зачѣмъ, для чего? И скучно*...

—Такъ вѣдь тебѣ, дуракъ, жить надо! Затѣмъ ты и работаешь, сказалъ гнѣвно батюшка.

—А зачѣмъ же мнѣ надо жить? спросилъ Гаврило.

Батюшка плюнулъ.—Тьфу! ты, дуракъ этакій!

—Ты ужь, отецъ не изволь гнѣваться. Вѣдь я тебѣ разсказываю, какія мои предсмертныя мысли... Я и самъ не радъ; ужь до той мѣры дойдетъ, что тошно, болитъ душа... Отчего это бываетъ?

—Будетъ тебѣ молоть! сказалъ строго батюшка, собираясь прекратить странный разговоръ.

—Главное —дѣваться мнѣ некуда! возразилъ грустно Гаврило.

—Молись Богу, трудись, работай... Это все отъ лѣни и пьянства... Больше мнѣ нечего тебѣ присовѣтовать. А теперь ступай съ Богомъ.

—Батюшка при этомъ рѣшительно всталъ...

Случилось-ли вамъ прочесть такъ называемую „Исповѣдь“ графа Л. Толстого? Не правда-ли, Гаврило задавалъ себѣ тѣ же самые вопросы:—„зачѣмъ? для чего? а послѣ что?“ — какіе мучили знаменитаго романиста? Но между тѣмъ какъ богатый и образованный графъ имѣлъ полную возможность отвѣтить на эти вопросы менѣе уродливо, чѣмъ онъ отвѣтилъ,—Гаврило, самымъ положеніемъ своимъ, лишенъ былъ всякихъ средствъ и всякихъ пособій для правильнаго ихъ рѣшенія. Въ окружавшей его тьмѣ ни откуда не было просвѣта. Онъ плакалъ, чудилъ, нагрубилъ священнику, обругалъ фельдшера, подрался со старшиною и угодилъ въ острогъ за эту драку. Его спасъ фельдшеръ, обратившій вниманіе суда на болѣзненное душевное состояніе подсудимаго. Успокоился онъ уже значительно позже, когда нашелъ мѣсто дворника въ сосѣднемъ городѣ. Тамъ *думать* было не о чемъ. „Развѣ можно что нибудь думать о метлѣ или по поводу ея? А у него въ жизни метла одна только и осталась — поясняетъ г. Каронинъ. Влѣдствіе этого, мыслей у него больше не появлялось. Онъ дѣлалъ то, что ему приказывали. Если бы ему приказали этой

же метлой бить по спинамъ жильцовъ, онъ не отказался бы. Жильцы его не любили, какъ бы понимая, что этотъ человѣкъ совсѣмъ не думаетъ. За его позу передъ воротами они называли его „идоломъ". А между тѣмъ онъ виноватъ былъ только тѣмъ, что оборванные деревней нервы сдѣлали его безчувственнымъ",

„Проницательный читатель" поспѣшитъ замѣтить намъ, что осаждавшіе Гаврилу вопросы ни мало не разрѣшались метлою, и что, поэтому, совершенно не понятно, отчего мѣсто дворника дало этому странному крестьянину желанное успокоеніе. Но дѣло въ томъ, что, говоря вообще, Гаврило ставилъ себѣ вопросы совершенно неразрѣшимые, неразрѣшимые ни въ городѣ, ни въ деревнѣ, ни сохою, ни метлою, ни въ монашеской кельѣ, ни въ кабинетѣ ученаго. „Зачѣмъ! Для чего! А послѣ что!" Помните гейневскаго юношу, который спрашиваетъ: Was bedeutet der Mensch? Wohin ist er gekommen? Wo geht er hin? Нашелъ-ли онъ отвѣтъ?

Es murmeln die Wogen ihr ewiges Gemürmel,
Es weht der Wind, es fliehen die Wolken,
Es blinken die Sterne gleichgültigund kalt
Und ein Narr wartet auf Antwort!

Да, это неразрѣшимые вопросы! Мы моженъ узнать, *какъ* происходитъ дѣло, но незнаемъ *зачѣмъ* происходитъ оно. И однако замѣчательно, что неразрѣшимость подобныхъ вопросовъ мучитъ людей только при извѣстномъ складѣ общественныхъ отношеній, только тогда, когда общество, или извѣстный классъ, или извѣстный слой общества, находится въ состояніи болѣзненнаго кризиса. Живой о живомъ и думаетъ. Физически и нравственно здоровымъ людямъ свойственно жить, работать, учиться, бороться, огорчаться и радоваться, любить и ненавидѣть, но вовсе не свойственно плакать надъ неразрѣшимыми вопросами. Такъ и поступаютъ обыкновенно люди, пока они здоровы физически и нравственно. А нравственно здоровыми они остаются до тѣхъ поръ, пока живутъ въ здоровой общественной средѣ, т. е. до тѣхъ поръ, пока данный общественный порядокъ не начинаетъ клониться къ упадку. Когда наступаетъ такое время, тогда сначала въ самыхъ образованныхъ слояхъ общества являются безпокойные люди, вопрошающіе: „даръ напрасный, даръ случайный, жизнь, зачѣмъ ты мнѣ дана?",—потомъ, если это болѣзненное состояніе распространяется по всему общественному организму, недовольство собой и всѣмъ окружающимъ сказывается въ самыхъ темныхъ его слояхъ; и тамъ, какъ въ интеллигентной средѣ, находятся „нервныя" особи, одолѣваемыя „предсмертными", какъ выразился Гаврило, мыслями. Употребляя выраженія Сен-Симона, можно сказать, что болѣзненное стремленіе разрѣшить неразрѣшимое свойственно *критическимъ* и чуждо *органическимъ* эпохамъ общественнаго развитія. Но дѣло въ томъ, что и въ критическія эпохи подъ этимъ стремленіемъ задумываться надъ неразрѣшимыми вопросами скрывается вполнѣ естественная потребность открыть причину испытываемой людьми неудовлетворенности. Какъ только она открыта, какъ только люди, переставшіе удовлетворяться своими старыми отношеніями, находятъ новую цѣль въ жизни, ставятъ передъ собою новыя нравственныя и общественныя задачи,

отъ ихъ склонности къ неразрѣшимымъ метафизическимъ вопросамъ не остается и слѣда. Изъ метафизиковъ они снова превращаются въ живыхъ людей, о живомъ думающихъ, но думающихъ уже не по старому, а по новому. Можно и иначе вылѣчиться отъ той же болѣзни: уйти изъ той среды, которая навела васъ на „предсмертныя“ мысли, забыть о ней, найти такое занятіе, которое не имѣло бы ничего общаго съ вашей старой обстановкой. Очень можетъ быть, что въ пріютившей васъ новой средѣ окажутся свои „проклятые вопросы“, но они будутъ вамъ чужды, и пока они найдутъ доступъ къ вашему уму и сердцу, вы успѣете отдохнуть, успѣете насладиться извѣстною степенью „безчувственности“. Въ подобномъ лѣченіи посредствомъ бѣгства немного привлекательнаго, но несомнѣнно, что онъ при случаѣ можетъ оказаться вполнѣ дѣйствительнымъ. Гаврило прибѣгъ именно къ этому способу, и по своему вылѣчился. Его вылѣчила не „метла“, а просто перемѣна обстановки. Покинутая деревня перестала терзать его своими неурядицами, а вмѣстѣ съ этимъ пропали и предсмертныя мысли.

VII

Болѣзненное нравственное настроеніе, овладѣвающее крестьяниномъ подъ вліяніемъ современной деревенской обстановки составляетъ также главную мысль другого разсказа г. Каронина: *„Больной Житель“*. Герой этого разсказа, крестьянинъ Егоръ Ѳедоровичъ Горѣловъ, подобно Гаврилѣ, махнулъ рукой на свое хозяйство и почувствовалъ отвращеніе къ деревенскимъ порядкамъ, задумавшись все надъ тѣми же вопросами: „что къ чему, зачѣмъ и какимъ правиламъ? „Однако онъ пришелъ уже къ довольно опредѣленному и довольно конкретному отвѣту на этотъ счетъ. Изъ подъ „власти земли“ онъ выбился также безповоротно, какъ и Гаврило. Но онъ не одеревенѣлъ, не превратился въ „идола“. У него есть извѣстная цѣль, къ которой онъ и стремится по мѣрѣ силъ и возможности. „Разное бываетъ хозяйство—отвѣчаетъ Егоръ Ѳедоровъ на вопросъ, почему онъ предпочитаетъ жить въ батракахъ, а не въ собственномъ домѣ. *Главное, что бы въ умѣ былъ порядокъ.* Который человѣкъ полуумный и никакого хозяйства въ душѣ у него не водится, тому все одно“... Странно звучатъ такія слова въ устахъ русскаго крестьянина, и неудивительно, что, по замѣчанію автора, послѣ разговора съ Егоромъ Ѳедоровичемъ на многихъ изъ его односельцевъ „нападала тоска“. Собесѣдникъ, выслушавшій вышеприведенный отвѣтъ на счетъ хозяйства, не вѣрилъ своимъ ушамъ. „Изумленіе его было столь велико, какъ еслибы ему сказали, что его ноги, собственно говоря, растутъ вмѣстѣ съ онучами у него на головѣ“. Онъ могъ только произнести, „вотъ оно какъ!“ и съ этихъ поръ уже не разспрашивалъ Горѣлова, чувствуя къ нему непреодолимый страхъ“. Этотъ собесѣдникъ оче-

видно не утратилъ еще старой крестьянской непосредственности и жилъ, не мудрствуя лукаво. Это былъ своего рода |Иванъ Ермолаевичъ, не упускавшій, впрочемъ, случая зашибить копѣйку мелкой торговлишкой. Онъ не могъ понять Горѣлова, который, въ свою очередь. перестаіъ понимать его и ему подобныхъ.

Установивши извѣстный „порядокъ“ въ своемъ собственномъ умѣ, Егоръ Өедоровичъ сталъ сильно задумываться объ участи своихъ односельчанъ. Слыхалъ онъ, „будто въ губерніяхъ на счетъ деревень нашихъ хлопочутъ“. Ему очень занятно было послушать, „что такое и въ какомъ значеніи?“—и вотъ онъ рѣшился идти на собесѣдованіе къ учителю Синицыну. Къ несчастью, изъ ихъ разговора вышло не больше, чѣмъ изъ разговора Гаврилы со священникомъ.

—На счетъ чего хлопочутъ въ губернѣ? приставалъ къ учителю Горѣловъ. Въ какомъ значеніи житель-то нашъ? Слыхалъ я, что въ мѣщане приписываютъ... или останется онъ на прежнемъ положеніи?

—Хлопочуть, чтобы какъ лучше ему было, возразилъ учитель.—Ты вотъ не умѣешь читать, а я читалъ газету. Прямо написано: дать мужику въ нѣкоторомъ родѣ отдыхъ!

—Облегченіе?

—Облегченіе. По крайности, чтобы насчетъ пищи было благородно.

—А насчетъ прочаго? съ тоской спросилъ Горѣловъ.

—Ну, въ отношеніи прочаго я тебѣ ничего пока не могу сказать. Пока не вычиталъ. А какъ вычитаю—приходи, разскажу досконально!

—А я такъ думаю, не миновать ему казни! сказалъ Горѣловъ.

—Кому казни? удивленно спросилъ учитель.

—Да жителю-то.

—Что ты говоришь?

—Да такъ... не минетъ онъ казни. Помяни ты мое слово — будетъ ему казнь! Ужели же пользу ему возможно сдѣлать, ежели онъ ополоумѣлъ? Говоришь хлопочуть, да Господи Боже мой, зачѣмъ? Стало быть пришелъ же ему конецъ, какъ скоро онъ все одно, что оглашенный. Нѣту ему больше ходу, и никто не воленъ облегчить его. Не знаю... не знаю, какъ нашимъ ребятамъ... имъ бы помочь, а нашему брату, деревенскому жителю, ничего ужь намъ не надо! Одна единая дорога нашему брату, старому жителю — къ бочкѣ, грѣшной...

—Въ кабакъ?

—Пря-амехонько въ кабакъ! По той причинѣ, что никто не воленъ дать намъ другой радости, окромя этой!

—А ты пьешь? Я чтой-то не слыхалъ.

Горѣловъ покачалъ головою..“

Вскорѣ послѣ этого разговора онъ окончательно покинулъ родныя мѣста.

Но неужели такъ трудно ужиться въ современной деревнѣ крестьянину съ нѣкоторымъ „порядкомъ въ мысляхъ? спроситъ, можетъ быть, читатель.

Вмѣсто отвѣта мы укажемъ ему еще на два разсказа г. Каронина: „*Вольный Человѣкъ*“ и „*Ученый*“.

Въ знакомомъ уже намъ Парашкинѣ, повидимому, еще за долго до повальнаго бѣгства его обывателей, жили-были два крестьянина:

Илья Малый и Егоръ Панкратовъ. Они ни въ чемъ не походили одинъ на другого. „Илья Малый былъ простодушенъ; Егоръ Панкратовъ сосредоточенъ. Илья Малый молчалъ только тогда, когда говорить было нечего; Егоръ Панкратовъ говорилъ только тогда, когда молчать не было никакой возможности... Одинъ постоянно отчаявался, другой показывалъ видъ, что ему ничего" и т. д. Но главное различіе ихъ характеровъ заключалось въ томъ, что „Илья Малый жилъ такъ, какъ придется и какъ ему дозволятъ; Егоръ Панкратовъ старался *жить по правиламъ*, не дожидаясь позволенія. *Одинъ жилъ и не думалъ, другой думалъ и этимъ пока жилъ.*

Не смотря на все несходство ихъ характеровъ, между Ильей Малымъ и Егоромъ Панкратовымъ существовала тѣсная дружба. Она завязалась съ тѣхъ поръ, какъ Егоръ отбилъ у старосты корову Ильи, предназначенную къ продажѣ за недоимку. Такой поступокъ Егора, мотивированный, впрочемъ, тѣмъ соображеніемъ, что „*въ законѣ* про корову нигдѣ не сказано", возбудилъ полнѣйшее удивленіе робкаго и беззащитнаго Ильи. Егоръ казался ему героемъ, и онъ безусловно подчинялся ему всегда и всюду, кромѣ тѣхъ случаевъ, когда его другъ вступалъ въ столкновеніе съ бариномъ или съ сельскимъ начальствомъ. Въ этихъ случаяхъ Илья немедленно обращался въ постыдное бѣгство, а Егоръ стоялъ на своемъ и,—случалось—выходилъ побѣдителемъ, потому что всегда старался держаться законной почвы.

Стремленіе жить по закону и „по правиламъ" сдѣлалось маніей Егора. „Всѣ повинности онъ отправлялъ исправно, подати платилъ въ срокъ и съ презрѣніемъ глядѣлъ на голытьбу, которая доводитъ себя до самозабвенія. Порка для него казалась даже странной; онъ говорилъ: *чай я не дите малое*".

Со всѣмъ тѣмъ, онъ смутно чувствовалъ, что твердой законной почвы у него подъ ногами не имѣется. Его права, какъ „вольнаго человѣка" и самостоятельнаго хозяина были ему очень не ясны. И хотя онъ безусловно предпочиталъ новые деревенскіе порядки старымъ, крѣпостническимъ, однако и новые порядки далеко не могли удовлетворить его стремленіямъ къ самостоятельной жизни *по правиламъ*. „Душа, братецъ мой, вольна нынче, а тѣло—нѣтъ, такъ-то!" возразилъ онъ однажды своему пріятелю, утверждавшему, что нынче „ничего, жить можно". Егоръ Панкратовъ никогда не могъ отдѣлаться отъ этого тяжелаго, хотя и смутнаго сознанія своей неволи. Его никогда не покидала мысль о поруганіи, угрожающемъ крестьянину при неисправномъ отправленіи имъ своихъ „обязанностей" по отношенію къ государству. Онъ сталъ скупъ и жаденъ, копя и собирая деньги единственно для своевременной уплаты податей. Но пришло время, когда всѣ его усилія оказались безполезными.

Вмѣстѣ съ Ильей, Егору не разъ случалось наниматься на работу у сосѣдняго помѣщика, который, подобно многимъ представителямъ доблестнаго россійскаго дворянства, не имѣлъ привычки торопиться съ уплатой своихъ долговъ, въ особенности долговъ работникамъ. У Егора и прежде уже происходили по этому поводу довольно сильныя столкновенія съ беззаботнымъ бариномъ, но въ тотъ разъ, о которомъ идетъ рѣчь,

дѣло принимало особенно непріятный оборотъ. Съ него и съ его друга требовали податей, а помѣщикъ отказывался расплатиться съ ними, отговариваясь недосугомъ. И въ самомъ дѣлѣ, у него были гости и онъ уже нѣсколько дней кутилъ съ ними безъ перерыву. Въ числѣ гостей былъ и становой.

Егоръ находился въ крайности. „Предчувствіе о ней давно уже тяготѣло надъ нимъ, но смутно; онъ не очень безпокоился. А теперь эта крайность встала передъ глазами. Мысль же о поркѣ приводила его въ необузданное состояніе, и понятно, что онъ выглядѣлъ очень мрачно, когда предсталъ передъ бариномъ".

—Да что же это такое? сказалъ онъ съ волненіемъ, стоя въ прихожей передъ бариномъ, также взбѣсившимся.

„По обыкновенію, Егоръ Панкратовъ былъ впереди, а Илья Малый прятался за нимъ.

—Сколько разъ васъ гоняли и говорили вамъ, что некогда? бѣшено говорилъ баринъ, чувствуя, что голова его сейчасъ треснетъ.

—Намъ, ваша милость, дожидаться нельзя. Описаніе! Мы за своимъ пришли... кровнымъ! отвѣтилъ съ возроставшимъ волненіемъ Егоръ Панкратовъ.

—Ступайте прочь! душу готовы вынуть за трешницу!

—Намъ, ваша милость, нельзя дожидать...

—Говорю вамъ убирайтесь! Рыться я стану въ книгахъ! кричалъ совсѣмъ вышедшій изъ себя баринъ.

„А Егоръ Панкратовъ стоялъ передъ нимъ блѣдный и мрачно глядѣлъ въ землю.

—Эхъ ваша милость! стыдно обижать вамъ насъ въ этомъ разѣ... сказалъ онъ.

—Да ты уйдешь? Эй! Яковъ! Гони!

„На шумъ вышли почти всѣ гости... и становой. Послѣдній, узнавъ въ чемъ дѣло, приказалъ Егору Панкратову удалиться. Но Егоръ Панкратовъ не удалился; онъ съ отчаяніемъ глядѣлъ то на того, то на другого изъ гостей, и, наконецъ, сказалъ упавшимъ голосомъ:

—Ты, ваше благородіе, не путайся въ это мѣсто".

Скверно кончилась эта исторія для нашего сторонника законности. Его чуть было не высѣкли, и только по совѣту старшины, боявшагося „взбалмошнаго" нрава „Егорки", замѣнили это позорное наказаніе заключеніемъ въ „темную", на хлѣбъ и воду. Деревенскій староста боялся было, что онъ упрется, и униженно просилъ его „покориться". И Панкратовъ покорился. Молча и мрачно пошелъ онъ въ „канцеръ", молча и мрачно вышелъ оттуда, придя домой забрался на полати, напился квасу и... заболѣлъ горячкой. Всѣ сосѣди и даже всѣ деревенскіе начальники отнеслись къ нему съ полнѣйшимъ сочувствіемъ, и не понимали только одного: что собственно такъ огорчило страннаго мужика.

„Прохворалъ онъ почти всю зиму; покопошится на дворѣ, поработаетъ и опять сляжетъ. Илья Малый старался во всемъ ему помогать, но все таки хозяйство его было уже разстроено, да и самъ онъ былъ не тотъ. Однажды, въ началѣ весны, онъ вышелъ на заваленку погрѣться на солнышкѣ, и всѣ, кто проходилъ мимо него, не узнавали въ немъ Егора Панкратова. Блѣдное лицо, тусклые глаза, вялыя движенія и странная, больная улыбка—вотъ чѣмъ сталъ Егоръ

Панкратовъ. Къ нему подсѣлъ Илья Малый и, разсказавъ свои планы на наступающее лѣто, неосторожно коснулся происшествія, укоряя Егора Панкратова за то, что тогда онъ огорчился изъ-за пустяковъ. Егоръ Панкратовъ сконфузился и долго не отвѣчалъ, улыбаясь не кстати... Потомъ сознался, что его тогда „нечистый попуталъ". Онъ стыдился за свое прошлое. Такимъ Егоръ Панкратовъ остался навсегда. Онъ сдѣлался ко всему равнодушенъ. Ему было, повидимому, все равно, какъ ни жить, и если онъ жилъ, то потому, что другіе живутъ, напримѣръ, Илья Малый... Разумѣется, Егоръ Панкратовъ и Илья Малый остались по прежнему друзьями-пріятелями; они „соопча" работали, „соопча" терпѣли невзгоды; ихъ и сѣкли за одинъ разъ".

Такъ наказала современная деревня „вольнаго человѣка" за его стремленіе къ жизни по „правиламъ".

VIII

Въ разсказѣ „Ученый" передъ нами подобное же явленіе. Проснувшееся въ крестьянинѣ сознаніе своего человѣческаго достоинства не выдерживаетъ столкновенія съ окружающей его тяжелой дѣйствительностью; загорѣвшійся огонекъ мысли гаснетъ подъ вліяніемъ тяжелаго нравственнаго оскорбленія. На этотъ разъ мы имѣемъ дѣло съ „жителемъ", избравшимъ самый вѣрный путь для заведенія въ своемъ умѣ „порядка". Дядя Иванъ, тоже парашкинскій „житель", отличается необыкновенной жаждой знанія, страстной любовью къ книгѣ. Несмотря на свой зрѣлый возрастъ, онъ ходитъ въ школу, гдѣ стоически переноситъ насмѣшки шаловливыхъ ребятъ, съ дѣтской безпощадностью издѣвавшихся надо всѣми промахами и ошибками своего взрослаго товарища. Но школьный учитель былъ плохъ, а вскорѣ, благодаря земству, школа и совсѣмъ закрылась. Такъ и остался Иванъ полуграмотнымъ, умѣя только съ грѣхомъ пополамъ читать по печатному и смотря на искусство писать, какъ на высшую, недостижимую для него мудрость. Тѣмъ не менѣе, страсть „почитаться" осталась у него въ полной силѣ. Для него не было большаго наслажденія, какъ купить въ городѣ книжку и засѣсть за нее въ свободное отъ хозяйственныхъ занятій время. Бѣда была лишь въ томъ, что онъ далеко не все понималъ въ покупаемыхъ книжкахъ. Иногда попадалось въ нихъ такое словечко, котораго онъ, при всѣхъ усиліяхъ, не могъ понять безъ посторонней помощи. Тогда Иванъ шелъ къ писарю Семенычу и за приличное вознагражденіе, въ видѣ шкалика водки, добивался разъясненія мудренаго „словечка". Правда, толкованія писаря далеко не всегда соотвѣтствовали истинному смыслу непонятнаго слова, но безъ его помощи Иванъ обойтись все таки не могъ. Семенычъ былъ самымъ ученымъ человѣкомъ въ деревнѣ. Со временемъ Иванъ сталъ обращаться къ нему не только по поводу „сло-

вечекъ", но и вообще во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда въ его головѣ шевелились вопросы, неразрѣшенные „стройною" философіей предковъ. А такіе вопросы все чаще и чаще возникали въ головѣ темнаго читателя. „Откуда вода? Или опять тоже земля?.. Почему? Куда бѣгутъ тучки?" Мало того, явился даже вопросъ о томъ, *„откуда мужикъ?"* Собесѣдованіе Ивана съ Семенычемъ по поводу этого вопроса прекрасно изображено авторомъ.

—Напримѣръ, мужикъ... Дядя Иванъ остановился и сосредоточенно смотрѣлъ на Семеныча.

—Мужику у насъ счету нѣтъ, возразилъ послѣдній.

—Погоди, Семенычъ... ты, Семенычъ, не сердись... Ну, напримѣръ, я мужикъ, темнота, одно слово—невѣжество... А почему?

„Въ глазахъ дяди Ивана появилось мучительное выраженіе.

„У Семеныча даже косушка вылетѣла изъ головы; онъ даже плюнулъ.

—Ну, мужикъ—мужикъ и есть! Ахъ! ты, дурья голова!

—То - то я и думаю: почему?

—Потому, мужикъ, необразованность... Тьфу! дурья голова! съ удивленіемъ плюнулъ Семенычъ, начиная хохотать.

—Стало быть, въ другихъ царствахъ тоже мужикъ?

—Въ другихъ царствахъ-то?

—Ну.

Тамъ мужика не дозволяется...; Тамъ этой самой нечистоты нѣтъ! Тамъ его духу не положено! Тамъ, братъ, чистота, наука.

—Стало быть, мужика...

—Ни-ни.

—Наука?

—Тамъ-то? Да тамъ, надо прямо говорить, ежели ты сунешься съ образиной своей, тамъ на тебя с-с-о-обакъ напустятъ! Потому ты звѣрь звѣремъ!"

Какъ ни глупо было вранье Семеныча, но въ данномъ случаѣ и его, вѣроятно, было достаточно, чтобы подлить масла въ огонь, толкнувъ на новую работу безпокойную мысль Ивана. Узнавъ, что въ другихъ государствахъ и духу мужицкаго „не положено", и что это происходитъ оттого, что „тамъ наука", Иванъ естественно долженъ былъ пойти далѣе и спросить себя,—нельзя-ли и русскому трудящемуся населенію добиться подобной же степени образованія? А отсюда уже недалеко было и до очень радикальныхъ выводовъ. Пишущему эти строки пришлось въ семидесятыхъ годахъ въ Берлинѣ встрѣтиться съ артелью русскихъ крестьянъ Нижегородской губерніи, работавшихъ на одной изъ суконвальныхъ фабрикъ прусской столицы. Мы помнимъ, какое впечатлѣніе произвело на нихъ знакомство съ заграничными порядками и съ матеріальнымъ положеніемъ нѣмецкихъ рабочихъ. „Нѣтъ страны хуже Россіи!"—восклицали они съ какимъ-то грустнымъ ожесточеніемъ, и охотно соглашались съ нами, когда мы говорили что пора бы русскому крестьянству подняться на своихъ угнетателей. Можетъ быть къ такому же заключенію пришелъ бы и Иванъ, но ему помѣшало въ этомъ одно неожиданное происшествіе.

Съ нѣкоторыхъ поръ голова его стала работать, по выраженію автора, больше чѣмъ руки. Въ его несложномъ хозяйствѣ явились упущс-

нія, за нимъ оказались недоимки. Староста уже нѣсколько разъ напоминалъ ему объ этомъ, но Иванъ продолжалъ возиться съ вопросами. Печальная развязка сдѣлалась неизбѣжной. Въ одинъ изъ пріѣздовъ исправника Ивана позвали въ волость и тамъ розгами напомнили ему объ его гражданскихъ обязанностяхъ. Эта отеческая расправа поразила его какъ громомъ. Возвращаясь домой, „онъ озирался по сторонамъ, боясь кого нибудь встрѣтить,—онъ такъ бы и оцѣпенѣлъ отъ стыда, если бы встрѣтилъ; да, отъ стыда! потому что все, что дали ему чудесныя мысли — это стыдъ, ѣдкій, смертельный стыдъ".

Подъ вліяніемъ перваго впечатлѣнія Иванъ хотѣлъ было утопиться. Онъ даже прибѣжалъ на берегъ рѣки и уже готовился было броситься въ воду, но... его настигъ староста, которому до зарѣзу нужны были люди для починки моста, совершенно не кстати обвалившагося передъ пріѣздомъ исправника. „Гдѣ у тебя совѣсть, дьяволъ ты эдакой, какого лѣшаго ты тутъ прохлаждаешься!"—закричалъ блюститель деревенскаго порядка. И отъ этого окрика въ Иванѣ, повидимому, дѣйствительно, проснулась „совѣсть", старая, завѣщанная прародителями совѣсть двуногаго вьючнаго животнаго, осужденнаго на вѣчную каторгу. Онъ безропотно пошелъ на работу.

Но съ тѣхъ поръ у него пропала новая, благопріобрѣтенная, изъ книжекъ почерпнутая совѣсть. „Дядя Иванъ о книжкахъ и чудесныхъ мысляхъ больше не вспоминалъ. Онъ думалъ только о недоимкахъ... книжекъ въ пятакъ онъ не носилъ больше за голенищемъ, онъ зарылъ ихъ въ яму, выкопанную нарочно на огородѣ... Если же на него нападала тоска, то онъ шелъ къ Семенычу и отправлялся вмѣстѣ съ нимъ въ кабачекъ. Черезъ полчаса, много черезъ часъ, оба закадычные выходили оттуда уже готовыми"...

Впослѣдствіи дядя Иванъ принималъ участіе въ извѣстномъ уже намъ бѣгствѣ Парашкинцевъ цѣлымъ „опчисвомъ".

IX

Въ статьѣ о г. Успенскомъ мы противопоставили изображенному имъ крестьянину Ивану Ермолаевичу рабочаго Михайла Лунина, героя повѣсти г. Каронина „Снизу Вверхъ". По этому поводу насъ, вмѣстѣ съ г. Карониными, не мало обвиняли въ преувеличеніи. Мы соглашаемся, что сдѣланное нами противопоставленіе было слишкомъ рѣзко. Михайло Лунинъ есть дѣйствительно настоящій антиподъ Ивана Ермолаевича. Одинъ не понимаетъ существованія внѣ земледѣльческаго труда, и мысль его работаетъ лишь тамъ, гдѣ соха, борона, овцы, куры, утки, коровы и тому подобное. Другой не имѣетъ ни сохи, ни бороны, ни овецъ, ни куръ, ни утокъ, ни коровъ и ничего подобнаго. И онъ не только мало сожалѣетъ объ этомъ, но ему трудно даже понять, какъ могутъ люди выносить тяжелую долю русскаго земледѣльца. Иванъ Ермолаевичъ плохо соображаетъ, зачѣмъ собствен-

но ему нужно учить грамотѣ своего сына Мишутку. Михайло Лунинъ самъ учится „не то что съ энтузіазмомъ, а съ какимъ-то остервенѣніемъ“. Взгляды Ивана Ермолаевича поражаютъ своею „стройностью“. Михайло Лунинъ, какъ и всякій человѣкъ, пережившій періодъ разлада съ окружающей его дѣйствительностью, долженъ былъ пройти черезъ всевозможныя сомнѣнія и недоумѣнія, а слѣдовательно и черезъ связанную съ нимъ путаницу понятій. Иванъ Ермолаевичъ лишь зѣваетъ „сокрушительнѣйшимъ образомъ“, когда „новый человѣкъ“ пытается привить ему „новые взгляды на вещи“. Въ отвѣтъ на всѣ доводы такого человѣка онъ „можетъ сказать только одно: безъ этого нельзя. Но это только имѣетъ за себя вѣковѣчность и прочность самой природы... Въ головѣ Ивана Ермолаевича нѣтъ мѣста для какихъ бы то ни было *вопросовъ*. Михайло Лунинъ буквально осажденъ „вопросами“ и способенъ замучить ими самаго неутомимаго „интеллигента“. Иванъ Ермолаевичъ склоненъ схватить „колебателя основъ“, и, связавъ его, какъ вора, представить кому слѣдуетъ. Михайло Лунинъ самъ не сегодня—завтра примется колебать „основы“ Взоры Ивана Ермолаевича устремлены въ *прошлое*. Онъ живетъ или хотѣлъ бы жить такъ, какъ жили его „прародители“, за исключеніемъ, конечно, крѣпостного права. Михайло Лунинъ съ содроганіемъ и ужасомъ слушаетъ разсказы о жизни „прародителей“ и старается создать себѣ возможность иной, *новой* жизни, обезпечить себѣ иное, лучшее *будущее*. Словомъ, одинъ представляетъ собою старую, крестьянскую, до-петровскую Русь, другой — новую, нарождающуюся, рабочую Россію, ту Россію, въ которой реформа Петра получаетъ, наконецъ, свое крайнее логическое выраженіе. Съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ стала нарождаться эта новая, рабочая Россія,—въ нашей общественной жизни утратили всякое серьезное значеніе цари-*реформаторы*, и, наоборотъ, пріобрѣли великое историческое значеніе и твердую, реальную почву дѣятели совсѣмъ другого рода, направленія и положенія, а именно, *революціонеры* - пропагандисты, агитаторы и организаторы. Прежде нашъ прогрессъ приходилъ (если приходилъ, что дѣлалъ онъ очень рѣдко) къ намъ *сверху* и могъ приходить только *сверху*. Теперь онъ будетъ приходить *снизу*, *и не можетъ приходить иначе*, *какъ только снизу*. И теперь онъ пойдетъ уже не съ прежней черепашьей медленностью.

Повторяемъ, противопоставленіе Лунина Ивану Ермолаевичу было слишкомъ рѣзко. Но мы не могли избѣжать его, не желая оставить нашу мысль недосказанной. Разобранные нами теперь очерки и разсказы г. Каронина даютъ намъ новый матерьялъ для ея поясненія, и если читатель подумаетъ надъ вышеуказанными характерами и сценами то онъ, можетъ быть, и самъ увидитъ, что Михайло Лунинъ представляетъ собою явленіе, вполнѣ естественное и даже неизбѣжное въ современной нашей общественной жизни.

Все зависитъ отъ окружающей обстановки. Иванъ Ермолаевичъ находится подъ властью земли. Землѣ и только землѣ, земледѣльческому труду и только земледѣльческому труду онъ обязанъ своимъ „стройнымъ“ міросозерцаніемъ. Но вотъ на него надвигается „цивилизація“ и, какъ карточные домики, разрушаетъ всѣ его, вѣками уста-

новившіяся, привычки. „Стройность сельско-хозяйственныхъ земледѣльческихъ идеаловъ безпощадно разрушается такъ называемой цивилизаціей“,—говоритъ г. Успенскій. „Ея вліяніе отражается на простодушномъ поселянинѣ рѣшительно при самомъ ничтожномъ прикосновеніи. Буквально прикосновеніе, одно только легкое касаніе, и тысячелѣтнія идеальныя постройки превращаются въ щепки“. Мы видѣли, что не одна только „цивилизація“, но и само государство, правда, подъ вліяніемъ той же цивилизаціи, сильно способствуетъ разложенію „сплошного“ быта Ивановъ Ермолаевичей. Сообразно тысячамъ различныхъ случайностей, разложеніе принимаетъ различный видъ, создаетъ совершенно различные типы и характеры. Одни изъ нихъ во многомъ, почти во всемъ, похожи на Ивана Ермолаевича, но у нихъ появляются уже новыя черты, Ивану Ермолаевичу несвойственныя. У другихъ черты сходства уравновѣшиваются чертами различія. У третьихъ сходства съ Иваномъ Ермолаевичемъ совсѣмъ уже мало. Наконецъ, появляются и такіе характеры, которые, выработавшись подъ вліяніемъ совершенно новой среды, оказываются совершенно на него не похожими, даже противоположными ему. Въ лицѣ Демы мы встрѣтились съ крестьяниномъ, бывшимъ нѣкогда настоящимъ Иваномъ Ермолаевичемъ. Только нужда могла его оторвать отъ земли; но оторвавшись отъ нея, попавши въ новую обстановку, онъ мало по малу начинаетъ питать къ деревнѣ „недоброе чувство“. Въ немъ пробуждаются новыя нравственныя потребности, какихъ онъ не зналъ въ деревнѣ и какія не могутъ найти тамъ удовлетворенія. То же можно сказать о фантазерѣ Минаѣ. Онъ представляетъ собою не болѣе, какъ разновидность Ивана Ермолаевича. Онъ держится за землю обѣими руками и весь полетъ его пламенной фантазіи ограничивается сначала только областью земледѣльческаго труда. Но кулакъ Епишка, своимъ примѣромъ, вноситъ разладъ въ его міросозерцаніе. Минай мечтаетъ на тему о томъ, какъ бы раздѣлаться съ общиной и зажить, подобно Епишкѣ, одинокимъ и ничѣмъ несвязаннымъ. Читатель помнитъ, что мысль о выходѣ изъ общины приходила и самому Ивану Ермолаевичу. Только у него она не окрашивалась завистью къ кулацкому благосостоянію, какъ это было у Миная. Покинувъ деревню, впечатлительный Минай, навѣрное, еще болѣе поддался вліянію „цивилизаціи“, и хотя не имѣлъ возможности разжиться, но, конечно, міросозерцаніе его еще болѣе потеряло въ своей „стройности“. Плутоватый и дѣятельный Петръ Сизовъ любитъ свою землю, можетъ быть, не меньше Ивана Ермолаевича, но любитъ уже на другой ладъ, такъ, какъ любятъ ее кулаки и вообще люди наживы. Для него земля дорога уже не сама по себѣ, а потому что имѣетъ извѣстную *мѣновую* стоимость. „Власть земли“ отходитъ здѣсь на задній планъ, уступая мѣсто *власти капитала.*

Но и Иванъ Ермолаевичъ и Дема и Петръ Сизовъ, и даже фантазеръ Минай, при всемъ сходствѣ или несходствѣ другъ съ другомъ, имѣютъ ту общую черту, что въ ихъ отношеніяхъ къ окружающему,—какъ бы ни было оно для насъ привлекательно или непривлекательно,—нѣтъ ничего болѣзненнаго. Въ разстроенныхъ „деревен-

скихъ нервахъ" Гаврилы и въ „больномъ жителѣ" Горѣловѣ мы видимъ иную черту. Разложеніе стараго „сплошного" быта отразилось на нихъ болѣзненно. Пробудившаяся мысль, не довольствуясь старымъ „сплошнымъ" міросозерцаніемъ, поставила себѣ вопросъ: „зачѣмъ, для чего?"—и не нашла удовлетворительнаго отвѣта, запутавшись въ потемкахъ и противорѣчіяхъ. Но она не могла и помириться со своимъ безсиліемъ, мстя за него отрицательнымъ отношеніемъ ко всему окружающему. И Гаврило и Егоръ Өедорычъ Горѣловъ бѣгутъ изъ деревни, измучившей и разстроившей ихъ до крайности. Деревенская среда не можетъ внести искомаго „порядка" въ ихъ головы.

„Вольный человѣкъ" Егоръ Панкратовъ ищетъ не столько „порядка" въ мысляхъ, сколько возможности жить по „закону", не подчиняясь произволу людей, выше его поставленныхъ. Независимостью своей нравственной личности онъ дорожитъ больше всего на свѣтѣ. Это его конекъ, господствующее стремленіе въ его жизни. Подъ вліяніемъ этого стремленія, которому такъ часто противорѣчитъ практика деревенской жизни, онъ дѣлается угрюмымъ, несообщительнымъ и даже жаднымъ. Въ этой оригинальной личности, сосредоточившей всѣ свои силы на огражденіи своего человѣческаго достоинства, также нельзя не видѣть знаменія новаго времени. Представитель сплошного быта и сплошного міросозерцанія, Иванъ Ермолаевичъ, не имѣлъ никакихъ *исключительныхъ* стремленій; въ его сплошной, уравновѣшенной душѣ для нихъ не было и мѣста. Только съ разрушеніемъ этого стихійно-выросшаго, сплошного равновѣсія является возможность развитія *личности*, съ ея особенными вкусами, наклонностями и стремленіями.

„Ученый" дядя Иванъ еще дальше ушелъ отъ Ивана Ермолаевича. Его, подобно Гаврилѣ и Горѣлову, осаждаютъ различные вопросы, о существованіи которыхъ ИванъЕ рмолаевичъ не имѣлъ и понятія. Но его вопросы принимаютъ гораздо болѣе опредѣленное и совершенно реальное направленіе. Онъ идетъ къ ихъ разрѣшенію по вѣрному пути: онъ стучится въ дверь школы, вооружается книгой. „Откуда мужикъ! Почему мужикъ!" Разъ начали появляться такіе вопросы въ крестьянской головѣ, — можно съ полною увѣренностью сказать, что старому, сплошному, крестьянскому быту пришелъ конецъ. Правда, дядя Иванъ не выдерживаетъ характера, у него опускаются руки, какъ опустились онѣ и у Егора Панкратова. Но это только показываетъ лишній разъ, что современная деревня представляетъ собою среду, крайне не благопріятную для развитія крестьянской мысли. Михайло Лунинъ рано покинулъ деревню и уцѣлѣлъ. Между нимъ и дядей Иваномъ различіе въ судьбѣ, а не въ характерѣ. Попади дядя Иванъ на мѣсто Лунина,—онъ, по всей вѣроятности, пришелъ бы къ тому же, къ чему пришелъ Лунинъ. Дядя Иванъ относится къ Михайлѣ, какъ человѣкъ, поставившій себѣ извѣстную цѣль, относится къ человѣку, достигшему этой цѣли. Вотъ и все. Дядя Иванъ является антиподомъ Ивана Ермолаевича *въ стремленіи*, Михайло Лунинъ — антиподомъ его *въ дѣйствительности*.

Намъ замѣтятъ, вѣроятно, что немного рабочихъ попадаетъ въ та-

кія благопріятныя для умственнаго развитія условія, въ какія попалъ Лунинъ. Это вѣрно. Но не въ томъ дѣло. Важно то, что современная русская жизнь, благодаря распаденію сплошного быта, создаетъ, и чѣмъ далѣе, тѣмъ въ большемъ числѣ будетъ создавать, такихъ личностей, какъ Егоръ Панкратовъ, дядя Иванъ и Михайло Лунинъ. Важно то, что, какъ ни плохо положеніе русскаго рабочаго, но все таки городская жизнь гораздо болѣе деревенской благопріятна для дальнѣйшаго умственнаго и нравственнаго развитія подобныхъ личностей. Хотите-ли, чтобы она была еще благопріятнѣе? Это въ значительной степени зависитъ отъ васъ. Идите въ рабочую среду и помогите ей разобраться въ *вопросахъ*, поставленныхъ передъ ней самой жизнью. Въ этой средѣ растетъ та новая историческая сила, которая освободитъ современемъ *все* трудящееся населеніе страны.

Плохи люди, сидящіе сложа руки и возлагающіе все свое упованіе на естественный ходъ событій. Это трутни исторіи. Отъ нихъ никому ни жарко ни холодно. Но немногимъ лучше ихъ и тѣ, которые упорно смотрятъ назадъ, не переставая говорить о поступательномъ движеніи народа. Эти люди осуждены на неудачи и разочарованія, потому что они добровольно поворачиваются спиною къ исторіи. Полезнымъ дѣятелемъ можетъ быть только тотъ, кто, не боясь борьбы, умѣетъ направлять свои усилія сообразно съ ходомъ общественнаго развитія.

Русскій народъ не со вчерашняго дня переживаетъ процессъ разложенія старыхъ деревенскихъ порядковъ. Онъ успѣлъ уже весьма значительно измѣниться. А наша демократическая интеллигенція все еще продолжаетъ искать опоры въ старыхъ народныхъ „идеалахъ“. Если она когда нибудь пойметъ свою ошибку, то скажетъ, можетъ быть, какъ говорили губернскому гласному парашкинцы: „съ которыхъ уже это поръ идетъ, а мы все перемогались, все думали, авось Богъ дастъ... Вотъ она слѣпота-то наша какая!“

И подлинно слѣпота! Рваться впередъ, и въ тоже время защищать отжившую свой вѣкъ старину! Желать добра народу, и въ тоже время отстаивать учрежденія, способныя только увѣковѣчить его рабство! Считать мертвое живымъ, а живое мертвымъ! — кто, кромѣ слѣпыхъ, не замѣтитъ бездонной пропасти подобныхъ противорѣчій? Имѣющій очи и пользующійся ими не боится ни историческаго развитія вообще ни торжества капитализма въ частности. Онъ видитъ въ капитализмѣ не одно только зло; онъ замѣчаетъ также его „разрушительную, революціонную сторону, которая низвергнетъ старое общество“. Вотъ почему, наблюдая современное разложеніе всѣхъ допотопныхъ „устоевъ“ русской соціальной и политической жизни, имѣющій очи человѣкъ съ облегченнымъ сердцемъ воскликнетъ: *прощай, старая Обломовка, ты сдѣлала свое дѣло*!

Г. Плехановъ.

РЕВОЛЮЦІОНЕРЫ ИЗЪ БУРЖУАЗНОЙ СРЕДЫ.

I

Въ настоящей статьѣ мы хотимъ говорить, собственно, о русской революціонной интеллигенціи, которая за послѣдніе годы какъ будто остановилась на распутьи и раздумываетъ, куда пойти ей: свернуть-ли направо для соединенія съ высшими классами, пойти-ли на лѣво и искать серьезнаго союза съ рабочими, или идти на проломъ, разсчитывая лишь на собственныя силы, то есть на „терроръ".

Но прежде чѣмъ говорить о русскомъ движеніи, намъ кажется небезполезнымъ припомнить, хотя бы въ самыхъ общихъ чертахъ, полузабытую у насъ физіономію западнаго революціонера изъ буржуазіи.

Намъ это кажется небезполезнымъ, во первыхъ потому, что у нашей революціонной интеллигенціи, твердо знающей, что на западѣ буржуазія была революціонна, боролась съ абсолютизмомъ и завоевала политическую свободу, имѣется, повидимому, очень сбивчивое представленіе о томъ буржуа, который былъ революціонеромъ, боролся и завоевалъ... Онъ, то рисуется ей чѣмъ-то аналогичнымъ, по образу мыслей, солидности и положенію русскому „либералу", „отцу", „земцу", которымъ и выставлялся не разъ въ нашихъ подпольныхъ изданіяхъ, въ видѣ примѣра для подражанія: а то вдругъ окажется и еще солиднѣе: финансистомъ или крупнымъ предпринимателемъ.

Это смутное представленіе о западномъ борцѣ за политическую свободу не можетъ не вліять, въ свою очередь, и несомнѣнно вліяетъ самымъ путающимъ образомъ на наши представленія о роли, какъ „общества", такъ и самыхъ революціонеровъ въ русской борьбѣ за ту же свободу, на наши понятія о значеніи въ этой борьбѣ соціализма и соціалистовъ.

Съ другой стороны, революціонное движеніе въ средѣ образованной буржуазіи Франціи и Германіи въ первой половинѣ XIX-го вѣка имѣло, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, много общаго съ русскимъ революціоннымъ движеніемъ.

Мы искали, конечно, другаго содержанія для своего революціоннаго идеала, вмѣсто республиканскаго идеала, съ которымъ выступили наши западные предшественники. Но по своему общему характеру, по тѣмъ элементамъ образованныхъ классовъ, которые оно захватываетъ, по тѣмъ силамъ, которыя оно можетъ развить и по доступнымъ для него средствамъ, наше революціонное движеніе является несомнѣннымъ историческимъ ровесникомъ исчезнувшаго послѣ 1848 года революціоннаго движенія среди образованныхъ классовъ Европы. Поэтому-то намъ и не безполезно припомнить: въ чемъ была сила этихъ образованныхъ революціонеровъ и что они сдѣлали? Это можетъ представить намъ нѣкоторыя данныя для опредѣленія своей собственной силы и значенія.

Какъ мы уже сказали, положеніе русскаго революціонера представляется намъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ аналогичнымъ съ положеніемъ образованныхъ революціонеровъ Франціи и Германіи, дѣйствовавшихъ съ начала реставраціи и до 48-го года.

Образованный революціонеръ-идеологъ конца XVIII-го вѣка былъ въ иномъ положеніи и опирался на такія силы, которыхъ нѣтъ у русскаго движенія, какъ не было и у нѣмецкаго. Но вся революціонность первой половины XIX-го вѣка такъ тѣсно связана съ великой революціей XVIII-го; всѣ постепенно видоизмѣнявшіяся программы и теоріи внуковъ до такой степени коренятся въ міровоззрѣніи ихъ знаменитыхъ дѣдовъ, что невозможно не начать съ нихъ.

Къ чему стремились идейные представители великой буржуазной революціи? Во всякомъ случаѣ не къ господству и благополучію современной буржуазіи. Прежде чѣмъ окончательно вымерло ихъ поколѣніе его остаткамъ удалось познакомиться съ болѣе или менѣе опредѣлившимся уже типомъ новаго господствующаго класса и съ однимъ изъ лучшихъ образцовъ новаго строя, при конституціонной монархіи Луи Филиппа. И старики отвернулись съ презрѣніемъ отъ своихъ довольныхъ сыновей, возненавидѣли новый строй, мѣшались въ заговоры и шли умирать на баррикады вмѣстѣ со студентами и рабочими.

Съ своей стороны благоразумный современный буржуа, хотя и доволенъ матеріальными результатами революціи, но за то очень недоволенъ ея нравственными послѣдствіями и въ досужія минуты охотно мечтаетъ о томъ, какъ хорошо было бы, если бы стараго революціонера вовсе небывало на свѣтѣ.

„Свободная Россія", приглашавшая нашихъ революціонеровъ повернуть на право, сообщаетъ намъ мимоходомъ свои наблюденія надъ запоздалыми на цѣлое столѣтіе для западной Европой, но назидательными, по ея мнѣнію, для Россіи, утопіями, носящимися теперь предъ умственными очами „благоразумныхъ людей Франціи".

„Во Франціи, говоритъ эта газета, „благоразумные люди разныхъ партій, — какъ между консервативными монархистами, такъ и среди радикальныхъ республиканцевъ, соглашаются въ томъ, что неурядицы времени великой революціи и ихъ послѣдствія, чувствуемыя и до сихъ поръ, могли бы быть предупреждены, еслибъ страна, попавши въ тиски абсолютной монархіи, сохранила хоть старые провинціальные земскіе чины (états), или еслибъ новыя провинціальныя собранія чу-

реждены были по всей странѣ не въ 1787 г., а хоть 15-20 лѣтъ раньше и если бы затѣмъ и Земскій Соборъ 1789 г. тоже былъ созванъ раньше и явился бы естественнымъ завершеніемъ провинціальнаго самоуправленія".*)

Какъ хорошо было бы въ самомъ дѣлѣ, если бы генеральные штаты собрались пораньше, пока не выросло еще революціонное поколѣніе, воспитавшееся на философскихъ теоріяхъ. Да если бы еще въ эти генеральные штаты попали все опытные дѣльцы старыхъ провинціальныхъ чиновъ, тогда ужъ навѣрное не было бы никакихъ потрясеній. Дѣльцы не заупрямились бы, засѣдали бы себѣ отдѣльно по сословіямъ, держали бы рѣчь королю на колѣняхъ, какъ требовалось по программѣ 1614 г., которую отстаивали парламенты — эти остатки стараго самоуправленія. Они исполнили бы все, что отъ нихъ требовалось, но при этомъ пожалуй что нибудь выторговали бы у правительства. Ихъ скоро созвали бы опять и они опять что нибудь да выпросили бы. Дальше да больше, и понемногу всѣ благоразумныя, практичныя требованія буржуазіи были бы удовлетворены. Правда, на французскомъ престолѣ, быть можетъ, еще благополучно засѣдали бы Бурбоны, и навѣрное существовала бы сильная поземельная аристократія (потрясеній бы не было, а слѣдовательно—ни эмиграціи, ни конфискаціи дворянскихъ имѣній). Это очень пріятно утописту изъ дворянъ и не такъ ужь привлекательно для буржуа республиканца. Но какъ человѣкъ благоразумный, онъ видитъ, конечно, что и король, и дворянство ничтожное зло по сравненію съ тѣми напастями, какія повела за собою революція. Не привыкни возставать и побѣждать бѣднѣйшая часть городскаго населенія, рабочій не повадился бы разсуждать, совать свой носъ въ общественныя дѣла, не зазнался бы, не счелъ бы себя, въ концѣ концовъ, особымъ классомъ, которому принадлежитъ будущее. Онъ и тогда, положимъ просилъ бы прибавки, устраивалъ бы стачки, но какъ сравнительно легко было бы справляться со всѣмъ этимъ, хотя бы посредствомъ „соціальной политики"!

Но дѣло къ счастью уже не поправимо, и исторія шла не по рецептамъ благоразумныхъ людей. Голодныя, неблагоразумныя массы возстали и вооружились по всей Франціи, а во главѣ революціи очутились не практики и дѣльцы, а теоретики идеологи, заразившіе своимъ энтузіазмомъ всю страну, а за ней и весь тогдашній образованный міръ. Эти люди видѣли въ устраненіи тѣхъ или иныхъ злоупотребленій, въ отмѣнѣ десятины, въ равномѣрной раскладкѣ налоговъ, въ уничтоженіи цеховъ и проч. не однѣ лишь непосредственныя практическія удобства и выгоды, получаемыя отъ этихъ мѣръ. Нѣтъ, за всѣмъ этимъ имъ видѣлось впереди всеобщее счастье, царство разума, свободы, равенства и братства всѣхъ людей. Поэтому-то они не остановились въ скромныхъ предѣлахъ предписываемыхъ благоразумной практичностью, а шли все дальше и дальше, вливая въ движеніе ту гигантскую силу одушевленія, которой хватило на то, что

*) № 2 „Своб. Рос.", ст. 3.

бы перевернуть всю Европу и начать новую эру въ исторіи человѣчества.

Большинство этихъ людей принадлежало по рожденію и воспитанію къ буржуазіи, буржуазія имъ сочувствовала при началѣ движенія и она же воспользовалась матерьяльными плодами ихъ борьбы; поэтому они остаются въ исторіи представителями буржуазной революціи. Но субъективно, въ своемъ сознаніи, они были представителями величайшихъ интересовъ всего человѣчества. И не такъ ужь обмануло ихъ сознаніе.

Они видѣли предъ собою сложную, выросшую въ теченіи вѣковъ систему всевозможныхъ сословныхъ, мѣстныхъ, частныхъ правъ и привиллегій, стремившихся приковать каждаго къ его наслѣдственному занятію.

Когда-то, при неподвижности средневѣковой жизни, при устойчивости тогдашнихъ способовъ производства и ничтожности торговли, всѣ эти права, таможни и привиллегіи обезпечивали и закрѣпляли за всякимъ сословіемъ, за всякимъ городомъ и всякой мѣстной группой гражданъ одинъ и тотъ же неизмѣнный источникъ дохода, отстраняя отъ этого источника всякаго человѣка другаго класса другаго наслѣдственнаго занятія, другаго города. Тогда дорожили этими правами и видѣли лишь ихъ хорошую сторону.

Теперь, въ XVIII-омъ вѣкѣ, когда при измѣнившихся условіяхъ производства и торговли, права и привиллегіи не столько обезпечивали старые источники дохода, сколько мѣшали пріобрѣтенію новыхъ, въ глаза кидалась лишь ихъ обратная сторона: несправедливость, нелѣпость, жестокость, налагаемыхъ ими стѣсненій.

Естественна была та мысль, что стоитъ лишь отнять у людей всѣ ихъ особыя, несправедливыя права и привиллегіи, создавшія вражду, бѣдность и неравенство и возвратить всѣмъ людямъ ихъ „естетсвенное право“ жить и заниматься гдѣ хочешь, какъ хочешь и чѣмъ хочешь, стоитъ только уничтожить всѣ стѣсненія—и между равными отъ природы людьми, при ея неистощимыхъ богатствахъ установится и довольство и братство.

Тоже и относительно религіи съ ея обязательной проповѣдью противуестественныхъ нелѣпостей. Стоитъ, казалось, отнять у духовенства привиллегію навязывать всѣмъ и каждому эти нелѣпости и между людьми распространятся „естественныя, разумныя“ воззрѣнія.

Старая, отставшая отъ жизни система стѣсненій и привиллегій терзала въ концѣ XVIII-го вѣка все крестьянство, мѣшала всѣмъ слоямъ буржуазіи и довела до того, что почти каждый человѣкъ погруженный въ свое частное дѣло, никогда не помышлявшій объ общихъ вопросахъ, былъ чѣмъ нибудь да недоволенъ и желалъ тѣхъ или другихъ, соотвѣтствующихъ его спеціальности, перемѣнъ.

Начавшаяся при такихъ условіяхъ, революція доставила широкій просторъ для дѣятельности смѣлыхъ послѣдователей философовъ осьмнадцатаго вѣка.

Камня на камнѣ не осталос отъ старыхъ учрежденій. Тутъ-то, думали борцы, и наступитъ царство разума, равенства и свободы,— лишь бы справиться съ врагами внѣшними и внутренними.

Они ошибались. Не въ томъ, что вѣрили въ возможность свободы и равенства для всѣхъ людей, въ разумную будущность человѣчества, а въ томъ, что думали, будто сдѣланнаго ими уже достаточно для ея наступленія.

Эта ошибка была неизбѣжна. Они не жмурили глазъ, не бѣжали отъ знанія, они воспользовались всѣмъ тѣмъ свѣтомъ, какой проливали тогдашнія отношенія. Но на той ступени экономическаго развитія, на которой находилась тогда Европа, самая напряженная мысль не могла еще предвидѣть во что превратится экономическая, а вслѣдъ за нею и политическая жизнь при освобожденіи ея отъ средневѣковыхъ стѣсненій, мѣшавшихъ широкому развитію производства, но задерживавшихъ въ то же время и развитіе крайняго неравенства: разложеніе третьяго сословія на капиталистовъ и людей, лишенныхъ всякой собственности.

Начавшій складываться новый строй очень скоро, оказался, по выраженію Энгельса,*) „самой злой, отрезвляющей каррикатурой на блестящія обѣщанія философовъ XVIII-го вѣка“.

Но какъ ни зло подшутили безсознательныя экономическія силы надъ сознательными стремленіями людей, устранившихъ съ ихъ пути всѣ препятствія, новое общество капиталистовъ и пролетаріевъ являлось тѣмъ не менѣе безусловно необходимымъ промежуточнымъ звѣномъ между старымъ царствомъ мелкой частной собственности и уничтоженіемъ всякой частной собственности посредствомъ организаціи всего производства по заранѣе обдуманному плану. Такое изгнаніе безсознательности изъ ея главнѣйшаго и послѣдняго убѣжища — изъ области экономическихъ отношеній — сдѣлаетъ наконецъ людей господами своей исторіи, создастъ и свободу и равенство — все то, къ чему стремились вожди великой революціи. Въ этомъ смыслѣ они не ошибались, считая себя борцами за царство разума.

II

Но это царство лежало еще далеко впереди, а тѣмъ временемъ на сцену выступили практическіе люди и принялись пожинать плоды. Когда почва была достаточно расчищена, и все старое внутри страны окончательно побѣждено, они устранили идеалистовъ и помогли утвердиться Наполеону. Измѣнили потомъ и ему. Любезничали съ союзниками, привезшими имъ въ багажѣ Бурбоновъ и выхлопотали у этихъ союзниковъ, въ награду за смиреніе, хартію. Эта хартія основывалась далеко не на одномъ разумѣ. Высокій цензъ сосредоточивалъ избирательное право въ рукахъ 100,000 богатѣйшихъ гражданъ. Политическія преступленія подлежали исключительнымъ судамъ Свобода слова и собраній была стѣснена гораздо сильнѣе, чѣмъ при

*) Развитіе научнаго соціализма

Людовикѣ XVI. Но если нравственные „права человѣка“ вообще и не были гарантированы, то права буржуа, какъ таковаго, всѣ матерьяльные результаты революціи: свобода промышленности, права покупщиковъ конфискованныхъ имѣній, административное и судебное единство Франціи, болѣе или менѣе равномѣрное распредѣленіе налоговъ остались неприкосновенными.

Теперь, какъ у крестьянъ, такъ и у массы занятой своими частными дѣлами, не помышляющей объ общественныхъ вопросахъ, промышленной буржуазіи, не было иныхъ причинъ для жалобъ и безпокойства, кромѣ нѣкотораго опасенія за цѣлость новыхъ порядковъ. За то образованный слой буржуазіи, люди такъ или иначе соприкасавшіеся съ общественными дѣлами, идеями и теоріями были недовольны и преобладающимъ вліяніемъ дворянства при дворѣ, и въ палатѣ, и всѣми покаяніями и очищеніями отъ республиканскихъ грѣховъ, затѣянными духовенствомъ, и слишкомъ высокимъ избирательнымъ цензомъ, и стѣсненіями печати, и многимъ другимъ.

Не такъ ужъ недовольны были солидные люди изъ образованной буржуазіи, чтобы чѣмъ нибудь рисковать ради своего недовольства, но совершенно достаточно для того, чтобы въ прессѣ, палатѣ и съ каѳедры упоминать какъ можно чаще слово „свобода“.

Большинству солидныхъ людей, при произнесеніи этого слова, рисовалась теперь уже не та идеальная, полная глубокаго смысла свобода, за которую боролись идейные люди предшествовавшей эпохи. Ихъ сравнительно довольные, практичные наслѣдники не заходили далеко въ своихъ пожеланіяхъ. Но для молодого учащагося поколѣнія это слово обладало еще магической силой, заставлявшей шибко биться сердца. Для нихъ свобода казалась тѣмъ же необъятнымъ счастьемъ какъ и для людей великой революціи, оставалась той-же „Liberté cherie“, о которой пѣлось въ заученной съ дѣтства Марсальезѣ.

Съ первыхъ же лѣтъ реставраціи движеніе среди образованныхъ классовъ во Франціи принимаетъ характеръ почти безпрерывной тайной агитаціи, вербующей свои силы главнымъ образомъ среди студенчества. Учащаяся молодежь массами вступаетъ въ тайныя общества, агитируетъ среди низшихъ классовъ городскаго населенія и строитъ заговоры съ цѣлью низверженія Бурбоновъ. Этой цѣли сочувствуетъ крайняя фракція либральнаго общества и одно время, въ виду нѣкотораго успѣха карбонаризма среди военныхъ (народныхъ возстаній общество боится), начинаетъ даже шептаться съ вожаками заговорщиковъ. Но заговоры открываются, революціонеры идутъ на эшафоты, въ тюрьмы и въ эмиграцію. Легальное общество не дѣлаетъ ни шагу, чтобы защитить своихъ дѣтей, оно притихаетъ наоборотъ, тѣмъ болѣе, что одновременно съ усиленіемъ арестовъ вь средѣ революціонеровъ усиливаются обыкновенно стѣсненія либеральной прессы и всѣхъ прочихъ легальныхъ органовъ проявленія общественнаго мнѣнія. Но нелегальное движеніе не останавливалось, тайныя общества продолжали существовать, вербуя на мѣсто выбывшихъ членовъ новыхъ изъ среды молодежи.

Какъ велика была сила этого движенія и въ чемъ именно она заключалась, показала Іюльская революція.

Читатели знаютъ (хотя бы изъ брошюры Чернышевскаго: „Борьба партій во Франціи"), какъ вели себя представители либеральной буржуазіи при попыткѣ попавшаго въ руки ультрароялистовъ правительства, уничтожить ихъ любезную конституцію.

Если бы въ эту пору вся образованная буржуазія была единодушна, вся цѣликомъ боялась народныхъ волненій, и въ своемъ сопротивленіи не шла дальше хотя бы самыхъ единодушныхъ словесныхъ и письменныхъ протестовъ, государственный переворотъ 26 Іюля 1830 года имѣлъ бы всѣ шансы на такой же благополучный исходъ, какъ и случившееся 20 лѣтъ спустя 2-ое декабря.

Но на счастье либеральной буржуазіи въ тридцатомъ году въ ея средѣ были люди, совершенно расходившіеся съ нею и въ ея желаніяхъ и въ настроеніи. Они давно добивались низверженія Бурбоновъ, необращая вниманія на то, выполняютъ или нарушаютъ они хартію и стремились къ республикѣ, которой боялась буржуазія. Они съ энтузіазмомъ вспоминали о Робеспьерѣ и Маратѣ, при одномъ имени которыхъ у буржуазіи подиралъ морозъ по кожѣ. Въ ихъ глазахъ рабочій классъ былъ не дикой невѣжественной массой, а наиболѣе близкой къ нимъ и наиболѣе доступной ихъ вліянію частью того „верховнаго народа", попранныя права котораго должна возстановить республика. Во имя этой республики они могли обратиться къ рабочему классу, могли призвать его къ оружію и заразить своимъ настроеніемъ.

Они это и сдѣлали, схватившись за нарушеніе конституціи, протестъ журналистовъ и отчаяніе всей оппозиціонной буржуазіи, какъ за желанный поводъ начать возстаніе, но во время борьбы замѣнили лозунгъ буржуазіи „да здравствуетъ хартія!" своимъ: „долой Бурбоновъ!", амѣстами: „да здравствуетъ республика!".

Студенты организовали битву, предводительствовали на всѣхъ опасныхъ мѣстахъ, на всѣхъ баррикадахъ.

Солидные и зажиточные элементы буржуазіи способствовали успѣху возстанія лишь своимъ сочувственнымъ нейтралитетомъ и полнѣйшимъ отсутствіемъ активной преданности правительству; но этой пассивной поддержки было вполнѣ достаточно, чтобы ослабить вначалѣ, а подъ конецъ совершенно парализовать энергію войскъ, пытавшихся подавить возстаніе.

За то послѣ побѣды робкіе представители либеральной буржуазіи обнаружили пожирающую дѣятельность, и не успѣли оглянуться борцы, какъ на престолѣ засѣдалъ уже Луи Филиппъ, а съ нимъ вмѣстѣ и крупная буржуазія. Она оттѣснила на задній планъ дворянство, уничтожила наслѣдственность званія пэровъ, увеличила число избирателей до 200,000 и проч.

Революціонеры-республиканцы отнеслись конечно, весьма равнодушно ко всѣмъ этимъ реформамъ и, пользуясь невозможностью для выросшаго изъ баррикадъ, правительства, начать съ преслѣдованія „Іюльскихъ героевъ", они тотчасъ же повели самую усердную республиканскую агитацію.

Республика оставалась еще въ этотъ моментъ идеаломъ революціонеровъ. „Объявленіе правъ человѣка“ — ихъ катехизисомъ; но всѣ индивидуальныя права и формальныя свободы доживали уже, въ качествѣ революціоннаго идеала общаго счастья, свои послѣдніе дни.

Рядомъ съ усиленной республиканской пропагандой та же сравнительная свобода медовыхъ мѣсяцевъ Іюльской монархіи вызвала и широкое распространеніе уже раньше выработанныхъ теорій великихъ утопистовъ.

Во всемъ своемъ объемѣ ученіе С. Симона и Фурье не могли имѣть большого успѣха среди республиканцевъ. Уже одно свойственное этимъ ученіямъ отрицаніе революціонной борьбы и всякаго насилія дѣйствовало отталкивающимъ образомъ на молодежь, среди которой именно въ это время была особенно сильна поэзія борьбы и подвиговъ. Но отрицательная сторона ученія утопистовъ, ихъ критика сложившихся при свободѣ промышленности новыхъ экономическихъ отношеній, разрушила въ цѣлой массѣ живыхъ, идущихъ впередъ умовъ „трехцвѣтный лберализмъ“, какъ выразился Герценъ, отправившійся съ товарищами въ первую ссылку, между прочимъ, „за вредное ученіе С. Симона.“

А факты промышленной жизни сами представляли слишкомъ неотразимые аргументы противъ обойденныхъ исторіей идеаловъ.

Ліонское возстаніе 1831 года приковало на время къ этимъ фактамъ всеобщее вниманіе и представило такъ сказать громадную иллюстрацію къ критикѣ утопистовъ.

Ліонскіе ткачи шелковыхъ матерій требовали и добились отъ префекта установленія обязательнаго для фабрикантовъ тарифа поштучной платы, быстрое пониженіе которой вызывало въ ихъ средѣ страшныя бѣдствія. Либеральное министерство осудило дѣйствія префекта, какъ несогласныя съ принципомъ свободы промышленности. Фобриканты немедленно воспользовались этимъ либерализмомъ для нарушенія тарифа, на который прежде соглашались. Тогда доведенные до отчаянія 30,000 ткачей возстали подъ знаменемъ съ краснорѣчивой надписью: „жить работая или умереть сражаясь!“

Они пытались такимъ образомъ противупоставить одной изъ святѣйшихъ свободъ республиканскаго идеала, одному изъ краеугольнѣйшихъ „правъ гражданина“ — свободѣ контрактовъ, свое право „жить работая“. Это невольно наводило на размышленія и подрывало вѣру въ достаточность формальной свободы для счастья людей, неимѣющихъ собственности.

Подъ соединеннымъ вліяніемъ жизни и выясняющей ее теоріи старые идеалы постепенно теряютъ въ 30-хъ годахъ свое революціонное значеніе. Въ большой республиканской партіи, объединенной въ полу-тайное „Общество правъ человѣка“ началась борьба мнѣній и „чистые“ или „либеральные“ республиканцы образовали въ ней правое умѣренное крыло. Остальные, держась по прежнему за традиціи великой революціи, стали обращать преимущественное вниманіе на ту сторону этихъ традицій, которая говорила о борьбѣ бѣдныхъ противъ богатыхъ, зачатковъ будущаго пролетаріата противъ крупной буржуазіи. Они припомнили различныя мѣры Якобинцевъ: наслѣдствен-

ные займы, конфискаціи, преслѣдованія ростовщиковъ и скупщиковъ хлѣба и проч.—мѣры сильно грѣшившія противъ принципа собственности. Въ робеспьеровскомъ проэктѣ „объявленія правъ человѣка“ — отмѣтили въ особенности тотъ пунктъ, который опредѣлялъ право собственности, какъ право гражданина располагать тою частью имущества, какую *гарантируетъ* ему законъ. Изъ этого опредѣленія выводили обязанность законодателя регулировать право собственности, принимать мѣры противъ развитія имущественнаго неравенства.

„Демократы“ или „Монтаньяры“—какъ начала называть себя болѣе революціонная часть республиканской партіи—пришли, въ противоположность чистымъ республиканцамъ и всей либеральной буржуазіи того времени, къ убѣжденію въ необходимости сильнаго правительства, опирающагося на народныя массы и употребляющаго свою власть на защиту этихъ массъ противъ аристократіи богатства.

Усиленіе такихъ тенденцій возмущало либеральныхъ республиканцевъ, которые начали, наоборотъ, особенно сильно подчеркивать принципъ невмѣшательства государственной власти въ экономическую жизнь страны.

Окончательному удаленію чистыхъ республиканцевъ изъ революціоннаго движенія помогла правительственная реакція, положившая конецъ открытому существованію республиканской партіи. Строгіе законы противъ тайныхъ обществъ, передача важныхъ политическихъ преступленій исключительному трибуналу реакціонной палаты пэровъ и законы противъ прессы, принятые подъ впечатлѣніемъ втораго покушенія на жизнь короля, прекратили шумную, открытую агитацію путемъ прессы и уличныхъ демонстрацій и заставили революціонное движеніе снова обратиться къ строго организованнымъ тайнымъ обществамъ и заговорамъ.

Въ этомъ движеніи чистые республиканцы уже не участвовали. Они постепенно соединились съ „обществомъ“, стали людьми практичными и благоразумными. Они говорили тѣ же слова, но ограничивали ихъ смыслъ: къ „свободѣ“ прибавили „порядокъ“, а „равенство“ свели къ строго опредѣленному понятію равенства предъ закономъ. Литературный органъ этой партіи, „National“, началъ все болѣе и болѣе сближаться въ своихъ воззрѣніяхъ съ либеральной монархической оппозиціей. Вся разница между нимъ и взглядами этой оппозиціи свелась наконецъ къ тому, что либеральные монархисты хотѣли трона обставленнаго республиканскими учрежденіями, а республиканцы Насіоналя тѣхъ же учрежденій безъ трона.

Въ сороковыхъ годахъ чистые республиканцы стали уже сознательными представителями интересовъ средней буржуазіи и, попавши въ 48-омъ году въ правительство второй республики, они защищали именно эти интересы, окрестивши ихъ, впрочемъ, болѣе общими и почетными названіями интересовъ „порядка“, „цивилизаціи“ и даже „свободы“. Ради этихъ интересовъ они сознательно и безпощадно обманывали рабочихъ, подписавши декретъ, въ которомъ отъ имени республики „гарантировали рабочимъ существованіе посредствомъ труда“, не имѣя ни малѣйшаго намѣренія дѣлать что бы то ни было для выполненія этой гарантіи. Они обманывали ихъ, заводя „національныя

мастерскія", съ цѣлью среди самихъ рабочихъ навербовать армію противъ ихъ передовыхъ товарищей-соціалистовъ и когда это не удалось, съ свирѣпой жестокостью усмиряли возстаніе, вызванное ихъ же предательскими мѣрами.

Такимъ образомъ, буржуа-республиканцы, бывшіе еще въ 30-омъ году революціонной партіей, въ 48-омъ — обманывали рабочихъ Но изъ этого ни въ какомъ случаѣ не слѣдуетъ, что бы *революціонеры* были когда нибудь сознательными обманщиками. Когда республиканцы были революціонерами, когда, рискуя свободой и жизнью, они обращались къ рабочимъ и вмѣстѣ съ нимъ участвовали въ заговорахъ, являлись предъ судами и на баррикадахъ, тогда они честно относились къ своимъ товарищамъ и искренно звали ихъ на борьбу за общее счастье. Въ то время они оказывали услугу рабочимъ, возбуждая въ ихъ средѣ умственное движеніе, заставляя эту среду заинтересовываться тѣми идеями, тѣми общими интересами, которыми были сами увлечены. Въ то время республиканцы еще сами не знали, что ихъ либеральная республика не можетъ существовать безъ полуголоднаго пролетаріата, а какъ только они поняли это, какъ только распрощались съ „химерами" общаго счастья и дѣйствительнаго равенства, они перестали быть революціонерами, перестали принимать участіе въ опасной революціонной дѣятельности, на почвѣ которой происходило сближеніе между рабочими и революціонной интеллигенціей.

Когда либеральные республиканцы начали сознательно обманывать рабочихъ, они были уже представителями не революціонной, а консервативной буржуазіи.

III

Сильно порѣдѣвшіе во второй половинѣ 30-хъ годовъ остатки революціонной интеллигенціи сгрупировались въ различные оттѣнки демократическаго направленія, пытавшагося лѣчить расшатанный республиканскій идеалъ различными палліативными средствами: придумываніемъ такихъ мѣръ противъ богачей, которые привели бы къ имущественному равенству при сохраненіи частной собственности.

Самые крайніе элементы революціонной интеллигенціи, вмѣстѣ съ огромнымъ большинствомъ, участвовавшихъ въ движеніи рабочихъ, пришли къ отрицанію самаго принципа частной собственности, припомнивъ революціонный коммунизмъ Бабефа, сохранявшійся въ предыдущемъ періодѣ лишь среди небольшаго числа его послѣдователей.

Въ эту же пору, во второй половинѣ 30-хъ годовъ, измѣнилось и отношеніе рабочихъ къ активному революціонному движенію, — ихъ положеніе въ тайныхъ обществахъ и заговорахъ.

Среди карбонаровъ временъ реставраціи, также какъ и въ республиканскихъ обществахъ первыхъ лѣтъ Іюльской монархіи, большинство членовъ составляли революціонеры изъ буржуазной среды.

Они дѣйствовали на рабочихъ, вели ихъ за собою, только на нихъ и разсчитывали, но вездѣ и во всемъ оставляли за собою иниціативу, главныя роли, направленіе.

Организованное въ 1836 — 37 году Бланки и Барбесомъ новое революціонное общество, окруженное строжайшей тайной по образцу карбонаровъ, тоже вербуетъ сперва своихъ членовъ главнымъ образомъ изъ среды образованной молодежи, но быстрый наплывъ въ общество рабочихъ скоро перевѣшиваетъ въ немъ студенчество и черезъ 2 — 3 года громадное большинство членовъ состоитъ уже изъ рабочихъ.

Въ тайныхъ обществахъ сороковыхъ годовъ образованное меньшинство теряетъ постепенно и свое значеніе руководящаго элемента.

Рабочіе сами ведутъ пропаганду въ мастерскихъ и харчевняхъ, сами пишутъ и печатаютъ въ тайныхъ типографіяхъ листки и журналы, запасаютъ оружіе, порохъ и пули для возстанія, къ которому постоянно готовятся. Они находятся въ тѣсныхъ сношеніяхъ съ тайными обществами другихъ городовъ, въ особенности Ліона, гдѣ почти исключительно рабочее, революціонное движеніе было гораздо сильнѣе чѣмъ въ самомъ Парижѣ.

И не только относительно къ числу рабочихъ, но и абсолютно число революціонеровъ изъ буржуазіи, съ половины 30 - хъ годовъ, начало сильно уменьшаться. Болѣе умѣренные оттѣнки демократовъ одни за другими удалялись отъ движенія. Наплывъ новыхъ членовъ изъ среды студенчества становился все меньше и меньше.

Буржуазія была въ общемъ довольна правительствомъ Іюльской монархіи. Напряженное состояніе, въ которомъ жило образованное общество при реставраціи, продолжавшее еще отзываться въ первые годы новаго царствованія, постепенно улеглось и буржуазная среда уже не окружала свою учащуюся молодежъ той атмосферой, которая толкала ее прежде въ революцію.

Начавшаяся къ концу сороковыхъ годовъ ссора между министерствомъ Гизо и либеральнымъ обществомъ изъ за избирательной реформы была недостаточно глубока и радикальна, чтобы возобновить эту атмосферу. Серьезными революціонерами, способными на самопожертвованіе остались во Франціи уже одни рабочіе, да отдѣльныя личности изъ образованныхъ классовъ, совершенно слившіяся съ этимъ рабочимъ движеніемъ.

Іюньскіе дни, когда рабочіе въ первый разъ увидѣли во вражьихъ рядахъ студенческіе мундиры, вырыли никогда уже не закрывавшуюся вполнѣ пропасть между радикальной буржуазіей и рабочими.

Съ тѣхъ поръ движеніе среди послѣднихъ утихало, разгоралось, затопленное въ крови снова уходило съ публичной арены въ глубь мастерскихъ и постепенно опять начинало проявляться; но оно уже не зависѣло отъ настроенія интеллигенціи, ни мало не подчинялось идеямъ и теоріямъ этой послѣдней.

Съ тѣхъ поръ французскіе рабочіе не разъ увлекались той или другой личностью изъ буржуазіи. И Гамбетта и Рошфоръ и многіе другіе становились на минуту ихъ идолами, но для того, чтобы пріобрѣтать рукоплесканія толпы этимъ идоламъ приходилось повто-

рять ея любимыя слова, не увлекать ее своими идеями, а краснорѣчиво излагать тѣ мысли, которыя слушатели уже принесли съ собою. Какъ только идолы проговаривались, вносили свои нотки въ ту музыку, которую желали слушать ихъ обожатели, эти послѣдніе тотчасъ отвертывались отъ нихъ и искали себѣ другихъ выразителей.

Принимать видъ руководителей рабочаго класса люди изъ буржуазіи могли лишь настолько, насколько соглашались безпрекословно слѣдовать за нимъ.

IV

Французская революціонная молодежь, начавшая дѣйствовать во время реставраціи, уже появилась на свѣтъ съ знаніемъ, гдѣ находится ея революціонная армія. Съ другой стороны и у парижскихъ предмѣстьевъ остались отъ первой республики, если не опредѣленные революціонные идеалы, то по крайней мѣрѣ любимые лозунги и представленіе о своей силѣ.

Въ другомъ положеніи была образованная молодежь Германіи, среди которой, почти одновременно, тоже началось неопредѣленное революціонное броженіе. Рабочіе Германіи еще ничѣмъ не заявили въ то время своей революціонности. Здѣсь не было и того общаго недовольства всѣхъ непривиллегированныхъ классовъ, которое существововало во Франціи передъ великой революціей. Сравнительно отсталая промышленная жизнь Германіи не такъ рвалась еще изъ старыхъ рамокъ. Къ тому же наиболѣе кричащія, всѣхъ и каждаго царапающія, неурядицы стараго строя были уже отмѣнены еще во время наполеоновскихъ войнъ и гражданскія реформы продолжались въ Германіи и при реставраціи, не смотря на страшную политическую реакцію.

Недовольно и взволновано было только нѣмецкое образованное общество.

„Вся Германія, говоритъ Гейне о концѣ XVIII-го вѣка, спала тогда свинцовымъ сномъ и только въ ея литературномъ мірѣ замѣчалось самое усиленное кипѣніе,.. Когда въ Парижѣ волновалось море революціи, ему вторила буря въ сердцахъ нѣмецкихъ писателей“. *)

Если въ концѣ втораго десятилѣтія XIX-го в. сонъ Германіи уже не былъ такимъ свинцовымъ, она все же еще дремала, но число сердецъ, бившихся отъ общихъ, не личныхъ вопросовъ, въ ней сильно увеличилось. Литературный міръ Германіи пережилъ за 30 лѣтъ, прошедшихъ съ того момента, о которомъ говоритъ Гейне, не мало превращеній; пережилъ и обожаніе древней Германіи, связанное съ реакціей противъ всего французскаго, но все время онъ не переставалъ жить самой усиленной умственной жизнью и создалъ довольно широкій кругъ читателей.

---

*) Uber Deutchland

Полное отсутствіе политической свободы, давшее себя почувствовать во всей силѣ именно послѣ избавленія отъ галловъ, противъ которыхъ такъ кричало образованное общество, возбуждало въ его средѣ усиленное недовольство и броженіе. Это броженіе, какъ и всякое подобное броженіе образованнаго общества, сосредоточивалось въ безконечно усиленной степени въ средѣ учащейся молодежи. Недовольство солидныхъ, либеральныхъ людей сказывалось въ жалобахъ на зло и въ похвалахъ добру. Молодежь подъ вліяніемъ этихъ жалобъ и похвалъ почувствовала сабя обязанной бороться со зломъ и осуществить добро. Этому впрочемъ способствовали и любимые учителя изъ старшаго поколѣнія. На юношество возлагалъ всѣ надежды умершій въ 1814 году Фихте. Онъ говорилъ, что современное ему „погрязшее въ эгоизмѣ поколѣніе должно сойти со сцены прежде чѣмъ наступитъ время свободы", и старался подготовить юношество къ предстоящей великой задачѣ, внушить ему сознаніе его будущаго значенія. И учащаяся молодежь прониклась той, мыслью, что ней лежитъ обязанность возродить Германію.

Ея представленія о томъ. въ чемъ именно должно заключаться это возрожденіе, были не особенно опредѣленны. Прежде всего конечно въ свободѣ. затѣмъ въ добродѣтели, которою должны проникнуться высшіе классы. Народу этого не нужно, такъ какъ въ немъ живетъ древне-германскій духъ. полный добродѣтели. Съ этимъ духомъ, нарисованнымъ немножко по Тациту, главнымъ уже образомъ по романтической литературѣ, поэтизировавшей германскія преданія среднихъ вѣковъ, очень носились нѣмецкіе юноши. Въ народѣ, предполагалось, этотъ древній, свободный, великій. добродѣтельный духъ совершенно цѣлъ и лишь сдавленъ внѣшнимъ гнетомъ. Стоитъ снять съ народа гнетъ, да возродить къ добродѣтели испорченные иностраннымъ вліяніемъ высшіе и даже вообще городскіе классы и тогда лучше, выше, счастливѣе единой Германіи нельзя будетъ ничего себѣ представит.. И все это совершить—освободить и возродить—взяла на себя молодежь.

Состояніе учащейся молодежи въ началѣ шестидесятыхъ годовъ въ Россіи сильно напоминаетъ этотъ первый моментъ нѣмецкаго движенія. Слова, понятія—были другія. Нѣмецкій буршъ писалъ стихи, увлекался философіей, былъ даже на свой маперъ религіозенъ и очень любилъ Христа, видя въ немъ, впрочемъ, исключительно человѣка, пожертвовавшаго жизнью за свои убѣжденія. „Ein Christus sollst du werden". говорилось въ одномъ очень распространенномъ въ средѣ молодежи стихотвореніи, найденномъ также у Занда, убившаго Коцебу, что означало: „ты долженъ умереть за свои убѣжденія".

Слова—были различны. Но выдѣленіе „молодаго поколѣнія" въ особый лагерь, къ которому причислялись лишь любимые профессора и писатели и противопоставленіе этого молодого лагеря всему остальному старшему поколѣнію „филистеровъ" (у насъ ретроградовъ), съ которыми предстояло вести борьбу; это еще неопредѣленно-революціонное, но страшно возбужденное настроеніе молодежи, которое — какъ въ Германіи, такъ и у насъ—должно было неминуемо привести ее къ столкновенію съ правительствомъ—чрезвычайно аналогично.

Столкновеніе началось съ Вартбургскаго праздника, на которомъ представители стундеческихъ корпорацій всѣхъ университетовъ заявили свою вражду къ филистерству сожженіемъ произведеній нѣкоторыхъ реакціонныхъ писателей. Правительство отвѣтило преслѣдованіями студентовъ и любимыхъ профессоровъ. Настроеніе молодежи обострилось. Изъ общаго, открытаго студенческаго союза, начали выдѣляться тайныя общества по образцу французскихъ Карбонаровъ. Къ неопредѣленнымъ, сводившимся больше къ выраженіямъ порицанія и одобренія, средствамъ борьбы тайныя общества прибавили опредѣленное: политическія убійства.

Первое—убійство Коцебу, реакціоннаго писателя, находившагося на жалованьи у русскаго правительства и вызывавшаго—нѣмецкія на преслѣдованія университетовъ и литературы, возбудило сочувствіе въ широкихъ слояхъ образованнаго общества. Прусская полиція, занимавшаяся усерднѣйшимъ чтеніемъ частной корреспонденціи, натыкалась на сочувственные отзывы о Зандѣ въ письмахъ докторовъ, юристовъ, даже пасторовъ. Но вскорѣ послѣдовавшее второе политическое убійство прошло уже сравнительно незамѣченнымъ.

Со стороны нѣмецкихъ правительствъ эти убійства вызвали цѣлый рядъ преслѣдованій. Арестовывали массами, слѣдствія тянулись безъ конца.

Начатое въ 1819 году послѣ убійства Коцебу разслѣдованіе окончилось лишь въ 29-мъ. Одного вступленія въ тайное общество, безъ всякихъ иныхъ преступленій, для Прусскаго правительства было достаточно, чтобы приговорить десятки арестованныхъ въ 23-емъ году студентовъ къ 15-и годамъ заключенія въ крѣпости.

На юношей заговорщиковъ направлено было все вниманіе правительствъ, о нихъ съѣзжались совѣщаться государи „Священнаго Союза". Противъ нихъ изданы были Карльсбадскія постановленія, введшія цензуру, ограничившія права университетовъ и отдавшія ихъ цѣликомъ подъ надзоръ полиціи.

Нѣмецкое общество втихомолку огорчалось и негодовало, но безмолствовало. Молодежь продолжала волноваться, но около 15-ти лѣтъ движеніе вертѣлось въ безвыходномъ кругу, не наталкиваясь на дѣятельность, при которой его силы могли бы постоянно рости. Революціонеры мечтали о крестьянскихъ возстаніяхъ (революціоннымъ в споминаніемъ нѣмецкой исторіи были крестьянскія войны, какъ у насъ бунты Разина и Пугачева), о военныхъ переворотахъ, надежды на которые были возбуждены удачными пронунсіаменто въ Испаніи и Италіи 20-го и 21-го годовъ, но всего больше надеждъ возлагалось на тирано-убійства, съ которыми при 33-хъ нѣмецкихъ тиранахъ предстояла большая работа.

Убійствъ, однако, не происходило, о нихъ только сговаривались. У нѣмецкой революціонной интеллигенціи не выработалось искусства жить „нелегально" и дѣйствовать по нѣскольку лѣтъ на мѣстѣ, не смотря на розыски полиціи, — того искусства, благодаря которому у русской молодежи конца 70-хъ и начала 80-хъ годовъ оказались опытные руководители, создавшіе всю силу русскаго терроризма.

Намѣченный полиціей нѣмецкій революціонеръ принужденъ былъ эмигрировать или былъ арестованъ. Поэтому до половины 30-хъ го-

довъ движеніе почти не выходило за предѣлы учащейся молодежи. Послѣдовавшее въ первые годы Іюльской монархіи болѣе тѣсное сближеніе съ французской революціонной партіей вылѣчило нѣмецкихъ эмигрантовъ отъ ихъ самобытныхъ фантазій. Вмѣстѣ съ французскими революціонерами они стали демократами, затѣмъ часть ихъ перешла къ коммунизму. Это быстро отозвалось и въ самой Германіи. Основанный въ 1833 году студентомъ Георгомъ Бюхнеромъ революціонный союзъ, названный имъ по образцу французскаго союза „Обществомъ правъ человѣка" проповѣдывалъ уже крайне демократическіе, окрашенные коммунизмомъ взгляды. Но въ членахъ союза еще жило убѣжденіе, что въ земледѣльческой Германіи освободительная роль принадлежитъ земледѣльцамъ, и это убѣжденіе заставило ихъ обращаться со своей пропагандой главнымъ образомъ къ крестьянамъ и потерпѣть неудачу.

Однако, начатая въ то же время эмигрантами во Франціи и Швейцаріи пропаганда среди нѣмецкихъ рабочихъ, заходившихъ туда на заработки и затѣмъ возвращавшихся на родину, постепенно измѣнило весь характеръ и ходъ нѣмецкаго революціоннаго движенія.

Скоро число революціонеровъ изъ рабочихъ значительно перевѣсило, и за границей и въ Германіи, число революціонной интеллигенціи. Возвращаясь на родину, рабочіе, члены основанныхъ за границей тайныхъ революціонныхъ обществъ, уносили съ собой ихъ изданія и организовывали въ Германіи тайныя секціи. Время отъ времени полиція открывала эти секціи, ихъ членовъ держали подъ безконечными нѣмецкими слѣдствіями и приговаривали къ многолѣтнему заключенію. Но число вновь возникавшихъ секцій постоянно перевѣшивало исчезающія. При этомъ, чего не случалось съ заговорами, состоявшими исключительно изъ интеллигенціи, многимъ тайнымъ рабочимъ обществамъ удавалось просуществовать не открытыми по нѣскольку лѣтъ и выработать опытныхъ и искусныхъ конспираторовъ, которымъ уже не такъ опасна была зоркость полиціи.

Въ сороковыхъ годахъ нѣмецкое революціонное движеніе, по преимуществу коммунистическое, является уже чисто рабочимъ движеніемъ. Интеллигенція поставляетъ этому движенію большинство его писателей и руководителей, но ей ужь больше и въ голову не приходитъ мечтать о достиженіи своихъ идеаловъ какими нибудь иными путями помимо рабочаго движенія. „Тогда (около 48-го г.), говоритъ Энгельсъ, приходилось собирать по одному рабочихъ, понимавшихъ свое положеніе и свою исторически-экономическую противоположность капиталу, такъ какъ сама эта противоположность еще только возникала." Ихъ приходилось собирать по одному, но коммунисты ихъ собирали и насбирали не мало. Пониманіе своего положенія у рабочихъ вовлеченныхъ въ движеніе демократами было очень не полно, но и у нихъ впереди была великая цѣль, о которой они думали, для которой жили и дѣйствовали, и уже это одно поднимало ихъ высоко надъ ихъ прежнимъ состояніемъ и надъ всѣмъ остальнымъ, живущимъ лишь личными цѣлями, міромъ.

Когда во Франціи была учреждена вторая республика и у нѣмецкихъ правительствъ явилось предчувствіе, что и имъ не сдобровать, а все

либеральное и революціонное, все что желало измѣненія существовавшаго режима, стало дѣлать усилія, чтобы оправдать доброе мнѣніе нѣмецкихъ государей о своихъ подданныхъ, — нѣмецкіе рабочіе, увлеченные своимъ передовымъ, мыслящимъ отрядомъ, явились освободительной арміей Германіи.

Мы не хотимъ сказать, что для нѣмецкой революціи 48-го года только и нужна была, что рабочая революціонная армія. Наоборотъ, для нея была совершенно необходима либеральная буржуазія. Необходима во первыхъ потому, что если бы она не суетилась, не путалась въ дѣло, не мѣшала правительству, оно боролось бы гораздо энергичнѣе и революціонныхъ силъ быть можетъ не хватило бы для того, чтобы одолѣть его. Хотя съ другой стороны, не стой за либералами рабочіе, правительство не обратило бы на ихъ суетню никакого вниманія.

Во вторыхъ, буржуазія была необходима, потому что только она и могла воспользоваться плодами борьбы, взять въ свои руки выпадавшее изъ рукъ правительствъ веденіе дѣлъ страны. И потому-то что въ общемъ она была въ Германіи, въ особенности въ Пруссіи, очень труслива, практична и благоразумна, а вслѣдъ за побѣдой съ нея быстро и навѣки соскочили всѣ остатки стараго идеализма, и свободолюбія, она и не удержала во всей полнотѣ завоеванныхъ революціонерами свободъ и правъ человѣка, а удержала лишь нѣкоторое участіе въ управленіи, кое какія конституціи.

Либеральная буржуазія была необходима для революціи. Но революціонеры изъ буржуазныхъ классовъ Германіи сдѣлали и могли сдѣлать для этой революціи только одно: подготовить къ ней рабочихъ, и сражаться вмѣстѣ съ ними. Только такую помощь они и могли оказать своимъ либеральнымъ отцамъ. Вліять на этихъ отцовъ было вовсе не ихъ дѣло, они и сами-то были именно порожденіемъ того идеализма и свободолюбія, которые накоплялись у стремившейся къ управленію общественными дѣлами буржуазіи. Она въ нихъ выражала свою энергію. Когда послѣ 48-го г. буржуазія отрезвилась, стала практичной и благоразумной—исчезла и революціонная молодежь. Когда въ 60-ыхъ годахъ рабочіе снова подняли движеніе, молодая интеллигенція въ немъ не участвовала, какъ не участвовала и вся масса революціонеровъ изъ буржуазіи, дѣйствовавшихъ въ 40-хъ годахъ, Лишь нѣсколько исключительныхъ личностей остались вѣрны революціонному пролетаріату и явились его незамѣнимыми вождями.

Но какъ ни печально закончился революціонный годъ Германіи, онъ, вмѣстѣ съ предшествовавшимъ ему періодомъ, сдѣлалъ очень, очень много для нѣмцеких рабочихъ.

За это время рабочій классъ Германіи успѣлъ пройти первый курсъ той школы, окончаніемъ которой будетъ его полное и всестороннее освобожденіе.

V.

Для тѣхъ изъ нашихъ читателей, которымъ кажется, что на Западѣ пропаганда соціализма возможна потому, что тамъ рабочіе развиты и принимаютъ участіе въ политической жизни, а у насъ невозможна потому, что наши не развиты и не принимаютъ, — для думающихъ такъ читателей не безъинтересно будетъ мнѣніе Георга Адлера, написавшаго исторію этого перваго фазиса. рабочаго движенія въ Германіи.

Адлеръ противникъ соціализма. Современное соціаль-демократическое движеніе въ Германіи онъ считаетъ „безусловно преступнымъ", „совершенно непростительнымъ". Онъ думаетъ, что улучшенія въ положеніи рабочаго класса необходимы, но они должны дѣлаться мирнымъ путемъ постепенныхъ реформъ, постепеннаго рѣшенія назрѣвшихъ вопросовъ.

Но „исторія убѣдила" Адлера, что по собственной инціативѣ имущіе классы ничего не сдѣлаютъ для рабочихъ. Что для осуществленія самаго что ни на есть постепеннаго улучшенія необходимо самостоятельное движеніе въ рабочемъ классѣ, а для такого движенія необходимо умственное пробужденіе этаго класса, необходимъ интересъ къ общимъ вопросамъ. Разбудить же рабочій классъ, вызвать въ его средѣ умственное движеніе могли, по мнѣнію Адлера, только революціонныя теоріи. Поэтому, хотя „Союзъ коммунистовъ" проповѣдовалъ точь въ точь то же, что и современные, осуждаемые имъ, соціаль-демократы. хотя вообще въ сороковыхъ годахъ среди рабочихъ были распространены самыя крайнія теоріи, Адлеръ находитъ тѣмъ не менѣе, что революціонный соціализмъ сороковыхъ годовъ не только заслуживаетъ снисхожденія, но былъ благодѣтельнымъ необходимымъ явленіемъ... „Или можно въ самомъ дѣлѣ думать, говоритъ онъ, что массы пришли бы въ движеніе, если бы не видѣли предъ собой громадной (gewaltig-grosses) цѣли?*). Представьте себя положеніе

---

*) Стр. 293. Читая эту страницу, можно подумать, что Адлеръ въ 85 г предугадалъ, что будетъ писать г. Вас. Жукъ въ своей, вышедшей въ 88 г. статьѣ 1-го №-ра „С. Р." и возражаетъ именно на его вылазку противъ „группъ", ставящихъ своей задачей вовлеченіе въ движені русскаго рабочаго, а также на его намѣреніе поднять „умственный и нравственный уровень рабочихъ" посредствомъ грамоты, и „путемъ мирной и чисто культурной, а не революціонной дѣятельности, подготовить рабочую и крестьянскую массу къ сознательному воспріятію идей политической свободы". Не „поднятъ" былъ въ сороковыхъ годахъ „умственный уровень" и у нѣмецкихъ рабочихъ и никакая политическая жизнь не „расширяла ихъ кругозора". Но охваченные дѣйствіемъ „чисто революціонной" пропаганды, они въ своихъ обществахъ страстно учились и учили другъ друга аже такимъ элементарнымъ вещамъ, какъ искусству писать и считать И для того одного, чтобы измученный трудомъ рабочій сталъ тратить на это свои короткіе досуги, уже нуженъ энтузіазмъ, нужно одушевленіе, которое можетъ дать ему лишь революціонное сознаніе его великаго будущаго. А безъ такого сознанія не поможетъ ему и пройденное въ школѣ „Родное слово". А ужъ объ „нравственной-то крѣпости, которая дается образованіемъ" лучшь бы не говорить. Полно, такъ ли ужъ высокъ „нравстенный уровень" имущихъ классовъ? А вѣдь въ нихъ вдалбливаютъ въ школахъ не одно „Родное слово" а элементы всѣхъ возможныхъ наукъ.

низшихъ классовъ, еще не проникнутыхъ умственнымъ движеніемъ. Ихъ можно было привести въ движеніе противъ старыхъ преданій, лишь давши имъ великую надежду вродѣ всеосчастливливающаго соціальнаго государства. Чтобы они стряхнули съ себя летаргію, было поэтому необходимо обѣщать имъ полное уничтоженіе ихъ страданій". Никакія другія воззрѣнія, утверждаетъ Адлеръ, не нашли бы отзвука въ сердцахъ низшихъ классовъ". Ни за какія другія идеи изъ его рядовъ не вышло бы „апостоловъ"... „отдававшихъ за нихъ всю жизнь, терпѣвшихъ за нихъ всевозможныя страданія и лишенія. А для того чтобы соціально-реформаторскія идеи охватили народъ, необходимы были сотни за сотнями (Hunderte und aber Hunderte)" такихъ одушевленныхъ апостоловъ.

Теперь, когда „апостолы" уже сдѣлали свое дѣло, когда соціализму удалось уже возбудить умственное движеніе среди рабочихъ и сдѣлать ихъ такимъ образомъ способными принимать участіе въ общественной жизни страны, рабочіе обязаны, по мнѣнію Адлера, отказаться отъ своихъ соціалистическихъ теорій, говорящихъ объ уничтоженіи частнаго капитала, обратить все свое вниманіе лишь на такія постепенныя реформы, къ которымъ можно склонить имущіе классы, а не стремиться все къ той же „громадной цѣли", какъ это дѣлаютъ соціаль-демократы, раздражая такимъ поведеніемъ буржуазію. „Свободная Россія" *) пытается, впрочемъ, увѣрить русскихъ читателей, что западные рабочіе *уже* прониклись рекомендуемой Адлеромъ умѣренностью и акуратностью, но она ошибается, конечно, какъ ошибается и Адлеръ, воображая, что *мыслящій пролетарій* можетъ не быть соціаль-демократомъ. Научный соціализмъ есть именно его идея, объясненіе его положенія, его неизбѣжной борьбы и ея возможнаго исхода. По пути, онъ не отказывался и не откажется добиваться всѣхъ тѣхъ законодательныхъ мѣръ, которыя облегчаютъ его дальнѣйшую борьбу. Но ни при какихъ мѣрахъ, ни въ какомъ случаѣ пролетаріатъ не можетъ перестать стремиться къ уничтоженію основаннаго на частной собственности строя, потому что самъ является продуктомъ разложенія этого строя.

При устойчивомъ, не разлагающемся экономическомъ строѣ есть конечно бѣдняки, но положеніе этихъ бѣдняковъ, ихъ бѣдныя средства къ существованію обезпечены и закрѣплены за ними закономъ и обычаемъ. Нищій въ средневѣковомъ городѣ и тотъ имѣлъ свое общественное положеніе: свой кругъ давальцевъ, свое мѣсто на паперти. Въ не разлагающемся строѣ людей лишаетъ средствъ къ существованію то или другое насиліе или нарушеніе обычнаго хода вещей: война, грабежъ, пожаръ, неурожай, наводненіе. Въ устойчивой средневѣковой Европѣ всѣ такія несчастія случались гораздо чаще чѣмъ теперь, но едва проносилась гроза, все опять стремилось прійти въ прежнее положеніе и приходило въ той или другой степени, такъ какъ сама экономическая основа всего строя была сравнительно уравновѣшена.

---

*) № 2. „Очерки соціальнаго движенія".

Въ современномъ разлагающемся строѣ число людей, лишенныхъ всякой собственности, постоянно ростетъ, а ихъ положеніе роковымъ образомъ ухудшается не при насиліяхъ или нарушеніяхъ обычнаго хода вещей, а при самомъ нормальномъ, спокойномъ ихъ теченіи; не вслѣдствіе общественныхъ несчастій, а вслѣдствіе общественнаго прогресса. То или другое научное открытіе или новое изобрѣтеніе можетъ производить въ этомъ строѣ опустошенія, превосходящія по числу жертвъ самые ужасные пожары, самыя обширныя наводненія. Почти каждое промышленное усовершенствованіе стремится или отнять заработокъ у возможно большаго числа пролетаріевъ, или увеличить ихъ массу посредствомъ раззоренія ремесленниковъ и крестьянъ. И никакіе законы, никакія реформы не могутъ предотвратить такихъ послѣдствій нормальнаго развитія промышленности — ничто не можетъ помочь пролетарію, кромѣ уничтоженія частной собственности. Онъ является такимъ образомъ революціонеромъ по самой сущности своего положенія.

Въ самомъ началѣ своей революціонной исторіи онъ боролся подъ предводительствомъ буржуазной интеллигенціи за свободу и равенство. Когда, осуществляясь въ основанномъ на экономическомъ неравенствѣ строѣ, свобода свелась къ правительству буржуазіи, а равенство къ уничтоженію сословныхъ привиллегій, участвовавшій въ движеніи пролетаріатъ, вмѣстѣ съ меньшинствомъ революціонеровъ изъ буржуазной среды перешелъ къ коммунизму. Но этотъ первоначальный коммунизмъ сохранилъ отъ прежней политической борьбы всю, такъ сказать, техническую сторону своей программы. Какъ замѣна одного правительства другимъ достигалась сразу однимъ возстаніемъ, также, предполагалось, можетъ въ каждую данную минуту быть осуществленъ и коммунизмъ, если только коммунисты захватятъ власть послѣ побѣдоноснаго возстанія. Лишь предъ концемъ историческаго періода. отмѣченнаго революціоннымъ броженіемъ въ средѣ буржуазіи, началъ распространяться новый коммунизмъ, по ученію котораго торжество соціальной революціи неизбѣжно, такъ какъ къ нему ведетъ прогрессъ капиталистическаго производства. Но эта революція не совершается однимъ ударомъ, однимъ возстаніемъ, а является цѣлымъ, болѣе или менѣе продолжительнымъ *) процессомъ, въ теченіе котораго растетъ, воспитывается и организуется пролетаріатъ, участвуя въ каждой прогрессивной борьбѣ: вмѣстѣ съ буржуазіей противъ абсолютизма, съ мелкой буржуазіей противъ крупной, но оставаясь до времени оппозиціонной, а не господствующей партіей, такъ какъ для соціалистовъ преждевременный захватъ власти, пока еще значительная часть даже самаго пролетаріата остается неорганизованной, былъ бы не побѣдой а отсрочкой ихъ окончательнаго торжества.

Теперь такое пониманіе соціалистической революціи стало ученіемъ всего развитаго, мыслящаго революціоннаго пролетаріата.

Въ его движеніи буржуазная интеллигенція давно уже не участ-

---

*) Ни въ какомъ случаѣ не требующимъ, однако, ни тысячелѣтій, ни столѣтій; за это ручается намъ и быстрый ходъ промышленнаго прогресса, и быстрые успѣхи организаціи пролетаріата.

вуетъ. На сотни тысячъ соціалистовъ рабочихъ едва наберется десятокъ, принадлежащихъ по рожденію къ буржуазіи. Эта послѣдняя удовлетворена, консервативна и можетъ поэтому такъ воспитывать свои молодыя поколѣнія, что имъ не приходятъ уже въ голову никакія идеи. Но пока буржуазія выдѣляла изъ своей среды революціонеровъ, они никогда не защищали ея программъ, не являлись въ своемъ сознаніи борцами за ея интересы. Да и не могли являться. Чтобы имѣть одушевляющую силу, необходимую для опасной, самоотверженной борьбы, революціонныя программы должны давать своимъ сторонникамъ право чувствовать себя представителями интересовъ всѣхъ угнетенныхъ и обездоленныхъ и не частныхъ, минутныхъ ихъ интересовъ, а общихъ, великихъ интересовъ ихъ будущаго. Ближайшимъ послѣдствіемъ всей дѣятельности революціонной интеллигенціи было лишь торжество буржуазіи, но въ тоже время она оказала народу ту именно услугу, какая была нужна ему, разбудивши мысль передовыхъ кружковъ рабочаго класса и помогая рабочимъ при первыхъ попыткахъ ихъ революціонныхъ организацій.

Это въ сущности все, что могла сдѣлать для народа революціонная интеллигенція.

Полное экономическое освобожденіе народа можетъ быть лишь дѣломъ самого народа. Для успѣшной борьбы за это освобожденіе нужна безконечно большая сила, чѣмъ для сверженія, при попустительствѣ со стороны высшихъ классовъ, какого бы то ни было правительства; нужна такая высокая степень сознательности и самодѣятельности рабочаго класса, что рядомъ съ этой силой не имѣла бы значенія очень серьезная при извѣстныхъ комбинаціяхъ, но въ сущности хрупкая сила революціонной интеллигенціи.

VI.

Въ то время, когда окончательно затихаетъ революціонное движеніе среди образованныхъ слоевъ западной буржуазіи, начинается аналогичное сильное и самостоятельное движеніе въ Россіи.

Отдѣльными, наиболѣе развитыми личностями и группами она давно уже участвовала въ жизни мыслящей Европы. Всѣ наши передовые кружки первой половины девятнадцатаго вѣка развивались подъ вліяніемъ современнаго имъ западнаго движенія. Но они были колоніями просвѣщенныхъ чужестранцевъ, заброшенныхъ въ азіатское царство. Кромѣ небольшихъ группъ съ столицахъ, да одинокихъ читателей, разбросанныхъ по городамъ и помѣщичьимъ усадьбамъ, вся Россія жила тогда тою, никѣмъ не продуманной, а самостоятельно выросшею, вѣками сложившеюся „мудростью предковъ“, которую отцы передавали дѣтямъ почти въ тѣхъ же выраженіяхъ, въ какихъ слышали ее отъ дѣдовъ. И ничто вокругъ не заставляло дѣтей сомнѣваться въ этой мудрости. Всѣ, изъ поколѣнія въ поко-

лѣніе, жили при почти одинаковыхъ условіяхъ, получая едва измѣняющіяся впечатлѣнія, дѣлая тоже и почти также, какъ дѣлали тридцать, сорокъ, пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ.

Чтобы вырваться изъ круга этой массовой, окоченѣлой мысли, при тогдашнихъ условіяхъ нужно было высшее образованіе, знаніе иностранныхъ языковъ, достававшееся лишь немногимъ зажиточнымъ дворянамъ, и ко всему этому нужны были еще и выдающіяся умственныя силы. Начавшіяся съ конца пятидесятыхъ годовъ реформы почти всего нашего гражданскаго строя, измѣняя условія стараго быта, расшатали съ нимъ вмѣстѣ и выросшую изъ него бытовую мудрость. Онѣ перевернули вверхъ дномъ обыденное существованіе всѣхъ самыхъ „дикихъ“ помѣщиковъ, самыхъ заскорузлыхъ чиновниковъ, онѣ же погнали въ города лишившихся пріюта дворовыхъ и массы крестьянъ, бѣжавшихъ туда на открывавшіеся заработки добывать деньги на уплату возраставшихъ податей. Желѣзныя дороги въ нѣсколько лѣтъ совершенно измѣняли физіономію самыхъ захолустныхъ городковъ, черезъ которые проходили.

Обо всемъ этомъ новомъ, невиданномъ и неслыханномъ старая мудрость рѣшительно не знала, что сказать. При этомъ новости били ее по самому чувствительному мѣсту, измѣняя способы пріобрѣтенія доходовъ и заставляли злиться, теряться и нести очевиднѣйшую ерунду. Подроставшая молодежь вдругъ почувствовала себя умнѣе отцовъ. Она почти инстинктивно была на сторонѣ всего новаго и уже этимъ однимъ выдѣлялась, чуть не въ каждомъ провинціальномъ городѣ, въ свой особый мірокъ, для котораго любой бойкій гимназистъ или семинаристъ, прочитавшій хоть пару журнальныхъ статей, — о заѣзжемъ студентѣ ужь и говорить нечего, — становился непререкаемымъ авторитетомъ, окончательно разрушавшимъ уже расшатанное уваженіе ко всему, что было свято и неприкосновенно для бытовой мудрости, вдругъ оказавшейся „устарѣлымъ предразсудкомъ.“

Всему этому юному люду было душно и тѣсно въ провинціи, всѣ рвались въ университетскіе города за отвѣтами на свои запросы и уже съ смутнымъ предчувствіемъ какого то великаго дѣла.

У этой, такъ быстро пробудившейся, такъ сильно взволнованной молодежи, была громадная потребность въ свободѣ. По сравненію съ предъидущимъ періодомъ, свобода, или вѣрнѣе, послабленія, были довольно значительны, но теперь каждое стѣсненіе чувствовалось гораздо сильнѣе.

Люди сороковыхъ годовъ, дошедшіе путемъ науки и постепеннаго развитія до отрицанія традиціонныхъ взглядовъ, оторванные отъ окружающей среды, могли довольствоваться осторожной литературной пропагандой лишь части своихъ воззрѣній, оставляя для дружескихъ бесѣдъ за чайнымъ столомъ самыя задушевныя свои убѣжденія.

Совсѣмъ въ иномъ положеніи находилась молодежь шестидесятыхъ годовъ, у которой не наука (враги не ошибались, называя ее „недоучившейся“), а измѣнившіяся условія жизни вызвали отрицаніе всѣхъ традиціонныхъ заповѣдей, болѣе полное и безпощадное, чѣмъ отри-

цаніе ихъ образованныхъ предшественниковъ. Люди сороковыхъ годовъ относились съ своего рода уваженіемъ, съ философскимъ признаніемъ, ко многому изъ отрицаемаго; они по большей части снисходительно сторонились отъ проявленій въ живой дѣйствительности всего того, съ чѣмъ порѣшили въ теоріи. Молодежь, уже по одному своему молодому незнанію, не могла одновременно признавать и отрицать, уважать и разбирать. Ей требовались категорическіе отвѣты на ея вопросы, и непремѣнно на всѣ сразу — безъ недомолвокъ и сомнѣній. Она не только не чувствовала оторванности отъ окружающей среды, а была наоборотъ твердо убѣждена, что не соглашаться съ ней свойственно лишь „дряхлымъ, отжившимъ ретроградамъ", а всему живому стоитъ лишь услыхать „новое слово", чтобы присоединиться къ ней. У нея развилась поэтому непреодолимая потребность распространять свои юные и рѣзкіе взгляды, приводившіе въ сильнѣйшее негодованіе не только дѣйствительныхъ „ретроградовъ", но и многихъ очень образованныхъ людей старшаго поколѣнія Многочисленная, взволнованная и смѣлая молодежь не могла довольствоваться и бесѣдами за чайнымъ столомъ; ей нужны были многолюдныя сходки. Всѣ эти свойства и потребности быстро поставили ее во враждебное отношеніе къ правительству. Послѣ запрещенія сходокъ и воскресныхъ школъ, приговора надъ Михайловымъ, въ особенности же послѣ ареста Чернышевскаго, все молодое поколѣніе", „новые люди", нигилисты", какъ называли ихъ тогда, всей душой возненавидѣли правительство и причислили его къ тѣмъ „самодурамъ", которымъ уже не долго коптить небо.

Русская образованная среда вступила, наконецъ, уже не отдѣльными единицами, а широкимъ, сильнымъ теченіемъ, захватывавшимъ, хоть на мгновеніе, все способное думать и чувствовать въ тотъ возбужденный, революціонный періодъ, который пережила Западная Европа.

Изъ такой среды не могли не начать выдѣляться группы наиболѣе искреннихъ и смѣлыхъ юношей, готовыхъ вступить въ активную борьбу. И дѣйствительно, воспитывавшіяся подъ вліяніемъ своихъ старшихъ братьевъ поколѣнія семидесятыхъ годовъ выставили такой огромный процентъ серьезно преданныхъ своему дѣлу борцовъ, какой едва ли былъ когда превзойденъ учащимися поколѣніями Франціи и Германіи въ самыя горячія времена ихъ революціоннаго движенія.

Несомнѣнно, что низверженіе самодержавія было ближайшимъ завоеваніемъ, лежавшимъ на пути этого движенія. Но несомнѣнно также, что русскіе, какъ и всякіе другіе революціонеры, нуждались прежде всего въ такой программѣ, которая санкціонировала бы ихъ дѣятельность какъ борьбу за интересы всего народа, за общее счастье, и что поэтому они не могли явиться исключительно политическими революціонерами, какъ не могутъ и теперь, не переставши быть революціонерами, забыть соціализмъ и заняться исключительно вопросомъ о политической свободѣ и „правахъ человѣка".

Эта свобода, эти права для тѣхъ, кто говоритъ о нихъ теперь, имѣютъ совсѣмъ не тотъ смыслъ, какой имѣли когда-то для револю-

ціонеровъ. Въ старомъ революціонномъ смыслѣ уже никто на свѣтѣ говорить о нихъ не можетъ.

Сами побѣжденные остатки французскихъ якобинцевъ еще въ 1797-мъ году выступили въ заговорѣ Бабефа сторонниками коммунизма, признавши, что только при устраненіи имущественнаго неравенства и могутъ осуществиться для народа права человѣка.

Послѣдней, развитой формой этого коммунизма, основанной на данныхъ, выработанныхъ человѣческой мыслью во всѣхъ областяхъ знанія, является современный соціализмъ — соціаль-демократія.

Если бы наше революціонное движеніе могло съ самаго начала воспользоваться опытомъ революціонной Европы и результатами ея мысли, оно стало бы въ борьбѣ съ самодержавіемъ на точку зрѣнія союза коммунистовъ, боровшагося въ 48-мъ г. за политическую свободу не какъ за свой конечный идеалъ, а какъ за первый шагъ въ той соціальной революціи, которую ставилъ своей цѣлью.

Сосредоточивъ всѣ силы на пропагандѣ соціализма среди городскихъ рабочихъ, русскіе революціонеры смотрѣли бы на борьбу за политическую свободу, какъ на одинъ изъ эпизодовъ долгой борьбы революціоннаго пролетаріата, какъ на его первую битву, дающую громадный размахъ всему движенію, удесятеряющую разливъ соціалистическихъ идей и дозволяющую движенію, послѣ побѣды, перейти въ слѣдующій фазисъ: отъ организаціи тайныхъ кружковъ обратиться къ открытой организаціи рабочихъ массъ.

Взявшись за это дѣло, наша революціонная интеллигенція навѣрное не растратила бы задаромъ своихъ силъ, и для борьбы съ русскимъ самодержавіемъ давно существовала бы революціонная армія.

Къ несчастью, цѣлый рядъ и исторически неизбѣжныхъ, и случайныхъ вліяній сперва, съ самаго начала движенія, отстранилъ молодую русскую интеллигенцію отъ серьезнаго знакомства съ Европой, а потомъ заставилъ ее уже сознательно отвернуться отъ Запада, рѣшить, что „не про насъ писали“ и думали его мыслители, что для насъ нѣтъ ничего поучительнаго въ его исторіи.

VII

Въ первый моментъ пробужденія русскимъ людямъ было не до Европы. Освобожденіе крестьянъ и устройство ихъ быта естественно должно было привлечь къ себѣ все вниманіе образованной среды. Затѣмъ подросшему поколѣнію „новыхъ людей“, взбунтовавшихся противъ бытовой мудрости, необходимо было оправдать и осмыслить свой бунтъ, создать новую нравственность, въ замѣнъ цѣликомъ отвергнутаго житейскаго кодекса. Удовлетворенію этой потребности посвящены были силы значительной части любимой молодежью литературы шестидесятыхъ годовъ.

Изъ авторитетныхъ писателей того времени едва ли не одинъ Чернышевскій заботился о распространеніи экономическихъ и историческихъ знаній среди молодежи. И на долгіе годы мы въ этихъ областяхъ остались при тѣхъ свѣденіяхъ, какія успѣлъ онъ сообщить намъ въ теченіе своей недолгой литературной дѣятельности.

За это время мы потеряли, такъ сказать, нить революціонной мысли Запада, а вмѣстѣ съ тѣмъ и самый интересъ къ общественнымъ наукамъ.

Въ этомъ играло не малую роль и то положеніе, въ какомъ очутились эти науки въ самой Европѣ къ тому времени, когда начало складываться наше движеніе.

Вмѣстѣ съ наступившимъ послѣ 48-го года отрезвленіемъ образованныхъ слоевъ европейской буржуазіи отъ излишняго пристрастія къ свободѣ и „справедливости" по отношенію къ низшимъ классамъ, ихъ покинулъ и всякій идейный, теоретическій интересъ къ общественнымъ вопросамъ. Меньше и меньше стало появляться замѣчательныхъ произведеній и даже просто талантливыхъ профессоровъ по всѣмъ отраслямъ знанія, имѣющимъ какое-нибудь касательство съ жгучими соціальными вопросами.

Изученіе этихъ вопросовъ переселилось въ самой Европѣ изъ студенческихъ квартиръ, изъ широкой, хорошо оплачиваемой литературы на чердаки и въ подвалы рабочихъ жилищъ, въ грошевую рабочую литературу и уже не мозолило глазъ, не напрашивалось само собою на вниманіе русской публики, какъ это было, несмотря на николаевскіе запоры, въ первой половинѣ нашего вѣка.

Широко и сильно, на виду у всѣхъ, развивались теперь въ Европѣ однѣ естественныя науки, захватывая на свою службу всѣ лучшія умственныя силы буржуазіи.

Лишь въ этихъ „далекихъ отъ мірскихъ треволненій" областяхъ протрезвленный буржуа могъ теперь думать и говорить спокойно и безпристрастно, безъ натяжекъ и умалчиваній, убивающихъ всякую теоретическую мысль.

Въ области общественныхъ наукъ его выводы уже сдѣланы заранѣе. Онъ не можетъ не доказывать, что существующій общественный строй необходимъ и вѣченъ въ своихъ основахъ и если нуждается въ нѣкоторыхъ поправкахъ, то лишь въ частныхъ, ничуть не нарушающихъ общаго принципа господства буржуазіи.

Литературныя произведенія этого направленія стояли въ слишкомъ рѣзкомъ противорѣчіи съ историческимъ моментомъ, переживаемымъ русскимъ обществомъ и не могли пользоваться его симпатіей. Зато преобладающее развитіе естествознанія сильно повліяло на нашу публику и отразилось также на ея отношеніи къ общественнымъ наукамъ.

Даже наша революціонно настроенная молодежь пришла, подъ несомнѣннымъ вліяніемъ современной западной буржуазіи, къ тому убѣжденію, что „учиться" можно только естественнымъ, вообще „точнымъ" наукамъ, а по общественнымъ можно „прочесть" что-нибудь на досугѣ, но можно и не читать. Ничего нужнаго въ нихъ нѣтъ, ихъ выводы произвольны и не обязательны.

Къ дѣйствію общаго умственнаго состоянія европейской буржуазіи на нашу интеллигенцію присоединилось еще въ самомъ началѣ революціоннаго движенія вліяніе двухъ русскихъ европейцевъ: Герцена и Бакунина. Люди сороковыхъ годовъ, члены европейской революціонной интеллигенціи, они оба были поражены катастрофой, послѣдовавшей за Февральской революцiей. Оба убѣдились затѣмъ въ полнѣйшемъ прекращеніи всякаго революціоннаго теченія среди европейской буржуазіи. Революція же народная, чисто рабочая, не предводительствуемая никакой партіей, состоящей изъ людей съ высшимъ образованіемъ, обоимъ преставлялась какимъ-то разрушительнымъ хаосомъ, долженствующимъ смести всю цивилизацію.

Бакунинъ возвелъ этотъ воображемый хаосъ въ теорію и создалъ изъ него свою анархію. Герценъ подъ вліяніемъ своего разочарованія сталъ сильно склоняться къ славянофильству, и оба одинаково подрывали въ нашихъ глазахъ значеніе и науки, и исторіи Европы, оказавшейся какой-то колоссальной ошибкой.

Такимъ образомъ, въ дѣлѣ выработки своей программы, русское движеніе было предоставлено своимъ собственнымъ силамъ. Все „западное къ намъ непримѣнимо", думали мы, и считали, что знаемъ объ этомъ Западѣ совершенно достаточно, чтобы „избѣгать его ошибокъ".

Но Западъ жестоко отомстилъ намъ за это презрѣніе. Мы волей неволей все таки вырабатывали свои воззрѣнія подъ сильнѣйшимъ его воздѣйствіемъ. Только вмѣсто основательно изученныхъ и понятыхъ фактовъ и теорій мы имѣли въ своемъ распоряженіи лишь смутныя, до отвлеченности краткія положенія, которыя именно вслѣдствіе своей краткости и отвлеченности превратились у насъ въ особаго рода историческіе предразсудки и недоразумѣнія, толкавшіе наше движеніе на ложные практическіе пути, ничуть не мѣшая намъ въ то же время повторять и старыхъ, давно уже выясненныхъ, теоретическихъ „ошибокъ Запада".

Одной изъ такихъ повторенныхъ „ошибокъ" было перенесеніе добродѣтелей, которыми великодушные французы одѣляли весь родъ человѣческій въ его „естественномъ состояніи", а нѣмцы забрали было въ исключительное пользованіе своего народа, на нашихъ крестьянъ.

У нѣмцевъ, не слыхавшихъ еще о соціализмѣ, германскій „народный духъ" долженъ былъ осуществить тогдашній идеалъ общаго счастья, основанный на свободѣ и добродѣтели.

Что касается до насъ, то мы слыхали объ ассоціаціяхъ, считали ихъ за соціализмъ и надѣялись, что нашъ „народный духъ" разовьетъ этотъ соціализмъ изъ общиннаго землевладенія, свергнувъ правительственный гнетъ и водворивъ анархію.

По сложившейся у насъ программѣ, задача революціонной интеллигенціи заключалась въ томъ, чтобы своею проповѣдью вызвать, или вѣрнѣе ускорить, и направить, готовящееся, по предположенію, крестьянское возстаніе.

Городскія революціи, приводившія на Западѣ лишь къ измѣненію политическихъ формъ, были въ нашихъ глазахъ его главнѣйшей

„ошибкой“. Мы радовались мысли, что „наши города тѣ же деревни“, а „городскіе рабочіе тѣ же крестьяне“ и предполагали, что въ будущемъ строѣ города превратятся уже въ совершенныя деревни, а рабочіе въ крестьянъ. Поэтому въ глазахъ революціонной интеллигенціи мѣсто настоящей серьезной дѣятельности было лишь въ деревнѣ. Но приготовляясь къ этой дѣятельностим, многіе изъ народниковъ начинали пробовать свои силы на пропагандѣ среди рабочихъ.

Собственно говоря, самостоятельное движеніе въ рабочей средѣ не имѣло большаго значенія въ глазахъ народниковъ. Рабочіе были важны для него, главнымъ образомъ, въ качествѣ пропагандистовъ среди крестьянъ. Для рядоваго рабочаго, не обладающаго выдающимися талантами, способнаго дѣйствовать лишь съ массой, въ народнической программѣ не было ни мѣста, ни дѣла, ни будущаго. Онъ долженъ былъ ждать крестьянской революціи и превратиться затѣмъ въ крестьянина. Могъ, на худой конецъ, устроить тогда и городскую ассоціацію, но эти послѣднія до такой степени опротивѣли интеллигенціи, заводившей ихъ по образцу Вѣры Павловны, и потерпѣвшей полнѣйшую неудачу, что говорить о нихъ увлекательно она была рѣшительно не въ состояніи.

Положить начало прочному, самостоятельному движенію въ рабочей средѣ эта анти-рабочая пропаганда, конечно, не могла. Но такъ воспріимчива оказалась сама среда, что при малѣйшей усидчивости стремившихся въ деревню пропагандистовъ, ихъ дѣятельность приносила плоды; а тѣ выдающіяся личности этой среды, на которыхъ случайно наталкивалась интеллигенція, выдѣлялись и становились въ ея ряды.

Не долго длилась наша грандіозная мечта поднять крестьянъ и явиться иниціаторами народнаго освобожденія. Годъ-два—и революціонеры почувствовали, что такая задача имъ не по силамъ. На время надежды сосредоточились на самостоятельныхъ крестьянскихъ бунтахъ, которые интеллигенція должна была расширить и объединить своимъ участіемъ. Но съ каждымъ годомъ блѣднѣла и эта надежда.

Передъ началомъ „террора“, сильнѣйшій изъ тогдашнихъ революціонныхъ кружковъ „Земля и Воля“, хотя и затрачивалъ гораздо больше силъ на поселенія среди крестьянъ, чѣмъ на дѣятельность среди рабочихъ, но могъ похвастаться значительнымъ успѣхомъ именно въ средѣ послѣднихъ. Поскольку велась пропаганда, она была очень успѣшна. Участіе въ стачкахъ, помощь, которую организація оказывала при нихъ рабочимъ, начала создавать „Землѣ и Волѣ“ особаго рода популярность въ рабочей средѣ, не затронутой никакой пропагандой: „студентъ“ началъ казаться петербургскимъ рабочимъ необходимымъ элементомъ при всякой стачкѣ. Такимъ образомъ у „Земли и Воли“ оказывалось отсутствіе всякаго замѣтнаго успѣха тамъ, гдѣ онъ былъ важенъ по программѣ, и значительный успѣхъ тамъ, гдѣ по программѣ онъ не имѣлъ серьезнаго значенія. Успѣхъ былъ видимо пріобрѣтенъ, вдобавокъ, не благодаря, а вопреки программѣ. Сами распропагандированные по этой программѣ рабочіе пытались уже внести въ нее свою разрушающую поправку, въ видѣ требованія политической свободы, которая, какъ утверждали

рабочіе, нужна имъ теперь же, не дожидаясь будущаго деревенскаго рая. Такое противорѣчіе между дававшимся въ руки дѣломъ и програмой не могло длиться до безконечности. Чтобы съ увлеченіемъ отдаться рабочему движенію, интеллигенціи надо было отбросить свою крестьянско-народническую программу и замѣнить ее программой рабочаго соціализма. А для такой замѣны приходилось перестроить предварительно все свое міросозерцаніе, признать правымъ и изучить тотъ Западъ, „ошибки“ котораго мы такъ гордо поправляли, и покончить съ мечтами о спеціально русскомъ соціализмѣ. Между тѣмъ поколебалась лишь надежда повести крестьянъ на завоеваніе этого соціализма, самъ же онъ былъ еще твердъ и непоколебимъ въ умахъ народниковъ. Поэтому начинавшаяся связь между революціонной партіей и рабочими держалась на волоскѣ и могла быть заброшена при первомъ случаѣ, дававшемъ другое поле дѣятельности.

VIII.

Сильное сочувствіе, которымъ встрѣтило большинство нашего общества первыя, единичныя политическія убійства и тотъ исходъ, который давали эти убійства накопившейся у революціонеровъ ненависти къ правительству, сразу создали такого рода дѣятельности большую популярность въ средѣ народниковъ. Очень скоро для политическихъ убійствъ нашлось опредѣленное мѣсто въ ихъ программѣ. Явилось предположеніе, что эти убійства терроризируютъ правительство и дезорганизуютъ его силы. Террористы явились, по программѣ, охранительнымъ отрядомъ дѣйствующей въ народѣ партіи.

Между тѣмъ напряженно воинственное настроеніе, поддерживаемое удачными предпріятіями, все усиливалось,—терроръ неудержимо притягивалъ къ себѣ большинство силъ и средствъ. Первоначальное мѣсто въ программѣ уже не соотвѣтствовало его значенію. Черезъ годъ, послѣ первыхъ фактовъ этого рода, въ средѣ террористовъ пріобрѣла уже право гражданства та мысль, что дѣятельность въ народѣ совершенно безполезна, что революціонная интеллигенція сама по себѣ достаточно сильна, чтобы, дезорганизовавъ правительство, снять съ народа давящій его гнетъ.

За этимъ первымъ измѣненіемъ въ старой народнической программѣ естественно послѣдовало другое. Анархія, безгосударственность необходимо предполагала самодѣятельность и революціонность крестьянства. При признанной неподвижности деревень, одной дезорганизаціей, однимъ устраненіемъ центральнаго правительства еще ничего не достигалось; надо было стать на мѣсто этого правительства, чтобы избавить народъ отъ всей системы лежащаго на немъ гнета, отъ всѣхъ его мѣстныхъ утѣснителей. Идея анархической безгосударственности уступила мѣсто идеѣ захвата власти друзьями

народа, направляющими силу этой власти къ его благу. Народники партіи „Народной Воли“ изъ анархистовъ стали демократами.

Все сконцентрировалось вокругъ террора.

Народники, „Черно-передѣльцы“, оставшіеся вѣрны старой программѣ „Земли и Воли“, понимали, что интеллигенція не можетъ однѣми собственными силами освободить народъ, понимали и то, что терроръ вовсе не дезорганизуетъ силъ правительства, но этой новой, растущей иллюзіи они не могли ничего противопоставить, кромѣ старой, уже померкшей надежды на крестьянскія возстанія, и не могли поэтому не стушеваться предъ террористами.

Геройская борьба этихъ послѣднихъ продолжала держать въ возбужденномъ настроеніи значительное число мирныхъ либеральныхъ обывателей, отозвалась на офицерствѣ и глубоко волновала студенчество.

Я ничуть не сомнѣваюсь, что за три года террора не разъ бывали моменты, въ которые петербургская интеллигенція — а она то и важна — была до такой степени взволнована, что будь передовая часть рабочаго класса заранѣе разбужена соціалистической пропагандой, привыкни петербургскій рабочій къ мысли о силѣ и самостоятельномъ значеніи своего класса — однимъ словомъ будь тогда въ Петербургѣ возможно возстаніе, которое выставило бы на своемъ знамени требованіе свободы и созванія народныхъ представителей, петербургское общество отлично выполнило бы свою роль. Студенчество съ головой отдалось бы возстанію и разжигало бы его. Значительная часть офицерства усмиряла бы возстаніе такъ вяло и неохотно, что дала бы ему время разгорѣться. Либералы съ своей стороны подали бы сколько угодно адресовъ и петицій — въ такое время это совершенно безопасно — и сдѣлали бы все возможное, чтобы воспользоваться возстаніемъ.

Но хотя „Народная Воля“ признала важное значеніе рабочихъ для революціи, и въ 1880 году старалась дѣйствовать въ смыслѣ возбужденія въ нихъ симпатіи къ политическому перевороту — никакое возстаніе не было, конечно, мыслимо. Такія великія задачи, какъ пробужденіе въ массѣ тѣхъ или иныхъ идейныхъ, сознательныхъ симпатій, въ нѣсколько мѣсяцевъ не дѣлаются даже при самой усиленной работѣ, а „Народная Воля“, занятая громадными приготовленіями къ цареубійству, могла удѣлять на второстепенное для нея рабочее дѣло лишь остатки своихъ силъ. Рабочіе, распропагандированные еще при „Землѣ и Волѣ“, сами увлеклись терроромъ и приняли въ немъ блистательное участіе; но для этого участія они, по самымъ необходимымъ условіямъ конспираціи, должны были совершенно изолироваться отъ массы своихъ товарищей. Удаленіе же изъ рабочей среды такихъ людей, какъ Халтуринъ и другіе рабочіе террористы, не могло не дѣйствовать гибельно на едва начинавшееся движеніе.

А безъ возстанія, безъ всякой серьезной связи съ рабочимъ классомъ, что могли сдѣлать взволнованные терроромъ мирные обывате-

ти-либералы?*). Что могла сдѣлать доведенная до бѣлаго каленья масса студенчества?

Терроръ и все вызванное имъ настроеніе было сильной бурей, но въ закрытомъ пространствѣ. Волны поднимались высоко, но волненіе не могло распространиться. Оно только исчерпывало, истощало нравственныя силы интеллигенціи.

Упадокъ движенія въ восьмидесятыхъ годахъ не можетъ быть приписанъ одной ловкости полиціи, — въ немъ играла несомнѣнную роль и нервная усталость самой интеллигенціи. Но еще безконечно большую роль въ утратѣ самими революціонерами прежней бодрости и увлеченія играло, конечно, ослабленіе теоретической, идейной основы движенія.

Люди, вырабатывавшіе свое міросозерцаніе въ 80-хъ годахъ и говорившіе о русской самобытности, объ общинѣ и ея развитіи, вѣроятно и представить себѣ не могутъ, чѣмъ былъ для людей 70-хъ годовъ этотъ „русскій соціализмъ", это будущее вольное, счастливое крестьянское царство безъ царя и безъ правительства! Но жизнь срывала постепенно съ этой иллюзіи, игравшей для насъ одушевляющую роль революціоннаго идеала, ея блестящій ореолъ.

Къ концу 70-хъ годовъ революціонность крестьянства уже пошатнулась въ умахъ народниковъ, но „русскій самобытный соціализмъ" былъ еще цѣлъ — мы теряли лишь путь къ его осуществленію.

Терроръ, подмѣнившій въ программѣ силу крестьянства боевыми силами интеллилентныхъ кружковъ, возвратилъ на минуту старой иллюзіи всю ея обаятельность.

Но въ 80-хъ годахъ самъ „русскій соціализмъ" изъ живаго болѣе или менѣе цѣльнаго міросозерцанія сперва превратился, подъ перомъ г. Тихомирова, въ мертвый догматъ, а потомъ изчезъ безвозвратно. Движеніе потеряло свой идеалъ, свою теоретическую програму, а между тѣмъ весь складъ, принятый русской мыслью за послѣдніе 30 лѣтъ, мѣшалъ и мѣшаетъ нашей революціонной интеллигенціи принять единственное возможное для нея теперь революціонное міросозерцаніе научнаго рабочаго соціализма.

Безграничный эклектизмъ русской интеллигенціи, не признающей въ области общественныхъ вопросовъ ничего обязательнаго, стройнаго и послѣдовательнаго, дозволяетъ ей, не принимая и не оспаривая

---

*) Либераловъ упрекаютъ, зачѣмъ не подавали они адресовъ и прошеній съ требованіями конституціи. Но при террорѣ сколько-нибудь приличныя прошенія этого рода были гораздо опаснѣе, чѣмъ въ другое время, да онъ и не давалъ къ нимъ никакого повода. Къ неприличнымъ же прошеніямъ, переполненнымъ проклятіями крамолѣ и обѣщаніями извести соціалистовъ, честные идейные либералы совершенно неспособны. Инниціаторами подобныхъ адресовъ отъ земствъ являлись, навѣрное, не либералы, а люди преждевременно народившагося у насъ, такъ сказать, предвосхищеннаго исторіей типа протрезвленныхъ буржуа, которымъ свобода не нужна, а нужно лишь „самоопредѣленіе" по части хозяйства, какъ земскаго, такъ и общегосударственнаго. Самая крайняя изъ либеральныхъ фракцій нѣмецкаго Рейхстага, „прогрессисты" и тѣ вотировали въ 1884 году за исключительные законы, лишающіе всякой свободы и всякихъ правъ рабочихъ соціалистовъ. А тѣмъ не менѣе прогрессисты очень недовольны ограниченностью правъ Рейхстага и по другимъ вопросамъ дѣлаютъ Бисмарку оппозицію.

этого міросозерцанія, то оставлять его въ сторонѣ, откладывая до „конституціи“, то вырывать изъ него отдѣльные клочки, постоянно пытаясь *придумать* для Россіи что нибудь особенное. А между тѣмъ весь кругъ самобытныхъ иллюзій уже исчерпанъ и ничего не придумывается.

При отсутствіи ясной, широкой, идейной программы, въ образовывавшихся кружкахъ не вырабатывалось и того увлеченія, той настойчивости и энергіи, которыя необходимы для всякой революціонной дѣятельности.

Самый терроръ, продолжая сосредоточивать на себѣ всю любовь, всѣ революціонные помыслы большинства кружковъ, теряетъ свою широкую цѣль, а вмѣстѣ съ тѣмъ и прежнюю бодрость и самоувѣренность. Имъ не надѣятся уже сломить, уничтожить самодержавіе. Терроръ становится средствомъ *склонить* правительство къ уступкамъ при содѣйствіи общества. Къ давнишнимъ упрекамъ обществу за его нереволюціонность и апатію начинаютъ примѣшиваться усиленныя надежды на его исправленіе посредствомъ „агитаціи во всѣхъ слояхъ“. Давленію общественнаго мнѣнія на правительство придается все большее и большее значеніе. Даже терроръ сводится къ какому-то вспомогательному средству при этомъ давленіи и чуть не ставится на одну доску со всеподданнѣйшими земскими адресами и прошеніями.

Программа Свободной Россіи, сводившая уже все и вся къ одной „силѣ общественнаго мнѣнія“, къ адресамъ и прошеніямъ не могла, по самой своей послѣдовательности, имѣть успѣха.*) Но въ сущности, къ этой программѣ вела прямымъ путемъ вся логика такихъ, контрабандой пробравшихся въ революціонные круги, антиреволюціонныхъ разсчетовъ—не на силу своихъ идей, не на народное возстаніе, а на уступчивость врага и силу общества.

---

*) Намъ случилось уже нѣсколько разъ упоминать о „Свободной Россіи“, прекратившейся на третьемъ номерѣ и не представлявшей изъ себя, ни въ литературномъ ни въ идейномъ отношеніи, ничего замѣчательнаго. Этотъ органъ интересенъ для насъ не самъ по себѣ, а лишь въ качествѣ яркаго до каррикатурности проявленія того, что можно бы назвать „пониженіемъ тона“ русскихъ революціонныхъ программъ.

Щедринъ приводитъ въ одной изъ своихъ хроникъ слѣдующее объясненіе „риторической фигуры пониженія тона“, полученное имъ отъ одного фельетониста Московскихъ Вѣдомостей: „Пониженіе тона есть такое онаго ограниченіе, которое по наружности, хотя и не касается внутренняго содержанія, послужившаго поводомъ для словеснаго упражненія, но на дѣлѣ пресущественнѣйше оное измѣняетъ и претворяетъ“.

„Тонъ“ всѣхъ воззрѣній нѣкоторой части нашей революціонной интеллигенціи постепенно „понижался“, а ей казалось, что она производитъ въ своихъ программахъ лишь нѣкоторыя „ограниченія“, не касающіяся ихъ внутренняго содержанія. На дѣлѣ же оказалось такое существенное измѣненіе самыхъ воззрѣній, что получилась возможность появленія очень *умѣренно* либеральнаго и совершенно опредѣленно антиреволюціоннаго органа, въ которомъ и редактора и всѣ сотрудники (за исключеніемъ г. Драгоманова, который нисколько не измѣнился и отлично знаетъ что дѣлаетъ) революціонеры и, даже издавая свой удивительный органъ, продолжали считать себя таковыми.

Это во всякомъ случаѣ очень характерный признакъ времени.

IX

Посмотримъ однако, чего именно могутъ ждать революціонеры отъ общества, и основательны ли наши вѣчныя жалобы на его нереволюціонность.

Въ томъ смыслѣ, въ какомъ говорится напр., что западная буржуазія была революціонна до 48-го года, русское общество уже давно революціонно. Оно революціонно, если брать его всего цѣликомъ вмѣстѣ съ его революціонными элементами. Революціонность общества въ томъ то и выражается всего ярче, что часть его молодежи становится революціонной. Въ томъ же самомъ выражалась и былая революціонность образованныхъ слоевъ западной буржуазіи.

Неудовлетворенная потребность самой распоряжаться дѣлами своей страны порождала въ ея средѣ общее недовольство всѣмъ ходомъ этихъ дѣлъ, критическое, недоброжелательное отношеніе къ правительству, склонность къ размышленіямъ надъ общественными вопросами, сочувствіе къ угнетеннымъ и болѣе или менѣе рѣшительное признаніе общественной несправедливости по отношенію къ низшимъ классамъ. Отсутствіе политической власти въ ея рукахъ дозволяло ей при этомъ совершенно искренно сваливать главную отвѣтственность за всѣ несправедливости на правительство.

Все это проявлялось въ безчисленныхъ оттѣнкахъ отъ умѣреннаго либерализма, до самыхъ демократическихъ воззрѣній, сказывалось вездѣ и во всемъ: въ наукѣ, въ литературѣ, въ гостинной, въ семьѣ и въ школѣ.

Въ такомъ же состояніи давно уже находится и русское общество.

Его дѣти давно уже растутъ въ атмосферѣ „хорошихъ словъ“, „гражданской скорби“ и негодованія на правительство.

Но какъ бы ни была сильна гражданская скорбь человѣка, такъ или иначе пристроившагося и ставшаго солиднымъ отцомъ семейства и „членомъ общества“, его личное, частное положеніе настолько хорошо, настолько лучше положенія большинства, что онъ не можетъ не дорожить имъ больше всего на свѣтѣ, не можетъ ради своего общаго недовольства рисковать своимъ частнымъ довольствомъ. Отсюда неизбѣжное противорѣчіе между его словами, вызываемыми самымъ искреннимъ общимъ недовольствомъ и дѣлами, необходимыми для поддержанія его частнаго довольства.

Молодежь слышитъ добрыя рѣчи о народѣ вообще и видитъ злые поступки съ его ближайшими представителями въ лицѣ мѣстныхъ крестьянъ. „Не раззориться же!“—Поступковъ требуетъ хозяйство.

Молодежь слышитъ въ интимныхъ разговорахъ самую рѣзкую критику дѣйствій правительства и самые нелестные эпитеты по адресу губернатора или мѣстнаго жандармскаго полковника и видитъ угодливость и предъ губернаторомъ и предъ полковникомъ и во всякомъ случаѣ полнѣйшее отсутствіе протеста даже противъ дѣйствій

урядника. „Нельзя, могутъ выйти непріятности, у меня семья, дѣти, я обязанъ о нихъ заботиться.“

Это совершенно естественно. Солидные люди не могутъ не быть практичными. И наоборотъ, было бы совершенно противуестественно еслибы въ неспокойномъ, неуравновѣшенномъ обществѣ молодежь оказывалась вся сплошь практичной и уравновѣшенной.

Наиболѣе впечатлительнымъ и правдивымъ юношамъ нравятся хорошія рѣчи и противны благоразумные поступки. Ни въ хозяйство, ни въ службу, ни въ заботы о семейномъ благосостояніи они не успѣли втянуться. Этого спасительнаго балласта, мѣшающаго солиднымъ людямъ пускаться въ рискованныя плаванія, у нихъ не существуетъ и они разрываютъ съ обществомъ, составляютъ себѣ идею *общаго* блага и идутъ бороться за нее, не считая ни жертвъ, ни силъ, отбросивъ всякія помышленія не только о выгодахъ, но и о самой жизни.

Общество огорчается, конечно, такимъ результатомъ своей собственной неуравновѣшанности. Огорчалось имъ въ былое время и западное общество, и тѣмъ не менѣе, безсознательно толкая на опасность и безчисленныя страданія своихъ собственныхъ дѣтей, оно тѣмъ самымъ подготовляло свое окончательное торжество, выполняло одну изъ своихъ революціонныхъ задачъ.

Эту задачу еще недавно очень широ о и очень успѣшно выполняло и русское общество.

Вторая обязанность, лежавшая на западной буржуазіи въ ея революціонномъ періодѣ, заключалась въ заявленіяхъ правительствамъ различныхъ пожеланій и требованій и въ причиненіи тѣмъ изъ нихъ, которыя сопротивлялись ея требованіямъ, различныхъ затрудненій и непріятностей.

Этой обязанности наше общество не выполняетъ. Но едва-ли справедливо было бы предположить, что такое упущеніе съ его стороны происходитъ единственно отъ его большей трусости или меньшей возбужденности по сравненію съ буржуазными классами западной Европы, переживавшими свой періодъ недовольства и стремленія къ ограниченію верховной власти. И тѣ требовали и протестовали лишь постольку, поскольку у нихъ имѣлись уже въ законахъ и учрежденіяхъ неоспоримыя права на такія дѣйствія, и поскольку они были убѣждены, что правительства не могутъ обходиться безъ содѣйствія этихъ учрежденій, а слѣдовательно, законнымъ отказомъ въ содѣйствіи имъ можно причинять серьезныя непріятности и затрудненія.

Ничего подобнаго нѣтъ у русскаго общества. Нѣтъ и у земства, на которое возлагаются у насъ по преимуществу просительскія обязанности. Прошенія-же, не подкрѣпленныя никакой угрозой, слишкомъ ужь недѣйствительны, имѣютъ слишкомъ патріархальный характеръ, чтобы сильно увлекать наше общество.*)

---

*) Правда, прусскіе провинціалные чины также мало могли вредить правительству, какъ и наши земства, а г- Драгомановъ въ 1 №-рѣ Свободной Р ссія (стр. 20) увѣряеть насъ, что „прусскій абсолютизмъ палъ... въ 47 году, когда король подъ давленіемъ общественнаго мнѣнія, выражавшагося между прочимъ и въ требованіяхъ про-

Третья задача либеральныхъ элементовъ высшихъ классовъ — это парализовать энергію правительства при усмиреніи возстанія. Къ ея выполненію мы не дали нашему обществу ни малѣйшаго повода.

Но, мнѣ кажется, трудно сомнѣваться въ томъ, что и у насъ, какъ въ былой Европѣ, нашлись бы люди изподтишка сочувствующіе возстанію и старающіеся остановить кровопролитіе. Нашлись бы, а это главное, такіе офицеры, которые вмѣсто того, чтобы сразу и энергично скомандовать „пли!“, принялись бы дѣйствовать мѣрами кротости и увѣщанія, давая тѣмъ время толпѣ съ такою же кротостью заласкать солдатъ, окружить ихъ, повынимать у нихъ ружья изъ рукъ и разстроить ихъ ряды.

Офицеръ и самъ, если не теперь, то когда-то хоть на время да сочувствовалъ тѣмъ требованіямъ, которыя предъявляютъ возставшіе. Если не въ его собственномъ, то во многихъ знакомыхъ ему семействахъ, есть студенты, находящіеся, вѣроятно, тамъ, среды толпы, въ которой отъ одного его слова сотни полягутъ мертвыми. Поди-ка, скомандуй тутъ „пли!“

Во всякомъ случаѣ, по этому пункту исправность общества, по отношенію къ его революціоннымъ обязанностямъ, остается неизвѣстной, а что мы своихъ не выполнили — это несомнѣнно.

Тоже можно сказать, конечно, и о четвертой, послѣдней задачѣ общества: воспользоваться плодами борьбы рабочихъ и революціонной интеллигенціи.

X

И такъ, по нашему мнѣнію, съ одной стороны влить въ русское общество революціонную готовность на борьбу нѣтъ ни малѣйшей воз-

---

винціальныхъ земскихъ собраній, созвалъ объединенное ихъ собраніе.“ Надо только замѣтить, что созванное собраніе сильно огорчило либеральное общественное мнѣніе Пруссіи и было принято имъ не за выполненіе „обѣщаній 13-го года“, напоминаніями о которыхъ было такъ удобно дразнить правительство, а за ихъ отрицаніе. Собраніе не пользовалось даже правомъ періодичности, а созвано было на одинъ разъ для заключенія займа. Сильно стѣсненная печать не получила при этомъ ни малѣйшихъ облегченій и никакія иныя „права человѣка“ не были расширены. Уступка-же, которую, по сообщенію той-же статьи, Австрійское превительство сдѣлало своимъ подданнымъ еще наканунѣ возстанія 13 Марта 1848 года, заключалась въ обѣщаніи созвать земскихъ представителей съ *совѣщательнымъ* голосомъ по тѣмъ вопросамъ, которые правительство имъ *укажетъ*. Но и это обѣщаніе, про которое не особенно либеральный Шпрингеръ (Gesch. Oest., т. 2, стр. 182) говоритъ, что оно „напоминало нарисованныя кушанья, предназначенныя для утоленія сильнаго голода“, было дано никакъ не вслѣдствіе адресовъ читальнаго общества или студентовъ, а вслѣдствіе волненій въ южной Германіи, заставлявшихъ правительство ожидать со дня на день возстанія и въ Вѣнѣ, и которая уже начинала волноваться. Въ другое время, за одну фантазію подавать подобный адресъ, студентовъ преспокойно разсажали бы по тюрьмамъ.

Да, такую-то конституцію намъ когда нибудь дадутъ.

можности, а съ другой — вовсе не въ его апатіи лежитъ и главное препятствіе къ нашему освобожденію. Оно стоитъ на томъ же пути, на которомъ стояли и европейскіе образованные слои въ свои революціонные періоды. Уклонились отъ европейскаго пути мы, революціонеры, а не общество.

Такъ какъ революціонизировать общество невозможно, то и соединиться съ пимъ революціонная партія могла бы не иначе, какъ переставши быть революціонной, что вовсе не значило бы соединиться, а просто исчезнуть, не усиливши этимъ, вдобавокъ, ни на волосъ партію мирныхъ конституціоналистовъ. Для нихъ во сто разъ важнѣе было бы пріобрѣтеніе нѣсколькихъ придворныхъ, въ особенности изъ высшихъ чиновъ полиціи, чѣмъ всѣхъ революціонеровъ. Вѣдь наши конституціоналисты обречены разсчитывать единственно на „силу общественнаго мнѣнія". А дѣло извѣстное, что на всѣхъ и каждаго всего сильнѣе дѣйствуетъ мнѣніе ближайшаго наиболѣе симпатичнаго ему общественнаго круга. Что же можетъ быть ближе, что может быть симпатичнѣе для Александра III его полиціи?

„Свободная Россія" такъ и понимаетъ, повидимому, подъ соединеніемъ общества съ революціонерами простое исчезновеніе послѣднихъ.

Почти во всѣхъ статьяхъ этого органа революціонерамъ читаются длиннѣйшія наставленія сплошь отрицательнаго свойства: Не дѣлай того, не говори этого! Не упоминай о соціализмѣ, не трогай рабочихъ, не печатай брошюръ, не будь отщепенцемъ, не кричи „вы, либералы", а говори „мы, общество".

Положительная часть практической программы „Свободной Россіи", развиваемая въ статьяхъ г. Драгоманова, сводится, исключительно, къ безконечной и безграничной подачѣ прошеній. Если современное общество, современныя земства не подадутъ ихъ въ достаточномъ количествѣ, то тѣмъ же самымъ предстоитъ заняться „нашимъ младшимъ поколѣніямъ радикальнаго направленія", которымъ „самимъ надо будетъ стать людьми общества и земцами, и активными либералами".*)

То есть: въ младшемъ поколѣніи на земскія и иныя, подходящія для подачи прошеній, должности будутъ поступать люди того сорта, того типа, который раньше обращался къ революціонной дѣятельности. Иными словами, революціонный типъ исчезнетъ, слившись съ бывшимъ и въ самые горячіе годы, гораздо болѣе многочисленнымъ типомъ юношей, уже на школьной скамьѣ готовившихъ себя къ мирной, легальной, благополучной дѣятельности Но для того, чтобы получилось такое все сплошь практичное, уравновѣшенное юношество, нужно, чтобы у самого образованнаго общества, во всѣхъ его слояхъ, всѣ нравственныя понятія не залетали выше принциповъ, положенныхъ въ основу гражданскаго и уголовнаго кодекса, чтобы понятіе объ общемъ благѣ какъ можно ближе подошло къ понятію объ успѣшномъ взысканіи недоимокъ, чтобы общество забыло и сатиры Щедрина и пѣсни Некрасова и многое, многое другое... Надо создать вокругъ подростающаго поколѣнія такую нравственную атмосферу, которая окружаетъ

*) № 1 стр. 18.

теперь хотя бы нѣмецкое учащееся юношество. Надо, чтобы у подростковъ никогда не забилось сердце ни отъ какихъ идей, ни отъ какихъ „хорошихъ словъ“.

Иначе того сорта юноши, которые прежде неудержимо стремились къ революціонной дѣятельности, не находя этого исхода, будутъ скорѣе кончать самоубійствомъ или притуплять свою впечатлительность въ какихъ нибудь сектантскихъ поселеніяхъ вродѣ Толстовскихъ, а все таки не превратятся въ благополучныхъ россіянъ, способныхъ умѣренно и акуратно пройти всѣ мытарства, обзавестись цензомъ и пробраться въ земство или какъ нибудь иначе устроиться въ такомъ же почтенномъ положеніи. А у кого хватить на все это практичности и благоразумія, хватитъ и на то, чтобы не слишкомъ торопиться съ прошеніемъ, если съ нимъ связанъ рискъ потерять заботливо созданное положеніе.

Всѣ западныя образованныя общества находятся теперь въ томъ уравновѣшенномъ состояніи, какое требуется для воспитанія благоразумныхъ юношей. Но они пришли въ такое состояніе лишь послѣ борьбы (руками рабочихъ и революціонной интеллигенціи) за участіе въ управленіи и не раньше пріобрѣтенія той или иной степени этого участія.

Трудно предположить,чтобы русскому обществу суждено было составить въ этомъ отношеніи единственное исключеніе.

Но во всякомъ случаѣ, успокоится или не успокоится наше общество, будетъ или не будетъ оно подавать прошенія, а представителямъ губернскихъ земствъ или чему нибудь въ этомъ же почтенномъ и практическомъ родѣ, раньше или позже, будетъ дозволено съѣхаться и поговорить.

Тэмы для разговоровъ, всего вѣроятнѣе, будутъ даны самимъ правительствомъ. Но предположивши даже, что почтеннымъ людямъ будетъ дозволено выбирать ихъ, они, помня пословицу, что „дареному коню въ зубы не смотрятъ“, сами постараются не „раздражать правительство“, „не компрометтировать благихъ начинаній“, не затрогивать непріятныхъ тэмъ.

Въ число же пріятныхъ для правительства тэмъ свобода слова, собраній, организацій, даже прекращеніе травли соціалистовъ — все то, ради чего эти послѣдніе желаютъ конституціи — включено не будетъ*).

Всѣ эти свободы черезчуръ противорѣчатъ личному правленію, къ которому слишкомъ привыкли — и безъ революціи не отвыкнутъ—Романовы. То или другое подобіе представительства, съ тѣми или дру-

*) При диктатурѣ конституціоналиста Лорисъ-Меликова, жестокости были доведены до небывавшихъ ни раньше ни позже фактовъ смертной казни 17 лѣтняго мальчика за найденный у него печатный листокъ. Л.-Меликовъ не забылъ отдаленнѣйшихъ уголковъ Сибири, чтобы ухудшить тамъ положеніе людей, страдавшихъ за пропаганду — террористовъ тогда въ Сибири не было. И что же, на другой день послѣ созванія совѣщательной комиссіи все это было бы прекращено? Почему-же? Если наканунѣ звѣрства были нужны для того, чтобы примирить царя съ мыслью объ ограниченіи власти, то на другой день они были бы еще необходимѣе для примиренія его съ началомъ осуществленія непріятной мысли.

гими спеціальными цѣлями, они могутъ дать, но свобода въ подарокъ отъ самодержавныхъ царей не выпрашивается

Она у нихъ вынуждается, завоевывается. Европейскія „общества" т. е. образованная, идейная часть тогдашней буржуазіи, обобщавшая и возводившая въ теоріи прогрессивныя стремленія своего класса, завоевывала нужныя ей, въ тотъ моментъ, свободы при помощи рабочихъ.

А рабочихъ будили и вовлекали въ движеніе выдѣлявшіеся изъ общества революціонные элементы, заносившіе въ бѣднѣйшіе слои городскаго населенія вѣсть о тѣхъ результатахъ, до которыхъ додумалась въ данный моментъ человѣческая мысль, работавшая надъ вопросомъ о выходѣ изъ мучительнаго для громаднаго большинства народа современнаго строя.

Въ этомъ посредничествѣ между революціонною мыслью и революціоннымъ классомъ, между наукой и рабочими, заключалась вся историческая задача революціонныхъ элементовъ образованнаго общества въ Европѣ.

Если революціонные элементы нашего общества отложатъ до конституціи выполненіе своей исторической обязанности: сообщить русскимъ рабочимъ о выводахъ научнаго соціализма — высшей ступени достигнутой въ настоящій моментъ революціонною мыслью — то русское общество завоевать свободы, вынудить ее у правительства будетъ не въ состояніи. Ему придется ждать всего отъ милости правительства и пытаться возбуждать въ немъ милостивое настроеніе путемъ прошеній.

Предположимъ, что благодаря разнымъ хозяйственнымъ затрудненіямъ самаго правительства, его милостивое настроеніе начинаетъ пробуждаться и русскіе граждане начинаютъ получать кое какіе права.

Несомнѣнно, что дарованіе этихъ правъ начнется никакъ не съ верхняго, идеальнаго ихъ конца: свободы слова, собраній, организацій и проч., а съ матеріальнаго, хозяйственнаго, соприкасающагося съ нуждами самого правительства. И кое кому отъ этого въ Россіи станетъ легче. Нераззоренной части крестьянства — въ ея ужасномъ положеніи—могутъ хоть сколько нибудь помочь лишь, смѣлыя, рѣшительныя мѣры. А всѣ полумѣры, о которыхъ будетъ совѣщаться созванный полупарламентъ, преспокойно умѣстятся въ карманахъ мѣстныхъ воротилъ. Не станетъ легче ни рабочимъ, ни соціалистамъ, ни той части нашего общества, тенденціи которой представлялъ, скажемъ, Щедринъ.

Но часть земскихъ дѣятелей будетъ удовлетворена. Земства пріобрѣтутъ нѣкоторую самостоятелность по отношенію къ мѣстной администраціи. Будутъ болѣе или менѣе довольны и представители нашей промышленности: ихъ коллективныя нужды получатъ въ полупарламентѣ органъ для своего выраженія. Получитъ кое 'какія поблажки и литература, и наиболѣе умѣренныя изъ ея оппозиціонныхъ теченій будутъ удовлетворены. Къ тому-же, у всѣхъ явится надежда, что дарованныя учрежденія способны къ дальнѣйшему развитію, что маленькія права русскихъ гражданъ будутъ постепенно расшираться.

И если, съ годами, они дѣйствительно будутъ расширяться, то вмѣс-

тѣ съ тѣмъ будетъ неизбѣжно съуживаться и съуживаться кругъ неудовлетворенной интеллигенціи.

За весь этотъ періодъ постепенно и безъ „потрясеній“ совершающагося развитія русскихъ представительныхъ учрежденій, останутся всѣ старые и прибавятся новые резоны съ пропагандой соціализма и съ организаціей рабочихъ маленько погодить. „Права“ на это еще не дано, и „назрѣвшимъ“, „ближайшимъ“ вопросомъ русской жизни остается все то же пріобрѣтеніе правъ все той-же силой общественнаго мнѣнія (иной-то безъ рабочихъ не имѣется), получившаго свой органъ въ полу-парламентѣ.

Но вотъ, черезъ много лѣтъ (вѣдь развитіе есть дѣло постепенное), нашъ предполагаемый парламентъ пріобрѣтаетъ право обезпечить законодательнымъ актомъ свободу прессы, собраній, организацій.

Вся бѣда лишь въ томъ, что еще раньше наступленія желаннаго момента весь тонъ и цвѣтъ русскому общественному мнѣнію начнутъ задавать уже не идеологи, возводящіе свободу въ принципъ и способные признать право на распространеніе даже за тѣми идеями, которыя считаютъ вредными, а заправскіе, практичные буржуа, безъ самомалѣйшихъ принциповъ — вотъ изъ тѣхъ, что подавали адреса съ обѣщаніями искоренить соціализмъ. Имъ вовсе не понравится перспектива занесенія въ Россію язвы рабочихъ соціалистическихъ организацій. И къ закону о свободѣ печати будетъ сдѣлано добавленіе, грозящее суровыми наказаніями за распространеніе идей, возбуждающихъ вражду между классами и колеблющихъ всякія священныя основы. Соотвѣтствующія добавленія будутъ сдѣланы и къ законамъ о свободѣ организацій, собраній и проч.

О полезности всѣхъ этихъ добавленій напомнитъ нашему благоразумному парламенту европейская Соціаль-Демократія, да смутное броженіе, стачки и безпорядки среди русскихъ рабочихъ. Что же касается до революціонной интеллигенціи, то къ тому моменту, когда окончательно обуржуазится наше общественное мнѣніе, отъ нея не останется и слѣда. Протрезвленное общество воспитаетъ молодежь, ни о чемъ не помышляющую кромѣ удовольствій свойственныхъ ея возрасту.

Такимъ образомъ Россія безъ всякихъ бурь и потрясеній, минуя всѣ праздники Европы, благополучно перейдетъ изъ мрачныхъ будней абсолютизма въ будни буржуазно-консервативнаго строя, не пріобрѣтя за время перехода смущающаго благополучіе европейской буржуазіи, сознательнаго, мыслящаго рабочаго класса.

Не вѣчно, впрочемъ, будетъ счастье и нашего буржуа. Русскій рабочій классъ проснется рано или поздно и безъ помощи революціонеровъ изъ буржуазной среды. Его, во всякомъ случаѣ, разбудитъ громъ соціалистической революціи въ Европѣ. Правда, проснувшись такъ поздно, онъ не сможетъ помѣшать нашей буржуазіи двинуть русскія войска на спасеніе священныхъ устоевъ капитализма, и снова русская кровь будетъ литься за неправое дѣло, снова русская сила явится бичемъ и проклятьемъ освобождающихся народовъ. Однако, справившись съ внутренними врагами, народы справятся, конечно, и съ внѣшними.

XI

Но неужели революціонное движеніе русской интеллигенціи, когда-то такое сильное, такое чистое, такъ искренно желавшее отдать свои силы на служеніе народу, — неужели оно одно прекратится, почти ничего для него не сдѣлавши?

Намъ хочется вѣрить, что этого не будетъ, что русская революціонная интеллигенція успѣетъ во время покончить всѣ свои недоразумѣнія съ научной революціонной мыслью и всей душой отдастся своей исторической задачѣ, сконцентрируетъ на ней всѣ свои силы и помыслы.

Многимъ кажется теперь, что рабочихъ уже много и долго пропагандировали, что ихъ невоспріимчивость къ пропагандѣ доказана многолѣтнымъ опытомъ.

Во первыхъ не такъ ужь много. Но дѣло не въ томъ даже, много ли пропагандировали, а *что* и, главнымъ образомъ, *какъ* пропагандировали.

Изъ всѣхъ дѣлъ, которыми занималась наша революціонная интеллигенція, только рабочимъ дѣломъ она и не увлекалась, только въ него я не вкладывала души. И причина такого отношенія лежала вовсе не въ характерѣ самого дѣла и не въ качествахъ интеллигенціи, въ ея народническихъ программахъ, въ ея міросозерцаніи, мѣшавшемъ ей видѣть въ успѣхѣ рабочаго дѣла свой главнѣйшій успѣхъ и отъ него ожидать своей побѣды.

Какъ же могли наши революціонеры разбудить рабочихъ, заставить ихъ повѣрить въ свою коллективную силу, понять свое будущее значеніе, когда они сами въ нихъ не вѣрили?

Но еслибы русскіе революціонеры смогли проникнуться той мыслью, что въ передачѣ рабочимъ идей научнаго соціализма заключается все ихъ служеніе народу, все, что могутъ они для него сдѣлать, и если бы они отдались этому дѣлу съ той любовью, съ тѣмъ увлеченіемъ, какое вкладывали въ былые годы въ то, что считали своей главной цѣлью, они несомнѣнно имѣли бы успѣхъ. Русскій рабочій не глупѣе и не тупѣе отъ природы никакого другаго.

Той же передачей рабочимъ идей соціализма они выполнили бы и свою долю работы въ политическомъ освобожденіи страны. Только разбудивши рабочихъ, можно звать ихъ на борьбу за политическую свободу, а безъ рабочихъ невозможна и самая борьба.

Только этимъ революціонеры могли бы создать и такія условія, при которыхъ были бы возможны серьезныя мѣры въ пользу не раззоренной части крестьянъ. На эти мѣры способно только смѣлое, идейное правительство, а подобное правительство мыслимо лишь въ медовые мѣсяцы послѣ побѣдоносной революціи, которую совершитъ пробужденный соціализмомъ рабочій.

В. Засуличъ.

Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКІЙ.

(Статья первая).

„Наша съ тобою жизнь принадлежитъ исторіи, пройдутъ сотни лѣтъ, а наши имена все еще будутъ милы людямъ, и будутъ вспоминать о нихъ съ благодарностью, когда уже не будетъ тѣхъ, кто жилъ съ нами.“

(Изъ письма Чернышевскаго къ женѣ, писаннаго въ Петропавловской крѣпости 5 октября 1862 г.)

Семнадцатаго октября 1889 года скончался Николай Гавриловичъ Чернышевскій. Наши „легальныя“ изданія проводили его въ могилу лишь краткими и сухими некрологами. Этими некрологами и окончились литературныя поминки по писателѣ, дѣятельность котораго составила эпоху въ исторіи нашей литературы. Сказавъ о немъ два-три слова робкимъ и заикающимся голосомъ, наша „независимая печать—объ „охранительной“ мы здѣсь не говоримъ—повидимому совершенно забыла немъ, какъ будто бы она торопилась перейти къ болѣе интереснымъ темамъ. Со стороны, напримѣръ иностранцу, знающему русскій языкъ и знакомому съ русской литературой, это, навѣрное, показалось бы очень страннымъ. Правда, теперь, Господу споспѣшествующу, у насъ уже нѣтъ ни одного журнала, который могъ бы назваться вполнѣ симпатизирующимъ стремленіямъ и взглядамъ покойнаго Чернышевскаго. Русская мысль ушла такъ далеко впередъ по сравненію съ концомъ пятидесятыхъ и началомъ шестидесятыхъ годовъ, мы стали теперь такими трезвыми, умѣренными и благоразумными, что знаменитый авторъ романа „Что дѣлать?“ можетъ казаться намъ не болѣе, какъ даровитымъ, но слишкомъ уже непрактичнымъ и отчасти даже нѣсколько опаснымъ мечтателемъ. Мы уже знаемъ теперь, что *дѣлать* нужно совсѣмъ не то, что хотѣлъ дѣлать Чернышевскій. Онъ разсуждалъ на соціалистическія темы, а мы думаемъ, что достаточно отстоять земское самораззореніе и спасти отъ зубовъ кулака хвостикъ сельской общины. Такъ умиротворились мы,

умудренные опытомъ. Но этого мало. Главное то, что теперь мы *дѣлаемъ* (когда дѣлаемъ) совсѣмъ не такъ, *какъ дѣлалъ* Чернышевскій. Мы поспѣшаемъ съ медленностью, а онъ какъ будто и не слыхалъ объ этомъ мудромъ правилѣ. Онъ дѣлалъ иногда такіе неосторожные шаги, позволялъ себѣ такія необдуманно-смѣлыя выраженія, отъ одного воспоминанія о которыхъ теперь, по прошествіи почти тридцати лѣтъ, можетъ заболѣть лихорадкой иной трезвый, благоразумный, либеральный или умѣренно радикальный „имя-рекъ". Все это такъ, все это не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію. Но вѣдь не нужно вполнѣ раздѣлять взгляды и стремленія писателя для того, чтобы посвятить оцѣнкѣ его дѣятельности нѣсколько печатныхъ листовъ въ журнальной книжкѣ. Для этого достаточно знать, что онъ, по тѣмъ или другимъ причинамъ, игралъ въ свое время замѣтную роль въ литературѣ. Какой же либеральный „имя-рекъ" можетъ одобрить взгляды Каткова? А между тѣмъ, мало-ли кричали о немъ послѣ его смерти? Или, можетъ быть, дѣятельность Михаила Никифоровича Каткова заслуживаетъ большаго вниманія, чѣмъ дѣятельность Николая Гавриловича Чернышевскаго? Едва-ли мы дошли до такой степени благоразумія, чтобы думать подобныя вещи.

Дѣло объясняется гораздо проще. Николай Гавриловичъ Чернышевскій былъ жертвой самыхъ злыхъ, самыхъ безпощадныхъ преслѣдованій со стороны правительства. Говоря о *жертвѣ*, наша „независимая" печать, при всемъ испытанномъ благоразуміи своемъ, не можетъ не высказать нѣсколькихъ горькихъ истинъ *палачамъ*. А такъ какъ цензурная ферула находится въ рукахъ именно этихъ палачей, то неудивительно, что наши періодическія изданія сочли за лучшее совершенно обойти щекотливую тему. „Съ сильнымъ не борись" — говоритъ наша народная мудрость, и въ этомъ случаѣ съ нею совершенно сходится мудрость русской печати.

А, право, нельзя не пожалѣть объ этомъ совпаденіи двухъ мудростей. Поучительно было бы сравнить вѣкъ нынѣшній и вѣкъ минувшій, и воочію, на разборѣ сочиненій Чернышевскаго, показать читателю, какъ далеки мы теперь отъ лжеученій этого соціалиста и революціонера. Убѣдившись въ этомъ, читатель лишній разъ поблагодарилъ бы небо за быстрое развитіе русской общественной мысли.

Насъ, пишущихъ за границей, цензурная ферула трогаетъ лишь косвенно, черезъ посредство разныхъ дипломатическихъ „давленій" При томъ же мы оттого и пишемъ заграницей, что не успѣли еще проникнуться достаточной степенью благоразумія и до сихъ поръ думаемъ, что не мѣшаетъ иногда вступить въ борьбу съ сильнымъ и напомнить палачамъ объ ихъ жертвахъ. Вотъ почему мы сочли своею обязанностью въ первой же книжкѣ нашего журнала сдѣлать по возможности полную и безпристрастную оцѣнку литературной дѣятельности Н. Г. Чернышевскаго.

Какъ ни пріятно было для насъ исполненіе этой обязанности, но оно въ тоже время было не легко. Мы уже не говоримъ о недостаточности нашихъ силъ для такого важнаго дѣла. Это разумѣется само собою. Но кромѣ того, мы просимъ читателя помнить, что до на-

стоящаго времени не существуетъ еще полнаго собранія сочиненій Чернышевскаго. Изданныя за границей (г. Элпидинымъ и отчасти г. Жемановымъ) статьи его далеко не составляютъ и половины всего имъ написаннаго. Поэтому мы вынуждены были обратиться къ первоначальному источнику т. е. къ журналу „Современникъ“, въ которомъ главнымъ образомъ писалъ Николай Гавриловичъ. Всѣмъ извѣстно, легко-ли доставать старые русскіе журналы заграницей. Мы только отчасти могли справиться съ этой трудностью. Мы не могли достать „Современникъ“ за нѣкоторые изъ тѣхъ годовъ, къ которымъ относится сотрудничество въ немъ Чернышевскаго. При чтеніи же тѣхъ книжекъ его, которыя удалось достать намъ, мы встрѣтили новое затрудненіе. Очень многія статьи Чернышевскаго,—именно, всѣ статьи въ отдѣлахъ „новыхъ книгъ“, „политики“ и „литературы“ (русской и иностранной)—печатались безъ подписи. Намъ пришлось, поэтому, съ работой критика соединить работу библіографа и перечитывать неподписанныя статьи съ тѣмъ, чтобы, по языку и пріемамъ изложенія, опредѣлить вѣроятность ихъ принадлежности Н. Г. Чернышевскому. Понятно, что здѣсь возможны были сомнѣнія и даже ошибки. Какъ ни своеобразна литературная манера Чернышевскаго и какъ ни легко узнать его слогъ всякому, кто прочелъ со вниманіемъ хоть немногія изъ его произведеній, но всетаки относительно нѣкоторыхъ статей мы такъ и не могли рѣшить, принадлежатъ-ли онѣ ему, или кому нибудь другому. Вообще говоря, мы избѣгали ссылокъ на подобныя сомнительныя статьи. Только въ одномъ случаѣ, на который будетъ указано въ своемъ мѣстѣ, мы рѣшились отступить отъ этого правила, сославшись на статью, можетъ быть, даже вѣроятно не принадлежащую нашему автору, но чрезвычайно важную для оцѣнки взглядовъ кружка „Современника“ на соціальный вопросъ. Всѣ же остальныя изъ цитируемыхъ нами статей несомнѣнно написаны Чернышевскимъ, и въ этомъ легко убѣдится всякій, кто потрудится прочесть ихъ.

Послѣ этой необходимой, но мало интересной оговорки, мы могли бы, кажется, перейти къ дѣлу. Но намъ, какъ на грѣхъ, подвертывается на языкъ новая оговорка. Мы хотимъ извиниться передъ читателемъ въ томъ, что нашъ критическій очеркъ начнется довольно длинной выпиской. Кто не знаетъ, что подобныя введенія и некрасивы и педантичны? Но мы миримся съ этимъ обстоятельствомъ, потому что наша выписка хорошо пояснитъ наше отношеніе къ дѣлу. Когда пріятное идетъ въ разрѣзъ съ полезнымъ, то часто поневолѣ жертвуешь полезному пріятнымъ. Впрочемъ, выписка эта берется нами изъ хорошаго источника, изъ того самаго автора, о которомъ пойдетъ у насъ рѣчь, и именно изъ его *„Очерковъ гоголевскаго періода русской литературы“*.

„Если у каждаго изъ насъ—говоритъ онъ въ этихъ очеркахъ, переходя къ критикѣ гоголевскаго времени — если у каждаго изъ насъ есть предметы столь близкіе и дорогіе сердцу, что, говоря о нихъ, онъ старается наложить на себя холодность и спокойствіе, старается избѣжать выраженій, въ которыхъ бы слышалась его слишкомъ сильная любовь, напередъ увѣренный, что, при соблюденіи всей воз-

можной для него холодности, рѣчь его будетъ очень горяча, —если говоримъ мы, у каждаго изъ насъ, есть такіе дорогіе сердцу предметы, то критика гоголевскаго періода занимаетъ между ними одно изъ первыхъ мѣстъ, наравнѣ съ Гоголемъ... Потому-то будемъ говорить о критикѣ гоголевскаго періода какъ можно холоднѣе; въ настоящемъ случаѣ намъ не нужны и противны громкія фразы: есть такая степень уваженія и сочувствія, когда всякія похвалы отвергаются, какъ нѣчто, не выражающее всей полноты чувства". Мы относимся къ геніальному критику гоголевскаго періода, В. Г. Бѣлинскому, съ такимъ же глубокимъ уваженіемъ и съ такою же горячею любовью, какую питалъ къ нему авторъ цитируемыхъ очерковъ. Въ этомъ отношеніи мы ничего не можемъ ни убавить изъ сдѣланной выписки, ни прибавить къ ней. Но мы замѣтимъ, что въ настоящее время для всякаго русскаго соціалиста предметомъ такой же горячей любви и такого же глубокаго уваженія является самъ Н. Г. Чернышевскій. Вотъ почему мы послѣдуемъ его собственному примѣру и, говоря о немъ, постараемся остаться какъ можно болѣе холодными и спокойными, такъ какъ, дѣйствительно, „есть такая степень уваженія и сочувствія, когда всякія похвалы отвергаются, какъ нѣчто не выражающее всей полноты чувства."

I

Мы не имѣемъ въ виду писать біографію Н. Г. Чернышевскаго. Для этого нѣтъ еще достаточныхъ матеріаловъ. О жизни его мы имѣемъ до сихъ поръ лишь очень скудныя свѣдѣнія. То немногое, что мы знаемъ о немъ съ этой стороны, содержится въ біографическомъ очеркѣ, приложенномъ къ заграничному изданію его сочиненій (см. брошюру „Лессингъ" и второе изданіе романа „Что дѣлать?") Очеркъ этотъ очень кратокъ. Но въ немъ есть кое-какія хронологическія данныя, а что еще важнѣе, — въ немъ напечатаны документы, относящіеся къ суду надъ Чернышевскимъ. Разумѣется, мы воспользуемся этими данными, дополняя ихъ нѣкоторыми фактами, заимствованными изъ собственныхъ сочиненій нашего автора. Но всего этого слишкомъ и слишкомъ мало, и потому нельзя не пожелать, чтобы лица, больше насъ знающія о Чернышевскомъ, поскорѣе напечатали свои воспоминанія о немъ, а также и имѣющіяся въ ихъ распоряженіи письма его и бумаги. Этимъ они оказали бы большую услугу и публикѣ и литературѣ.

Но въ ожиданіи этого приходится довольствоваться тѣми свѣдѣніями, которыя у насъ уже есть. А они сводятся вотъ къ чему. Николай Гавриловичъ былъ сынъ священника саратовскаго собора и родился въ 1829 году. Учился онъ сначала въ саратовской семинаріи, затѣмъ въ петербургскомъ университетѣ, гдѣ и окончилъ въ 1850 году курсъ филологическаго факультета. Нѣкоторое время послѣ этого онъ былъ преподавателемъ во второмъ петербургскомъ кадетскомъ корпусѣ, потомъ перевелся учителемъ гимназіи въ Сара-

товъ. Тамъ, въ своемъ родномъ городѣ, онъ скоро женился, если не ошибаемся, на сестрѣ очень извѣстнаго теперь ученаго писателя Пыпина. Но молодому Чернышевскому очевидно трудно было дышать затхлымъ воздухомъ провинціи, и вотъ уже въ 1853 году мы опять видимъ его въ Петербургѣ, гдѣ онъ снова находитъ себѣ уроки во второмъ кадетскомъ корпусѣ, а также занимается переводами и разборомъ новыхъ книгъ для „Отечественныхъ Записокъ,“ издававшихся тогда Краевскимъ и Дудышкинымъ. Мы едва-ли ошибемся, предположивъ, что нашему автору пришлось испытать много нужды и лишеній въ этотъ переходный періодъ его жизни. Онъ былъ тогда простымъ литературнымъ чернорабочимъ, а извѣстно, что черный трудъ далеко незавидно оплачивается въ нашей литературѣ. Другихъ же источниковъ существованія у Чернышевскаго никогда не было. Но онъ былъ молодъ, здоровъ и не боялся никакого труда, никакихъ усилій. Кромѣ литературныхъ работъ, необходимыхъ для поддержанія жизни, онъ занимался также своей магистерской диссертаціей, объ „эстетическихъ отношеніяхъ искусства къ дѣйствительности.“ Самый выборъ темы для диссертаціи достаточно показываетъ, какія задачи ставилъ себѣ онъ въ своей будущей дѣятельности. Со своимъ образованіемъ, способностями, безпримѣрнымъ трудолюбіемъ и замѣчательнымъ даромъ общепонятнаго изложенія самыхъ сухихъ и трудныхъ предметовъ, онъ могъ бы разсчитывать на блестящую ученую карьеру. Ему стоило только захотѣть — и профессорская каѳедра, навѣрное, была бы за нимъ обезпечена. Но ему хотѣлось другого. Его привлекала дѣятельность критика и публициста. Какъ ни строга была русская цензура, но у всѣхъ въ памяти былъ примѣръ Бѣлинскаго, который, не смотря на цензурныя рогатки, не только съумѣлъ пустить въ литературное обращеніе множество самыхъ важныхъ истинъ, но и поставилъ нашу критику на совершенно новую теоретическую основу. Мы уже знаемъ, какъ горячо любилъ и какъ глубоко уважалъ Чернышевскій этого писателя. Не удивительно, что ему хотѣлось идти по слѣдамъ Бѣлинскаго, чтобы по мѣрѣ силъ и возможности продолжать его дѣло. Притомъ карьера императора Николая видимо близилась къ концу, несостоятельность его системы становилась очевидной для всѣхъ, такъ что при новомъ царствованіи можно было разсчитывать на нѣкоторую политическую оттепель и на нѣкоторое смягченіе нравовъ

Богомольной старой дуры,
Нашей чопорной цензуры,

какъ величалъ ее Пушкинъ. Начинающіе писатели могли, такимъ образомъ, не безъ основанія разсчитывать на нѣсколько лучшее будущее. Наконецъ, у Николая Гавриловича были очень своеобразные взгляды на задачи людей, желающихъ посвятить свои труды благу Россіи. Въ силу этихъ взглядовъ онъ и не могъ придавать большого значенія чисто ученой дѣятельности своихъ соотечественниковъ. Въ цитированныхъ уже нами „Очеркахъ гоголевскаго періода русской литературы“ онъ очень опредѣленно высказывается на этотъ счетъ. „Многіе изъ великихъ ученыхъ, поэтовъ, художниковъ, — говоритъ онъ — имѣли въ виду служеніе чистой наукѣ или чистому

искусству, а не какимъ нибудь исключительнымъ потребностямъ своей родины. Бэконъ, Декартъ, Галилей, Лейбницъ, Ньютонъ, Гумбольдтъ и Либихъ, Кювье и Фаредэ, трудились и трудятся, думая о пользахъ науки вообще, а не о томъ, что именно въ данное время нужно для блага извѣстной страны, бывшей ихъ родиною... Они, какъ дѣятели умственнаго міра, — космополиты." Но не въ такомъ положеніи находятся, по его мнѣнію, дѣятели умственнаго міра въ Россіи. Имъ еще нельзя быть космополитами, т. е. нельзя думать объ интересахъ чистой науки или чистаго искусства. Въ этомъ смыслѣ, по условіямъ ихъ страны, имъ приходится быть „патріотами," т. е. думать прежде всего о спеціальныхъ нуждахъ своей родины. Идеаломъ „патріота" въ этомъ смыслѣ является для Чернышевскаго Петръ Великій, человѣкъ, задавшійся цѣлью перенести въ Россію всѣ блага европейской цивилизаціи. Онъ думалъ, что и въ его время цѣль эта далеко еще не вполнѣ была достигнута. „До сихъ поръ для русскаго человѣка единственная возможная заслуга передъ высокими идеями правды, искусства, науки — содѣйствіе распространенію ихъ въ его родинѣ. Со временемъ будутъ и у насъ, какъ у другихъ народовъ. мыслители и художники, дѣйствующіе чисто только въ интересахъ науки или искусства; но пока мы не станемъ по своему образованію наравнѣ съ наиболѣе успѣвшими націями, есть у каждаго изъ насъ другое дѣло, болѣе близкое сердцу, — содѣйствіе, по мѣрѣ силъ дальнѣйшему развитію того, что на ато Петромъ Великимъ. Это дѣло до сихъ поръ требуетъ и, вѣроятно, еще долго будетъ требовать всѣхъ умственныхъ и нравственныхъ силъ, какими обладаютъ наиболѣе одаренные сыны нашей родины"*). Чернышевскій именно и хотѣлъ посвятить свои силы распространенію на своей родинѣ высокихъ идей правды, искусства, науки. Какъ понималъ онъ ихъ, — это, собственно говоря, можно было бы показать при разборѣ его сочиненій. Но прежде, чѣмъ перейти къ такому разбору, намъ хотѣлось бы охарактеризовать его общую точку зрѣнія и показать отношеніе его къ его литературнымъ предшественникамъ. Сдѣлавъ это, мы уже безъ большого труда, сможемъ оцѣнить тотъ или другой изъ его отдѣльныхъ взглядовъ. И намъ тѣмъ удобнѣе сдѣлать это теперь, что у насъ идетъ пока рѣчь именно о томъ періодѣ его жизни, когда онъ, еще не принимая особенно дѣятельнаго участія въ литературѣ, занимался выработкой своихъ взглядовъ, усвоеніемъ и анализомъ „высокихъ идей правды, искусства, науки."

Изо всѣхъ своихъ литературныхъ предшественниковъ Чернышевскій съ наибольшимъ уваженіемъ относился къ В. Г. Бѣлинскому и его кружку. Можно было бы думать, поэтому, что онъ воспитался именно на сочиненіяхъ Бѣлинскаго и его кружка, что онъ изъ этого источника почерпнулъ свое пониманіе идей правды, науки и искусства. Это, однако, не совсѣмъ такъ. Хотя въ своихъ сочиненіяхъ Чернышевскій вовсе не касается исторіи своего умственнаго развитія, но есть у него одна маленькая замѣтка о Добролюбовѣ, могущая пролить на нее нѣкоторый свѣтъ. Мы имѣемъ въ виду письмо, на-

---

*) См. *Современникъ*, 1856 г. книгу 4, отдѣлъ критики, стр. 29-31.

писанное имъ послѣ смерти Добролюбова въ отвѣтъ на статью нѣкоего г. З-на и напечатанное въ февральской книжкѣ „Современника“ за 1862 годъ. Въ своей статьѣ г. З-нъ сказалъ, между прочимъ, что покойный Добролюбовъ былъ ученикомъ Чернышевскаго и находился подъ сильнѣйшимъ его вліяніемъ. Чернышевскій горячо и даже очень раздражительно отрицаетъ это, говоря, что Добролюбовъ совершенно самостоятельно пришелъ къ своимъ взглядамъ и былъ гораздо выше его какъ по своимъ умственнымъ силамъ, такъ и по литературному таланту. Намъ не нужно рѣшать теперь, насколько совпадало съ дѣйствительностью это скромное заявленіе. Изо всего письма Чернышевскаго насъ интересуетъ теперь лишь слѣдующее мѣсто. Напомнивъ о томъ, что Добролюбовъ зналъ нѣмецкій и французскій языки и могъ, такимъ образомъ, въ подлинникѣ ознакомиться съ наиболѣе замѣчательными литературными произведеніями Франціи и Германіи, Чернышевскій говоритъ: „если же даровитый русскій человѣкъ въ рѣшительные для своего развитія годы читаетъ книги нашихъ общихъ западныхъ великихъ учителей, то книги и статьи, написанныя по русски могутъ ему нравиться, могутъ восхищать его, но ни въ какомъ случаѣ не могутъ уже онѣ служить для него важнѣйшимъ источникомъ тѣхъ знаній и понятій, которыя почерпаетъ онъ изъ чтенія“ *). Это совершенно справедливо. Но вѣдь Чернышевскій также зналъ иностранные языки, также читалъ въ рѣшительные для его развитія годы книги нашихъ общихъ великихъ западныхъ учителей. Поэтому позволительно думать, что и его могли только восхищать нѣкоторыя, писанныя по русски статьи и книги, но что, вмѣстѣ съ тѣмъ, и для него онѣ не были первоначальнымъ источникомъ его понятій и знаній. Спрашивается теперь, каковъ же именно былъ этотъ первоначальный источникъ? Въ какихъ именно литературахъ и въ какихъ отрасляхъ этихъ литературъ слѣдуетъ намъ искать его?

Въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ для нашихъ молодыхъ людей въ рѣшительные годы ихъ развитія, однимъ изъ важнѣйшихъ пособій являлась, между прочимъ, нѣмецкая философія. Въ послѣдующія десятилѣтія это было уже иначе. Въ пятидесятыхъ годахъ къ нѣмецкой философіи у насъ были, какъ кажется, просто равнодушны. Въ шестидесятыхъ — къ ней стали относиться съ враждой и презрѣніемъ. Нѣмецкая философія была объявлена „метафизикой,“ на которую „мыслящимъ реалистамъ“ не стоитъ тратить времени. Между западно-европейскими философами признаны были заслуживающими снисхожденія только позитивисты. Война противъ нѣмецкой философіи ведена была у насъ такъ удачно, что наши „мыслящіе реалисты“ могутъ гордиться своей побѣдой надъ „метафизикой“; они съ справедливой гордостью могутъ сказать, что не имѣютъ о нѣмецкой философіи рѣшительно никакого понятія. Но ни Чернышевскій, ни его ближайшіе друзья не принадлежали къ числу этихъ побѣдоносныхъ реалистовъ. Они интересовались нѣмецкой философіей и

*) Въ изъявленіе признательности, письмо къ г. З-ну, „Современникъ,“ февраль 186: года.

внимательно изучали ея исторію. Ея развитіе и тогдашнее состояніе несомнѣнно повліяло на нихъ очень сильно, какъ повліяло оно и на друзей Бѣлинскаго. Но кѣмъ же изъ нѣмецкихъ философовъ могъ увлекаться Чернышевскій?

Конечно не Фихте, не Шеллингомъ и не Гегелемъ. Ими могъ увлекаться въ свое время Бѣлинскій, но уже и для него системы этихъ философовъ, во вторую половину его критической дѣятельности, представляли собою, какъ говорятъ нѣмцы, ein überwundener Standpunkt. Тѣмъ болѣе можно сказать это о Чернышевскомъ. Въ то время, къ которому относятся рѣшительные годы его развитія, философія уже навсегда распростилась со всѣми разновидностями идеализма. Но если это было такъ, то какой же изъ нѣмецкихъ философовъ могъ имѣть на него наибольшее вліяніе? Поищемъ намека на отвѣтъ опять таки въ его собственныхъ сочиненіяхъ. Въ своихъ „Полемическихъ красотахъ", написанныхъ въ отвѣтъ „Русскому Вѣстнику" и „Отечественнымъ Запискамъ," сильно нападавшимъ на все его направленіе вообще и на его статью „Антропологическій принципъ въ философіи," Чернышевскій категорически говоритъ, что онъ придерживается одной философской системы, „составляющей самое послѣднее звѣно въ ряду философскихъ системъ" и „вышедшей изъ гегелевской системы, точно также, какъ гегелевская вышла изъ шеллинговой." Люди, знакомые съ исторіей философіи уже отсюда видятъ, о какой системѣ говоритъ онъ. Тѣмъ же, которымъ дѣло неясно, мы приведемъ еще нѣсколько строкъ. „Вамъ вѣроятно хотѣлось бы узнать, кто же такой этотъ учитель, о которомъ я говорю? — спрашиваетъ Чернышевскій Дудышкина въ той же статьѣ. Чтобы облегчить вамъ поиски, я пожалуй скажу вамъ, что онъ — не русскій, не французъ, не англичанинъ; — не Бюхнеръ, не Максъ Штирнеръ, не Бруно Бауеръ, не Молешоттъ, не Фохтъ, — кто же онъ такой? Вы начинаете догадываться..." И дѣйствительно, нельзя не догадаться: Чернышевскій говоритъ о Фейербахѣ. На Фейербаха указываетъ самое названіе единственной философской статьи, написанной Чернышевскимъ: объ *антропологической* точкѣ зрѣнія въ философіи заговорилъ впервые именно Фейербахъ. Мы могли бы привести изъ статей Чернышевскаго много доказательствъ того глубочайшаго уваженія, съ которымъ онъ относился къ Фейербаху. Для него Фейербахъ не ниже Гегеля, а этимъ сказано очень много, потому что Чернышевскій считалъ Гегеля однимъ изъ геніальнѣйшихъ мыслителей. Итакъ, философская точка зрѣнія нашего автора найдена. Какъ послѣдователь Фейербаха, Чернышевскій былъ матеріалистомъ. „Принципомъ философскаго воззрѣнія на человѣческую жизнь со всѣми ея феноменами — писалъ онъ въ названной выше уже статьѣ объ „антропологическомъ принципѣ въ философіи" — служитъ выработанная естественными науками идея о единствѣ человѣческаго организма; наблюденіями физіологовъ, зоологовъ и медиковъ отстранена всякая мысль о дуализмѣ человѣка. Философія видитъ въ немъ то, что видятъ медицина, физіологія, химія; эти науки доказываютъ, что никакого дуализма въ человѣкѣ не видно, а философія прибавляетъ, что если бы человѣкъ имѣлъ, кромѣ реальной своей натуры, другую

натуру, то эта другая натура непремѣнно обнаруживалась бы въ чемъ нибудь, и такъ какъ она не обнаруживается ни въ чемъ, такъ какъ все происходящее и проявляющееся въ человѣкѣ происходитъ по одной реальной его натурѣ, то другой натуры въ немъ нѣтъ.„ Это не нуждается въ толкованіяхъ.

II

Но не мѣшаетъ указать то мѣсто, которое принадлежитъ въ исторіи философіи учителю нашего автора. Ученіе Фейербаха вышло изъ ученія Гегеля. Но Гегель былъ идеалистомъ, Фейербахъ — рѣшительнымъ матеріалистомъ. Главная заслуга Фейербаха въ томъ и заключается, что въ его лицѣ философія навсегда покончила съ идеализмомъ. Однако здѣсь слѣдуетъ оговориться. Матеріалисты были и раньше Фейербаха. Чтобы не далеко ходитъ за примѣрами, укажемъ хоть на французскихъ матеріалистовъ конца прошлаго вѣка. „Système de la Nature“ — совершенно матеріалистическая книга. Но можно-ли сказать, что Фейербахъ просто на просто возвратилъ философію ко взглядамъ барона Гольбаха и его друзей? Это было бы несправедливо. Новѣйшій матеріализмъ весьма значительно отличается отъ матеріализма конца прошлаго вѣка; различіе это заключается главнымъ образомъ въ самомъ *методѣ мышленія*. Современный матеріализмъ — конечно, въ лучшихъ, развитыхъ своихъ представителяхъ — держится особаго метода мышленія, который называется *діалектическимъ*, и который французскимъ матеріалистамъ прошлаго вѣка былъ гораздо менѣе свойственъ, чѣмъ, напримѣръ, деисту Руссо. Намъ нѣтъ надобности объяснять читателю, въ чемъ заключаются особенности современнаго діалектическаго метода мышленія, такъ какъ это уже сдѣлано лицомъ, гораздо болѣе насъ компетентнымъ. Вотъ что говоритъ на этотъ счетъ Фридрихъ Энгельсъ, человѣкъ, который своими трудами много способствовалъ дальнѣйшему систематическому развитію взглядовъ Фейербаха. „Для метафизика вещи и ихъ умственные образы, т. е. понятія, суть отдѣльные, неизмѣнные, застывшіе, разъ на всегда данные предметы, подлежащіе изслѣдованію одинъ послѣ другого и одинъ независимо отъ другого Онъ мыслитъ законченными, непосредственными противоположеніями; рѣчь его состоитъ изъ: да-да, нѣтъ-нѣтъ, что сверхъ того, то отъ лукаваго. Для него вещь существуетъ или не существуетъ; для него предметъ не можетъ быть самимъ собою и одновременно чѣмъ нибудь другимъ; положительное и отрицательное абсолютно исключаютъ другъ друга, причина и слѣдствіе также совершенно противоположны другъ другу“. Не такъ мыслитъ діалектикъ. Онъ беретъ вещи и понятія, т. е. умственныя отраженія вещей, „въ ихъ взаимной связи, въ ихъ сцѣпленіи, въ ихъ движеніи, въ ихъ возникновеніи и исчезновеніи“. Поэтому въ его глазахъ всѣ явленія и всѣ понятія пріобрѣтаютъ совершенно другой характеръ, чѣмъ въ глазахъ метафизика. Онъ не скажетъ, какъ это всегда съ твердостью, недопускающею возраженій го-

ворить метафизикъ, что предметъ существуетъ или не сущестуетъ въ каждое данное время. Въ обыденной жизни метафизикъ, конечно, правъ, но при болѣе внимательномъ, научномъ изслѣдованіи онъ совершенно сбивается съ толку и тогда начинается торжество діалектики. „Напримѣръ, мы въ обыденной жизни можемъ съ увѣренностью сказать, существуетъ данное животное, или нѣтъ, но при болѣе точномъ изслѣдованіи мы убѣждаемся, что это иногда въ высшей степени запутанный вопросъ, что прекрасно извѣстно юристамъ, такъ какъ они тщетно пытались открыть раціональную границу, за которой умерщевленіе ребенка во чревѣ матери можно считать убійствомъ Также невозможно опредѣлить моментъ смерти, такъ какъ физіологія показываетъ, что смерть есть не внезапный, мгновенный актъ, а очень медленно совершающееся явленіе“. Далѣе, для діалектика очевидно, что предметъ вполнѣ можетъ быть самимъ собою и одновременно чѣмъ нибудь другимъ, такъ какъ предметы безпрерывно измѣняются, а измѣненіе именно и есть тотъ процессъ, въ силу котораго предметъ перестаетъ быть самимъ собою и становится чѣмъ то другимъ. „Всякое органическое существо въ каждое данное мгновеніе есть то же и не то же: въ каждое данное мгновеніе оно переработываетъ получаемую извнѣ матерію и выдѣляетъ изъ себя другую, однѣ клѣточки его организма умираютъ, а другія нарождаются, такъ что, спустя извѣстный промежутокъ времени, матерія даннаго организма вполнѣ обновляется, замѣняется другимъ составомъ атомовъ; вотъ почему всякое органическое существо всегда то же и, однако, не то же“. Совершенно подобнымъ образомъ для діалектика понятіе о положительномъ и отрицательномъ, о причинѣ и слѣдствіи, имѣютъ совершенно иной смыслъ, чѣмъ для метафизика. „При болѣе точномъ изслѣдованіи мы находимъ, что оба полюса какой нибудь противоположности, положительный и отрицательный, столь же неразрывны одинъ отъ другого, какъ и взаимно-противоположны, и что они, не смотря на всю свою противоположность, проникаютъ другъ друга. Точно также мы можемъ увидѣть, что причина и слѣдствіе суть представленія, имѣющія значеніе, какъ таковыя, лишь въ примѣненіи къ отдѣльному случаю, но какъ только этотъ случай мы станемъ разсматривать въ его общей связи съ цѣлымъ міромъ, то убѣждаемся, что причина и слѣдствіе совпадаютъ, что ихъ противоположность исчезаетъ при созерцаніи всемірнаго взаимодѣйствія, въ которомъ причина и слѣдстіе постоянно мѣняются мѣстами, и то, что теперь или здѣсь — слѣдствіе, то тамъ или тогда будетъ причиной, и наоборотъ“.

Если мы, послѣ всего сказаннаго, взглянемъ на методъ, котораго держались французскіе матеріалисты конца прошлаго вѣка (а нужно помнить, что методъ составляетъ душу всякой философской системы), то тотчасъ увидимъ, какъ мало общаго имѣли они съ новѣйшими матеріалистами. Въ противоположность этимъ послѣднимъ ихъ придется назвать *метафизиками*. Чтобы убѣдиться въ этомъ, пусть читатель просмотритъ, напримѣръ, названную выше книгу „Systéme de la Nature“ и обратитъ вниманіе, какъ обращаются Гольбахъ и его друзья съ вопросами, ими же самими выдвинутыми въ борьбѣ съ про-

тивниками, но не рѣшенные ни ими, ни современной имъ наукой. Вопросы эти касаются главнѣйшихъ предметовъ человѣческаго знанія: развитія міроздапія, происхожденія человѣка и его различныхъ понятій, наконецъ, взаимныхъ отношеній людей въ обществѣ. Въ настоящее время наука — естествознаніе и исторія — рѣшаютъ всѣ эти вопросы посредствомъ ученія объ *эволюціи*, т. е. въ сущности посредствомъ того же діалектическаго метода, о которомъ говорятъ современные матеріалисты, но о которомъ часто не имѣютъ яснаго понятія даже самые выдающіеся ученые, обязанные ему наиболѣе блестящими своими открытіями. Гольбахъ и его друзья какъ будто задались цѣлью совершенно исключить понятіе объ эволюціи изо всѣхъ своихъ разсужденій. Они разсматриваютъ предметы именно внѣ ихъ взаимной связи, одинъ послѣ другого и одинъ независимо отъ другого. Рѣчь ихъ именно состоитъ изъ: да-да, нѣтъ-нѣтъ, что сверхъ того, то кажется имъ отъ лукаваго. Поэтому имъ не только не удалось рѣшить многихъ изъ ими же поставленныхъ вопросовъ, но въ дѣйствительности они не всегда остаются вѣрными даже своей матеріалистической точкѣ зрѣнія, часто покидая е· для совершенно идеалистическихъ разсужденій. Во всемъ, что касается взаимныхъ отношеній людей и исторіи человѣческой мысли, они — чисты· и притомъ чуждые научныхъ понятій идеалисты. Въ ихъ глазахъ исторія человѣчества есть не болѣе какъ исторія ошибокъ честныхъ простяковъ и козней корыстолюбивыхъ злодѣевъ. Человѣчество страдало и бѣдствовало, потому что было глупо и необразовано; но въ восьмнадцатомъ столѣтіи взошло, наконецъ, солнце разума, и человѣчество станетъ теперь просвѣщеннымъ, а слѣдовательно и счастливымъ, — вотъ къ чему сводится вся ихъ философія исторіи. Но въ подобной философіи отсутствуетъ самое элементарное условіе научности: *понятіе о законосообразности*. Человѣчество страдало отъ своего необразованія и перестанетъ страдать, благодаря просвѣщенію, принесенному восьмнадцатымъ вѣкомъ... Это очень хорошо, но спрашивается, чѣмъ же обусловливалась неразвитость человѣчества въ предшествующіе вѣка и откуда взялось просвѣщеніе въ восемнадцатомъ вѣкѣ? Вѣдь не съ неба же оно упало. Въ качествѣ матеріалистовъ мы уже не признаемъ врожденныхъ идей и говоримъ, что понятія человѣка представляютъ не болѣе, какъ умственныя отраженія окружающихъ его предметовъ и происходящихъ передъ нимъ явленій. Но разъ мы держимся этого взгляда, то должны уже твердо держаться его и не забывать о немъ тотчасъ же, какъ только рѣчь зайдетъ объ исторіи человѣческой мысли. Въ этой исторіи мы такъ же мало можемъ говорить о случайности, какъ и о божественномъ провидѣніи. Это совершенно ненаучныя и совершенно недостойныя матеріалистовъ понятія. Для матеріалиста исторія человѣческой мысли есть такой же законосообразный и необходимый процессъ, какъ и развитіе солнечной системы. Потрудитесь же объяснить ходъ и условія этого процесса, потому что вѣдь ссылаться въ исторіи мысли на неразвитость мысли значитъ уподобиться тому доктору, который говорилъ: „ваша дочь сдѣлалась больна по той причинѣ, что заболѣла". Но если вы взглянете на исторію человѣческой мысли какъ на законосообразный и необходимый процессъ, то успѣхи

ея не будутъ уже представляться вамъ первой и главнѣйшей причинной общественнаго развитія. Вамъ поневолѣ придется припомнить тогда діалектическое ученіе о причинѣ и слѣдствіи, и вы скажете себѣ: да, дѣйствительно, причина и слѣдствіе постоянно мѣняются мѣстами; то, что теперь или здѣсь слѣдствіе, тамъ или тогда объявится причиной и наоборотъ. Успѣхи человѣческой мысли несомнѣнно и рѣшительно вліяютъ на общественныя отношенія людей, но въ то же время они сами зависятъ отъ этихъ отношеній, идя семимильными шагами при одномъ устройствѣ общества и часто на долго, если не навсегда, останавливаясь при — другомъ. И притомъ тѣ или другія общественныя отношенія возникаютъ вовсе не потому, что кажутся членамъ даннаго общества наиболѣе разумными и справедливыми. Напротивъ, увѣренность людей въ справедливости и разумности ихъ общественныхъ отношеній очень часто является простымъ слѣдствіемъ того обстоятельства, что они привыкли къ этимъ отношеніямъ, воспитались и выросли подъ ихъ вліяніемъ. Какимъ же образомъ возникаютъ и развиваются данныя общественныя отношенія? Возникновеніе, развитіе и исчезновеніе ихъ въ исторіи представляетъ собою по большей части безсознательный процессъ группировки людей въ ихъ борьбѣ за существованіе. Измѣняются условія борьбы людей за существованіе — измѣняются и ихъ общественная группировка, принимаютъ новый видъ ихъ общественныя отношенія, хотя очень часто люди совсѣмъ не замѣчаютъ подобнаго измѣненія, или замѣчаютъ его только отчасти, или, наконецъ, придумываютъ для него самыя несостоятельныя объясненія, напримѣръ, ссылаются на божественныя заповѣди, на естественный порядокъ вещей и тому подобное. Гегель справедливо замѣтилъ, что въ исторіи общественныхъ отношеній „сова Минервы начинаетъ летать только въ полночь“, т. е., что люди начинаютъ вдумываться въ данный общественный порядокъ только тогда, когда онъ уже отжилъ свой вѣкъ и становится при новыхъ историческихъ условіяхъ негоднымъ и вреднымъ. Люди стремятся тогда установить новый порядокъ, который почти всегда кажется имъ въ такихъ случаяхъ самымъ естественнымъ и разумнымъ, но который въ дѣйствительности имѣетъ лишь одно незамѣнимое преимущество: онъ оказывается наиболѣе подходящимъ для людей при новыхъ, измѣнившихся условіяхъ ихъ борьбы за существованіе.

Теперь естественно спросить себя, отъ чего зависятъ и какимъ образомъ измѣняются условія человѣческой борьбы за существованіе? Они даются, во-первыхъ, природой, во-вторыхъ, создаются людьми, но создаются ими по большей части безсознательно. Вліяніе географическихъ условій — почвы, климата, фауны, флоры, свойства поверхности, рѣчныхъ системъ, очертаній береговъ и пр. — на развитіе человѣческихъ обществъ теперь уже болѣе или менѣе выяснено наукой и не нуждается для своего поясненія ни въ какихъ примѣрахъ. Но характеръ и природа тѣхъ условій борьбы за существованіе, которыя безсознательно создаются самими же людьми, до сихъ поръ еще не ясны для многихъ. Поэтому примѣръ здѣсь не будетъ неумѣстенъ. — Возьмите такое общество, въ которомъ уже исчезло натуральное хозяйство и продукты производятся на сбытъ, для обмѣна

ихъ на рынкѣ, т. е., другими словами, становятся товарами. Само собою разумѣется, что производители такъ же мало задумываются надъ товарнымъ характеромъ своихъ продуктовъ, какъ мольеровскій буржуа задумывался надъ прозаическимъ характеромъ своей обыкновенной рѣчи. Они производятъ товары не потому что товарное производство кажется имъ самымъ естественнымъ и разумнымъ: разсуждать объ этомъ они предоставляютъ особой породѣ людей, которые называются экономистами. Сами же они дѣлаютъ свои произведенія товарами просто потому, что при данныхъ условіяхъ не могутъ не дѣлать ихъ товарами. Они вывозятъ ихъ на рынокъ, потому что имъ нужно обмѣнять ихъ на другія, необходимыя для нихъ произведенія. Но эти произведенія, смирно и неподвижно лежавшія въ мастерской, пока они оставались просто произведеніями, начинаютъ чудить и самодурствовать, появившись на рынкѣ и пріобрѣтая званіе *товаровъ*. Иногда тотъ или другой товаръ оказывается „въ цѣнѣ", и тогда производитель его торжествуетъ. Но иногда вдругъ, безъ всякихъ причинъ благовидныхъ, съ нимъ становится „тихо", его мало спрашиваютъ, цѣна его падаетъ. Производитель опускаетъ голову. А иногда случается такъ, что даннаго товара и совсѣмъ никто не покупаетъ и тогда горе его производителю, если ему не удалось отложить деньжонокъ на черный день! Но такими, повидимому, случайными колебаніями цѣнъ въ обществѣ товаропроизводителей дѣло не ограничивается. Мало по малу между ними начинаетъ возникать неравенство: у одного дѣла идутъ лучше, чѣмъ у другого, и вотъ одинъ богатѣетъ, а другой раззоряется. Постепенно неравенство это — между прочимъ и вслѣдствіе успѣховъ техники — доходитъ до такой степени, что на рынкѣ появляется новый товаръ, называемый рабочею силой. Часть обѣднѣвшихъ товаропроизводителей уже не можетъ вести производство на собственный счетъ и нанимается въ работу къ хозяевамъ. Такимъ образомъ у насъ оказываются теперь уже хозяева и рабочіе, товарное общество становится *капиталистическимъ*. Кто создалъ это капиталистическое общество? Почему его создали? Потому-ли, что его считали самымъ разумнымъ и „естественнымъ"? Создали его люди, потому что вѣдь ихъ же взаимныя отношенія и были тѣми отношеніями товаропроизводителей, изъ которыхъ развились впослѣдствіи отношенія капиталистическія. Но создали они его безсознательно: ни Иванъ, ни Петръ, ни Алексѣй вовсе и не задумывались надъ тѣми послѣдствіями, которыя вытекаютъ изъ товарнаго производства, они не задумывались даже и надъ тѣмъ, что значитъ товарный характеръ производства. Однако, ни Иванъ, ни Петръ, ни Алексѣй не имѣютъ, какъ мы уже признали, врожденныхъ идей. Ихъ образъ мыслей создается вліяніемъ окружающей обстановки. Живя въ капиталистическомъ обществѣ, они начинаютъ думать, что это и хорошо, что они живутъ въ немъ, что иначе и нельзя жить людямъ, что капиталистическій порядокъ самый „естественный" и „справедливый". Да и такъ думаютъ они только въ рѣдкихъ случахъ, а большею частью вовсе ничего не думаютъ о своемъ общественномъ порядкѣ: они берутъ его, какъ онъ есть, не спрашивая себя, могъ-ли бы онъ измѣниться. Тѣмъ не менѣе вліяніе капиталистическаго порядка все таки сказывается

на ихъ образѣ мыслей, на ихъ чувствахъ и привычкахъ. Они не приводятъ своихъ понятій въ систему. Но ихъ несистематическія, отрывочныя понятія насквозь пропитаны духомъ капитализма. Имъ пропитывается все: гражданское и государственное право, искусство и литература, естественныя и общественныя науки. Что касается общественныхъ наукъ — это ясно само собою: общественныя науки въ капиталистическомъ обществѣ представляютъ собою ничто иное, какъ возведеніе въ теорію капиталистическихъ отношеній. Въ примѣненіи къ естественнымъ наукамъ наша мысль можетъ показаться на первый разъ очень странною. Какимъ это образомъ взгляды людей на кислородъ или на индуктивные токи могутъ быть пропитаны капиталистическимъ духомъ? Но мы и не говоримъ, что это можетъ быть. Мы хотимъ только сказать, что вѣдь не всегда же люди знали о кислородѣ и объ индуктивныхъ токахъ. Было время, когда они не имѣли о нихъ ни малѣйшаго понятія. Когда же они стали интересоваться ими? „Ходъ идей соотвѣтствуетъ ходу вещей, всѣ науки выросли изъ общественныхъ нуждъ и потребностей народовъ“ — давнымъ давно сказалъ одинъ геніальный итальянецъ. Вниманіе людей направлялось на тѣ или другія области явленій природы сообразно съ нуждами того общества, въ которомъ жили люди. Во всякой наукѣ практика всегда предшествовала теоріи и никогда не переставала оказывать на нее огромнѣйшее вліяніе. Какія же нужды, какая практика существуютъ въ капиталистическомъ обществѣ? Ясное дѣло: нужды и практика капиталистическаго, а не какого нибудь другого общества. Эти нужды и эта практика не только вызываютъ къ жизни извѣстныя теоріи, онѣ кладутъ на нихъ свою печать, иногда затрудняя, иногда ускоряя ихъ совершенствованіе. Вѣдь что ни говорите, а очень характерно то обстоятельство, что мысль объ огромномъ значеніи борьбы за существованіе явилась у зоологовъ уже послѣ того, какъ ее возвели въ принципъ теоретики капитализма — экономисты.

Но не вѣченъ и капиталистическій строй. Постепенно, подъ вліяніемъ многихъ причинъ, но опять таки помимо *сознательнаго* участія людей, въ немъ является уже очень много неудобствъ, уже очень много темныхъ и невыгодныхъ сторонъ. Невыгоды капитализма начинаютъ перевѣшивать его выгоды. Историческій день его склоняется къ концу. Наступаетъ „ночь“, — и вотъ вылетаетъ „сова Минервы“: начинается критика капиталистическихъ отношеній. Люди спрашиваютъ себя: да неужели нельзя завести другого порядка? Тѣ изъ нихъ, на которыхъ въ особенности обрушиваются увеличивающіяся неудобства капитализма, вдумываются въ этотъ вопросъ внимательнѣе и къ своему собственному удивленію открываютъ, что завести другой порядокъ не только можно, но и должно. Возникаютъ теоріи, называемыя вредными ученіями коммунизма и соціализма. Подъ ихъ знаменемъ группируются всѣ обездоленные, угнетенные существующимъ порядкомъ. Но почему же прежде-то ничего этого не было? Неужели теоретики прежняго времени — всѣ эти свѣтила науки, Пэтти, Смиты и Рикардо,—были просто на просто хитрыми сикофантами, защищавшими дѣло, выгодное лишь для крошечной горсти счастливцевъ? Совсѣмъ нѣтъ, это были честные мыслители, но какъ же вы хотите, чтобы

они открывали то, чего еще и не было въ дѣйствительности. Въ ихъ время историческое движеніе еще не обнаружило или, вѣрнѣе сказать, еще не создало тѣхъ неудобствъ капитализма, противъ которыхъ борются теперь соціалисты, поэтому они и не подозрѣвали ихъ возможности. Довлѣетъ дневи злоба его — этого никогда не нужно забывать при изученіи исторіи человѣческой мысли.

Насъ спросятъ, можетъ быть, не существуетъ-ли связи между указанными выше природными, географическими условіями человѣческаго развитія и тѣми условіями его, которыя безсознательно создаются людьми въ процессѣ производства продуктовъ? Связь эта несомнѣнно существуетъ. Подъ вліяніемъ географическихъ условій совершается экономическое развитіе человѣчества. Оно происходитъ съ большею или меньшею быстротою, принимаетъ то или другое направленіе именно благодаря тому или другому характеру географической среды, окружающей данное общество. Въ Китаѣ и въ Аттикѣ, въ равнинахъ Сѣверной Америки и на берегахъ Нила формы общественныхъ отношеній на первыхъ ступеняхъ развитія были совершенно одинаковы, можно сказать тождественны. Наука о первобытныхъ учрежде- повсюду находитъ, напримѣръ, родовой бытъ. Человѣчество очевидно имѣетъ одну точку отправленія. Но природныя условія борьбы за существованіе различны, и потому формы человѣческаго общежитія съ теченіемъ времени принимаютъ различный характеръ. Одинаковый повсюду родовой бытъ уступаетъ мѣсто самымъ различнымъ общественнымъ отношеніямъ. Строй аѳинскаго общества не похожъ на строй Китая; ходъ экономическаго развитія Запада вообще не похожъ на ходъ экономическаго развитія Востока. Конечно, много зависитъ тутъ и отъ вліянія окружающей данное общество исторической среды, но „географическая подкладка“ человѣческаго развитія все таки несомнѣнно и очень сильно даетъ себя чувствовать.

Однако, къ чему все это? А все къ тому же, все затѣмъ, чтобы показать нѣкоторыя особенности новѣйшаго матеріализма, приверженцемъ котораго былъ и Н. Г. Чернышевскій. Мы хотѣли только сказать, что новѣйшіе матеріалисты понимаютъ ходъ историческаго развитія такъ, или почти такъ, какъ мы изложили, а матеріалисты конца прошлаго вѣка были совершенно чужды такого пониманія исторіи. Въ ихъ міросозерцаніи было еще очень много остатковъ идеализма. Въ своихъ историческихъ взглядахъ они, какъ мы сказали, во многомъ оставались идеалистами. Они отрицали существованіе врожденныхъ идей въ головѣ отдѣльнаго человѣка, но они признавали, такъ сказать, самопроизвольное зарожденіе и развитіе идей въ человѣческомъ обществѣ. Они и не подозрѣвали, что историческое развитіе человѣческой мысли совершается подъ вліяніемъ причинъ, не имѣющихъ ничего общаго съ сознаніемъ и волей человѣка. Поэтому, только съ появленіемъ новѣйшаго матеріализма сдѣлалось возможнымъ научное пониманіе человѣческой исторіи. Съ точки зрѣнія новѣйшаго матеріализма „исторія человѣчества перестаетъ казаться нелѣпой путаницей безсмысленныхъ насилій, которыя ровно всѣ осуждаются передъ судейскимъ кресломъ теперь лишь созрѣвшаго философскаго разума, и которыя лучше всего забыть какъ можно скорѣе. Исторія людей является

процессомъ развитія самого человѣчества, и задача современной мысли состоитъ теперь въ томъ, чтобы прослѣдить постепенныя ступени этого процесса... и показать внутреннюю его законосообразность, среди всѣхъ кажущихся случайностей".

Эта задача въ значительной степени уже рѣшена трудами Маркса и Энгельса, великихъ соціалистовъ, которымъ выпало на долю продолжать дѣло развитія философской мысли послѣ Гегеля и Фейербаха. Но нужно помнить, что матеріалистическимъ, т. е. единственнымъ научнымъ пониманіемъ исторіи мы обязаны именно Марксу и Энгельсу (отчасти, впрочемъ, еще американскому писателю Моргану), а не Фейербаху. Въ эпоху Фейербаха задача философской мысли была другая. Ей нужно было прежде всего покончить съ идеализмомъ во всѣхъ его видахъ и разновидностяхъ. На это и были употреблены силы Фейербаха. Такимъ образомъ, его философскіе взгляды приходится считать только первымъ шагомъ современнаго матеріализма. Онъ далъ только нѣкоторыя посылки; другими же необходимыми посылками, равно какъ и цѣлымъ рядомъ самыхъ блестящихъ выводовъ изъ нихъ, мы обязаны уже Марксу и Энгельсу. Въ міросозерцаніи Фейербаха еще не была развита та историческая сторона, которая составляетъ силу и славу современнаго матеріализма. Какое значеніе могло имѣть это обстоятельство въ исторіи умственнаго развитія Н. Г. Чернышевскаго?

Разсуждая отвлеченно, позволительно, пожалуй, думать, что онъ, какъ человѣкъ одаренный замѣчательнымъ, изъ ряда выходящимъ и очень дѣятельнымъ умомъ, могъ замѣтить пробѣлы и пополнить недостатки во взглядахъ своего учителя, т. е., другими словами, сдѣлать то, что сдѣлалъ Марксъ и Энгельсъ. Но чтобы сдѣлать эпоху въ исторіи науки недостаточно еще обладать геніальными способностями, нужны еще благопріятныя внѣшнія обстоятельства, которыя дали бы надлежащее направленіе этимъ способностямъ. Насколько благопріятны были въ этомъ отношеніи обстоятельства, окружавшія нашего автора? Онъ жилъ въ странѣ, не развитой ни въ экономическомъ ни въ политическомъ смыслѣ слова. Чистая научная и философская мысль также не отличалась въ ней большимъ развитіемъ. Ни однимъ изъ русскихъ ученыхъ еще ни разу не было произнесено такое слово, которое имѣло бы рѣшительное вліяніе на судьбу европейской мысли и науки. Мы видѣли, какъ объяснялъ это явленіе Н. Г. Чернышевскій и какія задачи ставилъ онъ передъ наиболые одаренными сынами своей родины. Онѣ сводились къ распространенію въ ней „высокихъ идей правды, науки, искусства", выработанныхъ въ странахъ, ушедшихъ далѣе насъ по пути цивилизаціи. Чернышевскій былъ совершенно правъ, ставя своимъ соотечественникамъ именно эти, а не другія задачи. Но избранный и рекомендуемый имъ родъ дѣятельности имѣлъ свою внутреннюю логику, съ которой приходится считаться самымъ богато-одареннымъ людямъ. Распространитель идей, выработанныхъ другими людьми въ другихъ странахъ можетъ при большихъ способностяхъ дѣлать нѣкоторыя частныя, второстепенныя открытія, но переворота въ наукѣ онъ не совершитъ, потому что вовсе не тѣмъ и занятъ. Въ такомъ именно по-

ложенія былъ и нашъ авторъ. Въ его сочиненіяхъ разсыпано не мало важныхъ замѣчаній, проливающихъ новый свѣтъ на различные вопросы науки. Подобныя замѣчанія часто вполнѣ совпадаютъ съ важнѣйшими открытіями, дѣлавшимися тогда въ западной наукѣ. Но эти проблески геніальной мысли не разработаны послѣдовательно, не приведены въ систему; поэтому рядомъ съ ними мы встрѣчаемъ у него и такіе взгляды, которые уже и тогда могли считаться устарѣлыми, а теперь и совсѣмъ оставлены наукой. Въ концѣ концовъ оказывается, что недостатки и пробѣлы философіи того мыслителя, который имѣлъ на него наибольшее вліяніе, не были пополнены и исправлены имъ. Въ матеріалистическихъ взглядахъ Чернышевскаго осталась неразвитою та самая сторона, которая мало была развита и у его учителя. Говоря вообще, Николай Гаврвловичъ былъ еще чуждъ современнаго матеріалистическаго пониманія исторія, а тамъ гдѣ онъ силою своего ума приближается къ нему, онъ часто придаетъ ему довольно наивную форму.

III

Матеріализмъ Чернышевскаго замѣтенъ гораздо болѣе въ его „антропологическихъ", чѣмъ въ его историческихъ воззрѣніяхъ. Смотря на человѣка какъ на невольный продуктъ окружающей его среды, Чернышевскій относится съ величайшей гуманностью даже къ такимъ некрасивымъ проявленіямъ испорченной человѣческой природы, въ которыхъ идеалисты видятъ лишь „злую волю", заслуживающую строгой кары. „Все зависитъ отъ общественныхъ привычекъ — разсуждаетъ онъ — и отъ обстоятельствъ, т. е. въ окончательномъ результатѣ все зависитъ исключительно отъ обстоятельствъ, потому что и общественныя привычки произошли въ свою очередь также изъ обстоятельствъ. Вы вините человѣка, — всмотритесь прежде, онъ-ли въ томъ виноватъ, за что вы его вините, или виноваты обстоятельства и привычки общества, — всмотритесь хорошенько, быть можетъ тутъ вовсе не вина его, а только бѣда его". „Охранители" хотѣли видѣть въ подобныхъ словахъ Чернышевскаго защиту нравственной распущенности, но, разумѣется, только доказали этимъ свое собственное непониманіе дѣла.

Недостаточная выработанность матеріалистическихъ взглядовъ Чернышевскаго сказалась уже въ нѣкоторыхъ особенностяхъ его ученія о нравственности. Для него, какъ и для Гельвеція, даже наиболѣе самоотверженные поступки представляютъ только особый видъ разумнаго эгоизма. По его словамъ, „надобно бываетъ только всмотрѣться попристальнѣе въ поступокъ или чувство, представляющіеся безкорыстными, и мы увидимъ, что въ основѣ ихъ все таки лежитъ та же мысль о собственной личной пользѣ, личномъ удовольствіи, личномъ благѣ, лежитъ чувство, называемое эгоизмомъ". Иногда разсужденія Чернышевскаго по этому поводу принимаютъ

нѣсколько странный характеръ. „Лукреція закололась, когда ее осквернилъ Секстъ Тарквиній: она поступила очень разсчетливо". Слѣдуютъ доказательства вѣрности сдѣланнаго Лукреціей разсчета. „Коллатинъ могъ сказать женѣ: я считаю тебя чистой и люблю тебя по прежнему; но при тогдашнихъ понятіяхъ, слишкомъ мало измѣнившихся до сихъ поръ, онъ не въ силахъ былъ оправдать своихъ словъ дѣломъ: волею или неволею, но онъ уже потерялъ очень значительную часть прежняго уваженія, прежней любви къ женѣ; онъ могъ прикрывать эту потерю преднамѣреннымъ увеличеніемъ нѣжности въ обращеніи съ нею; но такого рода нѣжность обиднѣе холодности, горьче побоевъ и ругательствъ" и т. д. Но весьма сомнительно, чтобы Лукреція передъ своимъ самоубійствомъ могла предаваться такимъ основательнымъ разсчетамъ. Для нихъ нужно хладнокровіе, а хладнокровной она быть не могла. Не вѣрнѣе-ли предположить, что въ ея поступкѣ разсудокъ игралъ гораздо меньшую роль, чѣмъ чувство, сложившееся подъ вліяніемъ тогдашнихъ общественныхъ привычекъ и отношеній? Человѣческія чувства и привычки такъ приспособляются обыкновенно къ существующимъ общественнымъ отношеніямъ, что совершаемые подъ ихъ вліяніемъ поступки могутъ показаться подчасъ плодомъ самыхъ основательныхъ разсчетовъ, между тѣмъ какъ въ дѣйствительности вовсе не были вызваны разсчетливостью. Вообще во взглядахъ Чернышевскаго на разумный эгоизмъ замѣтно свойственное всѣмъ „просвѣтительнымъ періодамъ" (Aufklaerungsperiode) стремленіе искать въ разсудкѣ опоры для нравственности и въ болѣе или менѣе основательной разсчетливости отдѣльнаго лица объясненія его характера и поступковъ. Но уже въ вышеприведенныхъ словахъ Чернышевскаго заключается опроверженіе подобныхъ крайностей разсудочности. Поступки отдѣльнаго лица представляютъ собою результатъ общественныхъ привычекъ, общественныя же привычки складываются не подъ вліяніемъ разсчетовъ разсудка, а въ силу историческаго развитія общества. При правильной постановкѣ вопроса онъ долженъ быть поставленъ именно въ эти предѣлы: Что такое нравственность отдѣльнаго средняго человѣка? Результатъ его разсчетливости, или безсознательный плодъ общественныхъ отношеній? Наконецъ, слѣдуетъ еще спросить, въ силу какихъ вліяній общества на отдѣльную личность можетъ развиться и развивается въ ней интересъ къ общему благу? Такіе вопросы имѣютъ большое общественное значеніе. Спорить же о томъ, какъ назвать подобный интересъ къ общественному благу: альтруизмомъ, или благороднымъ эгоизмомъ, — мы не видимъ надобности.

Сообразно съ преувеличеннымъ значеніемъ, придаваемымъ Чернышевскимъ человѣческой разсчетливости, онъ и историческія событія объясняетъ иногда сознательнымъ разсчетомъ пользы тамъ, гдѣ для объясненія ихъ нужно обращаться къ несознаннымъ людьми силамъ экономическаго развитія. Съ перваго взгляда подобныя объясненія Чернышевскаго могутъ навести на мысль о томъ, что онъ въ своихъ историческихъ теоріяхъ совершенно сталъ на точку зрѣнія новѣйшаго матеріализма. Но при внимательномъ отношеніи къ дѣлу оказывается совершенно противное. Кто видитъ въ исторической дѣя-

тельности людей лишь вліяніе сознательнаго разсчета, тотъ еще далекъ отъ пониманія всей силы и всего значенія экономіи. Въ дѣйствительности ея вліяніе распространяется даже на такіе поступки людей и на такія привычки различныхъ общественныхъ классовъ, по поводу которыхъ нельзя и заикаться о сознательномъ разсчетѣ. Мы уже видѣли, что главнѣйшіе, наиболѣе вліятельные факторы экономическаго развитія до сихъ поръ стоятъ внѣ всякаго вліянія сознательнаго разсчета. Мы видѣли также, что всѣ общественныя отношенія, всѣ нравственныя привычки и всѣ умственныя склонности людей складываются подъ посредственнымъ или непосредственнымъ дѣйствіемъ этихъ слѣпыхъ силъ экономическаго развитія. Ими опредѣляются, между прочимъ и всѣ виды человѣческой разсчетливости, всѣ проявленія человѣческаго эгоизма. Слѣдовательно, нельзя говорить о сознательномъ разсчетѣ пользы, какъ о первичномъ двигателѣ общественнаго развитія. *Подобный* взглядъ на исторію противорѣчитъ ученію новѣйшаго матеріализма; *подобный* историческій матеріализмъ еще очень наивенъ.

Впрочемъ, историческіе взгляды Чернышевскаго еще не сведены въ систему и часто противорѣчатъ одинъ другому. Безъ большого труда можно выбрать изъ его сочиненій и сопоставить такіе взгляды на исторію, которые покажутся принадлежащими совершенно различнымъ писателямъ. И подобныхъ противорѣчій нельзя объяснить предположеніемъ о постепенномъ измѣненіи образа мыслей нашего автора. Онъ приступилъ къ литературной дѣятельности въ такую пору своего умственнаго развитія, когда взгляды его, въ главнѣйшихъ чертахъ, уже окончательно сложились. Поэтому встрѣчающіяся намъ противорѣчія и непослѣдовательность его историческихъ взглядовъ приходится отнести на счетъ неясности и шаткости общей точки зрѣнія его на исторію человѣчества.

Вотъ нѣсколько примѣровъ въ подтвержденіе сказаннаго. Въ своихъ „Очеркахъ Политической Экономіи“ Н. Г. Чернышевскій, объяснивъ законы существующаго въ современныхъ передовыхъ странахъ „трехчленнаго распредѣленія продуктовъ“, и дѣлая изъ своихъ объясненій краткій заключительный выводъ, высказываетъ слѣдующій, чрезвычайно замѣчательный взглядъ на внутреннія пружины новѣйшей исторіи Европы: „Мы видѣли, что интересы ренты противоположны интересамъ прибыли и рабочей платы вмѣстѣ. *Противъ сословія, которому выдѣляется рента, средній классъ и простой народъ всегда были союзниками.* Мы видѣли, что интересъ прибыли противоположенъ интересу рабочей платы. Какъ только одерживаютъ въ своемъ союзѣ верхъ надъ получающимъ ренту классомъ сословіе капиталистовъ и сословіе работниковъ, *исторія страны получаетъ главнымъ своимъ содержаніемъ борьбу средняго сословія съ народомъ*“*). Подъ этими строками охотно подписался бы любой изъ современныхъ матеріалистовъ-діалектиковъ. Тѣмъ болѣе охотно, что приведенный взглядъ Чернышевскаго на причину борьбы „средняго сословія“ съ „народомъ“ въ другомъ мѣстѣ его „Очерковъ“ поясняется еще ука-

*) Курсивъ нашъ. Очерки Политической Экономіи (по Миллю), сочиненія Н. Г Чернышевскаго т. IV, ст. 205

заніями на гибель мелкой промышленности и мелкой поземельной культуры и на неотвратимое торжество крупныхъ капиталистическихъ предпріятій, какъ въ промышленности, такъ и въ земледѣліи. Точно также любой изъ современныхъ матеріалистовъ-діалектиковъ, съ нѣкоторыми только оговорками, призналъ бы справедливость слѣдующаго взгляда Чернышевскаго на исторію политической и философской мысли. „Политическія теоріи, да и всякія вообще философскія ученія создавались всегда подъ сильнѣйшимъ вліяніемъ того общественнаго положенія, къ которому принадлежали ихъ основатели, и каждый философъ бывалъ представителемъ какой нибудь изъ политическихъ партій, боровшихся въ его время за преобладаніе надъ обществомъ, къ которому принадлежалъ философъ. Мы не будемъ говорить о мыслителяхъ, занимавшихся спеціально политической стороной жизни. Ихъ принадлежность къ политическимъ партіямъ слишкомъ замѣтна для каждаго: Гоббсъ былъ абсолютистъ, Локкъ былъ вигъ, Мильтонъ — республиканецъ, Монтескье — либералъ въ англійскомъ вкусѣ, Руссо — революціонный демократъ, Бентамъ — просто демократъ, революціонный или нереволюціонный, смотря по надобности; о такихъ писателяхъ нечего и говорить. Обратимся къ тѣмъ мыслителямъ, которые занимались построеніемъ теорій болѣе общихъ, къ строителямъ метафизическихъ системъ, къ собственно такъ называемымъ философамъ. Кантъ принадлежалъ къ той партіи, которая хотѣла водворить въ Германіи свободу революціоннымъ путемъ, но гнушалась террористическими средствами. Фихте пошелъ нѣсколькими шагами далѣе: онъ не боится и террористическихъ средствъ. Шеллингъ—представитель партіи, запуганной революціей, искавшей спокойствія въ средневѣковыхъ учрежденіяхъ, желавшей возстановить феодальное государство, разрушенное въ Германіи Наполеономъ I и прусскими патріотами, ораторомъ которыхъ былъ Фихте. Гегель — умѣренный либералъ, чрезвычайно консервативный въ своихъ выводахъ, но принимающій для борьбы противъ крайней реакціи революціонные принципы, въ надеждѣ не допустить до развитія революціонный духъ, служащій ему орудіемъ къ ниспроверженію слишкомъ ветхой старины. Мы говоримъ не то одно, чтобы эти люди держались такихъ убѣжденій, какъ частные люди, — это было бы еще не очень важно, но ихъ философскія системы насквозь проникнуты духомъ тѣхъ политическихъ партій, къ которымъ принадлежали авторы системъ“*). Оставляя въ сторонѣ частности взглядовъ на того или другого мыслителя, можно сказать вообще, что въ приведенныхъ словахъ обнаруживается очень глубокое пониманіе тѣхъ общественныхъ условій, подъ вліяніемъ которыхъ совершается развитіе философской и политической мысли. Современный матеріалистъ-діалектикъ прибавилъ бы къ нимъ только то, что и сама политическая борьба, опредѣлявшая собою направленіе человѣческой мысли, велась не во имя какихъ нибудь отвлеченныхъ соображеній, а подъ непосредственнымъ вліяніемъ нуждъ и стремленій тѣхъ классовъ или тѣхъ слоевъ общества, къ которымъ принадлежали борющіяся партіи. Противъ этого едва ли сталъ бы спорить

*) Антропологическій принципъ въ философіи, стр. 2, 3.

Чернышевскій. Въ его взглядахъ на исторію экономической науки довольно ясно высказывается сознаніе зависимости понятій людей отъ окружающей ихъ соціальной обстановки. Въ своей рецензіи на книгу Рошера „Начала народнаго хозяйства“ нашъ авторъ указываетъ на тотъ „психологическій законъ“, въ силу котораго „почти у каждаго, — простого-ли человѣка, оратора-ли, писателя, въ разговорахъ-ли, въ рѣчахъ-ли, въ книгахъ-ли, все равно — оказывается теоретически хорошимъ, несомнѣннымъ, вѣчнымъ все то, что практически выгодно для группы людей, представителемъ которой онъ служитъ. Этимъ психологическимъ закономъ надо объяснить и тотъ фактъ, что политико-экономамъ школы Адама Смита казались очень хороши, достойны вѣчнаго господства тѣ формы экономическаго быта, которыя господствовали или стремились къ господству въ концѣ прошлаго и въ началѣ нынѣшняго вѣка. Писатели этой школы были представителями биржевого или коммерческаго сословія въ обширномъ значеніи этого слова: банкировъ, оптовыхъ торговцевъ и вообще промышленныхъ людей. Нынѣшнія формы экономическаго устройства выгодны для коммерческаго сословія, выгоднѣе для него всякихъ иныхъ формъ; потому школа, бывшая представительницей его, и находила, что формы эти самыя лучшія по теоріи... Начали думать о вопросахъ политической экономіи люди, бывшіе представителями не того сословія, которому какъ разъ пригодны нынѣшнія экономическія формы, а представители массы, и явилась въ наукѣ другая школа, которую называютъ, неизвѣстно на какомъ основаніи, партіей утопистовъ“*). Здѣсь сознаніе того вліянія, которое имѣетъ борьба классовъ на развитіе науки высказывается съ поразительной ясностью. Но очень ошибся бы тотъ, кто заключилъ бы отсюда, что сознаніе это никогда не покидало Чернышевскаго. Между простымъ пониманіемъ или признаніемъ извѣстнаго принципа и послѣдовательнымъ проведеніемъ его черезъ всю систему взглядовъ цѣлая бездна. Прекрасно понимая значеніе борьбы классовъ въ человѣческихъ обществахъ, Чернышевскій все таки держался такого взгляда на „прогрессъ“, который гораздо ближе къ ученію Бокля, чѣмъ къ ученію новѣйшихъ матеріалистовъ. Чтобы дать о немъ понятіе, мы сдѣлаемъ довольно большую выписку изъ чрезвычайно интересной статьи его „О причинахъ паденія Рима“, написанной по поводу выхода русскаго перевода „Исторіи цивилизаціи въ Европѣ“ Гизо. Въ этой статьѣ Чернышевскій энергически возстаетъ противъ того очень распространеннаго мнѣнія, по которому Западная Римская Имперія погибла вслѣдствіе своей внутренней неспособности къ дальнѣйшему развитію, между тѣмъ какъ варвары принесли съ собою новыя сѣмена прогресса. Мы не хотимъ пока разсматривать, правъ-ли нашъ авторъ въ своихъ нападкахъ на это мнѣніе. Для насъ теперь важенъ единственно только взглядъ его на ходъ прогресса. Вотъ этотъ взглядъ. „Да подумайте только, что такое значитъ прогрессъ и что такое значитъ варваръ?—восклицаетъ нашъ авторъ. Прогрессъ основывается на умственномъ развитіи; коренная сторона его прямо и состоитъ въ успѣхахъ и развитіи знаній... Раз-

*) Современникъ, 1861 г. апрѣль, Новыя Книги, стр. 431—432.

вивается математика, отъ этого развивается и прикладная механика; отъ развитія прикладной механики совершенствуются всякія фабрикаціи, мастерства и т. д... Разрабатывается историческое знаніе; отъ этого уменьшаются фальшивыя понятія, мѣшающія людямъ устраивать свою общественную жизнь, и она устраивается успѣшнѣе прежняго. Наконецъ, всякій умственный трудъ развиваетъ умственныя силы человѣка, и чѣмъ больше людей выучивается читать, получаетъ привычку и охоту читать книги... тѣмъ больше становится въ ней число людей, способныхъ порядочно вести дѣла, какія бы то ни было — значитъ, улучшается и ходъ всякихъ сторонъ жизни въ странѣ. Стало быть, основная сила прогресса—наука; успѣхи прогресса соразмѣрны степени совершенства и степени распространенности знаній. Вотъ что такое прогрессъ — результатъ знанія. Что же такое варваръ? Человѣкъ, еще погрязшій въ глубочайшемъ невѣжествѣ; человѣкъ, который занимаетъ средину между дикимъ звѣремъ и человѣкомъ сколько нибудь развитаго ума... Какая польза для общественной жизни, если учрежденія, дурныя или хорошія, но все таки человѣческія, все таки имѣющія въ себѣ хоть что нибудь, хоть нѣсколько разумное, — замѣняются животными обычаями?"

Мы видимъ, что здѣсь и рѣчи нѣтъ ни о внутреннихъ соціальныхъ отношеніяхъ Рима, причинившихъ его слабость и указанныхъ тѣмъ же Гизо въ первой статьѣ его „Essais sur l'histoire de France", ни о тѣхъ формахъ общежитія, которыми обусловливалась сила германскихъ варваровъ въ эпоху завоеванія западной имперія. Чернышевскій забылъ даже знаменитое изрѣченіе: latifundia perdidere Italiam (латифундіи погубили Италію). Въ его формулѣ прогресса (какъ стали выражаться у насъ впослѣдствіи) нѣтъ самостоятельнаго мѣста для внутреннихъ отношеній той или иной „прогрессирующей" страны. Все дѣло сводится къ количеству и распространенію знаній, и ему даже въ голову не приходитъ здѣсь спросить себя, не зависитъ-ли исторія знаній отъ исторіи соціальныхъ отношеній цивилизованныхъ странъ. „Говорятъ, обществу стѣснительны были укоренившіяся формы — разсуждаетъ онъ далѣе — значитъ въ обществѣ была прогрессивная сила, была надобность въ прогрессѣ". Но вѣдь иное дѣло надобность въ прогрессѣ, иное дѣло — присутствіе въ обществѣ „прогрессивной силы", способной удовлетворить этой надобности. Нельзя смѣшивать этихъ двухъ понятій, совершенно различныхъ по своему характеру и содержанію: одно изъ нихъ есть чисто отрицательное („надобность въ прогрессѣ" указываетъ лишь на стѣснительность существующихъ формъ), другое—положительное, такъ какъ присутствіе въ обществѣ прогрессивной силы, способной совершить необходимую передѣлку формъ общежитія предполагаетъ извѣстную степень умственнаго, нравственнаго и политическаго развитія того класса, или тѣхъ классовъ, на которыхъ формы эти обрушиваются своими невыгодными сторонами. Еслибы эти понятія были тождественны, то дѣло человѣческаго прогресса упрощалось бы до крайности, и мы не встрѣчали бы въ исторіи печальнаго зрѣлища обществъ, падающихъ подъ тяжестью такихъ формъ общежитія, которыя, при всей несомнѣнной

своей вредоносности, не могли быть устранены, потому что не было въ народѣ живыхъ силъ, способныхъ совершить это дѣло. Само собою разумѣется, что мы не говоримъ здѣсь о формахъ, вредныхъ рѣшительно для всѣхъ классовъ даннаго общества. Подобныя формы устраняются, можно сказать, сами собою. Но чаще всего особенно вредными для дальнѣйшихъ успѣховъ общества оказываются иныя формы, невыгодныя для большинства и очень выгодныя для привиллегированнаго меньшинства. Устранить подобныя формы можно только въ томъ случаѣ, если страдающее большинство обладаетъ хоть нѣкоторою способностью къ политической самодѣятельности. А оно не всегда обладаетъ этою способностью. Способность эта вовсе не есть необходимое свойство угнетеннаго большинства. Она сама создается *экономіей* даннаго общества. Казалось бы не было ничего выгоднѣе для римскихъ пролетаріевъ, какъ поддержать законопроэкты Гракховъ. Но они не поддержали и не могли поддержать ихъ, потому что соціальная обстановка, въ какую ставило ихъ экономическое развитіе Рима, не только не содѣйствовала ихъ политическому развитію, но, напротивъ, постоянно понижала его уровень. Что же касается высшихъ классовъ, то, во первыхъ, смѣшно было бы ожидать отъ нихъ политическихъ дѣйствій, враждебныхъ ихъ экономическимъ интересамъ, а, во вторыхъ, и сами они развращались все болѣе и болѣе подъ вліяніемъ другой стороны того самаго хода экономическаго развитія, который, создавая римскій пролетаріатъ, превращалъ его въ кровожадную и тупую чернь. Въ концѣ концовъ дѣло пришло къ тому, что римляне, эти всемірные завоеватели, оказались неспособными къ военной службѣ, и легіоны пополнялись тѣми самыми варварами, которые и положили, наконецъ, предѣлъ существованію за-живо разложившейся имперіи. Такимъ образомъ, въ паденіи Рима, вопреки объясненіямъ Чернышевскаго, нѣтъ ничего случайнаго, такъ какъ оно представляло собою естественный конецъ давно уже начавшагося историко-экономическаго движенія.

Мы вовсе не хотимъ утверждать, подобно многимъ, въ особенности нѣмецкимъ писателямъ, что германцы принесли съ собою какой-то особенный духъ и особенныя склонности, обезпечившіе за ними первое мѣсто въ дальнѣйшей исторіи человѣчества. Мы говоримъ только, что слабость Рима въ борьбѣ съ варварами была причинена и подготовлена ходомъ его экономическаго развитія, уничтожившаго классъ мелкихъ землевладѣльцевъ, которые нѣкогда составляли его силу. Мелкіе крестьянскіе участки слились въ огромныя латифундіи, населенныя толпами рабовъ. Но рабы плохая опора для государства: свезенные со всѣхъ концовъ міра, разноплеменные и разноязычные, они не составляли *народа* въ собственномъ смыслѣ слова. Они были и оставались *сбродомъ* (если только можно назвать такъ массу людей, сошедшихся не по доброй волѣ) и разумѣется вовсе не думали объ интересахъ римскаго государства. Чернышевскій замѣчаетъ, правда, что рабство постепенно смягчалось въ Римской Имперіи, а подъ конецъ стало замѣняться колонатомъ. Но, во-первыхъ, распоряженія императоровъ относительно колоната означали не болѣе, какъ стремленіе государства обезпечить за собою часть *прибавочнаго продукта*, создаваемаго подневольнымъ трудомъ земледѣльца. Облегчить

его положеніе переходъ къ колонату рѣшительно не могъ въ то время, когда всѣ слои римскаго общества были буквально *раздавлены* государственными податями и поборами*). Во вторыхъ, само собою ясно, что колоны и адскриптиціи не могли замѣнить собою свободныхъ земледѣльцевъ. Наконецъ, даже въ численномъ отношеніи рабы и колоны, по крайней мѣрѣ въ деревняхъ, уступали населенію старой Италіи свободныхъ земледѣльцевъ. Еще Титъ Ливій удивлялся, какимъ образомъ нѣкоторые округи Италіи, въ которыхъ въ его время встрѣчались только немногіе пастухи съ ихъ стадами, могли, во время своей независимости, выставлять многочисленныя и храбрыя арміи для борьбы съ Римомъ. Дѣло объясняется просто: во время своей независимости округи эти жили при совершенно иныхъ экономическихъ отношеніяхъ, которымъ и были обязаны своимъ многочисленнымъ, сильнымъ и бодрымъ населеніемъ. Тогда въ нихъ еще крѣпки были родовыя учрежденія, обезпечивавшія благосостояніе всѣхъ членовъ общины и сообщавшія имъ независимый и воинственный духъ. Такія же учрежденія существовали и у германцевъ, и именно имъ обязаны были варварскія орды своею силою и крѣпостью. Выражаясь короче, можно сказать, что подъ конецъ существованія Римской имперіи, въ ней господствовали такія экономическія отношенія, которыя доводили до *минимума* силу ея сопротивленія. Наоборотъ, тогдашнія учрежденія германцевъ доводили ихъ силу нападенія до *максимума*. Вотъ и все: дѣло въ экономіи, а не въ духѣ и не въ какихъ нибудь таинственныхъ свойствахъ расы.

Если бы при объясненіи исторической судьбы различныхъ странъ мы вынуждены были ограничиваться одними отвлеченными соображеніями объ ихъ „прогрессѣ“ и о количествѣ накопленныхъ въ нихъ знаній, то мы никогда не могли бы понять, напримѣръ, исторію Греціи, гдѣ наиболѣе образованныя, „прогрессивныя“ страны одна за другою сходятъ со сцены, уступая мѣсто все менѣе и менѣе образованнымъ и „прогрессивнымъ“. Чѣмъ объяснить такое явленіе? Ходомъ развитія экономическихъ и, главнымъ образомъ, поземельныхъ отношеній въ Греціи. Въ наиболѣе „прогрессивныхъ“ странахъ развитіе это раньше привело къ скопленію поземельной собственности въ немногихъ рукахъ, къ страшному увеличенію численности рабовъ, къ обезсиленію и деморализаціи низшаго класса свободныхъ гражданъ. Прямо пропорціонально этому явленію уменьшалась и государственная сила „прогрессивныхъ“ греческихъ странъ. Въ менѣе „прогрессивныхъ“ странахъ процессъ этотъ начался позже и совершался медленнѣе, поэтому и государственная сила ихъ падала медленнѣе, даже возрастала въ извѣстныхъ періодахъ этого процесса (какъ бывало и въ болѣе „прогрессивныхъ“ странахъ); поэтому онѣ и могли играть выдающуюся роль, когда болѣе „прогрессивныя“ страны уже окончательно ослабѣли подъ гибельнымъ вліяніемъ безъисходной *въ то время* (а не въ наше, когда у нея есть выходъ) борьбы классовъ. Но

---

*) См. упомянутую первую статью Гизо въ его „Essais sur l'histoire de France“; см. также „Untersuchungen auf dem Gebiete der National-Oekonomie des klassichen Alterthums“ Родбертуса.

и менѣе „прогрессивныя" страны въ концѣ концовъ слабѣли, благодаря тому же указанному процессу; одна за другой онѣ допѣвали свою пѣсенку и также сходили со сцены, пока, наконецъ, желѣзная рука Рима не положила предѣла самостоятельному существованію Греціи. Когда пришли римляне, то греческихъ странъ, за небольшими исключеніями, *буквально некому было защищать*. Это обстоятельство отмѣчено было еще Полибіемъ и Плутархомъ.

Въ историческихъ взглядахъ нашего автора *случайности* отводится вообще очень широкое мѣсто. Даже современный намъ экономическій строй, характеръ, законы и тенденціи котораго онъ довольно хорошо выясняетъ вслѣдъ за школой Смита-Рикардо, представляется ему продуктомъ историческихъ случайностей. „По исторіи оказалось — говоритъ онъ, въ цитированной уже рецензіи на книгу Рошера — что нынѣшнія экономическія формы возникли подъ вліяніемъ отношеній, противорѣчащихъ требованіямъ экономической науки, несовмѣстимыхъ ни съ успѣхами труда, ни съ разсчетливостью потребленія, — словомъ сказать, представляютъ собою результатъ причинъ, враждебныхъ и труду и благосостоянію. Напримѣръ, въ западной Европѣ экономическій бытъ основался на завоеванія, на конфискаціи и монополіи"*). Никто не скажетъ, что завоеваніе, конфискаціи и монополіи не имѣли мѣста въ исторіи западной Европы. Но вѣдь они имѣли мѣсто и въ древней Греціи, и въ Индіи, и въ Китаѣ, и, однако, экономическій строй этихъ странъ очень существенно отличался или отличается отъ экономическаго строя современной Европы. Чѣмъ создалось это различіе? Не тѣмъ-ли, что всѣ эти завоеванія, конфискаціи и „монополіи", далекія отъ того, чтобы опредѣлить собою направленіе экономическаго развитія, сами, напротивъ того, опредѣлялись имъ въ своихъ формахъ и дальнѣйшихъ соціальныхъ слѣдствіяхъ? Направленіе и ходъ экономическаго развитія древней Греціи, или Индіи, или Китая, не похожъ былъ на направленіе и ходъ экономическаго развитія средневѣковой и новой Европы, — поэтому и завоеванія со всѣми ихъ послѣдствіями, привели тамъ къ другимъ порядкамъ, чѣмъ въ западной Европѣ. Въ виду рѣшающаго значенія, приписываемаго Чернышевскимъ завоеванію въ дѣлѣ созданія экономическаго строя современной Европы, намъ невольно припоминаются слова Энгельса: „Даже въ томъ случаѣ, если мы исключимъ всякую возможность грабежа, насилія и обмана, если мы допустимъ, что всякая частная собственность первоначально основывалась на личномъ трудѣ ея обладателя и затѣмъ, во все дальнѣйшее время, только равныя стоимости обмѣнивались на равныя, то тѣмъ не менѣе, съ дальнѣйшимъ развитіемъ производства и обмѣна, мы необходимо придемъ къ современному капиталистическому способу производства, къ монополизированію средствъ производства и существованія въ рукахъ одного малочисленнаго класса, къ пригнетенію другого, составляющаго огромнѣйшее большинство, класса до положенія лишенныхъ всякой собственности пролетаріевъ, къ періодической смѣнѣ производительной горячки и торговыхъ кризисовъ

*) Современникъ, Апрѣль 1861, Новыя книги, стр. 434

и ко всей современной анархіи въ производствѣ"*). Такъ смотрятъ на это дѣло современные матеріалисты-діалектики. Но Чернышевскій смотрѣлъ еще совершенно иначе.

Относя различныя, существовавшія въ исторіи формы экономическаго быта на счетъ завоеванія и считая ихъ противорѣчащими „требованіямъ экономической науки", нашъ авторъ естественно не могъ придавать большой цѣны ихъ изученію. Знакомый съ такъ называемымъ историческимъ методомъ въ экономической наукѣ лишь по трудамъ такихъ его представителей, какъ Вильгельмъ Рошеръ и прочіе Citaten-professoren, онъ относился къ нему очень пренебрежительно и считалъ его плодомъ реакціи противъ освободительныхъ стремленій рабочаго класса. „Противъ средневѣковыхъ учрежденій, несогласныхъ съ выгодами коммерческаго сословія, ратовали... во имя разума; а тутъ вотъ какъ на грѣхъ явились люди, начавшіе говорить: по разуму дѣйствительно слѣдуетъ быть тому, чего желаете вы, только сверхъ того требуется по разуму еще многое другое; вы произносите только начало формулы, а конецъ ея вотъ каковъ; словомъ сказать, передъ лицомъ мыслителей непослѣдовательныхъ явились мыслители послѣдовательные... Что тутъ дѣлать?.. Если разумъ говоритъ противъ тебя, хватайся за исторію, она выручитъ". Сообразно съ такимъ происхожденіемъ историческаго метода теоретическая задача передовыхъ представителей рабочаго класса сводилась, въ борьбѣ ихъ противъ „непослѣдовательныхъ мыслителей", лишь къ тому, чтобы обнаружить возникновеніе современнаго экономическаго строя изъ „завоеванія, конфискацій и монополій". Соціалисты и дѣлаютъ это, по мнѣнію Чернышевскаго. Въ ихъ рукахъ „исторія изобличаетъ то, на защиту чего была приглашена"**). Но еще раньше выступленія Чернышевскаго на путь литературной дѣятельности, еще въ эпоху его предшественниковъ, т. е. Бѣлинкаго и его кружка, лучшіе теоретическіе представители рабочаго класса пользовались исторіей не для однѣхъ только полемическихъ ссылокъ на завоеванія и конфискаціи. Марксъ и Энгельсъ поставили изученіе экономической исторіи человѣчества на твердую научную почву, показавши ея внутреннюю необходимость и строгую законосообразность***). Но по всему видно, что Чернышевскій

*) Развитіе научнаго соціализма, приложеніе, стр. 58.

**) Соврем. Апрѣль 1861, Новыя книги, стр. 432 - 33 - 34.

***) Опираясь на исторію, Рошеръ и его единомышленники являются принципіальными противниками революціоннаго способа дѣйствій. Въ ихъ понятіяхъ *эволюція* совершенно исключаетъ *революцію*. Это взглядъ столь же ошибочный, какъ и взглядъ нѣкоторыхъ революціонеровъ, возстающихъ противъ эволюціи. Обѣ эти крайности совершенно исключаютъ правильное пониманіе исторіи. Вооруженные *діалектическимъ* методомъ, новѣйшіе соціалисты иначе смотрятъ на дѣло. Для нихъ эволюція есть такой же необходимый *моментъ* въ процессѣ историческаго развитія человѣчества, какъ и *революція*. Эволюція подготовляетъ революцію, революція облегчаетъ дальнѣйшее теченіе эволюціи. Принятый въ особенности германскими учеными „историческій методъ" совершенно произвольно ограничиваетъ поле зрѣнія науки однимъ изъ этихъ моментовъ, эволюціей. и потому долженъ быть признанъ *антинаучнымъ*. Объ его „ученыхъ" представителяхъ и теперь еще можно съ полнымъ правомъ сказать то, что говорилъ о нихъ Марксъ въ 1844 году: они оправдываютъ низости, совершаемыя сегодня низостями вчерашняго дня; объявляютъ мятежомъ всякій протестъ крѣпостнаго противъ кнута, если только это кнутъ историческій; исторія показыва-

не знакомъ былъ съ этимъ направленіемъ, выросшимъ изъ теорій его учителя Фейербаха, какъ теоріи Фейербаха выросли изъ системы Гегеля.

Отрицая историческій методъ, нашъ авторъ пользовался въ своихъ экономическихъ изслѣдованіяхъ другимъ методомъ, который онъ называлъ *гипотетическимъ*. Мы характеризуемъ его собственными словами Чернышевскаго. „Этотъ методъ состоитъ въ томъ — говоритъ онъ въ своихъ замѣчаніяхъ на первую книгу Политической Экономіи Милля — что когда намъ нужно опредѣлить характеръ извѣстнаго элемента, мы должны на время отлагать въ сторону запутанныя задачи и пріискивать такія задачи, въ которыхъ интересующій насъ элементъ обнаруживалъ бы свой характеръ самымъ несомнѣннымъ образомъ, пріискивать задачи самаго простѣйшаго свойства. Тогда, узнавъ характеръ занимающаго насъ элемента, мы можемъ уже удобно распознать ту роль, какую играетъ онъ и въ запутанной задачѣ, отложенной нами на время. Напримѣръ, вмѣсто многосложной задачи: были-ли войны съ Франціей въ концѣ прошлаго и началѣ нынѣшняго вѣка полезны для Англіи, берется простѣйшій вопросъ: можетъ-ли война быть полезна, не для какой нибудь шайки, а для многочисленной націи? Теперь, какъ же рѣшить этотъ вопросъ? Дѣло идетъ о выгодѣ, то есть о количествѣ благосостоянія или богатствъ, объ уменьшеніи или объ увеличеніи его, то есть о величинахъ, которыя измѣряются цифрами. Откуда же возьмемъ мы цифры? Никакой историческій фактъ не даетъ намъ этихъ цифръ въ томъ видѣ, какой намъ нуженъ, то есть въ простѣйшемъ видѣ, такъ, чтобы онѣ зависѣли единственно отъ опредѣляемаго нами элемента, отъ войны... Итакъ изъ области историческихъ событій мы должны перенестись въ область отвлеченнаго мышленія, которое вмѣсто статистическихъ данныхъ, представляемыхъ исторіею дѣйствуетъ надъ отвлеченными цифрами, значеніе которыхъ условно и которыя назначаются просто по удобству. Напримѣръ оно (отвлеченное мышленіе) поступаетъ такъ. Предположимъ, что общество имѣетъ 5,000 человѣкъ населенія, въ томъ числѣ 1000 взрослыхъ мужчинъ, трудомъ которыхъ содержится все общество. Предположимъ, что 200 изъ нихъ пошли на войну. Спрашивается, каково экономическое отношеніе этой войны къ обществу? Увеличила или уменьшила она благосостояніе общества? Лишь только мы произвели такое простѣйшее построеніе вопроса, рѣшеніе становится столь просто и безспорно, что можетъ быть очень легко отыскано каждымъ, и не можетъ быть опровергнуто никѣмъ и ничѣмъ... По термину „предположеніе“, „гипотеза“, самый методъ называется гипотетическимъ“*).

Такого метода Чернышевскій держится во всѣхъ своихъ экономи-

етъ имъ, какъ израильскій богъ Моисею только „заднюю“ свою; при всякомъ кускѣ вырѣзываемомъ изъ народнаго сердца, эти вѣрноподданные Шейлоки ссылаются на историческій вексель и проч. Все это справедливо какъ нельзя болѣе. Однако революціонеръ Марксъ, въ такихъ сильныхъ и мѣткихъ выраженіяхъ разоблачившій сервилизмъ оффиціальныхъ представителей „историческаго метода“, не только не игнорировалъ исторической эволюціи, но первый показалъ ея дѣйствующія пружины и ея строгую законосообразность.

*) Сочиненія Н. Г. Чернышевскаго, т. III-й стр. 89 - 90 - 91.

ческихъ изслѣдованіяхъ, которыя принимаютъ, благодаря этому, совершенно особенный, до крайности отвлеченный характеръ. Извѣстно, что главное экономическое сочиненіе нашего автора представляетъ собою частью переводъ, частью изложеніе политической экономіи Милля, сопровождаемое очень обширными замѣчаніями и самостоятельными дополненіями. Читая это сочиненіе, интересно слѣдить за тѣмъ, какъ принятый авторомъ методъ изслѣдованія постоянно увлекаетъ его изъ области дѣйствительныхъ, существующихъ экономическихъ отношеній въ область отвлеченнаго мышленія. Въ томъ, что касается существующихъ отношеній Чернышевскій рѣдко оспариваетъ Милля. Онъ большею частью довольствуется его анализомъ, который, какъ извѣстно, оставляетъ желать очень многаго по своей неясности и непослѣдовательности. Онъ не расходится съ Миллемъ даже въ такихъ существенныхъ вопросахъ, какъ вопросы о стоимости, о цѣнѣ, о деньгахъ, о законѣ рабочей платы и т. п. Милль совершенно правъ въ томъ, что касается существующаго, говоритъ обыкновенно Чернышевскій, но посмотримъ, такъ-ли должно быть, того-ли требуетъ здравая экономическая теорія? „Предположимъ" и т. д. — слѣдуетъ обыкновенно блестящая критика существующихъ отношеній, критика, опирающаяся, однако, исключительно только на совершенно отвлеченныя соображенія и предположенія. Недостатки метода кидаются, такимъ образомъ, въ глаза, и его, конечно, не одобритъ ни одинъ изъ современныхъ научныхъ противниковъ капитализма, такъ какъ противники эти опираются теперь не на требованія отвлеченной „теоріи", а на тѣ внутреннія противорѣчія существующаго нынѣ строя, которыя въ своемъ дальнѣйшемъ развитіи, необходимо должны повести къ его устраненію.

Читатели, знакомые съ методомъ той философской школы, послѣдователемъ которой считалъ себя Чернышевскій, безъ труда замѣтятъ, что нашъ авторъ не остался вѣренъ ему въ своихъ изслѣдованіяхъ. Въ самомъ дѣлѣ, „гипотетическій методъ" не имѣетъ ничего общаго съ діалектическимъ методомъ нѣмецкихъ учителей Чернышевскаго. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно припомнить тѣ характеристическія особенности, которыя самъ Чернышевскій видѣлъ въ системѣ Гегеля, породившей ученіе Фейербаха. Указаніе этихъ особенностей очень облегчитъ намъ дѣло изложенія и критики взглядовъ Чернышевскаго, поэтому мы просимъ читателя отнестись со всѣмъ возможнымъ вниманіемъ къ этой матеріи, пожалуй, сухой и скучной, но право же не безполезной.

Въ глазахъ новѣйшихъ матеріалистовъ - діалектиковъ величайшей заслугой системы Гегеля и всей вообще нѣмецкой философіи является то, что она, какъ говоритъ о ней Энгельсъ, „впервые представила весь естественный, историческій и духовный міръ въ видѣ процесса, т. е. изслѣдовала его въ безпрерывномъ движеніи, измѣненіи и развитіи, и пыталась обнаружить внутреннюю связь этого движенія и развитія." Чернышевскій, при своемъ огромномъ умѣ и своихъ основательныхъ свѣдѣніяхъ въ философіи, не могъ игнорировать этой стороны дѣла. Онъ понималъ огромную важность гегелевскаго ученія о развитіи и даже излагалъ его въ энергическихъ, прочувствованныхъ выраженіяхъ. „Вѣчная смѣна формъ, вѣчное отвер

женіе формы, порожденной извѣстнымъ содержаніемъ или стремленіемъ, вслѣдствіе усиленія того же стремленія, высшаго развитія того же содержанія — восклицаетъ онъ въ своей статьѣ „Критика философскихъ предубѣжденій противъ общиннаго землевладѣнія"— кто понялъ этотъ высшій, вѣчный, повсемѣстный законъ, кто пріучился примѣнять его ко всякому явленію, — о, какъ спокойно призываетъ онъ шансы, которыми смущаются другіе! Повторяя за поэтомъ:

Ich hab' mein' Sach' auf Nichts gestellt
Und mir gehört die ganze Welt,

онъ не жалѣетъ ни о чемъ, отживающемъ свое время, и говоритъ: пусть будетъ, что будетъ, а будетъ все таки на нашей улицѣ праздникъ"*)! Но, какъ видно, не этотъ „великій, вѣчный, повсемѣстный законъ" считалъ онъ главной заслугой и наиболѣе выдающейся особенностью философіи Гегеля. По крайней мѣрѣ въ своихъ „Очеркахъ гоголевскаго періода русской литературы" онъ, подробно говоря о Гегелѣ по поводу извѣстнаго увлеченія имъ кружка Станкевича и Бѣлинскаго, обращаетъ наибольшее вниманіе на другую сторону его философіи. Здѣсь главною его заслугою выставляется выведеніе философіи изъ области отвлеченнаго мышленія и внимательное отношеніе къ *дѣйствительности*. „Объяснить дѣйствительность стало существенной обязанностью философскаго мышленія. Отсюда явилось чрезвычайное вниманіе къ дѣйствительности, надъ которой прежде не задумывались, безъ всякой церемоніи искажая ее въ угодность собственнымъ односторонннимъ предубѣжденіямъ... Но въ дѣйствительности все зависитъ отъ обстоятельствъ, отъ условій мѣста и времени, — и потому Гегель призналъ, что прежнія общія фразы, которыми судили о добрѣ и злѣ, не разсматривая обстоятельствъ и причинъ, по которымъ возникало данное явленіе, что — эти общія, отвлеченныя изрѣченія не удовлетворительны. Отвлеченной истины нѣтъ, истина конкретна, т. е. опредѣлительное сужденіе можно произносить только объ опредѣленномъ фактѣ, разсмотрѣвъ всѣ обстоятельства, отъ которыхъ онъ зависитъ**). Въ примѣчаніи къ цитируемой страницѣ Чернышевскій поясняетъ эту мысль слѣдующимъ образомъ. „Напримѣръ, благо или зло дождь? Это вопросъ отвлеченный, опредѣлительно отвѣтить на него нельзя: иногда дождь приноситъ пользу, иногда, хотя рѣже, приноситъ вредъ; надобно спрашивать опредѣлительно: послѣ того какъ посѣвъ хлѣба оконченъ, въ продолженіе пяти часовъ шелъ сильный дождь,—полезенъ-ли онъ былъ для хлѣба? Только тутъ отвѣтъ ясенъ и имѣетъ смыслъ: этотъ дождь былъ полезенъ... Пагубна или плодотворна война? Вообще нельзя отвѣчать на это рѣшительнымъ образомъ: надобно знать, о какой войнѣ идетъ дѣло, все зависитъ отъ обстоятельствъ времени и мѣста... Мараѳонская битва была благодѣтельнѣйшимъ событіемъ въ исторіи человѣчества" и т. д. Отсюда видно, что при извѣстномъ вниманіи къ дѣйствительности даже такой, повидимому, простой вопросъ,

*) Сочиненія Чернышевскаго т. V й, стр. 531.

**) Современникъ, 1856, кн. 9 Критика, стр. 12.

какъ вопросъ о пользѣ или вредѣ войны, не можетъ рѣшаться посредствомъ той или другой незамысловатой и совершенно отвлеченной „гипотезы". Все зависитъ отъ обстоятельсвъ мѣста и времени. Это совершенно вѣрно. Но, къ сожалѣнію вѣрно и то, что Чернышевскій слишкомъ часто забывалъ объ этомъ, какъ въ общихъ своихъ изслѣдованіяхъ, такъ и въ спорахъ о такихъ конкретныхъ явленіяхъ, какъ русское общинное землевладѣніе.

Мы увидимъ ниже, что забываемая имъ дѣйствительность нерѣдко напоминала о себѣ самымъ безцеремоннымъ образомъ. Но теперь мы должны продолжать характеристику историческихъ взглядовъ Чернышевскаго, которая поможетъ намъ опредѣлить мѣсто, принадлежащее нашему автору въ общемъ развитіи философской мысли Европы.

IV

Замѣчательно, что, не придавая цѣны исторической точкѣ зрѣнія въ области политической экономіи, онъ считалъ ее необходимой въ области литературной критики. Въ одной изъ самыхъ первыхъ своихъ статей, именно въ статьѣ объ извѣстномъ сочиненіи Аристотеля „О поэзіи", переведенномъ Б. Ордынскимъ, онъ ставитъ эстетикѣ въ большую заслугу то, что она у насъ никогда не была враждебна исторіи литературы. „У насъ всегда провозглашалась необходимость исторіи литературы; и люди, особенно занимавшіеся эстетическою критикою, очень много, — больше, нежели кто нибудь изъ нашихъ нынѣшнихъ писателей — сдѣлали и для исторіи литературы. У насъ эстетика всегда признавала, что должна основываться на точномъ изученіи фактовъ".... „*Исторія искусства служитъ основаніемъ теоріи искусства*" *). Казалось бы, что человѣкъ, написавшій эти строки, оставаясь вѣрнымъ себѣ, долженъ былъ безъ всякихъ оговорокъ признать, что исторія экономическаго развитія человѣчества должна служить основаніемъ экономической „теоріи." Но мы уже видѣли, что онъ не такъ смотрѣлъ на эту „теорію."

Большая правильность взгляда Чернышевскаго на теорію искусства объясняется, во-первыхъ, благотворнымъ вліяніемъ его предшественниковъ: послѣ „Эстетики" Гегеля и критическихъ работъ Бѣлинскаго (напомнимъ хоть его статьи о Пушкинѣ) совершенно невозможно было игнорировать историческую точку зрѣнія въ теоріи искусства. Прибавьте къ этому, что въ эстетической теоріи возставать противъ исторической точки зрѣнія могли только сторонники такъ называемаго искусства для искусства, т. е. люди, которымъ хотѣлось бы поставить „вѣчное" искусство внѣ всякой связи съ дѣйствительностью и ея насущными, жгучими общественными вопросами. Борясь противъ такихъ людей, Чернышевскій естественно долженъ былъ

---

*) *Сочиненія Чернышевскаго т. I, стр. 3-4.*

склоняться къ исторической точкѣ зрѣнія на искусство, такъ какъ она давала возможность связать задачи искусства съ важнѣйшими общественными стремленіями даннаго времени. Еще Шеллингъ говорилъ, что „verschiedenen Zeitaltern wird eine verschiedene Begeisterung zu Theil"*) Развивая эту мысль, не трудно было на голову разбить сторонниковъ „чистаго" искусства. — Иное дѣло въ политической экономіи. Тамъ за-живо окаменѣвшій Рошеръ и его братія являлись противниками самыхъ дорогихъ Чернышевскому стремленій рабочаго класса. Они были единственными извѣстными ему представителями исторической точки зрѣнія въ политической экономіи. Неудивительно, что изъ реакціи противъ нихъ онъ сталъ въ такое отношеніе къ этой точкѣ зрѣнія, ошибочность котораго бросилась бы ему въ глаза при другихъ условіяхъ.

Впрочемъ, нельзя сказать, что нашему автору удалось послѣдовательно развить свой взглядъ на значеніе *исторіи* искусства, какъ необходимой основы для *теоріи* искусства. Мы уже замѣчали, что отъ простого признанія извѣстнаго принципа еще очень далеко до послѣдовательнаго проведенія его въ соотвѣтствующей отрасли науки. Чернышевскому представлялся прекрасный случай поставить теорію искусства въ связь съ его исторіей въ диссертаціи объ „*Эстетическихъ отношеніяхъ искусства къ дѣйствительности*," представленной имъ филологическому факультету петербургскаго университета въ началѣ 1854 года для полученія степени магистра. Это сочиненіе занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ въ ряду другихъ произведеній нашего автора; поэтому въ немъ чрезвычайно ярко выражаются всѣ достоинства и недостатки его взглядовъ и пріемовъ мышленія. Вѣрный своимъ матеріалистическимъ взглядамъ, Чернышевскій задался въ своей диссертаціи цѣлью покончить съ идеализмомъ въ эстетикѣ. Онъ преслѣдуетъ идеализмъ во всѣхъ его эстетическихъ закоулкахъ и убѣжищахъ, начиная отъ общихъ теоретическихъ вопросовъ о происхожденіи искусства и о значеніи его въ жизни и кончая такими частностями, какъ ученіе о трагическомъ и о возвышенномъ. Мы приведемъ нѣкоторые изъ выставленныхъ имъ тезисовъ, такъ какъ они прекрасно оттѣняютъ именно матеріалистическій взглядъ Чернышевскаго на искусство.

„Истинное опредѣленіе прекраснаго, говоритъ онъ, таково: прекрасное есть жизнь; прекраснымъ существомъ кажется человѣку то существо, въ которомъ онъ видитъ жизнь, какъ онъ ее понимаетъ; прекрасный предметъ тотъ предметъ, который напоминаетъ ему о жизни.

„Возвышенное дѣйствуетъ на человѣка вовсе не тѣмъ, что пробуждаетъ идею абсолютнаго; оно почти никогда не пробуждаетъ ее.

„Возвышеннымъ кажется человѣку то, что гораздо больше предметовъ или гораздо сильнѣе явленій, съ которыми сравнивается человѣкомъ.

„Трагическое не имѣетъ существенной связи съ идеей судьбы или необходимости. Въ дѣйствительной жизни трагическое большею частью случайно, не вытекаетъ изъ сущности предшествующихъ момен-

*) Ueber das Verhaeltniss der bildenden Künste zu der Natur.

товъ. Форма необходимости, въ которую облекается оно исскуствомъ — слѣдствіе обыкновеннаго принципа произведеній искусства: развязка должна вытекать изъ завязки, или неумѣстное подчиненіе поэта понятіямъ о судьбѣ.

„Трагическое по понятіямъ новаго европейскаго образованія есть ужасное въ жизни человѣка.

„Дѣйствительность не только живѣе, но и совершеннѣе фантазіи. Образы фантазіи только бѣдныя и почти всегда неудачныя передѣлки дѣйствительности.

„Прекрасное въ объективной дѣйствительности вполнѣ прекрасно.

„Прекрасное въ объективной дѣйствительности совершенно удовлетворяетъ человѣка.

„Искусство рождается вовсе не отъ потребности человѣка восполнить недостатки дѣйствительности.

„Потребность, раждающая искусство въ эстетическомъ смыслѣ слова (изящное искусство) есть та же самая, которая очень ясно высказывается въ портретной живописи... искусство только напоминаетъ намъ своими воспроизведеніями о томъ, что интересно для насъ въ жизни, и старается до нѣкоторой степени познакомить насъ съ тѣми интересными сторонами жизни, которыхъ не имѣли мы случая испытать или наблюдать въ дѣйствительности.

„Воспроизведеніе жизни — общій характеристическій признакъ искусства, составляющій сущность его: часто произведенія искусства имѣютъ и другое значеніе — объясненіе жизни; часто имѣютъ они и значеніе приговора о явленіяхъ жизни.„

Съ нѣкоторыми изъ этихъ тезисовъ можно согласиться только съ извѣстными оговорками, придающими имъ болѣе широкій смыслъ. Съ однимъ изъ нихъ даже вовсе нельзя согласиться, именно, нельзя сказать, что „трагическое по понятіямъ новаго европейскаго образованія есть ужасное въ жизни человѣка.“ Совершенно вѣрно, что „трагическое не имѣетъ существенной связи съ идеей судьбы.“ Но несомнѣнна связь его съ идеей необходимости. Не все ужасное въ жизни человѣка трагично. Ужасна судьба людей, на которыхъ обрушиваются, напр., стѣны строющагося дома; но трагична она можетъ быть только для нѣкоторыхъ изъ нихъ, именно для тѣхъ, въ жизни которыхъ были извѣстныя обстоятельства (великіе замыслы, широкія политическія стремленія), придающія трагическій смыслъ случайной смерти ихъ отъ груды кирпичей. Однако, во взятомъ нами примѣрѣ трагическое все еще тѣсно связано съ случайностью, поэтому оно не есть трагическое въ настоящемъ смыслѣ этого слова. Истинно трагическое основывается на идеѣ объ *исторической необходимости*. Истинно трагична судьба Гракховъ, планы и сама жизнь которыхъ разбились отъ неспособности римскихъ пролетаріевъ къ политической самодѣятельности. Истинно трагична судьба Робеспьера и С. Жюста, погибшихъ отъ неотразимыхъ и неизбѣжныхъ противорѣчій въ ихъ историческомъ положеніи между различными классами французскаго общества, боровшимися за преобладаніе. Вообще истинный трагизмъ создается столкновеніемъ сознательныхъ стремленій человѣческой личности, по необходимости ограниченной и болѣе или менѣе односторонней

со слѣпыми силами историческаго движенія, дѣйствующими подобно законамъ природы. Чернышевскій не обратилъ и не могъ обратить вниманія на эту сторону дѣла, потому что его борьба противъ матеріализма ограничивалась еще областью отвлеченныхъ философскихъ положеній. Въ этой борьбѣ онъ опять дошелъ до крайностей разсудочности и просто приравнялъ трагическое къ ужасному. А между тѣмъ, еслибы онъ припомнилъ хоть бы то объясненіе трагическаго, которое Гегель дѣлаетъ на примѣрѣ софокловой „Антигоны,“ онъ увидѣлъ бы, что можно говорить о необходимости, не будучи идеалистомъ. Гегель указываетъ въ „Антигонѣ“ столкновеніе двухъ правъ, родового и государственнаго. Представительницей перваго является Антигона, представителемъ второго Креонъ. Борьба этихъ двухъ правъ несомнѣнно играла огромную роль въ исторіи и можно, ни мало не грѣша идеализмомъ, поставить трагическое въ связь съ подобнаго рода борьбою. Чернышевскій не видитъ этого, потому что онъ какъ будто забываетъ объ исторіи въ своемъ изслѣдованіи. Это тѣмъ болѣе досадно, что еслибы Чернышевскій своевременно вспомнилъ о своемъ правилѣ: теорія искусства должна основываться на исторіи искусства, ему можетъ быть удалось бы придать эстетикѣ совершенно новое теоретическое основаніе. Доказывая свой тезисъ, что прекрасное есть жизнь, онъ дѣлаетъ чрезвычайно мѣткое замѣчаніе о томъ, что различные классы общества имѣютъ различные идеалы красоты въ зависимости отъ экономическихъ условій ихъ существованія. Мѣсто это такъ важно, что мы приведемъ его почти цѣликомъ.

„Хорошая жизнь, жизнь, какъ она должна быть, у простого народа состоитъ въ томъ, чтобы сытно ѣсть, жить въ хорошей избѣ, спать вдоволь; но вмѣстѣ съ этимъ у поселянина понятіе „жизнь“ всегда заключается въ понятіи о работѣ: жить безъ работы нельзя; да и скучно было бы. Слѣдствіемъ жизни въ довольствѣ, при большой работѣ, не доходящей однако до изнуренія силъ, у молодого поселянина или сельской дѣвушки будетъ чрезвычайно свѣжій цвѣтъ лица и румянецъ во всю щеку — первое условіе красоты по простонароднымъ понятіямъ. Работая много, поэтому будучи крѣпка сложеніемъ, сельская дѣвушка при сытной пищѣ будетъ довольно плотна, — это также необходимое условіе красавицы сельской; свѣтская, „полувоздушная красавица“ кажется поселянину рѣшительно „невзрачной,“ даже производитъ на него непріятное впечатлѣніе; потому что онъ привыкъ считать „худобу“ слѣдствіемъ болѣзненности или „горькой доли.“ Но работа не даетъ разжирѣть: если сельская дѣвушка толста, это родъ болѣзненности, знакъ „рыхлаго“ сложенія, и народъ считаетъ большую полноту недостаткомъ; у сельской красавицы не можетъ быть маленькихъ ручекъ и ножекъ, потому что она много работаетъ — объ этихъ принадлежностяхъ красоты и не упоминается въ нашихъ пѣсняхъ. Однимъ словомъ въ описаніяхъ красавицы въ народныхъ пѣсняхъ не найдется ни одного признака красоты, который не былъ бы выраженіемъ цвѣтущаго здоровья и равновѣсія силъ въ организмѣ, всегдашняго слѣдствія жизни въ довольствѣ при постоянной и нешуточной, но не чрезмѣрной работѣ. Со-

вершенно другое дѣло свѣтская красавица: уже нѣсколько поколѣній предки ея жили, не работая руками; при бездѣйственномъ образѣ жизни, крови льется въ конечности мало; съ каждымъ новымъ поколѣніемъ мускулы рукъ и ногъ слабѣютъ, кости дѣлаются тоньше; необходимымъ слѣдствіемъ всего этого должны быть маленькія ручки и ножки — онѣ признакъ такой жизни, которая одна и кажется жизнью для высшихъ классовъ общества — жизни безъ физической работы; если у свѣтской женщины большія руки и ноги, это признакъ или того, что она дурно сложена, или того, что она не изъ старинной, хорошей фамиліи.... Здоровье, правда, никогда не можетъ потерять своей цѣны въ глазахъ человѣка; потому что и въ довольствѣ и въ роскоши плохо жить безъ здоровья, — вслѣдствіе того румянецъ на щекахъ и цвѣтущая здоровьемъ свѣжесть продолжаютъ быть привлекательными и для свѣтскихъ людей; но болѣзненность, слабость, вялость, томность также имѣютъ въ глазахъ ихъ достоинство красоты, какъ скоро кажутся слѣдствіемъ роскошно-бездѣйственнаго образа жизни. Блѣдность, томность, болѣзненность имѣютъ еще другое значеніе для свѣтскихъ людей: если поселянинъ ищетъ отдыха, спокойствія, то люди образованнаго общества, у которыхъ матеріальной нужды и физической усталости не бываетъ, но которымъ за то часто бываетъ скучно отъ бездѣлья и отсутствія матеріальныхъ заботъ, ищутъ „сильныхъ ощущеній, волненій, страстей," которыми придается цвѣтъ, разнообразіе, увлекательность свѣтской жизни, безъ того монотонной и безцвѣтной. А отъ сильныхъ ощущеній, отъ пылкихъ страстей человѣкъ скоро изнашивается: какъ же не очаровываться томностью, блѣдностью красавицы, если томность и блѣдность ея служатъ признакомъ, что она много жила?"*)

Понятія людей о красотѣ выражаются въ произведеніяхъ искусства. Понятіе о ней различныхъ общественныхъ классовъ, какъ мы видѣли, очень различны, иногда даже противоположны. Тотъ классъ, который господствуетъ въ данное время въ обществѣ, господствуетъ также въ литературѣ и въ искусствѣ. Онъ вноситъ въ нихъ свои взгляды и свои понятія. Но въ развивающемся обществѣ въ разное время господствуютъ разные классы. Притомъ же всякій данный классъ имѣетъ свою исторію: онъ развивается, доходитъ до процвѣтанія и господства и, наконецъ, клонится къ упадку. Сообразно съ этимъ измѣняются и его литературные взгляды, и его эстетическія понятія. Поэтому въ исторіи мы встрѣчаемся съ различными литературными взлядами и съ различными эстетическими понятіями людей: понятія и взгляды, господствовавшіе въ одну эпоху, оказываются устарѣвшими въ другую. Чернышевскій показалъ, что эстетическія понятія людей стоятъ въ тѣсной причинной связи съ ихъ экономическимъ бытомъ. Это — открытіе геніальное въ полномъ смыслѣ слова. Ему оставалось только прослѣдить дѣйствіе открытаго имъ принципа черезъ всю исторію человѣчества съ ея смѣною различныхъ господстующихъ классовъ, — и онъ сдѣлалъ бы величайшій переворотъ въ эстетикѣ, тѣсно связавши теорію искусства съ

*) Соч. Чернышевскаго, т. I стр. 44, 45, 46.

новѣйшимъ матеріалистическимъ пониманіемъ исторіи. Но мы знаемъ, что ему самому въ значительной степени чуждо было такое пониманіе исторіи. Поэтому онъ и не могъ докончить столь блестяще начатаго дѣла; поэтому же и въ его *Эстетическихъ отношеніяхъ искусства къ дѣйствительности* мы встрѣчаемъ гораздо меньше истинно матеріалистическихъ замѣчаній объ исторіи искусства, чѣмъ напр. въ „Эстетикѣ" „абсолютнаго идеалиста" Гегеля *). Въ диссертаціи Чернышевскаго особенно ярко отражаются, какъ мы уже сказали, всѣ недостатки и всѣ достоинства его пріемовъ мышленія.

V

Лѣвая сторона гегельянской школы, къ которой, подобно своимъ литературнымъ предшественникамъ, принадлежалъ Н. Г. Чернышевскій, въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи примкнула, какъ извѣстно, къ соціализму. Примкнули къ нему и русскіе гегельянцы лѣвой стороны. Извѣстно, какъ увлекался соціализмомъ Бѣлинскій. Въ его сочиненіяхъ есть статьи, обнаруживающія очень глубокое для того времени пониманіе отношеній западнаго пролетаріата къ буржуазіи**). Чернышевскій явился въ этомъ отношеніи, какъ и во всѣхъ другихъ, прямымъ и непосредственнымъ продолжателемъ дѣла Бѣлинскаго. Само собою разумѣется, что онъ пошелъ дальше Бѣлинскаго. Онъ не только *увлекался* соціализмомъ, онъ хорошо изучилъ доступную ему соціалистическую и экономическую литературу. Онъ говорилъ о соціализмѣ не только тогда, когда это приходилось къ слову въ статьяхъ, посвященныхъ другимъ вопросамъ. Его литературная дѣятельность была направлена почти исключительно на распространеніе въ русской читающей публикѣ соціалистическихъ ученій. Въ виду этого, мы обязаны по возможности подробно характеризовать отношеніе Чернышевскаго къ западно-европейскому соціализму.

Въ настоящее время, кто говоритъ о соціализмѣ — говоритъ объ ученіи Маркса, или не говоритъ ровно ничего, заслуживающаго вниманія. Въ то время, къ которому относятся рѣшительные годы въ развитіи Чернышевскаго (конецъ 40-хъ и начало 50-хъ годовъ), это было еще не такъ. Ученіе Маркса далеко не достигло еще господства, оно еще только слагалось, вырабатывалось и крѣпло въ борьбѣ съ другими соціалистическими теоріями. Главнѣйшія произведенія школы Маркса еще не появлялись тогда въ печати. Тогда еще вполнѣ позволительно было считать себя соціалистомъ и не имѣть о Марксѣ никакого понятія. Тогда еще сильно было вліяніе

*) См. напр. замѣчанія Гегеля объ исторіи голландской живописи, съ которыми почти безусловно можетъ согласиться любой изъ современныхъ матеріалистовъ-діалектиковъ (Aesthetik, I Band, p, 217, 218; B. II p. 217-223). Подобныхъ замѣчаній много разсѣяно въ его „Эстетикѣ."

**) См., напр., его статью объ Эженѣ Сю въ VII части полнаго собранія его сочиненій.

такъ называемыхъ теперь соціалистовъ-утопистовъ, въ особенности Фурье и Оуэна. Даровитые соціалисты того времени всѣ испытали на себѣ это вліяніе, собственными силами дополняя теоріи своихъ учителей и устраняя изъ нихъ ненаучные, фантастическіе элементы. Чернышевскій находился именно въ такомъ положеніи. Мы уже говорили, что о произведеніяхъ школы Маркса онъ не имѣлъ никакого понятія. Правда, еще Бѣлинскій съ восторгомъ читалъ парижскіе „Deutsch-Französiche Jahrbücher", первые и послѣдніе два номера которыхъ изданы были Арнольдомъ Ругэ въ сотрудничествѣ съ Марксомъ и Энгельсомъ. Но вліяніе этого журнала на русскую публику не было настолько сильно, чтобы безповоротно опредѣлить направленіе русской соціалистической мысли. Она еще долго, очень долго, гораздо дольше, чѣмъ слѣдовало, развивалась безъ всякаго вліянія научныхъ трудовъ Маркса. Неудивительно, что, при выработкѣ своихъ соціалистическихъ воззрѣній, Чернышевскій не принималъ въ разсчетъ новѣйшаго направленія соціализма, который уже и раньше игралъ немалую роль въ исторіи нѣмецкаго рабочаго движенія, а со второй половины 60-хъ годовъ сдѣлался господствующимъ среди всего европейскаго рабочаго класса. Какъ человѣкъ, получившій правильное, научное образованіе, Чернышевскій былъ совершенно чуждъ странныхъ фантазій, перемѣшанныхъ въ ученіи Фурье съ геніальными взглядами на исторію и современный бытъ человѣчества. Къ ученію Сенъ Симона онъ всегда относился очень критически. Робертъ Оуэнъ, святой старикъ, какъ называетъ его Лопуховъ въ романѣ „Что дѣлать?", всегда былъ очень симпатиченъ Чернышевскому. Но трезвый умъ нашего автора рѣдко позволялъ ему обольщаться надеждами Оуэна на помощь угнетенному большинству со стороны коронованныхъ особъ и высшаго класса. Изучая западно-европейскія общественныя отношенія, Чернышевскій, можно сказать, невольно приходилъ къ тому выводу, который легъ впослѣдствіи въ основу программы Интернаціонала и который гласитъ, что освобожденіе рабочихъ должно быть дѣломъ самихъ рабочихъ. Тѣмъ не менѣе, взглядъ нашего автора на историческія задачи рабочаго класса отличается такою неясностью, которая можетъ показаться странною читателю нашего времени. Чернышевскій не выдѣляетъ пролетаріата изъ общей массы страдающаго и угнетеннаго народа. Для обозначенія рабочаго класса, долженствующаго освободить себя своими собственными усиліями, Чернышевскій употребляетъ выраженіе, очень характерное для русскаго писателя и въ то же время обнаруживающее всю неясность его представленія о роли пролетаріата въ западно-европейской исторіи. Чернышевскій называетъ рабочій классъ запада *простонародьемъ* и представляетъ себѣ его нужды и задачи почти совершенно такъ, какъ могъ представлять себѣ русскій образованный и гуманный человѣкъ нужды и задачи русскаго „простонародья" того времени. Въ одной изъ своихъ статей, написанныхъ, впрочемъ, въ пылу полемики, вызванной вопросомъ объ освобожденіи крестьянъ, нашъ авторъ доходитъ даже до слѣдущихъ странныхъ представленій о взглядахъ западно-европейскихъ демократовъ. Онъ утверждаетъ, что политическая свобода не имѣетъ никакого значенія для народной массы и что поэтому защитники

народныхъ интересовъ могутъ оставаться равнодушными къ политикѣ. Вотъ какъ опредѣляетъ онъ политическіе взгляды либераловъ съ одной стороны и „демократовъ" съ другой*). „У либераловъ и демократовъ существенно различны коренныя желанія, основныя побужденія. Демократы имѣютъ въ виду по возможности уничтожить преобладаніе высшихъ классовъ надъ низшими въ государственномъ устройствѣ, съ одной стороны уменьшить силу и богатство высшихъ сословій, съ другой дать болѣе вѣса и благосостоянія низшимъ сословіямъ. Какимъ путемъ измѣнить въ этомъ смыслѣ законы и поддержать новое устройство общества, *для нихъ почти все равно* **). Напротивъ того, либералы никакъ не согласятся предоставить перевѣсъ въ обществѣ низшимъ сословіямъ, потому что эти сословія по своей необразованности и матеріальной скудости равнодушны къ интересамъ, которые выше всего для либеральной партіи, именно къ праву свободной рѣчи и конституціонному устройству. Для демократа — наша Сибирь, въ которой простонародье пользуется благосостояніемъ, гораздо выше Англіи, въ которой большинство народа терпитъ сильную нужду. Демократъ изъ всѣхъ политическихъ учрежденій непримиримо враждебенъ только одной — аристократіи (но не абсолютизму?); либералъ почти всегда находитъ, что только при извѣстной степени аристократизма общество можетъ достичь либеральнаго устройства. Потому либералы питаютъ къ демократамъ смертельную непріязнь, говоря, что демократизмъ ведетъ къ деспотизму и гибеленъ для свободы" ***).

Статья, изъ которой мы заимствуемъ эти строки, была написана, какъ мы уже сказали, въ самый разгаръ полемики по крестьянскому вопросу. Очень возможно, что Чернышевскій написалъ ее, нѣкоторымъ образомъ, ad usum delphini, желая показать русскому правительству, что ему не слѣдуетъ бояться русскихъ демократовъ, все вниманіе которыхъ дѣйствительно сосредоточилось въ теченіи нѣкотораго времени на экономическомъ положеніи освобождаемаго крестьянства. Впослѣдствіи, въ особенности въ своихъ „Письмахъ безъ адресса," Чернышевскій высказывалъ уже новый взглядъ на значеніе политической свободы для народнаго благосостоянія. Но все таки приведенное мнѣніе остается очень характернымъ фактомъ въ исторіи русскаго политическаго сознанія. Оно несомнѣнно должно было оказать свое вліяніе на подрастающую русскую демократію, которая до самаго конца 70-хъ годовъ продолжала питать глубокое презрѣніе къ „политикѣ." Конечно, это объясняется не однимъ только вліяніемъ Чернышевскаго, — много сдѣлала въ этомъ отношеніи анархическая пропаганда Бакунина. Но шаткость и неопредѣленность политическихъ взглядовъ любимаго учителя русской молодежи навѣрное внес-

*) Не нужно забывать, что о соціалистахъ трудно было говорить по цензурнымъ условіямъ.

**) Курсивъ нашъ.

***) Борьба партій во Франціи при Людовикѣ XVIII и Карлѣ X. Перепечатано въ третьемъ выпускѣ „Русской соціально-демократической Библіотеки" Женева 1875, стр. 5, 6.

ла свою лепту въ послѣдующія програмныя скитанія русскихъ революціонеровъ. Что взгляды Чернышевскаго на политическія задачи западно-европейскаго пролетаріата никогда не отличались большой ясностью, лучше всего показываетъ слѣдующее мнѣніе его о значеніи всеобщаго избирательнаго права. Мы заимствуемъ это мнѣніе изъ статьи „Іюльская монархія,“ написанной уже въ 1860-омъ году, т. е. въ то время, когда, окончательно разочаровавшись въ правительственной постановкѣ крестьянскаго вопроса, онъ не могъ уже ничего писать ad usum delphini. Чернышевскій обращается между прочимъ въ этой статьѣ къ тѣмъ „лучшимъ людямъ,“ которые, увидѣвъ, что введеніемъ всеобщаго избирательнаго права во Франціи воспользовались реакціонеры и обскуранты, перестали придавать ему значеніе. Чернышевскій успокоиваетъ ихъ не тѣмъ соображеніемъ, что реакціонеры и обскуранты могли воспользоваться результатомъ всеобщаго избирательнаго права только послѣ избіенія іюньскихъ инсургентовъ. Онъ не говоритъ имъ, что всеобщее избирательное право безусловно необходимо для политическаго воспитанія рабочаго класса. Онъ просто указываетъ на неразвитость „поселянъ„. „Прямой результатъ декрета (вводившаго названное право во Франціи), говоритъ онъ, противорѣчилъ ожиданіямъ всѣхъ честныхъ французовъ. Но что же изъ этого? Развѣ все таки не послужилъ этотъ декретъ на нѣкоторую пользу французскому обществу? Теперь увидѣли, что невѣжество поселянъ губитъ Францію. Пока не имѣли они голоса, никому не было заботы объ этой страшной бѣдѣ. Никто не замѣчалъ, что въ основѣ всѣхъ событій французской исторіи всегда лежало невѣжество поселянъ. Болѣзнь была тайная и оставшаяся безъ лѣченія; но все таки она изнуряла весь организмъ. Когда поселяне явились на выборы, тогда замѣчено было наконецъ, въ чемъ сущность дѣла. Увидѣли, что ничего истинно полезнаго не можетъ быть осуществлено во Франціи, пока честные люди не займутся воспитаніемъ поселянъ. Теперь это дѣлается, и усилія все же не остаются совершенно безплодными. Раньше или позже поселяне станутъ разсудительнѣе, и тогда прогрессъ для Франціи станетъ легче. Успокоимся же: хотя бы всеобщее избирательство и не удержалось при возстановленіи законныхъ учрежденій во Франціи, хотя бы горькіе плоды, принесенные декретомъ о немъ, и заставили общественное мнѣніе на время отвергнуть всеобщее избирательство, все таки декретъ о немъ при великомъ прямомъ вредѣ, принесъ косвеннымъ образомъ несравненно большую пользу*).

Здѣсь, какъ видимъ, нѣтъ рѣчи ни о борьбѣ классовъ во французскомъ обществѣ, ни о революціонной роли французскаго пролетаріата. Всѣ надежды нашего автора возлагаются на какихъ то честныхъ людей, которые займутся воспитаніемъ поселянъ, вслѣдствіе чего „прогрессъ для Франціи станетъ легче.“ Это очень странно звучитъ въ настоящее время. Но опять таки не нужно забывать, что пролетаріатъ былъ для Чернышевскаго „простонародьемъ,“ мало отличавшимся по своимъ свойствамъ, стремленіямъ и зада-

---

*) Іюльская монархія въ „Русской соціально-демократической Библіотекѣ“. Женева 1875 г. стр. 58 59.

чамъ отъ другихъ слоевъ трудящагося населенія. Въ особенностяхъ экономическаго положенія западно-европейскаго пролетаріата Чернышевскій если и видѣлъ что-либо революціонное, то развѣ въ томъ смыслѣ, что экономическія бѣдствія вызываютъ неудовольствіе рабочихъ. Но такъ какъ и другіе слои трудящагося населенія переносятъ немалыя бѣдствія, то революціонное настроеніе въ ихъ средѣ казалось ему столь же естественнымъ, какъ и въ средѣ пролетаріата. Когда Чернышевскій защищалъ русское общинное землевладѣніе, то въ числѣ выгодъ приносимыхъ имъ, онъ указывалъ на то обстоятельство, что оно спасаетъ насъ отъ „язвы пролетаріатства.“ Правда, при этомъ ему, очевидно, не разъ вспоминались слова реакціонеровъ, въ родѣ барона Гакстгаузена или Тенгоборскаго, утверждавшихъ, что „язва пролетаріатства“ является источникомъ революціонныхъ движеній въ западной Европѣ. И ему приходили сомнѣнія относительно выгодъ, которыя принесетъ съ собою устраненіе названной „язвы“ дѣлу русскаго прогресса. Но онъ отвѣчалъ себѣ на эти сомнѣнія такого рода замѣчаніемъ. „Землевладѣльческій классъ, хотя и всегда пользовался у насъ землею по общинному порядку, не всегда являлся въ русской исторіи съ тѣмъ неподвижнымъ характеромъ, какой воображаетъ видѣть въ немъ Тенгоборскій, слишкомъ довѣрившись общей обычной фразѣ о неподвижности, свойственной землевладѣльцу въ западной Европѣ, и примѣнивъ эту бездоказательную фразу къ русскому поселянину. Намъ здѣсь нѣтъ нужды толковать, каковъ характеръ западно-европейскаго поселянина. Напомнимъ только о томъ, что казаки были большей частью изъ поселянъ, и что съ начала XVII вѣка почти всѣ драматическіе эпизоды въ исторіи русскаго народа были совершены энергіей земледѣльческаго населенія“. Здѣсь крестьянскія войны ставятся, какъ видимъ, по своему значенію на одну доску съ революціонными движеніями новѣйшаго пролетаріата, — смѣшеніе совершенно невозможное для соціалиста настоящаго времени.

Въ глазахъ современнаго соціалиста революціонныя движенія рабочаго класса являются результатомъ борьбы классовъ въ обществѣ, сложившемся на основѣ крупной промышленности. Современный соціалистъ видитъ залогъ торжества своего дѣла въ дальнѣйшемъ развитіи этой самой промышленности. Чернышевскій не такъ смотрѣлъ на этотъ вопросъ. Его взгляды на него сильно окрашены самымъ недвусмысленнымъ идеализмомъ. Вотъ какъ разсуждаетъ онъ объ этомъ предметѣ въ своей рецензіи на книгу Бруно Гильдебранда, „Политическая экономія настоящаго и будущаго.“ „То, что истинно человѣчно, истинно разумно, найдетъ себѣ симпатію во всѣхъ народахъ... Разумъ одинъ и тотъ же подъ всѣми широтами и долготами, у всѣхъ чернокожихъ и свѣтлорусыхъ людей. Конечно, въ американскихъ степяхъ живутъ другіе люди, чѣмъ въ русскихъ деревняхъ, и на Сандвичевыхъ островахъ обитаютъ господа, непохожіе на англійскихъ джентльменовъ; но вѣдь и русскому мужику и дикарю, также какъ и высокопочтенному римскому кардиналу, хочется, думаемъ мы, ѣсть, а затѣмъ, чтобы ѣсть, хочется что нибудь имѣть. Стремленіе къ улучшенію своего положенія составляетъ существенное свойство

всего человѣчества. Еслибы новыя теоріи были противны природѣ человѣка, онѣ и не пошли бы дальше той страны и тѣхъ людей, которымъ угодно было выдумать ихъ, не стремились бы къ нимъ всѣ народы образованнаго міра*). Едва-ли нужно повторять, что народы образованнаго міра стремятся къ соціализму не потому, что онъ согласенъ съ „природой человѣка“ (это еще ничего не доказываетъ), а единственно потому, что онъ согласенъ съ природой экономическаго состоянія современнаго намъ цивилизованнаго человѣчества.

При указанныхъ взглядахъ на соціализмъ, какъ могли представляться Чернышевскому практическія задачи соціалистической партіи? По цензурнымъ условіямъ ему рѣдко приходилось говорить о нихъ въ печати, но онъ все таки настолько опредѣленно высказался на этотъ счетъ, что сомнѣніе возможно только относительно частностей: общій характеръ его практическихъ стремленій достаточно ясенъ.

Замѣтимъ прежде всего, что Чернышевскій по своему трезвому уму и всегдашнему стремленію къ практической дѣятельности не могъ принадлежать къ числу тѣхъ соціалистовъ, которые требуютъ, чтобы человѣчество цѣликомъ приняло ихъ утопіи и считаютъ безплодными или даже прямо вредными всѣ частныя экономическія реформы. Таковы, напр., современные анархисты, если только позволительно называть анархистовъ соціалистами, хотя бы и не въ строгомъ, а только въ разговорномъ смыслѣ слова. Чернышевскій ѣдко смѣется надъ подобными фантазерами. „Во имя высшихъ идеаловъ отвергать какое нибудь, хотя бы и не вполнѣ совершенное улучшеніе дѣйствительности — значитъ слишкомъ уже идеализировать и потѣшаться безплодными теоріями.“ По его мнѣнію, у людей, склонныхъ къ такимъ потѣхамъ, „дѣло кончается большею частью тѣмъ, что послѣ напряженныхъ усилій подняться до своего идеала, они опускаются такъ, что уже вовсе не имѣютъ передъ собою никакого идеала.“ Это уже не въ бровь, а прямо въ глазъ современнымъ анархистамъ. Но дѣло не въ томъ. Посмотримъ, какъ же смотрѣлъ самъ Чернышевскій на реформы, полезныя и возможныя съ соціалистической точки зрѣнія?

Извѣстно, что современные соціаль-демократы также не только не отрицаютъ значенія частныхъ экономическихъ реформъ, но очень настойчиво требуютъ ихъ. Принимаемыя ими въ разныхъ странахъ программы частныхъ реформъ или такъ называемыхъ минимальныхъ требованій стоятъ въ тѣсной связи съ ихъ конечными стремленіями. Они хотятъ, чтобы реформы, вытребованныя ими у современныхъ правительствъ, облегчали имъ приближеніе къ конечной цѣли, чтобы онѣ были послѣдовательнымъ рядомъ побѣдъ экономіи Труда надъ экономіей Капитала. Чернышевскій понималъ, что требуемыя соціалистами реформы должны быть сообразованы съ ихъ конечной цѣлью. Но конечная цѣль соціализма не представлялась ему съ такой ясностью, съ какою представляется она новѣйшимъ соціаль-демократамъ. Само торжество соціализма отодвигалось въ его представленіяхъ въ

---

*) Современникъ, мартъ 1861, Новыя книги, стр. 71.

довольно неопредѣленную даль, должно было явиться результатомъ „вѣковыхъ опытовъ" человѣчества. Поэтому и программа желательныхъ для него частныхъ реформъ не могла отличаться опредѣленностью. Въ общемъ можно сказать однако, что, такъ какъ соціалистическій строй представлялся Чернышевскому въ видѣ ассоціацій, то онъ отстаивалъ все, въ чемъ видѣлъ хоть малѣйшій намекъ на принципъ ассоціаціи. Съ точки зрѣнія большей легкости введенія ассоціацій Чернышевскій отстаивалъ и русское общинное землевладѣніе. Община представлялась ему готовой исторической подкладкой для земледѣльческихъ ассоціацій. Заведеніе ассоціацій рекомендуетъ онъ русскимъ соціалистамъ и въ романѣ „Что дѣлать?" Очень интересенъ тотъ историческій фактъ, что проповѣдь ассоціацій велась одновременно въ Россіи и въ Германіи. Въ 1863 году появился романъ Чернышевскаго, съ выходомъ котораго начинается у насъ цѣлый рядъ попытокъ устройства производительныхъ ассоціацій Въ томъ же1863 году Лассаль рекомендуетъ нѣмецкимъ рабочимъ ассоціаціи, какъ единственное средство хоть нѣкотораго улучшенія ихъ быта. Но какая разница въ постановкѣ этого вопроса у насъ и въ Германіи! Въ романѣ Чернышевскаго, ставшемъ на время програмкой русскихъ соціалистовъ, устройствомъ ассоціацій занимаются отдѣльныя, гуманныя, образованныя личности: Вѣра Павловна и ея друзья. Къ этому дѣлу привлекается даже просвѣщенный священникъ Мерцаловъ, играющій, по его собственному выраженію, роль „щита" въ устроенныхъ Вѣрой Павловной мастерскихъ. О политической самодѣятельности класса, заинтересованнаго въ устройствѣ ;такихъ ассоціацій, романъ не говоритъ ни слова. Не говорили о ней ни слова и тѣ люди 60-хъ годовъ, которые пытались осуществить предложенную Чернышевскимъ программу. Напротивъ, первымъ словомъ Лассалевской агитаціи было указаніе рабочимъ на необходимость съ ихъ стороны политической самодѣятельности. Лассаль требовалъ, чтобы рабочіе, сплотившись въ особую политическую партію и пріобрѣтя вліяніе на ходъ дѣлъ въ странѣ, заставили правительство дать имъ необходимыя для заведенія ассоціацій деньги. Въ проэктѣ Лассаля дѣло заведенія ассоціацій имѣетъ широкій, общественный характеръ. Ассоціаціямъ, вводимымъ усиліями отдѣльныхъ, просвѣщенныхъ лицъ, Лассаль не придавалъ ровно никакого значенія. По сравненію съ Лассалемъ Чернышевскій является въ своемъ романѣ настоящимъ утопистомъ. По сравненію съ Чернышевскимъ Лассаль является въ своей агитаціи истиннымъ представителемъ новѣйшаго соціализма. Это различіе происходитъ не отъ того, чтобы Лассаль былъ въ умственномъ отношеніи выше Чернышевскаго. Можно съ увѣренностью сказать, что по своимъ умственнымъ силамъ Чернышевскій нимало не уступалъ Лассалю. Но русскій соціалистъ былъ сыномъ своей страны, политическая и экономическая отсталость которой придавала всѣмъ его практическимъ планамъ и даже многимъ теоретическимъ взглядамъ характеръ утопій. Въ своихъ практическихъ планахъ заведенія ассоціацій онъ былъ гораздо ближе къ Шульце-Деличу, чѣмъ къ Лассалю. Но съ другой стороны, замѣтимъ, что и Лассаль въ своихъ практическихъ планахъ является истиннымъ представителемъ новѣйша-

го соціализма только по сравненію съ Чернышевскимъ. Тѣ люди, которые на самомъ дѣлѣ были истинными представителями и основателями новѣйшаго соціализма, Марксъ и Энгельсъ, находили, что и Лассалевскіе планы представляютъ собою не болѣе какъ утопію. Они отказались поддержать знаменитаго агитатора именно потому, что не хотѣли питать въ нѣмецкомъ рабочемъ классѣ склонности къ экономическимъ утопіямъ.

Годы, рѣшительные для развитія Чернышевскаго, относятся къ тому времени, когда западно-европейскій пролетаріатъ, подавленный послѣ революцій 48 года, не подавалъ никакихъ признаковъ политической жизни. Наблюдая его со стороны и не имѣвъ возможности по личнымъ наблюденіямъ познакомиться съ движеніями пролетаріата въ предшествующую эпоху, Чернышевскій естественно не имѣлъ повода задуматься объ его исторической роли. Даже признавая въ принципѣ, что пролетаріатъ долженъ освободить себя собственными усиліями, Чернышевскій, тѣмъ не менѣе склонялся иногда къ чрезвычайно страннымъ практическимъ планамъ облегченія его участи. Говоря это, мы имѣемъ въ виду статью, напечатанную въ майской книжкѣ „Современника" за 1861 годъ, въ отдѣлѣ иностранной литературы. Очень возможно, даже вѣроятно, что статья эта не принадлежитъ лично Чернышевскому. Но такъ какъ она касается экономическихъ вопросовъ и такъ какъ черезъ руки Чернышевскаго проходило въ „Современникѣ" все, что имѣло хоть какое нибудь отношеніе къ этимъ вопросамъ, то, разумѣется, она не могла бы быть напечатана, если бы противорѣчила взглядамъ нашего автора. Во всякомъ случаѣ она должна быть признана очень характерной для взглядовъ кружка „Современника" на соціальный вопросъ. Въ началѣ статьи авторъ высказываетъ очень дѣльныя замѣчанія о томъ, что пролетаріатъ представляетъ собою явленіе, свойственное исключительно новой исторіи. „Только въ нынѣшнемъ столѣтіи онъ явился на западѣ Европы въ видѣ сознательнаго, самостоятельнаго цѣлаго. До XIX столѣтія бѣдныхъ, нуждавшихся въ общей помощи, было, можетъ быть, больше, чѣмъ теперь, но о пролетаріатѣ не было рѣчи. Онъ плодъ новой исторіи." Далѣе авторъ дѣлаетъ справедливое замѣчаніе о томъ, что женскій промышленный трудъ послужитъ залогомъ семейнаго освобожденія женщины. Читая это, можно подумать, что имѣешь дѣло съ человѣкомъ, вполнѣ стоящимъ на точкѣ зрѣнія современнаго соціализма. Но разочарованіе является тотчасъ же, какъ только рѣчь заходитъ о практическихъ способахъ улучшенія участи пролетаріата. Именно, говоря о ліонскихъ ткачахъ шелковыхъ издѣлій, авторъ видитъ спасеніе ихъ въ „децентрализаціи производства," въ заведеніи мастерскихъ внѣ города, въ соединеніи ткацкаго труда съ сельскимъ хозяйствомъ. По мнѣнію автора, соединеніе занятій ткацкимъ ремесломъ съ сельскимъ хозяйствомъ сильно увеличитъ благосостояніе рабочаго. Другой источникъ возможнаго увеличенія благосостоянія ткачей видитъ онъ въ дешевизнѣ сырыхъ припасовъ въ деревняхъ. Вотъ подлинныя слова его. „Для ліонскаго рабочаго начало освобожденія его отъ хозяина заключается въ устройствѣ своей собственной мастерской внѣ города. Но какъ завести ее? На чьи день-

ги? На хозяевъ и на фабрикантовъ можно надѣяться въ видѣ исключенія, и вотъ почему нужно искать поддержки въ правительствѣ, его деньгахъ. Только при кредитѣ, открытомъ правительствомъ ліонскому пролетарію, онъ освободится отъ эксплуатаціи его труда капиталистомъ и получитъ возможность встать на свои ноги.“ Но авторъ опасается, что рабочіе не захотятъ переселиться въ деревни. „Городская жизнь для многихъ изъ нихъ представляетъ пріятныя особенности, которыхъ они не найдутъ въ сельской жизни... Но это зло переходное. Нельзя ожидать, разумѣется, чтобы всѣ рабочіе сразу переселились изъ Ліона въ его окрестности; но и нѣтъ никакихъ основаній думать, чтобы польза такого переселенія не входила все болѣе и болѣе въ общее сознаніе рабочихъ. Нѣсколько удачныхъ примѣровъ, и рабочій увидитъ выходъ изъ своего настоящаго печальнаго положенія. Для начала будетъ достаточно, если образуются маленькія хозяйства и мастерскія отдѣльныхъ семействъ, а тамъ ужь не труденъ переходъ къ товариществу и къ устройству на общій счетъ фабрикъ съ механическими двигателями“ *). Мы нисколько не удивились бы, еслибы прочли подобный планъ въ сочиненіяхъ г. Успенскаго или кого нибудь изъ „субъективныхъ“ русскихъ „соціологовъ“. Но въ журналѣ Чернышевскаго онъ производитъ странное, тяжелое впечатлѣніе. Видно, что человѣку, придумавшему такой планъ, равно какъ и людямъ, напечатавшимъ его въ своемъ журналѣ, совсѣмъ еще не ясно, какимъ это образомъ освобожденіе рабочихъ можетъ быть дѣломъ самыхъ рабочихъ. Для современныхъ соціаль-демократовъ дѣло вполнѣ понятно: *экономическое* освобожденіе пролетаріата явится слѣдствіемъ его *политическаго* господства, захвата имъ политической власти въ свои руки. Авторъ приведеннаго плана экономическаго освобожденія ліонскихъ ткачей отводитъ главную роль въ этомъ освобожденіи правительству Наполеона III. По этому проэкту оно должно было взять на себя починъ и постепенно пріучить рабочихъ къ мысли о переселеніи въ деревни. Такимъ образомъ рабочіе являлись бы пассивнымъ предметомъ благодѣтельнаго воздѣйствія бонапартовскаго правительства. Это кореннымъ образомъ расходится со взглядами соціаль-демократовъ, не говоря уже объ экономической сторонѣ проэкта, не выдерживающей никакой критики. Но появленіе такихъ проэктовъ на страницахъ „Современника“ было, если угодно, понятно и естественно. Мы уже видѣли, какъ смотрѣлъ Чернышевскій на всеобщее избирательное право. Онъ не считалъ его необходимымъ орудіемъ пролетаріата въ борьбѣ съ буржуазіей. Для кого неясно значеніе всеобщаго избирательнаго права въ этой борьбѣ, для того неясны и вообще всѣ ея политическія задачи неочевидна и необходимость сплоченія пролетаріата въ особую политическую партію съ цѣлью захвата власти въ будущемъ. А при такихъ условіяхъ даже самый искренній сторонникъ рабочаго класса по необходимости будетъ колебаться, когда рѣчь зайдетъ о практическихъ мѣрахъ для улучшенія участи рабочихъ. Онъ будетъ отъ души сочувствовать ихъ революціонному движенію; но въ мирное

*) Совр. 1861 г. май, иностр. литер., стр. 22 и 23.

время онъ не откажется передать все дѣло улучшенія ихъ участи въ руки существующихъ правительствъ: не ясно понимая политическія задачи рабочихъ, онъ не можетъ ясно понять и значенія ихъ политической *самодѣятельности*. Вообще можно сказать, что пониманіе современныхъ задачъ пролетаріата лучше всего обнаруживается въ сужденіяхъ о тактикѣ этого класса *въ мирное, спокойное время*. Чтобы сочувствовать революціонному взрыву рабочихъ нужно только не быть заинтересованнымъ въ поддержаніи буржуазнаго строя. Но чтобы составить себѣ ясное понятіе о тактикѣ, которой рабочіе должны держаться въ то время, когда революцій нѣтъ и еще не предвидится, —нужно хорошо выяснить себѣ всѣ задачи, всѣ условія и весь ходъ освободительнаго движенія рабочаго класса. Чернышевскому все это было еще не ясно; отсюда и появленіе на страницахъ „Современника" проэктовъ, подобныхъ вышеприведенному.

Замѣчательно, что нашъ авторъ, энергически отстаивая государственное вмѣшательство въ экономическія отношенія различныхъ общественныхъ классовъ, нигдѣ не упоминаетъ о законодательномъ ограниченіи рабочаго дня. Этой сторонѣ дѣла онъ, повидимому, не придавалъ никакого значенія или, лучше сказать, вовсе не задумывался надъ ней.

Теперь мы достаточно выяснили соціалистическіе взгляды Н. Г. Чернышевскаго. Для читателей, знакомыхъ съ западнымъ движеніемъ и съ западно-европейской соціалистической литературой, интересно будетъ, можетъ быть, отмѣтить здѣсь то обстоятельство, что нашъ авторъ видѣлъ въ Прудонѣ „полнаго представителя умственнаго положенія, до котораго возвышается на Западѣ простолюдинъ." Чернышевскій вовсе не поклонникъ Прудона. Онъ замѣчаетъ его слабыя стороны, его колебанія, его непослѣдовательность. „Но во всемъ этомъ мы опять видимъ общія черты того умственнаго положенія, въ которомъ находится теперь западно-европейскій простолюдинъ. Благодаря своей здоровой натурѣ, своей суровой житейской опытности, западно-европейскій простолюдинъ въ сущности понимаетъ вещи несравненно лучше, вѣрнѣе и глубже, чѣмъ люди болѣе счастливыхъ классовъ. Но до него не дошли еще тѣ научныя понятія, которыя наиболѣе соотвѣтствуютъ его положенію, наклонностямъ, потребностямъ и сообразны съ нынѣшнимъ положеніемъ знаній" *). О какихъ „простолюдинахъ" говоритъ здѣсь Чернышевскій? Имѣетъ-ли онъ въ виду крестьянъ, мелкихъ независимыхъ ремесленниковъ, или пролетаріевъ въ собственномъ смыслѣ слова? Онъ говоритъ о нихъ вообще, не дѣлая никакого различія между различными слоями трудящагося населенія, потому что всѣ они, какъ мы видѣли, сливались въ его умѣ въ одно общее представленіе о „простонародьѣ." Не такъ смотрятъ на это дѣло новѣйшіе соціалисты. Еще въ 48 году Марксъ и Энгельсъ въ своемъ „Манифестѣ коммунистической партіи" указали на рѣзкое различіе между крестьянами и ремесленниками съ одной стороны и пролетаріатомъ съ другой. Для авторовъ Манифеста крестьяне и мелкіе ремесленники въ томъ

---

*) Антропологич. принципъ въ философіи, стр. 21, 24.

случаѣ, когда они отстаиваютъ экономическія особенности своего положенія и не переходятъ на точку зрѣнія пролетаріата, являются *реакціонерами, стремящимися повернуть назадъ колесо исторіи.* Только въ пролетаріатѣ видятъ Марксъ и Энгельсъ истинно революціонный классъ современнаго общества. Сообразно съ этимъ и въ Прудонѣ Марксъ и Энгельсъ могли видѣть, пожалуй, представителя западно-европейскихъ простолюдиновъ, но простолюдиновъ, поставленныхъ въ особыя условія мелкобуржуазнаго производства. Соціализмъ Прудона казался Марксу соціализмомъ мелкой буржуазіи или, если угодно, крестьянъ, этихъ мелкихъ буржуа земледѣлія. Непослѣдовательность и шаткость мысли Прудона Марксъ объяснялъ не тѣмъ, что до него не дошло послѣднее слово науки, а тѣмъ, что предразсудки и предубѣжденія, вынесенныя имъ изъ мелкобуржуазной среды, лишали его возможности понять это слово даже въ томъ случаѣ, еслибы оно и дошло до него *). Различіе въ отношеніяхъ къ Прудону Маркса и Чернышевскаго прекрасно рисуетъ различіе въ ихъ отношеніи ко всему западно-европейскому рабочему движенію.

VI

Мы знаемъ теперь отношеніе Чернышевскато къ тѣмъ „нашимъ общимъ великимъ западнымъ учителямъ“, у которыхъ русскому человѣку и въ настоящее время приходится старательно учиться. Мы знаемъ, что на выработку взглядовъ Чернышевскаго имѣла огромное вліяніе нѣмецкая философія. Мы знаемъ также, въ какой періодъ развитія нѣмецкой философіи изучалъ ее нашъ авторъ: въ періодъ перехода отъ идеализма къ матеріализму. Въ этотъ переходной періодъ новѣйшие матеріалистическіе взляды далеко еще не дошли до той степени выработанности, ясности и послѣдовательности, на какую возвели ихъ впослѣдствіи труды Маркса и Энгельса. Это очень замѣтно отразилось на воззрѣніяхъ Чернышевскаго. Сравнивая ихъ съ ученіемъ той самой школы, которая развилась впослѣдствіи изъ ученія Фейербаха, мы находимъ въ нихъ много пробѣловъ, много неясностей и непослѣдовательностей. Историческіе и соціалистическіе взгляды Чернышевскаго ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть признаны удовлетворительными съ точки зрѣнія современной намъ европейской науки. Тотъ, кто вздумалъ бы держаться ихъ въ настоящее время, былъ бы совершенно отсталымъ человѣкомъ. Но, говоря это, мы вовсе не хотимъ осуждать великаго русскаго писателя. Его развитію сильно помѣшало то обстоятельство, что онъ жилъ въ странѣ отсталой во всѣхъ отношеніяхъ, до которой часто совершенно не доходили новѣйшія открытія и направленія общественной науки. Въ окружавшей же его обстановкѣ не было никакихъ матеріаловъ для самостоятельныхъ открытій въ этомъ смыслѣ. Кромѣ того нужно помнить, что переворотъ сдѣланный въ общественной наукѣ Марксомъ и Эн-

*) См. „Нищету Философіи“ (пятый выпускъ „Библіотеки Современнаго Соціализма.“)

гельсомъ не сразу былъ по достоинству оцѣненъ даже самыми даровитыми людьми Западной Европы. Лассаль находился въ условіяхъ, очень благопріятныхъ для его общественнаго и политическаго развитія, онъ былъ близко знакомъ съ основателями новѣйшаго соціализма, ему, повидимому, достаточно было только усвоить мысли, выработаныя другими и совершенно доступныя для него по обстоятельствамъ его жизни, и однако мы встрѣчаемся въ его сочиненіяхъ со множествомъ вопіющихъ противорѣчій. Въ своихъ большихъ сочиненіяхъ (Philosophie Heraclei'os des Dunkeln, System der erworbenen Rechte), онъ является чистѣйшимъ идеалистомъ и толкуетъ о *саморазвитіи понятій* (Selbstentwicklung der Begriffe). Въ своихъ агитаціонныхъ брошюрахъ онъ уже гораздо ближе къ новѣйшему матеріализму, онъ уже почти цѣликомъ признаетъ всѣ его положенія, но тѣмъ не менѣе и въ этихъ брошюрахъ его много неясности и непослѣдовательности. Во сколькихъ поправкахъ нуждается теперь главное его полемическое сочиненіе „Бастіа-Шульце"! Лассаля приходится признать такимъ же представителемъ переходной эпохи въ развитіи философской соціалистической мысли, какимъ былъ и Чернышевскій. Но пробѣлы и противорѣчія во взглядахъ Лассаля не помѣшали ему оказать существенную услугу развитію своей страны. Не помѣшала въ этомъ и Чернышевскому неполная выработанность его взглядовъ. Въ настоящее время, стоя на точкѣ зрѣнія Маркса, мы можемъ осуждать очень многое въ теоретическихъ разсужденіяхъ и практическихъ планахъ Чернышевскаго. Но для его времени и для его страны даже тѣ его взгляды, которые мы должны теперь признать ошибочными, все таки были въ высшей степени важными и благотворными, потому что они будили русскую мысль и толкали ее на тотъ путь, на который ей не удалось выступить въ предшествующій періодъ: на путь изслѣдованія общественныхъ и экономическихъ вопросовъ. Въ политической экономіи, въ исторіи, даже въ эстетикѣ и литературной критикѣ Чернышевскій все таки высказалъ множество такихъ важныхъ мыслей, которыя и до сихъ поръ еще не усвоены во всемъ ихъ объемѣ и не разработаны, какъ слѣдуетъ, русской литературой. Чтобы опредѣлить въ немногихъ словахъ значеніе всего, что сдѣлалъ Чернышевскій для развитія русской мысли, достаточно будетъ указать на слѣдующій фактъ, который признаетъ безспорнымъ всякій, кто знакомъ съ состояніемъ литературы за послѣднія тридцать лѣтъ. Ни русскіе соціалисты въ огромнѣйшемъ числѣ своихъ фракцій и направленій, ни легальная русская критика и публицистика не сдѣлали ни шагу, буквально ни шагу впередъ съ тѣхъ поръ, какъ прекратилась литературная дѣятельность Чернышевскаго. Въ его статьяхъ вы найдете всѣ тѣ мысли и взгляды, распространеніе которыхъ составило славу передовыхъ писателей слѣдующаго періода. Писатели эти не сдѣлали никакихъ поправокъ ко взглядамъ Чернышевскаго, да и не могли сдѣлать ихъ, потому что ихъ міросозерцанію свойственны были еще въ гораздо большей степени всѣ тѣ недостатки, какими отличалось міросозерцаніе Чернышевскаго. Слабая сторона взглядовъ Чернышевскаго обуславливалась тѣмъ, что онъ не знакомъ былъ съ новѣйшимъ направленіемъ философской мысли западной Европы, съ ученіемъ

Маркса и Энгельса. Но хорошо ли усвоили это ученіе литературные вожаки послѣдующаго періода? Они заговорили о непримѣнимости къ намъ западно-европейскихъ теорій, о „субъективномъ методѣ“ въ соціологіи, объ особенностяхъ русскаго экономическаго быта, объ ошибкахъ Запада, словомъ явились болѣе или менѣе сознательными, болѣе или менѣе усердными проповѣдниками того народническаго ученія, которое навѣрное, показалось бы Чернышевскому самой неудобоваримой мистикой*). Разъ свихнувши въ сторону народничества, передовые представители русской мысли не могли даже и задуматься о серьезной критикѣ Чернышевскаго. Напротивъ, они часто съ усердіемъ, достойнымъ лучшей участи, отстаивали именно тѣ его взгляды, которые составляли его ошибки, показывали отсталость его отъ западно-европейской науки. Удивительна судьба геніальныхъ или просто даже даровитыхъ людей, имѣвшихъ замѣтное вліяніе на умственное развитіе своей страны! Ихъ послѣдователи и почитатели часто усваиваютъ именно ихъ ошибки и заблужденія, и затѣмъ отстаиваютъ ихъ со всѣмъ энтузіазмомъ, возбуждаемымъ великимъ именемъ. Примѣрами подобнаго, на первый взглядъ очень страннаго, пристрастія учениковъ къ ошибкамъ ихъ учителей положительно изобилуетъ исторія умственнаго развитія человѣчества. За что ухватилась правая сторона гегелевской школы? За промахи и непослѣдовательность геніальнаго философа. Что съ особенною настойчивостью пережевывали такъ называемые позитивисты? Схоластическую часть ученія Огюста Конта (да простятъ намъ читатели по-истинѣ святотатственное сопоставленіе Конта съ Гегелемъ). Что мѣшало нѣмецкимъ лассалянцамъ соединиться съ фракціей Либкнехта-Бебеля? Пристрастіе къ политическимъ ошибкамъ и къ экономическимъ утопіямъ Лассаля. Положительно обскуранты оклеветали человѣческій умъ, приписывая ему вѣчное движеніе впередъ и вѣчное недовольство существующимъ! Въ дѣйствительности, онъ оказывается самымъ лѣнивымъ изо всѣхъ консерваторовъ.

Но возвратимся къ нашему автору. Зная теперь общій характеръ его взглядовъ, зная достоинства и недостатки свойственнаго ему пониманія „высшихъ идей правды, науки, искусства“, мы легко можемъ дать себѣ отчетъ объ его литературной дѣятельности.

Мы уже сказали, что, готовя свою диссертацію объ „эстетическихъ отношеніяхъ искусства къ дѣйствительности“, Чернышевскій занимался переводами и другими литературными работами, главнымъ образомъ, для „Отечественныхъ Записокъ“. Появленіе въ печати его диссертац и обратило на него вниманіе редакціи „Современника“, изда-

---

*) Аристовъ въ своей книгѣ о Щаповѣ разсказываетъ, что Чернышевскій, заинтересовавшись сочиненіями Щапова, искалъ знакомства съ нимъ и встрѣтивъ его у одного общаго пріятеля, велъ съ нимъ длинный споръ. Споръ этотъ показалъ Чернышевскому, что сотрудникомъ „Современника“ Щаповъ быть не можетъ: такъ сильно расходились ихъ взгляды. Но какъ относились къ Щапову впослѣдствіи тѣ самые люди, которые считали себя горячими поклонниками Чернышевскаго? Щаповскіе взгляды на русскую исторію явились составною частью народническаго ученія, и наши народники, продолжая „уважать“ Чернышевскаго, даже не потрудились спросить себя, — не существуетъ-ли противорѣчія между его взглядами и щаповской идеализаціей старинной народной жизни?

вавшагося съ 1847-го г. Некрасовымъ и Панаевымъ. Чернышевскому предложили постоянное сотрудничество въ этомъ журналѣ и даже отдали въ его завѣдыванiе весь критическiй отдѣлъ. Впослѣдствiи, когда „Современнику“ позволили въ 1859 г. писать о политикѣ, Чернышевскiй завѣдывалъ и политическимъ отдѣломъ. За Некрасовымъ и Панаевымъ навсегда останется та огромная заслуга, что они не сторонились, какъ это дѣлали многiе другiе „друзья Бѣлинскаго“, отъ людей, продолжавшихъ его дѣло. Само собою разумѣется, что редакцiи не пришлось жалѣть о томъ, что она сошлась съ Чернышевскимъ. Уже въ декабрьской книжкѣ Современника за 1855 годъ появилась первая статья изъ того, уже много разъ упомянутаго ряда *„Очерковъ гоголевскаго перiода русской литературы“*, который представляетъ собою одно изъ замѣчательнѣйшихъ произведенiй Чернышевскаго и до сихъ поръ остается лучшимъ пособiемъ для всякаго, желающаго познакомиться съ критикой гоголевскаго перiода. Вторая статья изъ этого замѣчательнаго ряда очерковъ была напечатана въ январской, третья въ февральской, четвертая въ апрѣльской книжкѣ „Современника“ за слѣдующiй годъ. Въ этихъ четырехъ статьяхъ была сдѣлана оцѣнка литературной дѣятельности Полевого, Сенковскаго, Шевырева, и Надеждина. Въ iюльской книжкѣ авторъ перешелъ къ Бѣлинскому, которому и посвящены остальные пять очерковъ. Въ этихъ статьяхъ имя Бѣлинскаго впервые названо въ печати послѣ 1848 года, когда на Бѣлинскаго стали смотрѣть, какъ на запрещеннаго писателя. Съ появленiемъ „Очерковъ“ можно было съ отрадной увѣренностью и, ни мало не преувеличивая дѣла, сказать, что у Бѣлинскаго есть достойный преемникъ. Съ тѣхъ поръ какъ Чернышевскiй выступилъ въ качествѣ критика и публициста „Современника“, за этимъ журналомъ снова было обезпечено преобладающее мѣсто между русскими перiодическими изданiями, принадлежавшее ему при жизни Бѣлинскаго. „Современнику“ съ интересомъ и уваженiемъ внимала передовая часть читающей публики, къ нему естественно тяготѣли всѣ свѣжiя, нарождающiяся литературныя силы. Такъ въ половинѣ 1856 года въ немъ сталъ писать молодой Добролюбовъ. Людямъ нашего времени трудно даже представить себѣ, какъ велико было тогда у насъ значенiе журналистики. Теперь общественное мнѣнiе значительно уже переросло журналистику; въ 40-хъ годахъ оно еще не успѣло дорости до нея. Конецъ же 50-ыхъ и начало 60-ыхъ годовъ является эпохой наибольшаго согласiя между общественнымъ мнѣнiемъ и журналистикой и наибольшаго влiянiя журналистики на общественное мнѣнiе. Только при такомъ условiи и возможно было то горячее увлеченiе литературной дѣятельностью и та искренняя вѣра въ значенiе литературной пропаганды, которыя замѣчаются во всѣхъ тогдашнихъ выдающихся писателяхъ. Короче, это былъ золотой вѣкъ русской журналистики. Несчастный исходъ крымской войны заставилъ правительство сдѣлать нѣсколько уступокъ образованному обществу и совершить, по крайней мѣрѣ, самыя насущныя, давно уже ставшiя необходимыми реформы. Вскорѣ на очередь поставленъ былъ вопросъ объ освобожденiи крестьянъ, самымъ недвусмысленнымъ образомъ затрогивающiй инте-

ресы всѣхъ сословій. Нужно ли говорить, что Николай Гавриловичъ съ жаромъ принялся за разработку этого вопроса? Къ 1857—58 гг. относятся его замѣчательныя статьи о крестьянскомъ дѣлѣ. Какъ много написано имъ по этому поводу, видно изъ того, что въ отдѣльномъ заграничномъ изданіи статьи эти составляютъ большой томъ очень убористой печати. Теперь довольно уже хорошо извѣстно взаимное отношеніе нашихъ общественныхъ силъ въ эпоху уничтоженія крѣпостного права. Поэтому мы будемъ говорить о немъ лишь мимоходомъ, лишь поскольку это нужно для выясненія роли, принятой на себя въ этомъ дѣлѣ нашей передовой журналистикой, во главѣ которой стоялъ тогда Н. Г. Чернышевскій. Всѣмъ извѣстно, что эта журналистика горячо отстаивала крестьянскіе интересы. Нашъ авторъ писалъ одну за другой статьи, въ которыхъ отстаивалъ освобожденіе крестьянъ съ землею и утверждалъ, что выкупъ земель, отходящихъ въ надѣлъ крестьянамъ, не можетъ представить для правительства никакой трудности. Онъ доказывалъ это положеніе и общими теоретическими соображеніями и самыми подробными примѣрными вычисленіями. „Какимъ это образомъ выкупъ земли можетъ быть въ самомъ дѣлѣ затруднителенъ? Какъ можетъ онъ превышать силы народа? Это не правдоподобно — писалъ онъ въ статьѣ *„Труденъ-ли выкупъ земли?“* Это противорѣчитъ основнымъ понятіямъ народнаго хозяйства. Политическая экономія прямо говоритъ, что всѣ тѣ матеріальные капиталы, какіе достаются извѣстному поколѣнію отъ предшествовавшихъ поколѣній, составляютъ цѣнность не очень значительную по сравненію съ тою массою цѣнностей, какая производится трудомъ этого поколѣнія. Напримѣръ, вся земля принадлежащая французскому народу, со всѣми зданіями и всѣмъ находящимся въ нихъ, всѣми кораблями и грузами, всѣмъ скотомъ и всѣми деньгами и всѣми другими богатствами, принадлежащими этой странѣ, едва-ли представляетъ стоимость во сто миліардовъ франковъ; а трудъ французскаго народа ежегодно производитъ цѣнность въ пятнадцать или болѣе милліардовъ франковъ, т. е. не болѣе, какъ въ семь лѣтъ французскій народъ производитъ массу цѣнностей, равную цѣнности цѣлой Франціи, какъ она есть отъ Ламанша до Пиринеевъ. Стало быть, если бы французамъ нужно бы было выкупить у кого нибудь всю Францію, они могли бы сдѣлать это въ продолженіе одного поколѣнія, употребляя на выкупъ только одну пятую часть своихъ доходовъ. А у насъ о чемъ идетъ дѣло? Развѣ цѣлую Россію должны мы выкупить со всѣми ея богатствами? Нѣтъ, только одну землю. И развѣ всю русскую землю? Нѣтъ, выкупъ относится только къ тѣмъ губерніямъ одной Европейской Россіи, въ которыхъ укоренилось крѣпостное состояніе“ и т. д.*). Показавъ затѣмъ, что земли подлежащія выкупу составляли бы не болѣе шестой части пространства, занимаемаго Европейской Россіей, онъ предлагаетъ цѣлыхъ восемь плановъ выкупной операціи. По его словамъ, принявши одинъ изъ этихъ плановъ, правительство могло бы выкупить надѣльныя

*) См. статью „Труденъ ли выкупъ земли“ въ пятомъ томѣ заграничнаго изданія соч. Чернышевскаго.

земли не только безъ обремененія крестьянъ, но и съ большою выгодою для государственнаго казначейства. Въ основѣ всѣхъ плановъ Чернышевскаго лежало соображеніе о *„необходимости держаться возможно умѣренныхъ цѣнъ при опредѣленіи величины выкупа“*. Мы знаемъ теперь, насколько наше правительство имѣло въ виду интересы крестьянства при уничтоженіи крѣпостного права и насколько оно послѣдовало совѣтамъ Чернышевскаго относительно умѣренности при опредѣленіи выкупныхъ платежей. Статистика показываетъ, что въ среднемъ, платежи, лежащіе на крестьянскихъ земляхъ, значительно превышаютъ ихъ доходность. Она показываетъ также, что платежами обременены главнымъ образомъ земли бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ. Отсюда ясно, что если при освобожденіи крестьянъ наше правительство ни на минуту не позабыло выгодъ государственнаго казначейства, то объ интересахъ крестьянъ оно думало очень мало. При выкупной операціи имѣлись въ виду исключительно только фискальные и помѣщичьи интересы. И это совершенно понятно, такъ какъ никому нѣтъ ни нужды, ни охоты думать объ интересахъ того сословія (въ данномъ случаѣ крестьянскаго), которое само не можетъ энергично и систематически отстаивать ихъ. Но въ ту пору, когда еще только шли толки о крестьянскомъ освобожденіи,самые передовые люди Россіи думали нѣсколько иначе. Имъ казалось, что само правительство безъ большого труда могло бы понять, до какой степени его собственныя выгоды совпадаютъ съ интересами крестьянства.Подобныя надежды довольно долго питалъ, между прочимъ, Герценъ. Питалъ ихъ и Чернышевскій. Отсюда происходила и та настойчивость, съ которою онъ возвращался въ своихъ статьяхъ къ крестьянскому вопросу, и то усердіе, съ которымъ онъ выяснялъ правительству его собственные интересы. Но Чернышевскій былъ первымъ, по времени, русскимъ писателемъ, понявшимъ некрасивую и лицемѣрную роль русскаго правительства въ дѣлѣ крестьянскаго освобожденія. Уже въ 1858 году появилась его статья *„Критика философскихъ предубѣжденій противъ общиннаго землевладѣнія“* съ многознаменательнымъ эпиграфомъ изъ Фауста: wie weh' wie weh' wie wehe! Обыкновенно эта прекрасная статья разсматривается какъ самая энергическая и самая удачная защита общиннаго землевладѣнія, но мы взглянемъ на нее со стороны самаго принципа освобожденія крестьянъ съ землею. Статья эта показываетъ, что уже въ 1858 г. Чернышевскій потерялъ всякую надежду на удовлетворительное рѣшеніе правительствомъ крестьянскаго поземельнаго вопроса. „Я стыжусь самаго себя — говоритъ онъ въ началѣ этой статьи. Мнѣ совѣстно вспоминать о безвременной самоувѣренности, съ которою я поднялъ вопросъ объ общинномъ землевладѣніи. Этимъ дѣломъ я сталъ безразсуденъ, скажу прямо, сталъ глупъ въ своихъ собственныхъ глазахъ... Трудно объяснить причину моего стыда, но постараюсь сдѣлать это, какъ могу. Какъ ни важенъ представляется мнѣ вопросъ о сохраненіи общиннаго землевладѣнія, но онъ все таки составляетъ только одну сторону дѣла, къ которому принадлежитъ. Какъ высшая гарантія благосостоянія людей, до которыхъ относится, этотъ принципъ получаетъ смыслъ только тогда, когда уже даны другія, нисшія гарантіи благосостоянія, нужныя для

доставленія его дѣйствію простора. Такими гарантіями должны считаться два условія. Во первыхъ принадлежность ренты тѣмъ самымъ лицамъ, которыя участвуютъ въ общинномъ владѣніи. Но этого еще мало. Надобно также замѣтить, что рента только тогда серьезно заслуживаетъ своего имени, когда лицо, ее получающее, не обременено кредитными обязательствами, вытекающими изъ самого ея полученія... Когда человѣкъ уже не такъ счастливъ, чтобы получить ренту, чистую отъ всякихъ обязательствъ, то, по крайней мѣрѣ, предполагается, что уплата по этимъ обязательствамъ не очень велика по сравненію съ рентою... Только при соблюденіи этого второго условія люди, интересующіеся его благосостояніемъ, могутъ желать ему полученія ренты". Но это условіе не могло быть соблюдено въ дѣлѣ освобождаемыхъ крестьянъ, поэтому Чернышевскій и считалъ безполезнымъ защищать не только общинное землевладѣніе, но и самое надѣленіе крестьянъ землею. У кого оставалось бы какое нибудь сомнѣніе на этотъ счетъ, того совершенно убѣдитъ слѣдующій примѣръ, приводимый нашимъ авторомъ. „Предположимъ говоритъ онъ, обращаясь къ своему любимому способу объясненія посредствомъ „параболъ" — предположимъ, что я былъ заинтересованъ принятіемъ средствъ для сохраненія провизіи, изъ запаса которой составляется вашъ обѣдъ. Само собою разумѣется, что если я это дѣлалъ собственно изъ расположенія къ вамъ, то моя ревность основывалась на предположеніи, что провизія принадлежитъ вамъ и что приготовляемый изъ нея обѣдъ здоровъ и выгоденъ для васъ. Представьте же себѣ мои чувства, когда я узнаю, что провизія вовсе не принадлежитъ вамъ и что за каждый обѣдъ, приготовленный изъ нея, берутся съ васъ деньги, которыхъ не только не стоитъ самый обѣдъ, но которыхъ вы вообще не можете платить безъ крайняго стѣсненія. Какія мысли приходятъ мнѣ въ голову при этихъ столь странныхъ открытіяхъ?... Какъ я былъ глупъ, что хлопоталъ о дѣлѣ, для полезности котораго не обезпечены условія! Кто кромѣ глупца можетъ хлопотать о сохраненіи собственности въ извѣстныхъ рукахъ, не удостовѣрившись прежде, что собственность достанется въ эти руки и достанется на выгодныхъ условіяхъ?... Лучше пропадай вся эта провизія, которая приноситъ только вредъ любимому мною человѣку! Лучше пропадай все дѣло, которое приноситъ вамъ только раззореніе!*)

Еслибы читатель, не довольствуясь приведенными выписками, захотѣлъ составить себѣ еще болѣе ясное представленіе о томъ, до какой степени и какъ рано Чернышевскій разочаровался въ крестьянской „эмансипаціи," то мы указали бы ему на романъ „Прологъ пролога," изданный въ 1877 году редакціей журнала „Впередъ!" и написанный Чернышевскимъ, какъ кажется, значительно раньше романа „Что дѣлать?". „Прологъ пролога" — это собственно не романъ, а записки автора, относящіяся именно къ эпохѣ уничтоженія крѣпостного права. Подъ вымышленными именами графа Чаплина, Рязанцева, Савелова, Левицкаго, Соколовскаго и т. д. выступаютъ

*) См. пятый томъ женевскаго изданія соч. Чернышевкаго, стр. 472—478.

извѣстные литературные и политическіе дѣятели той эпохи. Кромѣ того, подъ именемъ Волгина Чернышевскій изобразилъ самого себя, и это придаетъ большой біографическій интересъ его роману-запискамъ. Не задаваясь цѣлью излагать содержаніе романа, мы укажемъ лишь на разговоры Волгина съ Нивельзинымъ и Соколовскимъ, касавшіеся освобожденія престьянъ. „Пусть дѣло освобожденія крестьянъ будетъ передано въ руки помѣщичьей партіи. Разница не велика — говоритъ Волгинъ Соколовскому, и на замѣчаніе его собесѣдника о томъ, что, напротивъ, разница колоссальная, такъ какъ помѣщичья партія противъ надѣленія крестьянъ землею, онъ рѣшительно отвѣчаетъ: „нѣтъ, не колоссальная, а ничтожная. Была бы колоссальная, еслибы крестьяне получили землю безъ выкупа. Взять у человѣка вещь или оставить ее человѣку — разница, но взять съ него плату за нее — все равно. Планъ помѣщичьей партіи разнится отъ плана прогрессистовъ только тѣмъ, что проще, короче. Поэтому онъ даже лучше. Меньше проволочекъ, *вѣроятно, меньше и обремененія для крестьянъ**). У кого изъ крестьянъ есть деньги — тотъ купитъ себѣ землю. У кого нѣтъ — тѣхъ нечего и обязывать покупать ее. *Это будетъ только раззорять ихъ.* Выкупъ таже покупка. Если сказать правду, лучше пусть будутъ освобождены безъ земли... Вопросъ поставленъ такъ, что я не нахожу причинъ горячиться даже изъ за того, будутъ или не будутъ освобождены крестьяне; тѣмъ меньше изъ за того, кто станетъ освобождать ихъ, либералы или помѣщики. По моему все равно. Или помѣщики даже лучше**).

Въ разговорѣ съ Нивельзинымъ Волгинъ выставляетъ другую сторону своего отношенія къ тогдашней постановкѣ крестьянскаго дѣла. „Толкуютъ: освободить крестьянъ —восклицаетъ онъ. Гдѣ силы на такое дѣло? Еще нѣтъ силъ. Нелѣпо приниматься за дѣло, когда нѣтъ силъ на него. А видите, къ чему идетъ: станутъ освобождать. Что выйдетъ, — сами судите, что выходитъ, когда берешься за дѣло, котораго не можешь сдѣлать... Испортишь дѣло, выйдетъ мерзость. Эхъ наши господа эмансипаторы, всѣ эти ваши Рязанцевы съ компаніею! вотъ хвастуны-то; вотъ болтуны-то; вотъ дурачье-то..." ***)

Эти разсужденія Волгина о преждевременности крестьянскаго освобожденія, конечно, ошибочны. Крѣпостное право было такимъ огромнымъ зломъ, оно до такой степени стѣсняло развитіе рѣшительно всѣхъ сторонъ общественной жизни тогдашней Россіи, что уничтоженіе его ни въ какомъ случаѣ и ни при какихъ условіяхъ не могло быть преж-

---

*) Курсивъ повсюду въ этой выпискѣ нашъ.

**) Прологъ пролога, стр. 199.

***) Ibid. стр. 110. Собственно говоря, по ходу романа видно, что эти разсужденія Волгина относятся ко времени появленія статей Чернышевскаго о выкупѣ. Но въ такомъ случаѣ самый выходъ этихъ статей былъ бы необъяснимъ: кто станетъ отстаивать такіе проэкты, которые самъ считаетъ совершенно несбыточными при данныхъ условіяхъ? Намъ кажется болѣе вѣроятнымъ, что когда Чернышевскій писалъ свой романъ, то онъ незамѣтно для себя пріурочилъ свои позднѣйшіе взгляды на условія крестьянскаго освобожденія къ болѣе раннему времени.

девременнымъ. Но для правильнаго пониманія взгляда Чернышевскаго па это дѣло нужно помнить, что тогдашнія событія могли представляться ему совсѣмъ не въ той перспективѣ, въ какой они представляются намъ теперь. Онъ питалъ, какъ кажется, нѣкоторую надежду на крестьянскія возстанія, а въ тоже самое время онъ, повидимому, считалъ возможнымъ очень быстрый ростъ крайней партіи. всецѣло стоявшей на сторонѣ крестьянства. Такимъ образомъ, освобожденіе могло казаться ему преждевременнымъ въ томъ смыслѣ, что такъ какъ оно успокоивало волненія крѣпостныхъ, то гордіевъ узелъ помѣщичьей власти не могъ уже быть разрубленъ топоромъ крестьянина а съ другой стороны крайняя демократическая партія не имѣла еще силы для серьезнаго давленія на правительство. Пріобрѣтеніе партіей достаточной для этого силы могло казаться ему дѣломъ лишь нѣсколькихъ лѣтъ, и онъ могъ считать полезной кратковременную отсрочку освобожденія въ виду важности сулимыхъ ею результатовъ. Что революціонное движеніе въ тогдашней Россіи представлялось ему вполнѣ возможнымъ, — на это есть совершенно ясные намеки въ его статьяхъ, намеки, на которыхъ мы еще остановимъ вниманіе читателя, такъ какъ ими въ значительной степени объясняется направленіе его дальнѣйшей литературной дѣятельности.

Наши народники страшно идеализируютъ теперь русское крестьянство и съ поразительною легкостью открываютъ въ немъ рѣшительно всѣ тѣ свойства и стремленія, какія имъ хотѣлось бы въ немъ видѣть. Поэтому мы, не желая ни на минуту уподоблять имъ Н. Г. Чернышевскаго, спѣшимъ прибавить, что онъ, не смотря на свою вѣру въ возможность крестьянской революціи, въ сущности все таки былъ далекъ отъ ложной идеализаціи народа. Тогдашняя Россія вообще представлялась ему не въ особенно привлекательномъ видѣ. Временами же онъ доходилъ до самаго рѣзкаго отрицательнаго отношенія къ своимъ соотечественникамъ. „Жалкая нація, жалкая нація -- восклицаетъ про себя въ „Прологѣ пролога“ Волгинъ, подъ именемъ котораго Чернышевскій изобразилъ, какъ мы сказали, самого себя — нація рабовъ, съ низу до верху все сплошь рабы“*). Даже и въ болѣе спокойныя минуты его не покидало сознаніе страшной неразвитости и забитости русскаго крестьянства. Въ этомъ отношеніи онъ былъ прямымъ наслѣдникомъ взглядовъ Бѣлинскаго, который подъ конецъ своей жизни говорилъ, что споры со славянофилами помогли ему „сбросить съ себя мистическое вѣрованіе въ народъ“**). Чтобы не быть голословными, укажемъ на превосходную и очень поучительную статью Чернышевскаго „*Не начало-ли перемѣны?*“, въ ноябрьской книжкѣ „Современника“ за 1861 годъ. Статья написана по поводу выхода отдѣльнаго изданія „Разсказовъ“ Н. В. Успенскаго. Авторъ возстаетъ въ ней именно противъ „непобѣдимаго влеченія къ прикрашиванію народныхъ нравовъ и понятій“. Подобнымъ вле-

*) Стр. 209.

**) См. Пыпина: Бѣлинскій, его жизнь и переписка. СПБ. 1876, т. II. стр. 324-325.

ченіемъ отличались, по его словамъ, повѣсти изъ народнаго быта Тургенева и Григоровича. Онъ сравниваетъ отношеніе этихъ писателей къ народу съ отношеніемъ Гоголя къ Акакію Акакіевичу. Гоголь умалчиваетъ о недостаткахъ своего героя, потому что считаетъ его недостатки совершенно непоправимыми. „Акакій Акакіевичъ былъ смѣшной идіотъ... Но говорить всю правду объ Акакіѣ Акакіевичѣ безполезно и безсовѣстно... Самъ для себя онъ ничего не можетъ сдѣлать, будемъ же склонять другихъ въ его пользу... Будемъ молчать о его недостаткахъ". Совершенно также относились къ народу Григоровичъ, Тургеневъ и всѣ ихъ подражатели. Всѣ народные недостатки „прячутся, затушевываются, замазываются, налегается только на то, что онъ несчастенъ, несчастенъ"*). Главной заслугой Н. В. Успенскаго въ глазахъ нашего автора являлось совершенное отсутствіе у него подобнаго отношенія къ народу. Чернышевскій замѣчаетъ, что Н. В. Успенскій „выставилъ русскаго простолюдина простофилею", которому „трудно связать въ головѣ двѣ отдѣльныя мысли". Но по его словамъ иначе и быть не можетъ. Не только русскіе, и западно-европейскіе поселяне отличаются страшною неразвитостью. Что же касается до качества „простофили", то онъ „готовъ уличить въ немъ огромное большинство людей всякаго сословія". Большинство людей всѣхъ сословій и всѣхъ странъ живетъ рутиной и обнаруживаетъ крайнюю несообразительность едва только случится ему выйти изъ обычнаго круга представленій. Чтобы давать намъ вѣрныя дѣйствительности изображенія народной жизни, литература не должна закрывать глазъ на отрицательныя стороны народнаго характера. Въ разказахъ Н. В. Успенскаго — которые, замѣтимъ мы отъ себя, нерѣдко доходили до шаржа — Чернышевскій видитъ „начало перемѣны" въ отношеніяхъ литературы къ народу, а въ самомъ авторѣ этихъ разсказовъ онъ привѣтствуетъ появленіе новаго слоя образованныхъ русскихъ людей, умѣющихъ обращаться и толковать съ крестьянами не въ качествѣ добрыхъ и снисходительныхъ господъ, а совершенно запросто, какъ равные съ равными. Онъ многаго ждетъ отъ появленія этого слоя.

Казалось бы, что взглядъ на крестьянство, какъ на сословіе „простофилей", исключаетъ всякую надежду на возможность революціоннаго движенія въ русскомъ народѣ. Но Чернышевскій нисколько не отказывается отъ этой надежды. Онъ категорически заявляетъ, что крестьяне крайне неразвиты или, по просту говоря, глупы. „Но не спѣшите выводить изъ этого никакихъ заключеній о состоятельности или несостоятельности вашихъ надеждъ, если вы желаете улучшенія судьбы народа — говоритъ онъ въ концѣ статьи. Возьмите самаго дюжинаго... пошлаго человѣка: какъ бы апатично и мелочно ни шла его жизнь, бываютъ въ ней минуты совершенно другого оттѣнка, минуты энергичныхъ усилій, отважныхъ рѣшеній. То же самое встрѣчается и въ исторіи каждаго народа."

На такую то минуту отважныхъ рѣшеній и возлагалъ свои упованія Н. Г. Чернышевскій. Ему казалось, что уже не далека эта ми-

---

*) См. въ указанной книжкѣ отдѣлъ русской литературы, стр. 83.

нута, и совершенно также думали почти всѣ лучшіе люди того времени. На этой увѣренности основывались возникавшія въ началѣ шестидесятыхъ годовъ тайныя революціонныя общества. Она поддерживалась частью волненіями освобождаемыхъ крестьянъ, упорно ожидавшихъ „настоящей воли", частью положеніемъ дѣлъ на Западѣ. Итальянскія событія, Сѣверо-Американская война, сильное политическое броженіе въ Австріи и Пруссіи, — все это могло дать поводъ думать, что реакція, царствовавшая съ 1849 г., будетъ, наконецъ, побѣждена новымъ освободительнымъ движеніемъ. А при этомъ позволительно было надѣяться, что европейская событія увлекутъ и Россію. Вѣдь такъ легко вѣрится тому, чему хочется вѣрить! Чернышевскій и его единомышленники еще не сознавали того, что политическія движенія Запада могутъ служить полезнымъ толчкомъ для внутренняго развитія Россіи только при одномъ необходимомъ условіи: именно, если ея внутреннія и прежде всего экономическія отношенія хотя до нѣкоторой степени уподобятся отношеніямъ Запада. Теперь это подобіе уже существуетъ и можно сказать ежечасно увеличивается. Но въ началѣ шестидесятыхъ годовъ до этого было еще далеко. Поэтому освободительныя движенія Запада могли тогда усилить скорѣе русскій застой, чѣмъ русскій прогрессъ. Въ началѣ шестидесятыхъ годовъ Россія еще могла бы снова попытаться взять на себя роль европейскаго жандарма, такъ блистательно исполненную ею въ 1848-49 гг.

VII

Если при всей горячей любви къ народу нашъ авторъ умѣлъ трезвыми глазами взглянуть на его недостатки, то можно представить себѣ, какъ относился онъ къ дворянству и къ довольно сильно кричавшей тогда либеральной партіи. Тутъ онъ былъ совершенно безпощаденъ. Мы уже привели отзывъ Волгина о либеральномъ Рязанцевѣ съ братіей. Подобныхъ отзывовъ множество въ „Прологѣ пролога". Вообще Чернышевскій не упускалъ случая посмѣяться въ своихъ статьяхъ надъ русскими либералами и печатно заявить, что ни онъ, ни вся крайняя партія не имѣютъ съ ними ничего общаго. Трусость, недальновидность, узкость взглядовъ, бездѣятельность и болтливая хвастливость — вотъ отличительныя качества, какія онъ видѣлъ въ тогдашнихъ либералахъ. Такая характеристика почти дословно сдѣлана имъ въ статьѣ „Русскій человѣкъ на rendez-vous", напечатанной въ „Атенеѣ" 1858 года. Она написана по поводу повѣсти Тургенева „Ася," но такъ какъ „Ася" появилась въ „Современникѣ", то Чернышевскій и не счелъ удобнымъ писать о ней въ своемъ журналѣ. О самой повѣсти въ статьѣ говорится очень немного, лучше сказать почти ничего. Авторъ обращаетъ вниманіе только на сцену любовнаго объясненія героя повѣсти съ Асей и по поводу этой сцены предается своимъ „размышленіямъ". Читатели помнятъ, конечно, что

въ рѣшительную минуту тургеневскій герой струсилъ и пошелъ на попятную. Вотъ это-то обстоятельство и наводитъ Чернышевскаго на его „размышленія“. Онъ замѣчаетъ, что нерѣшительность и трусость составляютъ отличительное свойство не одного только этого героя, но и большинства героевъ нашихъ лучшихъ беллетристическихъ произведеній. Онъ вспоминаетъ о Рудинѣ, о Бельтовѣ, о просвѣтителѣ некрасовской Саши и во всѣхъ видитъ то же самое свойство. Онъ не винитъ за него беллетристовъ, такъ какъ они отмѣчали лишь то, что на каждомъ шагу встрѣчается въ дѣйствительности. Мужества нѣтъ въ русскихъ людяхъ, поэтому не имѣютъ его и дѣйствующія лица беллетристическихъ произведеній. А мужества нѣтъ въ русскихъ людяхъ, потому что нѣтъ у нихъ привычки къ участію въ общественныхъ дѣлахъ. „Когда мы входимъ въ общество, мы видимъ вокругъ себя людей въ форменныхъ и неформенныхъ сюртукахъ или фракахъ; эти люди имѣютъ пять съ половиною или шесть, а иные и больше футовъ роста; они отращиваютъ или брѣютъ волоса на щекахъ, верхней губѣ и бородѣ; и мы воображаемъ, что видимъ передъ собою мущинъ. Это совершенное заблужденіе, оптическій обманъ, галлюцинація, не больше. Безъ пріобрѣтенія привычки къ самобытному участію въ гражданскихъ дѣлахъ, безъ пріобрѣтенія чувствъ гражданина, ребенокъ мужескаго пола, выростая, дѣлается существомъ мужескаго пола, среднихъ а потомъ пожилыхъ лѣтъ, но мущиною онъ не становится, или по крайней мѣрѣ не становится мущиною благороднаго характера.“ У людей, развитыхъ, образованныхъ и *либеральныхъ* недостатокъ благороднаго мужества бросается въ глаза еще больше, чѣмъ у людей темныхъ, потому что развитой и либеральный человѣкъ любитъ поговорить о матеріяхъ важныхъ. Онъ говоритъ съ увлеченіемъ и краснорѣчіемъ, но лишь до тѣхъ поръ, пока не начнется рѣчь о переходѣ отъ словъ къ дѣлу.“ Пока о дѣлѣ нѣтъ рѣчи, а надобно только наполнить праздное время, праздную голову или праздное сердце разговорами и мечтами, герой очень боекъ; подходитъ дѣло къ тому, чтобы прямо и точно выразить свои чувства, — большая часть героевъ начинаетъ уже колебаться и чувствовать неповоротливость въ языкѣ. Немногіе, самые храбрѣйшіе, кое какъ успѣваютъ еще собрать всѣ свои силы и коснѣющимъ языкомъ выразить что-то, дающее смутное понятіе о ихъ мысляхъ. Но вздумай кто-нибудь схватиться за ихъ желанія, сказать: вы хотите того-то и того-то; мы очень рады; начинайте же дѣйствовать, а мы васъ поддержимъ, — при такой репликѣ одна половина храбрѣйшихъ героевъ падаетъ въ обморокъ, другіе начинаютъ очень грубо упрекать васъ за то, что вы поставили ихъ въ неловкое положеніе, начинаютъ говорить, что они не ожидали отъ васъ такихъ предложеній, что они совершенно теряютъ голову, не могутъ ничего сообразить, потому что какъ это можно такъ скоро, и при томъ они же честные люди, и не только честные, но очень смирные, и не хотятъ подвергать васъ непріятностямъ, и что вообще развѣ можно въ самомъ дѣлѣ хлопотать обо всемъ, о чемъ говорится отъ нечего дѣлать, и что лучше всего — ни за что не приниматься, потому что все соединено съ хлопотами и неудобствами, и хорошаго ничего пока не

можетъ быть, потому что, какъ уже сказано, они никакъ не ждали и не ожидали и проч."

Намъ никогда не случалось читать такой злой и вмѣстѣ до такой степени мѣткой характеристики россійскаго либерализма. Что сказалъ бы Н. Г. Чернышевскій тѣмъ немалочисленнымъ теперь у насъ людямъ, которые, называя себя революціонерами, возлагаютъ всѣ свои упованія на либеральное „общество" и всѣми правдами и неправдами стараются превратить нашу революціонную партію въ партію солидныхъ и умѣренныхъ либераловъ? Вѣдь русскіе либералы мало измѣнились съ того времени, когда „Современникъ" осыпалъ ихъ своими сарказмами.

Для безпристрастія нужно, однако, прибавить, что нашъ авторъ относился презрительно не къ однимъ только русскимъ либераламъ. Въ превосходныхъ политическихъ обозрѣніяхъ, которыя онъ писалъ для „Современника" до самаго конца своей жизни на свободѣ, нашъ авторъ постоянно обнаруживалъ самое безпощадное презрѣніе ко всѣмъ вообще европейскимъ либераламъ. Въ особенности доставалось либераламъ австрійскимъ (т. е. либеральной партіи австрійскихъ нѣмцевъ), прусскимъ и итальянскимъ. Въ статьяхъ по исторіи Франціи онъ, какъ извѣстно, также не выказалъ большого уваженія къ либеральной партіи. Все это, разумѣется, не могло нравиться представителямъ россійскаго либерализма и они въ борьбѣ съ нимъ употребляли тотъ пріемъ, къ которому такъ часто прибѣгаютъ либералы всѣхъ странъ въ своихъ столкновеніяхъ съ людьми, ушедшими дальше ихъ въ политикѣ: они упрекали его въ нелюбви къ свободѣ и даже въ симпатіяхъ къ деспотизму. Конечно, подобные упреки со стороны либераловъ могли только смѣшить Чернышевскаго. Онъ такъ мало боялся ихъ, что временами какъ бы вызывалъ своихъ противниковъ на новые упреки, дѣлая видъ, что признаетъ ихъ вполнѣ справедливыми. „Для насъ нѣтъ лучшей забавы какъ либерализмъ — говоритъ онъ въ одномъ изъ послѣднихъ своихъ политическихъ обозрѣній — такъ вотъ и подмываетъ насъ отыскать гдѣ нибудь либераловъ, чтобы потѣшиться надъ ними"*). И онъ начинаетъ потѣшаться надъ прусскими либералами, которые, по его мѣткому замѣчанію, сердились на то, что политическая свобода въ Пруссіи „не водворяется сама собою"**). Но такія „потѣхи" не мѣшали внимательному читателю понимать, что не недостаткомъ любви къ свободѣ вызывалось презрительное отношеніе Чернышевскаго къ либерализму. Достаточно было прочесть хоть нѣкоторыя изъ его политическихъ обозрѣній, чтобы увидѣть, какъ горячо сочувствовалъ онъ всякимъ освободительнымъ движеніямъ, гдѣ бы они ни начинались: во Франціи или въ Италіи, въ Америкѣ или въ Венгріи. Онъ думалъ только, что роль либераловъ въ такихъ движеніяхъ бываетъ обыкновенно очень некрасива. Сами они дѣлаютъ очень мало, часто даже тормозятъ усилія другихъ, нападая на людей болѣе чѣмъ они смѣлыхъ и рѣшительныхъ. За то впослѣдствіи, когда, благодаря усиліямъ этихъ рѣшительныхъ людей,

---

*) Современникъ, 1862 мартъ, Политика, стр. 188.

**) Соврем. 1862 г. апрѣль Политика, стр. 357.

борьба близится къ концу и побѣда кажется несомнѣнной, либералы стараются протискаться на первый планъ и полакомиться каштанами, вынутыми изъ огня руками „фанатиковъ". Кто не знаетъ, что либералы всегда и всюду вели себя подобнымъ образомъ? Кто не знаетъ, что эти люди и въ политикѣ остаются такими же *эксплуататорами*, какими являются въ области экономіи, гдѣ они принадлежатъ обыкновенно къ классу дѣльцовъ и предпринимателей? Вотъ за эти-то эксплуататорскія наклонности и ненавидѣлъ ихъ Чернышевскій. И эта-то ненависть къ *эксплуататорамъ* и сквозитъ на каждой страницѣ его политическихъ обозрѣній. Мы, съ своей стороны, пожалѣемъ не о томъ, что Чернышевскій высказывался на этотъ счетъ ясно и опредѣленно, а развѣ лишь о томъ, что послѣ него никто изъ нашихъ политическихъ обозрѣвателей не высказывался уже съ такою ясностью и опредѣленностью. Политическія понятія нашей передовой журналистики вообще страшно спутались и измельчали въ послѣднія двадцать пять лѣтъ. Поэтому уже ни въ одномъ русскомъ журналѣ не было потомъ такихъ прекрасныхъ политическихъ обозрѣній, какія писалъ Чернышевскій для „Современника". Въ этихъ обозрѣніяхъ съ особою силою сказывается его выдающійся умъ и его трезвый взглядъ на вещи. Въ нихъ онъ почти никогда не отступаетъ отъ того безспорнаго положенія, что *„ходъ исторіи опредѣляется реальными отношеніями силъ"* *) и, исходя изъ него, дѣлаетъ точный анализъ внутреннихъ пружинъ современной ему политической жизни цивилизованныхъ странъ. Одно только замѣчаніе можно сдѣлать по поводу обозрѣній Чернышевскаго. Ему случалось, конечно, ошибаться въ тѣхъ или другихъ своихъ политическихъ предсказаніяхъ: такъ, напримѣръ, онъ не допускалъ, что междоусобная война въ Сѣверной Америкѣ можетъ затянуться надолго и еще въ началѣ 1862 г. писалъ, что эту войну можно считать уже окончившейся полной побѣдой Сѣвера. Но кто же не ошибается въ предсказаніяхъ подобнаго рода? Въ общемъ онъ все таки обнаружилъ большую политическую проницательность и замѣчательно вѣрно оцѣнивалъ взаимныя отношенія различныхъ государствъ и различныхъ политическихъ партій. Не предвидѣлъ и не предсказалъ онъ только той выдающейся политической роли, которую въ самомъ близкомъ будущемъ (со времени основанія Международнаго Общества Рабочихъ въ 1864 г.) предстояло взять на себя рабочему классу во всѣхъ передовыхъ странахъ. Этотъ *революціонеръ по принципу*, утверждавшій, что во внутреннихъ дѣлахъ каждой страны, какъ и между отдѣльными государствами, всѣ важные споры рѣшаются въ концѣ концовъ *войною* **), не видѣлъ еще, до какой степени всѣ революціонныя силы современныхъ цивилизованныхъ обществъ соединяются въ одномъ только рабочемъ классѣ. Онъ все еще слишкомъ склоненъ былъ возлагать преувеличенныя надежды на „лучшихъ людей" изъ другихъ

---

*) Читатель помнитъ, вѣроятно, что Лассаль въ своей рѣчи „О сущности конституціи" почти тѣми самыми словами говоритъ объ *отношеніяхъ силы*, какъ о существенной основѣ политическаго устройства каждой данной страны.

**) Современникъ 1862 г. апрѣль, Политика, 364 стр.

классовъ общества. Здѣсь обычная проницательность его парализовалась неопредѣленностью его взгляда на пролетаріатъ какъ на *„простонародье“*.

Однако, мы замѣчаемъ, что заговоривъ объ отношеніи нашего автора къ либерализму и къ либераламъ, мы уклонились далеко въ сторону. Эта интересная тема заставила насъ забыть о послѣдовательности въ изложеніи. Поспѣшимъ же загладить нашу ошибку.

И прежде всего, опять таки въ видахъ безпристрастія, скажемъ, что трусость русскихъ либераловъ болѣе бросалась въ глаза только благодаря ихъ склонности къ возвышеннымъ разглагольствованіямъ. На дѣлѣ же и реакціонная „помѣщичья партія“ — не отличалась большею храбростью. Чернышевскій не имѣлъ прямыхъ сношеній съ нашими „аристократами“. „Онъ никогда не принадлежалъ и къ мелкому свѣтскому обществу, не только къ ихъ высокому, важному. Но какой же городъ или городишко не гремѣлъ славою ихъ подвиговъ? Онъ съ дѣтства зналъ, что это люди буйные, наглые“*). Въ эпоху освобожденія крестьянъ было поставлено на карту все то, что эти люди считали своими важнѣйшими интересами. Они фрондировали и громко кричали: „ не позволимъ, не допустимъ! — не хотимъ и не посмѣютъ! — Пусть посмѣютъ и увидятъ, что такое значитъ прогнѣвать русское дворянство!„ Но едва правительство прикрикнуло на нихъ, они тотчасъ поджали хвостъ, „ присмирѣли, будто были разбиты параличемъ“. Чернышевскому, „какъ демократу“ было и смѣшно, и пріятно видѣть такое превращеніе. „Онъ не любилъ дворянства, но бывали минуты, когда онъ не имѣлъ вражды къ нему. Можно-ли ненавидѣть жалкихъ рабовъ?**)

VIII

Такъ относился Чернышевскій къ различнымъ сословіямъ и партіямъ современной ему Россіи. И чѣмъ больше проникался онъ этимъ отрицательнымъ отношеніемъ, тѣмъ рѣзче становился тонъ его статей, тѣмъ безпощаднѣе дѣлались его насмѣшки, тѣмъ чаще бросался онъ въ полемику. Полемизировать онъ вообще очень любилъ. По его словамъ, даже друзья его всегда замѣчали въ немъ чрезвычайную, „по ихъ мнѣнію даже излишнюю любовь къ разъясненію спорныхъ вопросовъ горячею полемикою“***). Полемика всегда казалась ему очень удобнымъ, а пожалуй даже необходимымъ орудіемъ для проведенія въ общество новыхъ понятій. Тѣмъ не менѣе, въ началѣ своей литературной дѣятельности онъ какъ будто избѣгалъ полемики.

---

*) Такъ говоритъ въ „Прологѣ пролога“ Чернышевскій о Волгинѣ.

**) Прологъ пролога, стр. 208-209.

***) Соч. т. V стр. 472. Въ „Очеркахъ гоголевскаго періода“, онъ оправдываетъ предшественника Бѣлинскаго, Надеждина, отъ упрековъ, которые многіе дѣлали ему за его страсть къ рѣзкой полемикѣ. „Зачѣмъ Надоумко (псевдонимъ Надеждина) г о

„*Очерки гоголевскаго періода русской литературы*“ написаны спокойнымъ и примирительнымъ тономъ. Только къ Шевыреву, извѣстному московскому критику временъ Бѣлинскаго, относится онъ съ ѣдкой ироніей, да еще о Сенковскомъ (баронѣ Брамбеусѣ) высказывается съ презрительнымъ сожалѣніемъ, какъ о человѣкѣ, затратившемъ свои огромныя силы на безплодное литературное фиглярство. О другихъ же писателяхъ гоголевской эпохи онъ отзывается большею частью съ похвалою. Даже въ литературной дѣятельности Погодина, — надъ которымъ такъ много смѣялся кружокъ Бѣлинскаго и котораго Щедринъ называлъ потомъ археологомъ-чревовѣщателемъ — даже въ дѣятельности Погодина находитъ онъ полезныя и похвальныя черты. О славянофилахъ же говоритъ онъ съ неподдѣльнымъ уваженіемъ. Несмотря на всѣ ихъ, очевидныя для него заблужденія, онъ считаетъ ихъ искренними друзьями „просвѣщенія“ и горячо сочувствуетъ ихъ отношенію къ русской поземельной общинѣ*).

Но уже со времени споровъ об общинномъ землевладѣніи онъ вынужденъ былъ покинуть этотъ спокойный, добродушный тонъ и выступить во всеоружіи своего полемическаго таланта. Плохо пришлось тогда патентованнымъ представителямъ либеральной экономіи въ особенности редактору „Экономическаго Указателя“, Вернадскому. Чернышевскій положительно обезсмертилъ этого „С. С.“ (статскаго совѣтника) и „Д-ра ист. н. пол. эк. и стат. (т. е. доктора историческихъ наукъ, политической экономіи и статистики; такъ подписывался гордый своими дипломами Вернадскій). Разбитый на голову ученый не только бѣжалъ съ поля битвы, но, къ довершенію комизма, началъ увѣрять въ своемъ уваженіи того самаго Чернышевскаго, котораго онъ въ началѣ спора позволялъ себѣ третировать какъ дерзкаго и вѣжду. Надо признаться, что едва-ли возможно вести защиту какого бы то ни было дѣла искуснѣе, чѣмъ Чернышевскій защищалъ общину. Онъ сказалъ въ ея пользу рѣшительно все, что можно было сказать, и, можетъ быть, вышелъ бы побѣдителемъ изъ спора даже въ томъ случаѣ, если бы его противники были во много разъ сильнѣе,

---

ворилъ такимъ рѣзкимъ тономъ? Развѣ не могъ онъ высказать то же самое въ мягкихъ формахъ? Удивительное дѣло — наши литературныя да и всякія другія понятія. Вѣчно предлагаются вопросы, почему земледѣлецъ пашетъ поле грубымъ желѣзнымъ плугомъ или сошникомъ! Да чѣмъ же иначе можно вспахать плодородную, но тяжелую на подъемъ почву? Ужели можно не понимать, что безъ войны не рѣшается ни одинъ важный вопросъ, и война ведется огнемъ и мечемъ, а не дипломатическими фразами, которыя умѣстны только тогда, когда цѣль борьбы, веденной оружіемъ, достигнута? Беззаконно нападать только на безоружнаго и беззащитнаго, на старцевъ и калѣкъ, а поэты и литераторы противъ которыхъ выступилъ Надеждинъ, были не таковы...“ Современникъ, апрѣль 1856 г. Критика, стр. 41-42.

*) „Понятіе о преобладаніи „міра“, общины надъ отдѣльною личностью въ древней Руси — одно изъ самыхъ дорогихъ убѣжденій для Славянофиловъ — говоритъ онъ въ третьей статьѣ „Очерковъ“. И это ученіе объ отношеніи личности къ обществу составляетъ, по его мнѣнію, „здоровую часть ихъ системы и вообще достойно всякаго уваженія по своей справедливости. (См. Современникъ, 1856 г. февраль, критика, стр. 80). За это же ученіе объ общинѣ онъ защищалъ иногда славянофильскую „Русскую Бесѣду“ отъ нападеній со стороны другихъ періодическихъ изданій. (См. Замѣтки Чернышевскаго о журналахъ, — Мартъ 1857 г., перепечатанныя въ пятомъ томѣ заграничнаго изданія его сочиненій).

чѣмъ они оказались на дѣлѣ. Если наша „интеллигенція“ до сихъ поръ такъ крѣпко держится за общину, то въ этомъ сказывается неизгладимое вліяніе Чернышевскаго.

Мы уже видѣли, что нашъ авторъ очень рано пересталъ придавать значеніе надѣленію крестьянъ землею. Онъ сталъ видѣть въ немъ источникъ будущаго раззоренія крестьянъ. Въ „*Письмахъ безъ адреса*“ онъ уже прямо доказываетъ, что освобожденные съ землею крестьяне поставлены въ худшее экономическое положеніе сравнительно съ тѣмъ, въ какомъ находились они, будучи въ крѣпостной зависимости отъ помѣщиковъ. Поэтому мы вовсе могли бы не разбирать его доводовъ въ пользу общины. Но такъ какъ имъ до сихъ поръ придается у насъ большое практическое значеніе то, мы считаемъ себя обязанными сдѣлать краткую ихъ оцѣнку. — Въ своей защитѣ русскаго общиннаго землевладѣнія Чернышевскій обнаруживаетъ тотъ же самый недостатокъ, который характеризуетъ всѣ его экономическія изслѣдованія. Онъ вдается въ излишнюю *отвлеченность*. Онъ говоритъ въ сущности не о русской общинѣ съ ея дѣйствительнымъ положеніемъ и возможными условіями ея дальнѣйшаго развитія, а объ общинѣ an sich, существующей въ теоріи и удовлетворяющей лишь извѣстнымъ требованіямъ относительно періодическаго передѣла земель. Но такимъ образомъ нельзя разсуждать ни объ общинѣ, ни о какихъ бы то ни было другихъ формахъ народнаго быта. Въ статьѣ „Критика философскихъ предубѣжденій противъ общиннаго землевладѣнія“ Чернышевскій возражаетъ своимъ противникамъ, ссылаясь на знаменитое ученіе Гегеля о томъ, что третья и конечная фаза въ развитіи всякаго даннаго явленія по своей формѣ похожа на первую. Народы начали съ общиннаго землевладѣнія и они снова вернутся къ нему въ своемъ дальнѣйшемъ развитіи. На это можно замѣтить, что Чернышевскій пошелъ здѣсь гораздо дальше Гегеля. Гегель говоритъ о формальномъ сходствѣ третьей фазы развитія съ первою. но онъ не говорилъ о полномъ *тожествѣ* этихъ фазъ. Чернышевскій же какъ будто предполагаетъ полное тожество. Слѣдуя Гегелю, дѣйствительно можно предположить, что народы, начавъ съ *общественной* собственности, возвратятся къ ней впослѣдствіи, но нельзя сказать, что народы возвратятся именно къ тѣмъ формамъ общиннаго владѣнія, съ которыхъ они начали свое развитіе. А если можно ожидать этого, то зачѣмъ останавливаться на сельской общинѣ съ передѣлами? Надо предполагать въ такомъ случаѣ, что народы вернутся къ первобытнымъ родовымъ учрежденіямъ, такъ какъ сама сельская община является ихъ остаткомъ и дальнѣйшимъ видоизмѣненіемъ. Но на такое предположеніе едва ли кто отважится въ настоящее время. Ссылаясь на Гегеля, Чернышевскій упустилъ изъ виду двѣ важнѣйшія особенности гегелевской философіи. Во первыхъ, у Гегеля всякое развитіе, — и въ логикѣ, и въ природѣ, и въ общественныхъ отношеніяхъ — совершается само изъ себя, силой своей внутренней, „имманентной“, діалектики. Чернышевскому слѣдовало показать, что въ русской общинѣ есть именно та внутренняя логика отношеній, которая современемъ должна привести ее отъ общиннаго *владѣнія* землею къ общинной ея *обработкѣ* и къ общинному *пользованію* ея продуктами. Вѣдь именно въ интересахъ такой

формы общественной собственности и отстаивалъ онъ общинное землевладѣніе: ему казалось, что община облегчитъ переходъ къ ней. Но Чернышевскій не сдѣлалъ этого, такъ какъ, вообще, возлагая свои надежды главнымъ образомъ на распространеніе знаній, онъ мало обращалъ вниманія на ту *внутреннюю логику общественныхъ отношеній, подъ вліяніемъ которой совершается развитіе человѣчества.* А кромѣ того Чернышевскій забылъ о всегдашнемъ вниманіи къ дѣйствительности, которое, по его собственнымъ словамъ, характеризовало Гегеля. Припомнимъ, какъ онъ излагалъ взгляды Гегеля въ „Очеркахъ гоголевскаго періода русской литературы“: „Отвлеченной истины нѣтъ, истина конкретна, т. е. опредѣлительное сужденіе можно произносить только объ опредѣленномъ фактѣ, разсмотрѣвъ всѣ обстоятельства, отъ которыхъ онъ зависитъ: пагубна или плодотворна война? Вообще нельзя отвѣчать на это рѣшительнымъ образомъ: надобно знать, о какой войнѣ идетъ дѣло, все зависитъ отъ обстоятельствъ времени и мѣста“. Совершенно такъ же слѣдовало разсуждать и объ общинѣ: хорошая или плохая вещь поземельная община? Вообще нельзя отвѣчать на это рѣшительнымъ образомъ: надобно знать, о какой общинѣ идетъ дѣло; все зависитъ отъ обстоятельствъ времени и мѣста. Но Чернышевскій разсуждалъ не такъ. Онъ вдался въ отвлеченность и такимъ образомъ совершенно измѣнилъ духу той самой философіи, на которую ссылался въ своей главной полемической статьѣ*).

Справедливо считая частную собственность лишь промежуточной формой въ развитіи экономическихъ отношеній, Чернышевскій сильно

*) Кажется, Чернышевскій былъ противъ круговой поруки. Мы предполагаемъ это вотъ почему. Въ библіографической замѣткѣ о брошюрѣ Гана: „О настоящемъ бытѣ мѣщанъ Саратовской губерніи“ онъ безъ всякой оговорки приводитъ то мнѣніе разбираемаго имъ автора, что круговая порука вредно отзывается на благосостояніи плательщиковъ. „Кто исправнѣе платитъ, на того и накладываютъ больше“, говоритъ Ганъ. Чернышевскій, повидимому, совершенно съ нимъ согласенъ (См. Совр. 1861, Январь, Русская литература, стр. 14). Оставляя въ сторонѣ мѣщанъ, мы спросимъ, какъ же современное государство можетъ безъ круговой поруки обезпечить себѣ исправный взносъ податей крестьянами-общинниками? Если крестьянскіе участки составляютъ собственность общины и потому не могутъ быть отчуждаемы въ случаѣ податной несостоятельности отдѣльныхъ домохозяевъ, то вся община должна отвѣчать за несостоятельность плательщиковъ. Въ этомъ случаѣ круговая порука не только естественна, но просто необходима. Наоборотъ, если земельные участки составляютъ собственность отдѣльныхъ дворовъ, то круговая порука теряетъ всякое основаніе, но тогда приходится допустить отчуждаемость участковъ въ случаѣ несостоятельности домохозяевъ. Правда, теорія допускаетъ еще и третій выходъ; говоря отвлеченно, можно уничтожить круговую поруку, а въ тоже время признать принадлежность земли общинѣ и ея полную неотчуждаемость. Но какъ сдѣлать это на практикѣ? Какъ будетъ поступать государство съ несостоятельными плательщиками? Продавать ихъ движимость? Но вѣдь продажа движимости легко можетъ повести и часто уже теперь ведетъ за собою полную невозможность для крестьянина обработывать доставшуюся ему въ надѣлъ землю. Или можетъ быть скотъ и всѣ хозяйственныя орудія также должны быть признаны неотчуждаемыми? Но много ли останется у средняго русскаго крестьянина подлежащей продажѣ движимости, если мы исключимъ изъ нея скотъ и хозяйственныя орудія? Опытъ показываетъ, что въ такихъ случаяхъ у крестьянъ остается одна только движимость: ихъ собственное тѣло, которое и подвергается истязанію за недоимки. Но вѣдь истязаніе недоимщиковъ не можетъ быть признано удовлетворительнымъ рѣшеніемъ вопроса, который необходимо долженъ быть разрѣшенъ, потому что государство, разумѣется, не согласится лишить себя всякихъ гарантій исправнаго взноса податей. Напомнимъ, однако, читателю, что въ

напиралъ на то обстоятельство, что по мнѣнію Гегеля промежуточныя фазы развитія могутъ, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, значительно сокращаться или даже вовсе не имѣть мѣста. За это въ особенности ухватились впослѣдствіи наши народники, всѣ программы которыхъ основывались именно на томъ предположеніи, что капитализмъ — эта промежуточная фаза въ развитіи человѣчества — не будетъ имѣть мѣста въ Россіи. Отвлеченно говоря, подобныя сокращенія промежуточныхъ фазъ вполнѣ возможны. Но отъ возможности извѣстнаго явленія еще очень далеко до его дѣйствительности. Чтобы то или иное, возможное въ теоріи, явленіе осуществилось въ дѣйствительной жизни, нужны извѣстныя конкретныя условія, другими словами нужна достаточная для этого причина. Въ то время когда Чернышевскій отстаивалъ русское общинное землевладѣніе, онъ могъ считать причиной, достаточной для устраненія „язвы пролетаріатства„ добрую волю русскаго правительства, которому, казалось, не трудно было понять, что его собственная выгода зависитъ отъ благосостоянія крестьянства. Но правительство не поняло этого, а потому и не было у насъ достаточной причины для устраненія „язвы пролетаріатства“ и связанной съ ней фазы экономическаго развитія. Чернышевскій и самъ, какъ мы знаемъ, очень скоро понялъ всю естественность подобнаго непониманія со стороны правительства. Онъ считалъ безполезнымъ защищать не только общинное землевладѣніе, но и самый принципъ надѣленія освобожденныхъ крестьянъ землею. По его сильному безпощадно, рѣзкому выраженію онъ „сталъ глупъ въ своихъ собственныхъ глазахъ“ и „стыдился той безвременной самоувѣренности“, съ которой выступилъ на защиту общиннаго землевладѣнія. Но того, чего стыдился Чернышевскій, не стыдятся современные народники. Они и до сихъ поръ толкуютъ о вѣковѣчныхъ устояхъ народнаго быта и о сокращеніи въ фазахъ развитія, — сокращеніи, для котораго они не указываютъ никакой причины, кромѣ своихъ собственныхъ „идеаловъ“. Но эта причина ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть признана достаточной. Зато мы можемъ безъ труда найти достаточную причину упорства нашихъ народниковъ. Она заключается между прочимъ въ томъ пристрастіи маленькихъ учениковъ къ ошибкамъ великихъ учителей, о которомъ мы уже говорили выше. Впрочемъ, мы еще увидимъ, что самъ Чернышевскій совсѣмъ не такъ смотрѣлъ на русскую общину, какъ современные народники*).

то время, когда Чернышевскій считалъ еще нужнымъ защищать общину, онъ надѣялся, что они будутъ поставлены въ довольно благопріятное экономическое положеніе, при которомъ вопросъ о податяхъ не былъ бы такимъ жгучимъ, какимъ онъ сталъ въ настоящее время.

*) Что касается сокращенія извѣстныхъ фазъ развитія, то Чернышевткій прекрасно понималъ, что не всегда данная фаза, при своемъ сокращеніи, приводитъ къ такимъ же результатамъ, къ какимъ приводитъ она при большей продолжительности. Въ „Полемическихъ Красотахъ“ (соч. т. 1, стр. 373) онъ указываетъ на сигары которыя пріобрѣтаютъ особенно цѣнныя для курильщиковъ качества, подвергаясь медленному процессу высыханія и связанныхъ съ нимъ химическихъ измѣненій. Но попробуйте сократить продолжительность этого процесса высыханія и сразу искусственно высушить свѣжія сигары. По словамъ нашего автора, хорошаго въ такихъ сигарахъ будетъ немного. Что же это значитъ? Это значитъ, что иной ходъ процесса ведетъ за собою иные

Начавшись съ общиннаго землевладѣнія, споръ Чернышевскаго съ нашими либеральными экономистами принялъ скоро болѣе широкій теоретическій характеръ и перешелъ къ общимъ вопросамъ экономической политики. Вѣрные догматамъ вульгарной экономіи, подъ вліяніемъ которой сложились всѣ ихъ воззрѣнія, наши манчестерцы поспѣшили выдвинуть на сцену свою главную научную твердыню: *принципъ государственнаго невмѣшательства*. Они знали, что на этомъ принципѣ основывалось все ученіе Бастіа и его эпигоновъ, и наивно полагали, что сильнѣе Бастіа нѣтъ никого на свѣтѣ. Разумѣется, дѣло приняло такой оборотъ, что споръ о невмѣшательствѣ государства въ экономическую жизнь народа послужилъ поводомъ лишь для новаго торжества Чернышевскаго. Хорошо знакомый съ экономической и соціалистической литературой, онъ безъ всякихъ усилій, шутя и посмѣиваясь, въ пухъ и прахъ разбивалъ всю бастіановскую премудрость. Его статья „*Экономическая дѣятельность и законодаельтство*“ можетъ считаться однимъ изъ самыхъ ловкихъ опровержевій теоріи „laissez faire, laissez pa ser“ не только въ русской экономической литературѣ, гдѣ Чернышевскій до сихъ поръ занимаетъ первое мѣсто, но и вообще въ литературѣ европейскаго соціализма. Нашъ авторъ пускаетъ въ ней въ дѣло всю свою діалектическую силу и всю свою полемическую ловкость. Онъ какъ бы забавляется этой борьбой, въ которой онъ съ такою легкостью отражаетъ удары противниковъ. Онъ играетъ съ ними, какъ кошка съ мышью; дѣлаетъ имъ всевозможныя уступки, выражаетъ готовность согласиться съ любымъ изъ ихъ положеній, принять любое толкованіе всякаго даннаго положенія, и уже только потомъ, давши имъ, повидимому, всѣ шансы побѣды, поставивъ ихъ въ самыя благопріятныя для ихъ торжества условія, — переходитъ въ наступленіе, и тремя- четырьмя силлогизмами приводитъ ихъ къ нелѣпости, Затѣмъ начинаются новыя уступки, новыя, еще болѣе благопріятныя истолкованія того же положенія и новыя доказательства его нелѣпости. А въ концѣ статьи Чернышевскій, по своему обыкновенію, читаетъ своимъ противникамъ назиданіе и даетъ имъ почувствовать, до какой степени они не имѣютъ понятія не только о строгихъ пріемахъ научнаго мышленія, но и о самыхъ первоначальныхъ требованіяхъ простого здраваго смысла. Замѣчательно, что принципъ государственнаго невмѣшательства, имѣвшій у насъ такихъ горячихъ сторонниковъ въ концѣ пятидесятыхъ и въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, вскорѣ былъ почти совершенно оставленъ русскими экономистами. Это въ значильной степени объясняется какъ общимъ состояніемъ нашей промышленности и торговли, такъ и послѣдующимъ вліяніемъ на нашихъ теоретиковъ нѣмецкой катедеръ- соціалистической

химическіе результаты. Не то ли же и въ общественной жизни? Нѣтъ ли основанія думать, что болѣе или менѣе продолжительный процессъ капиталистическаго развитія создаетъ такія политическія, умственныя и нравственныя качества трудящагося класса, какихъ мы вовсе не найдемъ въ народѣ, не покидавшемъ въ теченіи всей своей исторіи допотопныхъ „устоевъ“ своего быта? Нельзя ли опасаться, что такой народъ откажется не только отъ промежуточныхъ, но и отъ всякихъ другихъ „фазъ развитія“ и станетъ представлять къ начальству людей, рекомендующихъ ему прямо перейти въ послѣднюю фазу общественнаго прогресса? какъ думаютъ народники?

школы. Но, несомнѣнно, много значитъ въ этомъ случаѣ и то, что названный принципъ уже при самомъ началѣ его распространенія въ русской литературѣ встрѣтилъ такого могучаго противника, какъ Н. Г. Чернышевскій. Разъ получивши хорошій урокъ, русскіе манчестерцы почли благоразумнымъ смолкнуть, стушеваться и сойти со сцены.

IX

Не по однимъ только экономическимъ вопросамъ приходилось Чернышевскому вести ожесточенную полемику. И при томъ противниками его были не одни только либеральные экономисты. Чѣмъ вліятельнѣе становился кружокъ „Современника" въ русской литературѣ, тѣмъ болѣе нападокъ сыпалось съ самыхъ различныхъ сторонъ и на этотъ кружокъ вообще и на нашего автора въ частности. Сотрудниковъ „Современника" считали опасными людьми, готовыми ниспровергнуть всѣ пресловутыя „основы". Нѣкоторые изъ „друзей Бѣлинскаго", въ началѣ еще считавшіе возможнымъ идти рядомъ съ Чернышевскимъ и его единомышленниками (между которыми первое мѣсто занималъ Н. А. Добролюбовъ), отшатнулись отъ „Современника", какъ отъ органа „нигилистовъ", и стали кричать о томъ, что Бѣлинскій никогда не одобрилъ бы принятаго имъ направленія. Такъ поступилъ И. С. Тургеневъ*). Даже самъ радикальный Герценъ сталъ ворчать въ своемъ „*Колоколѣ*" на „желчевиковъ" и „свистуновъ", которые отрицаютъ ради отрицанія, глумятся ради глумленія и которымъ угодить будто бы рѣшительно ничѣмъ невозможно. Читатель знаетъ, конечно, что „свистунами" или иначе „рыцарями свистопляски" называли сотрудниковъ „Современника" съ тѣхъ поръ, какъ при немъ сталъ появляться, въ видѣ особаго приложенія, „Свистокъ", занимавшійся безпощаднымъ осмѣяніемъ всѣхъ литературныхъ и общественыхъ проявленій самодурства, фразерства, обскурантизма и педантизма. Впрочемъ, большинство статей въ „Свисткѣ" принадлежитъ не Чернышевскому; онъ только изрѣдка принималъ въ немъ участіе, такъ какъ былъ буквально заваленъ другой работой. Въ послѣдніе годы своей литературной дѣятельности онъ не только аккуратно писалъ для каждой книжки „Современника", но почти всегда въ каждой книжкѣ было по нѣскольку его статей. Обыкновенно статьи его распредѣлялись по различнымъ отдѣламъ журнала такимъ образомъ: онъ давалъ, во первыхъ, большую статью по какому нибудь общему теоретическому вопросу; затѣмъ писалъ политическое обозрѣніе, дѣлалъ обзоръ русской, а иногда и иностранной литера-

*) Чернышевскій разсказываетъ, что Тургеневъ могъ еще выносить его до нѣкоторой степени, но за то уже окончательно не терпѣлъ Добролюбова. „Вы простая змѣя, а Добролюбовъ—очковая"— говорилъ онъ Чернышевскому. [См. уже цитированное письмо „Въ изъявленія признательности").

туры, разбиралъ нѣсколько новыхъ книгъ, и наконецъ, какъ бы для отдыха и развлеченія, охотно предпринималъ еще полемическія вылазки противъ своихъ противниковъ. „Современникъ“ 1861 года особенно богатъ полемическими статьями Чернышевскаго. Къ этому году относятся его извѣстныя „Полемическія красоты“, „Національная безтактность“ (противъ львовскаго „Слова“), „Народная безтолковость“ (противъ аксаковскаго „Дня“) и многія полемическія замѣтки въ отдѣлѣ русской и иностранной литературы. На нѣкоторыхъ изъ этихъ полемическихъ статей необходимо остановиться.

О „Полемическихъ красотахъ“ мы много говорить не будемъ. Статьи эти составляютъ отвѣтъ на нападки „Русскаго Вѣстника“ и „Отечественныхъ Записокъ“. Для историка нашей литературы, конечно, очень интересно будетъ припомнить, съ какими доводами выступали враги „Современника“; для характеристики же Чернышевскаго нѣтъ надобности подробно разсказывать, какіе странные и часто рѣшительно ни съ чѣмъ несообразные упреки дѣлалъ ему Катковъ, Альбертини или Дудышкинъ. Но въ статьѣ, направленной противъ „Русскаго Вѣстника“, нашъ авторъ высказываетъ, между прочимъ, чрезвычайно интересный взглядъ на свою собственную литературную дѣятельность. Мы приведемъ его здѣсь. Чернышевскій прекрасно знаетъ, что занялъ въ русской литературѣ выдающееся мѣсто. Его противники очень боятся его и временами начинаютъ даже говорить ему комплименты. Но его ни мало не радуетъ его возростающая извѣстность. Онъ слишкомъ низко ставитъ русскую литературу, чтобы считать почетнымъ занимаемое имъ въ ней выдающееся мѣсто. Онъ „совершенно мертвъ къ своей литературной репутаціи“. Его интересуетъ только одинъ вопросъ: съумѣетъ-ли онъ сохранить свѣжесть мысли и чувства до той лучшей поры, когда литература наша станетъ дѣйствительно полезной обществу. „Я знаю, что будутъ лучшія времена литературной дѣятельности, когда будетъ она приносить обществу дѣйствительную пользу, и будетъ дѣйствительно заслуживать доброе имя тотъ, у кого есть силы. И вотъ я думаю: сохранится-ли у меня къ тому времени способность служить обществу какъ слѣдуетъ? Для этого нужна свѣжесть силъ, свѣжесть убѣжденія. А я вижу, что уже начинаю входить въ число „уважаемыхъ“ писателей, то есть писателей истаскавшихся, отстающихъ отъ движенія общественныхъ потребностей. Это горько. Но что дѣлать? Лѣта берутъ свое. Дважды молодъ не будешь. Я могу только чувствовать зависть къ людямъ, которые моложе и смѣлѣе меня“... Странно встрѣчаться теперь съ этими благородными опасеніями намъ, знающимъ, что когда Чернышевскій высказывалъ ихъ, ему оставалось жить на свободѣ не болѣе года. Приведенныя строки были напечатаны въ іюльской книжкѣ „Современника“ за 1861 годъ, а въ Іюлѣ слѣдующаго года онъ сидѣлъ уже въ Петропавловской крѣпости... Но можно представить себѣ, съ какимъ презрѣніемъ относился къ своимъ врагамъ этотъ человѣкъ, который при полномъ сознаніи своего огромнаго превосходства надъ ними все таки не придавалъ цѣны даже и своимъ собственнымъ литературнымъ заслугамъ. И дѣйствительно, почти каждая страница „Полемиче-

скихъ красотъ“ дышетъ холоднымъ презрѣніемъ къ порицателямъ „Современника“. Имъ отличается въ особенности отвѣтъ „Отечественнымъ Запискамъ“. Чернышевскій нисколько не сердится на своихъ оппонентовъ изъ „Отечественныхъ Записокъ“. Онъ поучаетъ ихъ почти ласково, какъ поучаетъ добрый педагогъ провинившагося школьника. Конечно, добрый педагогъ, журя своего питомца, говоритъ ему подчасъ очень горькія истины и ни мало не скрываетъ своего умственнаго превосходства надъ нимъ. Но онъ дѣлаетъ это единственно въ интересахъ питомца. Такъ поступаетъ и Чернышевскій. Онъ не забываетъ ни одной ошибки, ни одного промаха „Отечественныхъ Записокъ“ и отечески журитъ редакцію за неловкость. Онъ досадуетъ на нихъ больше всего за ту неосторожную горячность, съ какой они кинулись въ борьбу съ нимъ. Куда же вамъ со мной полемизировать, повторяетъ онъ имъ, показавши полнѣйшую несостоятельность того или другого изъ возводимыхъ ими на него обвиненій. При случаѣ онъ прямо говоритъ, что знаетъ гораздо больше и понимаетъ вещи гораздо глубже ихъ, что они просто не въ состояніи оцѣнить тѣхъ новыхъ идей, которыя онъ проводитъ въ литературѣ. Вы хотите знать, какъ обширны мои знанія? обращается онъ къ Дудышкину, обвинявшему его, со словъ другихъ журналовъ, въ нахальномъ невѣжествѣ. „На это могу отвѣчать вамъ только одно: несравненно обширнѣе вашихъ. Да это вы и сами знаете. Такъ зачѣмъ же вы добивались получить печатно такой отвѣтъ? Неразсудительно, неразсудительно вы подводили себя подъ него. Да вы, пожалуйста, не примите этого за гордость: есть чѣмъ тутъ гордиться, что знаешь гораздо больше, нежели вы. И опять таки не примите этого такъ, что я хочу сказать, будто вы имѣете слишкомъ мало знаній. Нѣтъ, ничего-таки: коечто знаете, и вообще вы человѣкъ образованный. Только зачѣмъ же вы такъ плохо полемизируете“ и т. д. — Все это было можетъ бы быть слишкомъ рѣзко, если бы не было безусловно справедливо.

Не щадитъ теперь Чернышевскій и славянофиловъ, о которыхъ прежде отзывался съ уваженіемъ. Теперь они уже не кажутся ему искренними друзьями просвѣщенія. Тенденціи славянофиловъ настолько уже выяснились къ началу шестидесятыхъ годовъ, что ихъ скорѣе можно было назвать обскурантами. Конечно, они по прежнему защищали общину и отстаивали крестьянское замлевладѣніе. Но теперь Чернышевскій уже не придавалъ этому значенія. А кромѣ защиты названныхъ принциповъ въ тогдашней славянофильской литературѣ были только нелѣпыя выходки противъ гніющаго и лукаваго Запада, да приторныя восхваленія православія, самодержавія и прочихъ, подобныхъ этому, прелестей самобытной россійской дѣйствительности. И вотъ Чернышевскій рѣшается дать имъ урокъ. Поводомъ къ этому послужило появленіе газеты И. Аксакова „День“, въ первыхъ №№ которой было нѣсколько выходокъ противъ „Современника“. Чернышевскій отвѣчалъ въ статьѣ „Народная безтолковость“. Грубость выбраннаго имъ заглавія онъ объясняетъ тѣмъ, что проникшись славянофильскими доводами, онъ рѣшился избѣгать употребленія иностранныхъ словъ, которыя могли бы, неизмѣняя названія статьи по существу, придать ему болѣе вѣжливую форму.

Чернышевскій всегда былъ самымъ горячимъ западникомъ. И если сочувствіе къ общинному землевладѣнію на время и до извѣстной степени сблизило его со славянофилами, то онъ, тѣмъ не менѣе, всегда прекрасно понималъ нелѣпость ихъ толковъ о разложеніи Запада и объ обновленіи человѣчества посредствомъ византійскихъ преданій. Уже въ „Очеркахъ гоголевскаго періода“ высказался онъ на этотъ счетъ хотя и мягко, но очень рѣшительно. Источникъ мнѣній славянофильскихъ писателей о гніеніи запада и о банкротствѣ его философіи онъ видитъ въ томъ, что даже лучшіе изъ нихъ не знакомы съ истиннымъ положеніемъ западно-европейскихъ дѣлъ и съ направленіемъ передовой западно-европейской мысли. Для Чернышевскаго Западъ не хилый старикъ; напротивъ, это юноша, и юноша бодрый и свѣжій, „который (устами своихъ передовыхъ мыслителей) говоритъ: кое-что я знаю, но очень многому мнѣ еще остается учиться, я еще горю жаждой большаго знанія и учусь довольно успѣшно... Мнѣ еще остается много трудиться, чтобы обезпечить себѣ прочное, безбѣдное существованіе; но трудиться я готовъ, силъ у меня довольно и пожалуйста не отчаявайтесь за мое будущее“*). По вопросу о будущности европейскаго Запада Чернышевскій сильно расходился не только со славянофилами, — что понятно само собою, — но даже и съ Герценомъ, для котораго не прошли безслѣдно его сношенія съ московскимъ славянофильскимъ кружкомъ сороковыхъ годовъ, и который не рѣдко высказывалъ то опасеніе, что Западъ, додумавшись до соціализма, уже не въ силахъ будетъ осуществить его программы, какъ древній Римъ не въ силахъ, будто бы, былъ осуществить требованій христіанства. Само собою разумѣется, что въ виду этой мнимой несостоятельности Запада Россія представлялась обѣтованной страной соціализма, призванной къ обновленію одряхлѣвшаго человѣчества. По всей вѣроятности именно противъ этого взгляда Герцена направлена уже цитированная нами статья Чернышевскаго „*О причинахъ паденія Рима*“. Авторъ прямо говоритъ въ ней, что съ такими „чудаками“ какъ славянофилы о судьбахъ Запада не стоитъ уже и спорить, и что онъ берется за перо, имѣя въ виду другихъ людей, обладающихъ человѣческимъ смысломъ. Этимъ-то людямъ со смысломъ онъ и доказываетъ, что западная Европа ни въ какомъ случаѣ не могла истощить своихъ силъ, такъ какъ ея историческая судьба до самого новѣйшаго времени опредѣлялась дѣятельностью одного только сословія: аристократіи. Даже среднее сословіе сдѣлалось господствующимъ на материкѣ Европы лишь въ ближайшую къ намъ эпоху. А за среднимъ сословіемъ стоитъ еще низшій классъ, не имѣвшій до сихъ поръ прямого вліянія на судьбы Европы. На какомъ основаніи думаютъ, спрашиваетъ Чернышевскій, что это новое сословіе, въ свою очередь выступивъ на историческую арену, не съумѣетъ рѣшить тѣхъ общественныхъ задачъ, которыхъ не могли рѣшить высшія сословія? Думать такъ нѣтъ рѣшительно никакого основанія, а слѣдовательно нѣтъ основанія и для опасенія за судьбу Запада. Бояться же новаго пришествія варваровъ просто смѣшно въ виду

*) Современникъ 1856 г. Февраль, Критика, стр. 75.

огромнаго превосходства силъ цивилизованнаго міра. Наконецъ, что касается Россіи и ея мнимаго призванія къ обновленію человѣчества, то Чернышевскій безпощадно разоблачаетъ неосновательность подобнаго патріотическаго самообольщенія. Единственной достойной сочувствія особенностью нашего соціальнаго быта онъ признаетъ общинное землевладѣніе. Но и общинное землевладѣніе не находитъ пощады передъ его критикой. Община могла бы, по мнѣнію Чернышевскаго, принести свою долю пользы въ дальнѣйшемъ развитіи Россіи, однако гордиться ею все таки нельзя, потому что она есть признакъ нашей экономической отсталости. Любя пояснять всякую свою мысль примѣрами, Чернышевскій и здѣсь приводитъ примѣръ для поясненія своего взгляда на русскую общину. Европейскіе инженеры говоритъ онъ, пользуются теперь прикладной механикой для постройки висячихъ мостовъ. Но вотъ оказывается, что въ какой то — онъ самъ хорошенько не помнитъ, въ какой — отсталой азіатской странѣ туземные инженеры давно уже строили висячіе мосты въ подходящихъ для этого мѣстностяхъ. Значитъ ли это, что азіатскую прикладную механику можно поставить на одинъ уровень съ европейской? Мостъ мосту — рознь, и висячій мостъ азіатскихъ инженеровъ безконечно далеко отстоитъ отъ европейскаго висячаго моста. Конечно, когда въ азіатской странѣ, издавна знакомой съ висячими мостами, явятся европейскіе техники, то имъ легче будетъ убѣдить иного мандарина въ томъ, что новѣйшіе висячіе мосты не представляютъ собою безбожной затѣи. Но и только. Несмотря на свои висячіе мосты, азіатская страна все таки останется отсталой страной, а Европа все таки будетъ ея учительницей. То же съ русской общиной. Она, можетъ быть, облегчитъ дѣло развитія нашей родины; но главный толчекъ для него все таки придетъ съ Запада, и обновлять человѣчество намъ, даже съ помощью общины, все таки не пристало.

Однако „чудаки“ славянофилы не только кричали объ обновленіи Европы русско-византійскимъ духомъ, но и выставляли практическую программу подобнаго обновленія. По мнѣнію „Дня“ И. Аксакова Россія должна была начать съ преподнесенія славянамъ „дара самостоятельнаго бытія подъ сѣнію крылъ русскаго орла“. Чернышевскій доказываетъ, что подобныя мысли представляютъ собою не болѣе какъ продуктъ „народной безтолковости“. Вопервыхъ, ему кажется, что у могущественнаго русскаго орла очень много своихъ домашнихъ русскихъ дѣлъ, которыхъ онъ не долженъ забывать ни для какихъ обновленій. „Если вы хотите войны, говоритъ онъ, то разсудите же, дозволяютъ ли намъ думать о войнѣ наши обстоятельства“. Во-вторыхъ, онъ полагаетъ, что наше военное вмѣшательство вооружило бы противъ освобожденія славянъ всѣ западныя державы. „Вѣдь турокъ въ Европѣ только 2 милліона, а славянъ 7 или 8 мил. Неужели не могли бы они справиться съ турками?... Имъ нужна только увѣренность, что другія державы не станутъ мѣшать ихъ освобожденію“. Если бы славянофилы дѣйствительно желали добра турецкимъ славянамъ, то они постарались бы внушить западнымъ державамъ увѣренность, что паденіе турецкой власти въ Европѣ не по-

служитъ къ поглощенію Дунайскихъ княжествъ Россіей и не поведетъ къ обращенію Константинополя въ русскій губернскій городъ. Если бы славянофилы сдѣлали это, то турецкіе славяне освободились бы и безъ нашей помощи. То же и относительно австрійскихъ славянъ. „Неужели было бы мило нѣмцамъ поддерживать Австрію, если бы не опасались они, что при паденіи этой имперія восточная половина ея подпадетъ подъ власть Россіи? „Вы возстановляете нѣмцевъ противъ освобожденія австрійскихъ славянъ, говоритъ Чернышевскій редакціи „Дня“, и прибавляетъ, что ея военный задоръ вызывается не сочувствіемъ къ славянамъ, а стремленіемъ подчинить славянскія племена русской власти.

Мимоходомъ Чернышевскій опровергаетъ также и славянофильскія разглагольствованія о коварномъ и злостномъ отношеніи Запада къ Россіи. Помилуйте, говоритъ онъ, развѣ всѣ серьезные органы европейской печати не относились съ большимъ сочувствіемъ къ важнѣйшимъ реформамъ въ Россіи? И развѣ сочувствовать успѣхамъ русской общественной жизни значитъ желать зла Россіи?

Въ слѣдующемъ году Чернышевскому пришлось еще рѣзче выступить противъ славянофиловъ. Корифеи славянофильства возъимѣли странную мысль обратиться къ сербамъ съ цѣлымъ рядомъ наивнѣйшихъ поученій. Поученія эти содержатся въ брошюрѣ „Къ Сербамъ. Посланіе изъ Москвы“, подъ которою подписались рѣшительно всѣ выдающіеся представители славянофильской партіи. Нѣкоторыя изъ содержащихся въ этой брошюрѣ мыслей просто смѣшны, другія же не только смѣшны, но еще и до-нельзя реакціонны. Такъ напр. славянофилы совѣтовали сербамъ не давать политическихъ правъ людямъ *не*православнаго вѣроисповѣданія. Чернышевскій отвѣчалъ на это „Посланіе“ ѣдкой статьей „*Самозванные старѣйшины*“.

Къ спорамъ объ отношеніи Россіи къ славянамъ вообще примѣшался споръ о взаимныхъ отношеніяхъ нѣкоторыхъ славянскихъ племенъ. Извѣстно, что славянофилы очень одобрительно относились къ борьбѣ галиційкихъ русиновъ противъ поляковъ. Чернышевскій всегда сочувствовалъ малороссамъ. Онъ видѣлъ большую ошибку въ отрицательномъ отношеніи Бѣлинскаго къ возникавшей малорусской литературѣ. Въ январьской книжкѣ „Современника“ 1861 г. онъ помѣстилъ очень сочувственную статью по поводу появленія малорусскаго органа „*Основа*“. Но къ борьбѣ галицкихъ русиновъ противъ поляковъ онъ не могъ относиться съ безусловнымъ одобреніемъ. Ему не нравилось, во-первыхъ, что русины искали поддержки у вѣнскаго правительства. Не нравилась ему также и вліятельная роль духовенства въ движеніи галицкихъ русиновъ. „О мірскихъ дѣлахъ писалъ онъ, надобно заботиться мірскимъ людямъ“. Наконецъ, не нравилась Чернышевскому и исключительно *національная* постановка того вопроса, въ которомъ Чернышевскій видѣлъ прежде всего вопросъ *экономическій*. Въ статьѣ „*Національная безтактность*“ (Совр. 1861, іюль), направленной противъ львовскаго „Слова“, Чернышевскій рѣзко напалъ на излишній націонализмъ этого органа. „Очень можетъ быть, что при точнѣйшемъ разсмотрѣніи живыхъ отношеній — писалъ онъ — львовское „*Слово*“ увидѣло бы въ основаніи дѣла вопросъ, со-

вершенно чуждый племенному вопросу — вопросъ сословный. Очень можетъ быть, что оно увидѣло бы и на той и на другой сторонѣ и русиновъ, и поляковъ — людей разнаго племени, но одинаковаго общественнаго положенія. Мы не полагаемъ, чтобы польскій мужикъ былъ враждебенъ облегченію повинностей и вообще быта русскихъ поселянъ. Мы не полагаемъ, чтобы чувства землевладѣльцевъ русинскаго племени по этому дѣлу много отличались отъ чувствъ польскихъ землевладѣльцевъ. Если мы не ошибаемся, корень галиційскаго вопроса заключается въ сословныхъ, а не въ племенныхъ отношеніяхъ".

Взаимная вражда народностей, входящихъ въ составъ Австріи, тѣмъ болѣе должна была казаться Чернышевскому безтактною, что вѣнское правительство тогда, какъ и прежде, извлекало изъ нея большія выгоды. „Какъ подумаешь хорошенько, то и не удивляешься долголѣтнему существованію Австрійской имперіи — писалъ онъ въ политическомъ обозрѣніи той же книжки „Современника", гдѣ помѣщена статья „Національная безтактность" — еще бы не держаться ей при такомъ отличномъ политическомъ тактѣ, связанныхъ ея границами національностей". Австрійскіе нѣмцы, чехи, кроаты и, какъ мы видѣли, русины одинаково казались Чернышевскому „несообразительными". Онъ боялся, что въ особенности испытанная въ 1848—49 гг. славянская „несообразительность" снова зайдетъ очень далеко. Въ началѣ шестидесятыхъ годовъ Венгрія вела упорную борьбу съ вѣнскими реакціонными централистами. Недовольство венгровъ дошло до такой степени, что одно время можно было ожидать въ ихъ странѣ революціоннаго взрыва. Нашъ авторъ не разъ высказывалъ въ своихъ политическихъ обозрѣніяхъ то опасеніе, что въ случаѣ революціоннаго движенія въ Венгріи австрійскіе славяне опять явятся покорными орудіями реакціи. Тогдашняя тактика многихъ славянскихъ племенъ Австріи способна была только усилить подобныя опасенія, такъ какъ австрійскіе славяне позволяли себѣ хвалиться тою позорною ролью, какую они играли въ событіяхъ 1848—49 гг. Строго осуждая эту тактику, Чернышевскій доказывалъ, что имъ выгоднѣе было бы, наоборотъ, поддерживать враговъ вѣнскаго правительства, отъ которыхъ они могли бы получить очень существенныя уступки. Это говорилъ онъ по поводу отношеній кроатовъ къ венграмъ, это же повторялъ и руссинамъ. „Сословная партія враждебная русинамъ, — читаемъ мы въ статьѣ „Національная безтактность„—готова теперь на уступки... Вотъ объ этомъ то и не мѣшало подумать львовскому „Слову"; быть можетъ уступки, на которыя искренно готовы люди, кажущіеся ему врагами, можетъ быть, эти уступки такъ велики, что совершенно удовлетворили бы русинскихъ поселянъ а во всякомъ случаѣ несомнѣнно то, что эти уступки гораздо больше и гораздо важнѣе всего, что могутъ получить русинскіе поселяне отъ австрійцевъ."

Наконецъ, въ то время, когда Чернышевскій полемизировалъ противъ „Слова", въ русской Польшѣ также происходило сильное политическое движеніе, къ которому онъ относился съ большимъ сочувствіемъ. И уже по этому одному выходки русскихъ подданныхъ Габс-

бургскаго дома противъ поляковъ не могли казаться ему тактичными и своевременными.

Вѣтви революціонной польской организаціи существовали и въ Петербургѣ, гдѣ почти безвыѣздно жилъ Чернышевскій. Стоялъ-ли онъ въ какихъ нибудь опредѣленныхъ, формальныхъ отношеніяхъ къ польскимъ революціонерамъ? На это нѣтъ пока никакихъ указаній. Очень можетъ быть, что разъясненію этого вопроса въ состояніи были бы способствовать польскіе историки той эпохи. Отъ русской литературы ждать ничего нельзя по весьма понятнымъ причинамъ. Современемъ скажетъ, вѣроятно, кое-что „Русская Старина", но это будетъ еще не скоро. Не желая пускаться въ догадки, мы ограничимся только тѣми данными для уясненія общихъ симпатій Чернышевскаго къ польскому дѣлу, какія можно извлечь изъ его сочиненій. Но и такихъ данныхъ не много.

Мы могли бы совсѣмъ не касаться здѣсь романа „Прологъ пролога". Тамъ изображаются дружескія отношенія Волгина (Чернышевскаго) къ Соколовскому (Сѣраковскому). Волгину нравится беззавѣтная преданность Соколовскаго своимъ убѣжденіямъ, отсутствіе въ немъ себялюбивой мелочности, умѣніе владѣть собою, соединенное съ страстной горячностью истиннаго агитатора. Волгинъ называетъ его *настоящимъ человѣкомъ* и думаетъ, что наши либералы могли бы многому у него поучиться. Все это очень интересно, но ни мало не разъясняетъ практическихъ отношеній Чернышевскаго къ польскому дѣлу, о которомъ въ романѣ нѣтъ ни слова. Изъ статей нашего автора, печатавшихся въ подцензурномъ „Современникѣ" можно видѣть только то, что онъ при случаѣ всегда высказался въ защиту Польши. Онъ защищаетъ отъ нападокъ оффиціальныхъ русскихъ писателей даже старинный польскій государственный строй, которому онъ, при своихъ демократическихъ взглядахъ, не могъ сильно сочувствовать. Но онъ хвалитъ въ немъ такія стороны общественныхъ отношеній, которымъ не придавалъ цѣны въ своихъ болѣе раннихъ статьяхъ. Какъ мы уже знаемъ, въ статьѣ „Борьба партій во Франціи" онъ обнаружилъ совершенное равнодушіе къ политическимъ формамъ. Когда онъ писалъ эту статью (въ 1858 г.), ему казалось, что демократъ не можетъ помириться *только съ одной аристократіей*, и что не смотря на политическую свободу Англіи, демократъ долженъ предпочесть ей Сибирь, гдѣ „простонародье" живетъ будто бы лучше, чѣмъ въ Англіи. Теперь Чернышевскій совсѣмъ иначе смотритъ на вопросы политическаго устройства. Старинный бытъ Польши привлекаетъ его политической свободой. „Въ польскомъ отсутствіи бюрократической централизаціи — говоритъ онъ, разбирая только что вышедшую тогда вторую часть *Архива югозападной Россіи* — лежитъ стремленіе къ осуществленію иного порядка общества, чѣмъ тотъ, къ которому доходили иныя державы (тутъ, конечно, имѣется въ виду Московское государство) — порядка, основаннаго не на принесеніи личности въ жертву отвлеченной идеѣ государства, воплощаемой волею власти, а на соглашеніи свободныхъ личностей для взаимнаго благополучія... Тутъ общественное дѣло есть результатъ общественной мысли; тутъ вѣчная борьба понятій и

убѣжденій переходитъ изъ области размышленія и слова прямо въ проявленія жизни". Положимъ, что польское общество было совершенно аристократично, „но кругъ привилегированный могъ расширяться болѣе и болѣе и обнять заброшенную, отверженную, лишенную всякихъ правъ массу народа, еслибы понятія о гражданственности сдѣлались шире и возрасли бы до общечеловѣческихъ идей, не связуемыхъ временными, ограничивающими ихъ полноту предразсудками"*). До такихъ увлеченій въ защитѣ стараго быта Польши не всегда доходили и польскіе демократы. Вѣдь весь вопросъ сводился именно къ тому, какимъ образомъ можно было привести польскихъ магнатовъ къ признанію „общечеловѣческихъ идей".

По вопросу объ историческихъ результатахъ соединенія Великаго Княжества Литовскаго съ Польшей, Чернышевскій также очень сильно расходится съ нашими офиціальными историками. „Неужели состояніе Руси во времена Ольгердовъ, Любартовъ, Скиргайловъ, Свидригайловъ было лучше, чѣмъ при Сигизмундахъ въ XVI и въ XVII вѣкахъ? восклицаетъ онъ въ отвѣтъ историкамъ, которые соединеніе съ Польшею выставляли единственной причиной всего дурного въ западной Россіи. „Пора перестать намъ быть односторонними, быть несправедливыми къ Польшѣ, продолжаетъ онъ,—признаемъ по крайней мѣрѣ благотворность ея вліянія на Русь хоть по отношенію къ просвѣщенію. Возьмемъ степень умственнаго образованія въ тѣхъ частяхъ русскаго міра, который соединился съ Польшею, и сравнимъ ее съ тѣмъ, что въ этомъ отношеніи было въ той части нашего общерусскаго отечества, которая оставалась самобытной — въ формѣ Московскаго государства. Не изъ Малороссіи-ли пошло просвѣщеніе въ Москву XVII вѣка и не оно ли приготовило все послѣдующее наше образованіе? И не подъ вліяніемъ ли Польши оно возрасло въ Малороссіи?"

Въ ополяченіи западной Россіи виноваты, по мнѣнію Чернышевскаго, также не поляки. Высшій классъ въ западной Россіи имѣлъ и права и средства отстоять свою вѣру и свой языкъ и спасти отъ униженія свой народъ, впрочемъ, имъ же самимъ порабощенный. Если западнорусская аристократія тѣмъ не менѣе совершенно ополячилась, то винить въ этомъ нужно ее и только ее. „Сами не умѣли себя сохранить, нечего на другихъ взваливать свою вину"— замѣчаетъ нашъ авторъ.

X

Революціонное настроеніе польскаго общества совпало съ сильнымъ возбужденіемъ крайней партіи въ Россіи. Волновалась учащаяся молодежь, возникали тайныя общества, печатавшія революціонныя программы и прокламаціи, ждали возстанія недовольнаго „не настоящей волей" крестьянства. Мы видѣли, что Чернышевскій самъ вѣрилъ въ

*) Совр. 1861 г. апрѣль, Новыя книги, стр. 443 и слѣдующія.

возможность подобнаго возстанія; но по вопросу объ его отношеніяхъ къ тогдашнимъ тайнымъ обществамъ въ Россіи мы, къ сожалѣнію, знаемъ такъ же мало, какъ и объ отношеніяхъ его къ польскимъ организаціямъ. Здѣсь мы также можемъ говорить лишь о настроеніи Чернышевскаго, выражавшемся полу-словами и намеками въ его статьяхъ, напечатанныхъ въ „Современникѣ". Настроеніе это несомнѣнно становилось все болѣе и болѣе революціоннымъ. Чернышевскій, находившій когда-то возможнымъ и полезнымъ разъяснять правительству его собственныя выгоды въ дѣлѣ крестьянскаго освобожденія, теперь уже и не думаетъ обращаться къ правительству. Всякія сдѣлки съ нимъ, всякіе разсчеты на него справедливо кажутся ему вреднѣйшимъ самообольщеніемъ. Въ статьѣ „*Русскій реформаторъ*", написанной по поводу выхода книги барона М. Корфа, „*Жизнь графа Сперанскаго*", Чернышевскій подробно доказываетъ, что никакой реформаторъ въ дѣлѣ серьозныхъ общественныхъ реформъ не можетъ разсчитывать у насъ на правительство. Тѣмъ менѣе могутъ разсчитывать на него революціонеры. Враги называли Сперанскаго революціонеромъ, но такой отзывъ о немъ кажется Чернышевскому смѣшнымъ. У Сперанскаго были дѣйствительно очень широкіе планы преобразованій, но „смѣшно называть Сперанскаго революціонеромъ по размѣру средствъ, какими онъ думалъ пользоваться для исполненія своихъ проэктовъ". Онъ держался исключительно только тѣмъ, что успѣлъ пріобрѣсть довѣріе императора Александра. Опираясь на это довѣріе, онъ и думалъ совершить свои реформы. И именно поэтому онъ казался Чернышевскому вреднымъ мечтателемъ. Мечтатели часто бываютъ просто смѣшны, а ихъ самообольщенія мелочны, но они „могутъ быть вредны обществу, когда обольщаются въ серьезныхъ дѣлахъ. Въ своей восторженной хлопотливости на ложномъ пути, они какъ будто добиваются нѣкотораго успѣха и тѣмъ сбиваютъ съ толку многихъ, заимствующихъ изъ этого мнимаго успѣха мысль идти тѣмъ же ложнымъ путемъ. Съ этой стороны дѣятельность Сперанскаго можно назвать вредною" *).

Намекая молодежи на необходимость революціоннаго способа дѣйствій, Чернышевскій въ то же время объяснялъ ей, что революціонеру, ради достиженія его цѣлей, часто приходится становиться въ такія положенія, до какихъ никогда не можетъ допустить себя честный человѣкъ, преслѣдующій чисто личныя задачи. Такъ, еще въ январѣ 1861 г. Чернышевскій, разбирая одну книгу американскаго экономиста Кэри, неожиданно переходитъ къ разсужденіямъ объ извѣстной еврейской героинѣ Юдиѳи и горячо оправдываетъ ея поступокъ. „Историческій путь не троттуаръ Невскаго Проспекта, замѣчаетъ нашъ авторъ; онъ идетъ цѣликомъ черезъ поля, то пыльныя, то грязныя, то черезъ болота, то черезъ дебри. Кто боится быть покрытъ пылью и выпачкать сапоги, тотъ не принимайся за общественную дѣятельность: она занятіе благотворное для людей, когда вы думаете дѣйствительно о пользѣ людей, но занятіе не совсѣмъ опрятное. Правда, впрочемъ, что нравственную чистоту можно понимать различно:

*) Современникъ 1861 г., октябрь, Русская Литер., стр, 249-250.

иному, можетъ быть, кажется, что напр. Юдиѳь не запятнала себя... Расширьте кругъ вашихъ соображеній, и у васъ по многимъ частнымъ вопросамъ явятся обязанности, различныя отъ тѣхъ, какія слѣдовали бы изъ изолированнаго поставленія тѣхъ же вопросовъ.“

По отношенію къ русскому правительству тонъ Чернышевскаго становится все болѣе и болѣе вызывающимъ. Въ началѣ шестидесятыхъ годовъ правительство рѣшило нѣсколько ослабить цензурныя стѣсненія. Рѣшено было написать новый цензурный уставъ, и печати позволили высказаться по вопросу объ ея собственномъ обузданіи. Чернышевскій не замедлилъ выяснить свое мнѣніе на этотъ счетъ, мнѣніе сильно расходившееся съ обычнымъ либеральнымъ взглядомъ. Правда, Чернышевскій самъ ѣдко смѣется надъ тѣми людьми, которые полагаютъ, что типографскій станокъ имѣетъ какую-то специфическую силу въ родѣ белладоны, сѣрной кислоты, гремучаго серебра и т. п. „Наше личное мнѣніе не расположено къ ожиданію ненатуральновредоносныхъ результатовъ отъ предметовъ и дѣйствій, въ которыхъ нѣтъ силы производить такія бѣдствія. Мы думаемъ, что для произведенія общественныхъ бѣдъ типографскій станокъ слишкомъ слабъ. Вѣдь нѣтъ на немъ столько чернилъ, чтобы, прорвавшись какъ нибудь, затопили они страну, и нѣтъ въ немъ такихъ пружинъ, чтобы, сорвавшись какъ нибудь и хлопнувъ по литерамъ, стрѣльнули онѣ ими какъ картечью.“ Однако Чернышевскій признаетъ, что бываютъ такія эпохи, когда печать можетъ оказаться опасною для правительства данной страны не менѣе картечи. Это именно такія эпохи, когда интересы правительства *расходятся съ интересами общества* и приближается революціонный взрывъ. Находясь въ подобномъ положеніи, правительство имѣетъ всѣ основанія стѣснять печать, потому что печать, наравнѣ съ другими общественными силами, готовитъ его паденіе. Въ такомъ положеніи постоянно находились почти всѣ часто смѣнявшіяся французскія правительства нынѣшняго вѣка. Все это очень обстоятельно и спокойно изложено Чернышевскимъ. О русскомъ правительствѣ до самаго конца статьи нѣтъ и рѣчи. Но въ заключеніе Чернышевскій неожиданно спрашиваетъ читателя, — а что если бы оказалось, что законы о печати дѣйствительно нужны у насъ? „Тогда мы вновь заслужили бы имя обскурантовъ, враговъ прогресса, ненавистниковъ свободы, панегиристовъ деспотизма и т. д., какъ уже много разъ подвергали себя такому нареканію.“ Поэтому онъ и не хочетъ изслѣдовать вопроса о надобности или ненадобности спеціальныхъ законовъ о печати у насъ. „ Мы опасаемся, говоритъ онъ, — что добросовѣстное изслѣдованіе привело бы насъ къ отвѣту: да, они нужны.“*) Выводъ ясенъ: нужны потому, что Россія вступила въ революціонный періодъ своего развитія.

Въ той же мартовской книжкѣ „Современника“, въ которой была напечатана цитированная статья, появилась также полемическая замѣтка: „*Научились-ли?*“ по поводу извѣстныхъ студенческихъ безпорядковъ 1861 года. Чернышевскій защищаетъ въ ней студентовъ отъ упрека въ нежеланіи учиться, который дѣлали имъ наши „охра-

*) Совр. 1862 г. мартъ. статья: „Французскіе законы по дѣламъ печати“

нители", и по пути высказываетъ также много горькихъ истинъ правительству. Ближайшимъ поводомъ къ этой полемикѣ послужила статья неизвѣстнаго автора въ „С. Петербургскихъ Академическихъ Вѣдомостяхъ" подъ заглавіемъ: „*Учиться или не учиться?*" Чернышевскій отвѣчаетъ, что по отношенію къ студентамъ такой вопросъ не имѣетъ смысла, такъ какъ они всегда хотѣли учиться, но имъ мѣшали стѣснительныя университетскія правила. Студентовъ, — людей, находящихся въ томъ возрастѣ, когда по нашимъ законамъ мущина можетъ жениться, принимается на государственную службу и „можетъ быть командиромъ военнаго отряда", — университетскія правила хотѣли поставить въ положеніе маленькихъ ребятъ. Неудивительно, что они протестовали. Имъ запрещали даже такія совершенно безвредныя организаціи, какъ товарищества взаимной помощи, безусловно необходимыя при матеріальной необезпеченности большинства учащихся. Студенты не могли не возстать противъ такихъ порядковъ, такъ какъ тутъ дѣло шло о „кускѣ хлѣба и о возможности слушать лекціи. Этотъ хлѣбъ, эта возможность отнимались." Чернышевскій прямо заявляетъ, что составители университетскихъ правилъ именно хотѣли отнять возможность учиться у большинства людей, поступающихъ въ студенты университета. „Если авторъ статьи или его единомышленники считаютъ нужнымъ доказать, что эта цѣль нисколько не имѣлась въ виду при составленіи правилъ, пусть они напечатаютъ документы, относящіеся къ тѣмъ совѣщаніямъ, изъ которыхъ произошли правила."

Безъименный авторъ статьи „Учиться или не учиться?" направилъ свой упрекъ въ нежеланіи учиться не только противъ студентовъ, но и противъ всего русскаго общества. Этимъ и воспользовался Чернышевскій, чтобы свести споръ о безпорядкахъ въ университетѣ на болѣе общую почву. Противникъ его допускалъ, что существуютъ нѣкоторые признаки желанія русскаго общества учиться. Доказательствомъ этому служили по его мнѣнію „сотни" возникающихъ у насъ новыхъ журналовъ, „десятки" воскресныхъ школъ. „*Сотни* новыхъ журналовъ, да гдѣ же это авторъ насчиталъ сотни? восклицаетъ Чернышевскій. А нужны были бы дѣйствительно сотни. И хочетъ-ли авторъ знать, почему не основываются сотни новыхъ журналовъ, какъ было бы нужно? Потому, что по нашимъ цензурнымъ условіямъ невозможно существовать сколько нибудь живому періодическому изданію нигдѣ, кромѣ нѣсколькихъ большихъ городовъ. Каждому богатому торговому городу было бы нужно имѣть нѣсколько хотя маленькихъ газетъ; въ каждой губерніи нужно было бы издаваться нѣсколькимъ мѣстнымъ листкамъ. Ихъ нѣтъ, потому что имъ нельзя быть... *Десятки воскресныхъ школъ*... Вотъ это не преувеличено, не то что *сотни новыхъ журналовъ*: воскресныя школы въ имперіи, имѣющей болѣе 60 милліоновъ населенія, дѣйствительно считаются только десятками. А ихъ нужны были бы десятки тысячъ, и скоро могли бы точно устроиться десятки тысячъ, и теперь же существовать по крайней мѣрѣ много тысячъ. Отчего же ихъ только десятки? Оттого, что онѣ подозрѣваются, стѣсняются, пеленают-

ся, такъ что у самыхъ преданныхъ дѣлу преподаванія въ нихъ людей отбивается охота преподавать.“

Сославшись на существованіе „сотенъ“ новыхъ журналовъ и „десятковъ“ воскресныхъ школъ, какъ на кажущіеся признаки желанія общества учиться, авторъ разобранной Чернышевскимъ статьи поспѣшилъ прибавить, что признаки эти обманчивы. „Послушаешь крики на улицахъ, — меланхолически повѣствовалъ онъ — скажутъ, что вотъ тамъ-то случилось то-то, и поневолѣ повѣсишь голову, и разочаруешься...“ „Позвольте, г. авторъ статьи, — возражаетъ Чернышевскій, какіе крики слышите вы на улицахъ? Крики городовыхъ и квартальныхъ, — эти крики и мы слышимъ. Про нихъ-ли вы говорите? *Скажутъ, что вотъ тамъ-то случилось то-то...* — что же такое напримѣръ? Тамъ случилось воровство, здѣсь превышена власть, тамъ сдѣлано притѣсненіе слабому, здѣсь оказано потворство сильному, — объ этомъ безпрестанно говорятъ. Отъ этихъ криковъ, слышныхъ всѣмъ, и отъ этихъ ежедневныхъ разговоровъ въ самомъ дѣлѣ поневолѣ повѣсишь голову и разочаруешься...“

Обвинитель студентовъ нападалъ на ихъ мнимую нетерпимость къ чужимъ мнѣніямъ, на то, что они, въ своихъ протестахъ, прибѣгаютъ къ свисткамъ, мочонымъ яблокамъ и тому подобнымъ „уличнымъ орудіямъ“. Чернышевскій возражаетъ ему, что „свистки и мочоныя яблоки употребляются не какъ *уличныя орудія*: уличными орудіями служатъ штыки, приклады, палаши.“ Онъ предлагаетъ своему противнику вспомнить, „студентами-ли употреблялись эти уличныя орудія противъ кого нибудь, или употреблялись они противъ студентовъ... и была-ли нужда употреблять ихъ противъ студентовъ.“

Понятно, какое впечатлѣніе должны были производить подобныя статьи Чернышевскаго на русское студенчество. Когда впослѣдствіи студенческіе безпорядки повторились въ концѣ шестидесятыхъ годовъ, то статейка „Научились-ли“ читалась на сходкахъ студентовъ, какъ лучшая защита ихъ справедливыхъ требованій. Понятно также, какъ должны были встрѣчать подобныя вызывающія статьи наши предержащія власти. „Опасное“ вліяніе великаго писателя на учащуюся молодежь все болѣе и болѣе становилось для нихъ несомнѣннымъ.

Кромѣ текущей журнальной работы Чернышевскій усердно занимался также пропагандой основныхъ теоретическихъ положеній своего міросозерцанія. Полемика съ тогдашними представителями русской вульгарной экономіи показала ему, какъ ничтоженъ запасъ экономическихъ свѣдѣній въ русскомъ образованномъ обществѣ. Онъ рѣшился пополнить этотъ пробѣлъ и принялся за переводъ и толкованіе Милля. Длинный рядъ его экономическихъ статей печатался въ продолженіе двухъ лѣтъ (1860-1861) на страницахъ „Современника“. Мы уже высказали свой взглядъ на свойственные Чернышевскому методъ и пріемы экономическаго изслѣдованія. Во второй статьѣ, которая будетъ спеціально посвящена этому предмету, мы сдѣлаемъ подробный разборъ экономическаго ученія нашего автора. Поэтому теперь мы ограничимся только слѣдующимъ замѣчаніемъ. Выбора книги Милля, какъ пособія для распространенія въ русской читающей публикѣ правильныхъ политико-экономическихъ воззрѣній, никакъ нельзя при-

знать удачнымъ. Экономическіе взгляды Милля такъ неясны и непослѣдовательны, что въ головѣ читателя никакъ не могло остаться ясныхъ экономическихъ понятій, не смотря на всѣ поправки и дополненія, сдѣланныя Чернышевскимъ. Временами на самомъ Чернышевскомъ замѣтно отражается вліяніе свойственнаго Миллю „синкретизма“. Торопясь перейти къ критикѣ существующихъ общественныхъ отношеній съ точки зрѣнія здравой „теоріи“, Чернышевскій пропускаетъ безъ разбора такіе взгляды Милля, которыхъ и тогдашняя наука далеко не могла признать правильными. Мѣстами кажется, что и самъ Чернышевскій раздѣляетъ эти ошибочныя понятія. Впрочемъ, теперь мы не станетъ пускаться въ подробности.

Чернышевскій могъ бы найти въ тогдашней западно европейской экономической литературѣ писателей, гораздо болѣе достойныхъ серьезнаго вниманія. По вопросу объ отношеніяхъ труда къ капиталу Родбертусъ является настоящимъ гигантомъ въ сравненіи съ Миллемъ. По другимъ отдѣламъ полезнѣе было бы перевести, снабдивъ ее примѣчаніями и дополненіями, книгу Рикардо. У Рикардо есть чему поучиться даже свѣдущему читателю, между тѣмъ какъ даже свѣдущій читатель можетъ сбиться съ толку подъ вліяніемъ Милля. Вредное вліяніе на нашу читающую публику этого человѣка, всю жизнь свою старавшагося сѣсть между двухъ стульевъ, сдѣлалось особенно замѣтнымъ впослѣдствіи, когда примѣчанія и дополненія Чернышевскаго къ его книгѣ были запрещены и въ продажѣ оставался одинъ только переводъ ея. Почерпая изъ Милля свои экономическія понятія, русская читающая публика не имѣла, можно сказать, ровно никакихъ экономическихъ понятій.

Почти одновременно съ популяризаціей Милля Чернышевскій предпринялъ переводъ на русскій языкъ Шлоссера, очень любимаго имъ и дѣйствительно очень достойнаго уваженія историка.

IX

Чернышевскому было тогда около 35 лѣтъ. Онъ находился въ полномъ расцвѣтѣ своихъ умственныхъ силъ, и до чего не могъ бы онъ дойти въ своемъ развитіи! Но уже не долго оставалось ему жить на свободѣ. Онъ былъ признанъ главою крайней партіи, явнымъ проповѣдникомъ матеріализма и соціализма. Его считали „коноводомъ“ революціонной молодежи, его винили за всѣ ея вспышки и волненія. Какъ это всегда бываетъ въ такихъ случаяхъ, молва раздувала дѣло и приписывала Чернышевскому даже такія намѣренія и дѣйствія, какихъ у него никогда не было. Въ „Прологѣ пролога“ Чернышевскій самъ описываетъ тѣ сочувственно-либеральныя сплетни, которыя ходили въ Петербургѣ относительно мнимыхъ сношеній Волгина (т. е. его самого) съ лондонскимъ кружкомъ русскихъ изгнанниковъ. Сплетни эти возникали по самымъ ничтожнымъ поводамъ, не имѣвшимъ рѣшительно ничего общаго съ политикой. И, какъ водится, сплетнями не огранич-

валось дѣло. „Охранительная“ печать давно уже занималась литературными доносами на Чернышевскаго. Въ 1862 году „Современникъ“ былъ на время пріостановленъ. Потомъ появились и нелитературные доносы. „Управляющій Третьимъ Отдѣленіемъ собственной Е. И. В. канцеляріи, говорится въ обвинительномъ актѣ по дѣлу Чернышевскаго, получилъ безъименное письмо, коимъ предостерегаютъ правительство отъ Чернышевскаго, „этого коновода юношей, хитраго соціалиста“; онъ самъ сказалъ, что его никогда не уличатъ; его называютъ вреднымъ агитаторомъ и просятъ спасти отъ такого человѣка; всѣ бывшіе пріятели Чернышевскаго, видя. что его тенденціи уже не на словахъ, а въ дѣйствіяхъ, люди либеральные отдалились отъ него. Если не удалите Чернышевскаго, пишетъ авторъ письма, быть бѣдѣ, будетъ кровь; эти шайки бѣшеныхъ демагоговъ — отчаянныя головы... Можетъ быть, перебьютъ ихъ, но сколько невинной крови прольется изъ за нихъ. Въ Воронежѣ, въ Саратовѣ, въ Тамбовѣ — вездѣ есть комитеты изъ подобныхъ соціалистовъ, вездѣ они разжигаютъ молодежь. Чернышевскаго отправьте, куда хотите, но скорѣе отнимите у него возможность дѣйствовать. Избавьте насъ отъ Чернышевскаго ради общаго спокойствія.“

Седьмого іюля 1862 года Чернышевскаго арестовали. Такъ какъ, по словамъ доносчика, онъ самъ сказалъ, что его никогда не уличатъ, то синіе рыцари 3-го отдѣленія поспѣшили состряпать фальшивыя улики. Какъ велось дѣло Чернышевскаго, видно изъ того, что прокуроръ не постыдился цитировать письмо безъименнаго доносчика даже въ обвинительномъ актѣ, между тѣмъ какъ русскій законъ предписываетъ „по доносамъ въ безъименныхъ пасквиляхъ и подметныхъ письмахъ не производить слѣдствія“ (ст. 52 кн. II Зак. Уг. т. XV Св. зак., изд. 1857 г.). Еще до ареста Чернышевскаго схватили какого-то Вѣтошкина, у котораго нашли, будто бы, письмо Герцена къ Серно-Соловьевичу, гдѣ есть, будто бы, такая приписка: „Мы здѣсь или въ Женевѣ намѣрены съ Чернышевскимъ издавать Современникъ“. На основаніи этой приписки и арестовали Чернышевскаго. А между тѣмъ Герценъ въ номерѣ 193 „Колокола“ утверждалъ, что онъ ни слова не говорилъ въ письмахъ о своихъ планахъ литературной дѣятельности вмѣстѣ съ Чернышевскимъ. „Я никогда не находился въ перепискѣ съ Чернышевскимъ. Я не могъ писать, что мы намѣрены издавать „Современникъ“ съ нимъ, потому что не имѣлъ ни малѣйшаго свѣдѣнія, хочетъ онъ или нѣтъ издавать „Современникъ“ внѣ Россіи... Запрещеніе „Современника“ было объявлено въ газетахъ, мы тотчасъ предложили громко и открыто издателямъ „Современника“ печатать его на нашъ счетъ за-границей. На наше предложеніе никогда не было ни малѣйшаго отзыва. Какъ же я могъ писать объ этомъ положительно и къ тому же въ Россію? Ужь не служу ли послѣ этого и я въ тайной полиціи?“ — Но когда же останавливались передъ ложью и фальсификаціями усердные слуги русскаго правительства? При обыскѣ у Чернышевскаго нашли нѣсколько ничего не доказывающихъ бумагъ и писемъ, привлекли къ дѣлу такихъ, уже всѣмъ извѣстныхъ тогда, доносчиковъ, какъ Всеволодъ Костомаровъ, раскопали даже дневникъ обвиняема-

го, въ которомъ онъ, еще до своей женитьбы, писалъ, между прочимъ, что „его каждый день могутъ взять“, — и дѣльце было обдѣлано. Чернышевскаго предали суду сената, обвиняя его: 1) въ сношеніяхъ съ Герценомъ; 2) въ сочиненіи возмутительнаго воззванія „къ барскимъ крестьянамъ“, переданнаго будто бы доносчику В. Костомарову для напечатанія, и 3) въ приготовленіи къ возмущенію. Интересно, что единственнымъ доказательствомъ „приготовленія къ возмущенію“ было доставленное Костомаровымъ же письмо къ какому-то Алексѣю Николаевичу, въ которомъ въ самыхъ неопредѣленныхъ выраженіяхъ говорится, что времени терять нечего, что „теперь или никогда“, и что у неизвѣстнаго Алексѣя Николаевича нѣтъ энергіи. Чернышевскій настойчиво отрицалъ принадлежность ему этого письма, но еслибы оно ему даже и принадлежало, то на основаніи его можно было бы доказать лишь участіе его въ заведеніи тайной типографіи: „Вы вотъ уже около года водите насъ своимъ станкомъ, и довели до такой минуты, далѣе которой откладывать мы не можемъ, если хотимъ, чтобы наше дѣло было выиграно.“ О какомъ дѣлѣ говорится въ письмѣ, — это совершенно неизвѣстно. Упоминается въ немъ, правда, о печатаніи какого то манифеста, но вѣдь не всякій манифестъ есть „приготовленіе къ возмущенію“. Казалось бы, даже третье-отдѣленскіе юристы должны были понимать, что отъ заведенія тайной типографіи и печатанія манифестовъ еще далеко до приготовленія къ возмущенію. Они, конечно, и понимали это. Но еще лучше понимали они, что Чернышевскій представляетъ собою огромную, незамѣнимую революціонную силу.

Ничего невѣроятнаго нѣтъ въ томъ предположеніи, что Чернышевскій принадлежалъ къ какому нибудь революціонному обществу. Напротивъ, такое предположеніе даже вполѣ вѣроятно. Но гдѣ же въ цивилизованномъ мірѣ *вѣроятность* считается *юридической уликой?* Нигдѣ, кромѣ Россіи, да и въ Россіи только въ политическихъ процессахъ.

Неразборчивость прокурорскаго надзора по отношенію къ уликамъ въ дѣлѣ Чернышевскаго показываетъ, между прочимъ, слѣдующій фактъ. Обвинительный актъ цитируетъ письмо подсудимаго къ женѣ, писанное имъ уже изъ крѣпости. „Наша съ тобою жизнь принадлежитъ исторіи, говорится въ немъ, пройдутъ сотни лѣтъ, а наши имена все еще будутъ милы людямъ, и будутъ вспоминать о нихъ съ благодарностью, когда уже не будетъ тѣхъ, кто жилъ съ нами“. Кромѣ этихъ словъ ясно указывающихъ на „приготовленіе къ возмущенію“, обвинительный актъ цитируетъ еще слѣдующія строки изъ того же письма. Говоря женѣ о своемъ намѣреніи составлять *„Энциклопедію знанія и жизни“*, Чернышевскій пишетъ: „Со времени Аристотеля не было еще дѣлано никѣмъ того, что я хочу дѣлать, и буду я добрымъ учителемъ людей въ теченіе вѣковъ, какъ былъ Аристотель.“ Что доказываютъ эти строки? Зачѣмъ ссылался на нихъ составитель обвинительнаго акта? Ясное дѣло! человѣкъ готовый къ изданію энциклопедіи совершенно готовъ и къ „возмущенію“!

Около 2 лѣтъ тянулось слѣдствіе по дѣлу Чернышевскаго. Онъ упорно отрицалъ возводимыя на него обвиненія и надѣялся, пови-

димому, что ему скоро удастся вырваться изъ когтей русскаго орла. На эту надежду указываетъ самое намѣреніе издавать „Энциклопедію". Полонъ самыхъ свѣтлыхъ надеждъ и романъ „Что дѣлать?", написанный имъ уже въ заключеніи. Впрочемъ, въ романѣ этомъ надежды пріурочиваются не къ юридическимъ соображеніямъ о невозможности осудить его по недостатку уликъ, а къ скорому торжеству освободительнаго движенія въ Россіи. Намеки на близость этого торжества часто встрѣчаются въ романѣ. Въ эпилогѣ есть даже какія-то неясныя указанія на 1866 г. (романъ оконченъ въ апрѣлѣ 1864 г.), въ которомъ должно произойти въ Россіи что-то особенное. Одна дама, являвшаяся въ послѣднихъ сценахъ романа и носившая трауръ по близкомъ человѣкѣ, очевидно находившемся въ тюрьмѣ или въ ссылкѣ, въ 1866 г. ѣдетъ по улицамъ Петербурга уже веселая и радостная, въ сопровожденіи своего освобожденнаго друга. Мы, разумѣется можемъ только догадываться, что хотѣлъ сказать этимъ авторъ.

XII

Содержанія „Что дѣлать?" мы излагать не будемъ. Кто не читалъ и не перечитывалъ этого знаменитаго произведенія? Кто не увлекался имъ, кто не становился подъ его благотворнымъ вліяніемъ чище, лучше, бодрѣе и смѣлѣе? Кого не поражала нравственная чистота главныхъ дѣйствующихъ лицъ? Кто послѣ чтенія этого романа не задумывался надъ собственною жизнью, не подвергалъ строгой провѣркѣ своихъ собственныхъ стремленій и наклонностей? Всѣ мы черпали изъ него и нравственную силу, и вѣру въ лучшее будущее,

И довѣренность великую
Къ безкорыстному труду...

Наши обскуранты не разъ указывали на отсутствіе въ романѣ художественныхъ достоинствъ, на его очевидную тенденціозность. Съ внѣшней стороны упреки эти справедливы: романъ дѣйствительно очень тенденціозенъ, художественныхъ достоинствъ въ немъ очень мало. Но пусть укажутъ намъ хоть одно изъ самыхъ замѣчательныхъ, истинно художественныхъ произведеній русской литературы, которое по своему вліянію на нравственное и умственное развитіе страны могло бы поспорить съ романомъ „Что дѣлать?" Никто не укажетъ такого произведенія, потому что его не было, нѣтъ и, навѣрное, не будетъ. Съ тѣхъ поръ какъ завелись типографскіе станки въ Россіи и вплоть до нашего времени ни одно печатное произведеніе не имѣло въ Россіи такого успѣха, какъ „Что дѣлать?" Извольте послѣ этого указывать на тенденціозность автора, извольте повторять, что онъ не художникъ! Читающая публика очень основательно затѣтитъ вамъ, что ей до этого нѣтъ дѣла, что всякая беллетристика хороша, кромѣ скучной, романъ же Чернышевскаго вызывалъ въ ней восторгъ, а не скуку;

этого съ нея совершенно достаточно. Наконецъ, господа обскуранты, вѣдь вы также не чуждаетесь тенденціозности въ своихъ беллетристическихъ произведеніяхъ. Вы также не прочь написать тенденціозный романъ или повѣсть. Вся бѣда въ томъ, что *вашихъ* тенденціозныхъ произведеній никто не читаетъ, что ими никто не увлекается. Какъ вы думаете, откуда происходитъ это различіе? Не показываетъ ли оно, что тенденція тенденціи рознь, и что бываютъ такія тенденціи, которыя нисколько не мѣшаютъ успѣху окрашенныхъ ими произведеній?

Въ чемъ заключалась тайна колоссальнаго, неслыханнаго успѣха „Что дѣлать?“ Именно въ характерѣ его тенденціи, въ полной своевремености распространенія у насъ высказанныхъ авторомъ мыслей. Сами по себѣ мысли эти были не новы, Чернышевскій цѣликомъ взялъ ихъ изъ западно-европейской литературы. Проповѣдью свободныхъ и, главнее, *искреннихъ*, *честныхъ* отношеній въ любви мужчины къ женщинѣ гораздо раньше его занималась Жоржъ Сандъ во Франціи*). Лукреція Флоріани по нравственнымъ требованіямъ, предъявляемымъ ею къ любви, ничѣмъ не отличается отъ Вѣры Павловны. Идеи Жоржъ Сандъ еще въ сороковыхъ годахъ встрѣчали у насъ самое горячее сочувствіе. Бѣлинскій былъ страстнымъ поклонникомъ этой писательницы. Въ своихъ статьяхъ онъ не разъ проводилъ ея взгляды на свободу и искренность въ любовныхъ отношеніяхъ. Извѣстно, какъ упрекалъ онъ пушкинскую Татьяну въ томъ, что, любя Онѣгина, но въ то же время будучи „другому отдана“, она не послѣдовала влеченію своего сердца и продолжала жить съ нелюбимымъ старикомъ-мужемъ. Лучшіе изъ „людей сороковыхъ годовъ“ въ своихъ отношеніяхъ къ женщинѣ держались тѣхъ же принциповъ, какимъ слѣдовали Лопуховъ и Кирсановъ. Но до появленія романа „Что дѣлать?“ эти принципы раздѣлялись только небольшой кучкой „*избранныхъ*“, масса читающей публики совсѣмъ не понимала ихъ. Даже Герценъ не рѣшился высказать ихъ во всей полнотѣ и ясности въ своемъ романѣ „*Кто виноватъ?*“ Съ выходомъ „*Что дѣлать?*“ — вопросъ былъ поставленъ до послѣдней степени ясно и рѣзко. Никакія сомнѣнія не могли болѣе имѣть мѣста. Мыслящимъ людямъ оставалось: или руководствоваться въ любви принципами Лопухова и Кирсанова, или, склоняясь передъ святостью брака, прибѣгать, въ случаѣ появленія у нихъ новаго чувства, къ старому испытанному средству тайныхъ амурныхъ похожденій, или, наконецъ, совершенно подавлять въ себѣ всякое любовное чувство, въ виду *принадлежности* своей другому, уже нелюбимому человѣку. И выборъ приходилось дѣлать совершенно сознательно. Чернышевскій такъ разъяснилъ этотъ вопросъ, что естественная прежде необдуманность и непосредственность любовныхъ отношеній сдѣлались совер-

*) Замѣтимъ кстати, что „Wahlverwandschaften“ Гете и нѣкоторыя изъ его драмъ также представляютъ собою слово въ защиту свободной любви. Это хорошо понимаютъ многіе нѣмецкіе историки нѣмецкой литературы, которые, не дерзая хулить такого авторитетнаго писателя, и въ то же время не смѣя согласиться съ нимъ по своему филистерскому благонравію, лепечутъ обыкновенно нѣчто совершенно непонятное на счетъ странныхъ будто бы парадоксовъ великаго нѣмца.

шенно невозможными. На любовь распространился контроль сознанія, сознательный взглядъ на отношенія мужчины къ женщинѣ сдѣлался достояніемъ широкой публики. И это было особенно важно у насъ въ эпоху шестидесятыхъ годовъ. Пережитыя Россіей реформы перевернули вверхъ дномъ не только ея общественныя, но и семейныя отношенія. Лучи свѣта проникли въ такіе закоулки, которые до того времени оставались совершенно темными. Русскіе люди вынуждены были оглянуться на себя, посмотрѣть трезвыми глазами на свои отношенія къ ближнимъ, къ обществу и семьѣ. Въ семейныхъ отношеніяхъ, въ любви и дружбѣ сталъ играть большую роль новый элементъ: *убѣжденія*, которыя имѣлись прежде лишь у самой маленькой кучки „идеалистовъ". Различіе въ убѣжденіяхъ служило поводомъ къ неожиданнымъ разрывамъ. Женщина, „отданная" извѣстному человѣку, нерѣдко съ ужасомъ открывала, что ея законный „обладатель" есть обскурантъ, взяточникъ, низкопоклоный льстецъ передъ начальствомъ. Мужчина, съ наслажденіемъ „обладавшій" прежде красавицей женою и неожиданно для него самого затронутый потокомъ новыхъ идей, часто съ отчаяніемъ видѣлъ, что его прелестная игрушка интересуется вовсе не „новыми людьми" и не „новыми взглядами", а новыми нарядами да танцами, да еще чинами и жалованьемъ мужа. Всѣ объясненія и увѣщанія оказываются напрасными, красавица превращается въ настоящую мегеру, какъ только мужъ попробуетъ заикнуться, что онъ „служить бы радъ", но что „прислуживаться тошно". Какъ быть? Что дѣлать? Знаменитый романъ показывалъ, какъ быть и что дѣлать. Подъ его вліяніемъ люди, считавшіе себя прежде законной собственностью другихъ, начинали повторять вмѣстѣ съ его авторомъ: о грязь, о грязь, кто смѣетъ обладать человѣкомъ! — и въ нихъ просыпалось сознаніе человѣческаго достоинства, и они, часто послѣ жесточайшихъ душевныхъ и семейныхъ бурь, становились на собственныя ноги, устраивали свою жизнь сообразно со своими убѣжденіями и сознательно шли къ разумной человѣческой цѣли. Уже въ виду одного этого можно сказать, что имя Чернышевскаго принадлежитъ исторіи, и будетъ оно мило людямъ, и будутъ вспоминать его съ благодарностью, когда уже не будетъ въ живыхъ никого изъ лично знавшихъ *великаго русскаго просвѣтителя.*

Обскуранты обвиняли Чернышевскаго въ томъ, что онъ проповѣдывалъ будто бы въ своемъ романѣ „*эмансипацію плоти*". Нѣтъ ничего нелѣпѣе и лицемѣрнѣе этого обвиненія! Возьмите любой романъ изъ великосвѣтской жизни, припомните любовныя похожденія дворянства и буржуазіи во всѣхъ странахъ и у всѣхъ народовъ — и вы увидите, что Чернышевскому не было никакой надобности проповѣдовать давно уже совершившуюся эмансипацію плоти. Его романъ проповѣдуетъ, наоборотъ, *эмансипацію человѣческаго духа*, *человѣческаго разума*. Никто изъ людей, проникшихся направленіемъ этого романа, не будетъ имѣть склонности къ будуарнымъ похожденіямъ, безъ которыхъ жизнь не въ жизнь „свѣтскимъ" людямъ, проникнутымъ лицемѣрнымъ уваженіемъ къ ходячей морали. Гг. обскуранты прекрасно понимаютъ строго-нравственный характеръ произведенія Чернышевскаго и сердятся на него именно за его нравственную строгость. Они чувству-

ютъ, что люди, подобные героямъ „Что дѣлать?", должны считать ихъ величайшими развратниками и испытывать къ нимъ глубочайшее презрѣніе.

Нѣкоторые замѣчаютъ также, что хорошо было Лопухову и Вѣрѣ Павловнѣ проявлять свои возвышенныя чувства, когда у нихъ не было дѣтей: будь у нихъ дѣти, имъ пришлось бы идти по избитой дорогѣ въ своихъ любовныхъ отношеніяхъ. Чернышевскій и самъ говоритъ, что если бы у Вѣры Павловны были дѣти, то она, можетъ быть, поступила бы иначе. Онъ прекрасно понималъ, что вопросъ объ отношеніяхъ мужчины къ женщинѣ тѣсно связанъ съ вопросомъ о семьѣ, безъ которой люди не могутъ жить въ существующемъ теперь обществѣ. Онъ зналъ, что для того чтобы любовь была вполнѣ свободна, нужно перестроить всѣ семейныя, а слѣдовтельно и всѣ общественныя отношенія. Но онъ не остановился передъ этой мыслью, потому что иное дѣло тѣ любовныя отношенія, въ которыя люди будутъ вступать впослѣдствіи, иное дѣло та человѣчность и разумность, которыя уже въ настоящее время возможны въ бракѣ между развитыми людьми. Если бы потомство Вѣры Павловны и Лопухова умножилось какъ песокъ морской, то и тогда они остались бы людьми разумными и гуманными, а слѣдовательно и не отравляли бы другъ другу жизни за невольныя, независѣвшія отъ ихъ воли уклоненія чувства. Чернышевскій, можетъ быть, даже нарочно изобразилъ въ своемъ романѣ простѣйшій случай: возникновеніе новаго чувства у замужней бездѣтной женщины. Уяснивъ на этомъ случаѣ взаимныя обязанности порядочныхъ людей, онъ затѣмъ могъ уже ожидать, что понявшіе его читатели сами рѣшатъ, какъ должны вести себя въ подобныхъ случаяхъ имѣющія дѣтей брачныя пары: подъ вліяніемъ различныхъ частныхъ соображеній они могутъ поступать различно; но разъ они поняли взглядъ Чернышевскаго, они никогда уже не поведутъ себя подобно людямъ стараго закала.

XIII

Мы знаемъ, — распространеніе въ Россіи великихъ идей правды, науки, искусства составляло главную, можно сказать единственную цѣль въ жизни нашего автора. Въ интересахъ такого распространенія написалъ онъ и романъ „Что дѣлать?". Ошибочно было бы разсматривать этотъ романъ исключительно только какъ проповѣдь разумныхъ отношеній въ любви. Любовь Вѣры Павловны къ Лопухову и Кирсанову — это только канва, по которой располагаются другія, болѣе важныя мысли автора. Мы уже говорили объ ассоціаціяхъ, заведенныхъ Вѣрой Павловной. Заставляя ее браться за эту дѣятельность, авторъ хотѣлъ указать своимъ послѣдователямъ на практическія задачи соціалистовъ въ Россіи. Въ снахъ Вѣры Павловны яркими красками рисуются соціалистическіе идеалы автора. Картина соціалистеческаго общежитія нарисована имъ цѣликомъ по Фурье. Чернышевскій не предлагаетъ читателямъ ничего новаго. Онъ толь-

ко знакомить ихъ съ тѣми выводами, къ которымъ давно уже пришла западно- европейская мысль. Здѣсь опять приходится замѣтить, что взгляды Фурье уже въ сороковыхъ годахъ извѣстны были въ Россіи. За фурьеризмъ судились и были осуждены „Петрашевцы". Но Чернышевскій придалъ идеямъ Фурье небывалое до тѣхъ поръ у насъ распространеніе. Онъ ознакомилъ съ ними широкую публику. Впослѣдствіи у насъ даже поклонники Чернышевскаго пожимали плечами, говоря о снахъ Вѣры Павловны. Снившіеся ей фаланстеры казались потомъ нѣкоторымъ довольно наивной мечтою. Говорили, что знаменитый писатель могъ бы побесѣдовать съ читателемъ о чемъ нибудь болѣе къ намъ близкомъ и болѣе практичномъ. Такъ разсуждали даже люди, называвшіе себя соціалистами. Признаемся, мы совсѣмъ не такъ смотримъ на это дѣло. Въ снахъ Вѣры Павловны мы видимъ такую черту соціалистическихъ взглядовъ Чернышевскаго, на которую къ сожалѣнію, не обращали до сихъ поръ достаточнаго вниманія русскіе соціалисты. Въ этихъ снахъ насъ привлекаетъ вполнѣ усвоенное Чернышевскимъ сознаніе того, что соціалистическій строй можетъ основываться только на широкомъ примѣненіи къ производству техническихъ силъ, развитыхъ буржуазнымъ періодомъ. Въ снахъ Вѣры Павловны огромныя арміи труда занимаются производствомъ сообща, переходя изъ Средней Азіи въ Россію, изъ странъ жаркаго климата въ холодныя страны. Все это, конечно, можно было узнать и изъ Фурье, но что этого не знала русская читающая публика видно изъ даже послѣдующей исторіи такъ называемаго русскаго соціализма. Въ своихъ представленіяхъ о соціалистическомъ обществѣ наши революціонеры не рѣдко доходили до того, что воображали его въ видѣ федераціи крестьянскихъ общинъ, обработывающихъ свои поля тою же допотпною сохою, съ помощью которой они ковыряли землю еще при Василіѣ Темномъ. Но само собою разумѣется, что такой „соціализмъ" вовсе ни можетъ быть признанъ соціализмомъ. Освобожденіе *труда* можетъ совершиться только въ силу освобожденія человѣка отъ „*власти земли*" и вообще природы. А для этого послѣдняго освобожденія безусловно необходимы тѣ арміи труда и то широкое примѣненіе къ производству современныхъ производительныхъ силъ, о которыхъ говорилъ въ снахъ Вѣры Павловны Чернышевскій и о которыхъ мы, въ своемъ стремленіи къ „практичности", совершенно позабыли.

Что соціалистическіе взгляды Чернышевскаго не были поняты очень многими изъ его читателей, — видно исъ прекрасной въ литературномъ отношеніи статьи Д. И. Писарева: „*Мыслящій пролетаріатъ*", представляющей собою разборъ „*Что дѣлать?*". Писаревъ въ восторгѣ отъ Вѣры Павловны, Лопухова и Кирсанова. Для него они являются истинными представителями „базаровскаго типа", поставленными въ наиболѣе подходящую для нихъ обстановку*). Это— новые люди въ полномъ смыслѣ слова. Но какъ представляетъ онъ

*) Впрочемъ, самъ Чернышевскій едва-ли смотрѣлъ на своихъ героевъ, какъ на представителей „базаровскаго типа". „Современникъ" видѣлъ въ Базаровѣ каррикатуру на „молодое поколѣніе". (См. извѣстную статью М. А. Антоновича: „Асмодей нашего времени" въ мартовской книжкѣ „Современника" 1862 г.)

себѣ характеръ и дѣятельность новыхъ людей? Онъ схватывается прежде всего за то, что всѣ они занимаются естественными науками. Естественныя науки были, какъ извѣстно, для Писарева альфой и омегой знанія. Занимайся одной изъ этихъ *настоящихъ* наукъ, трудись, устрой разумно свои отношенія къ женѣ и друзьямъ — и и ты тѣмъ самымъ станешь „мыслящимъ пролетаріемъ", будешь работать на пользу другихъ, пока еще не мыслящихъ пролетаріевъ, будешь вполнѣ „*солидаренъ*" съ ними. О томъ, что у „мыслящаго" пролетарія могутъ быть иныя, болѣе широкія задачи по отношенію къ остальнымъ пролетаріямъ—въ статьѣ нѣтъ ни слова. Конечно, хорошо завести, подобно Вѣрѣ Павловнѣ, ту или другую ассоціацію, но главное не въ этомъ, а въ разумномъ устройствѣ личной жизни и въ занятіи естественными науками. Рахметова Писаревъ даже вовсе не понимаетъ. Онъ, пожалуй, и не прочь и похвалить Рахметова (нельзя не похвалить его, его хвалитъ самъ Чернышевскій), но, не понимая этого типа, онъ невольно обнаруживаетъ свою антипатію къ нему. Настоящими, идеальными „новыми людьми" для Писарева все таки остаются Вѣра Павловна, Лопуховъ и Кирсановъ. Между тѣмъ, по мнѣнію Чернышевскаго, Рахметовъ также относится къ Лопухову и его ближайшимъ друзьямъ, какъ огромный дворецъ относится къ обыкновенному дому. Рахметовъ и выведенъ для того, чтобы показать относительную заурядность людей, подобныхъ Лопухову. Лопуховъ — человѣкъ личныхъ отношеній. Онъ очень сочувствуетъ соціализму, но занимается общественными дѣлами лишь мимоходомъ, лишь когда случится. Рахметовъ посвящаетъ общественному дѣлу все свое время и всѣ свои помышленія. Онъ совсѣмъ не знаетъ личныхъ печалей и радостей. Онъ даже рѣшился никогда не сходиться съ женщиной. Поэтому онъ совершенно застрахованъ отъ исторій, подобныхъ той, въ которой обрисовался характеръ Лопухова и Кирсанова. Это — человѣкъ идеи. Только на служеніи идеѣ и могутъ обнаружиться богатыя силы этого желѣзнаго характера. Въ личныхъ отношеніяхъ онъ тяжелъ, если хотите просто невыносимъ, какъ это безъ церемоніи говоритъ ему Вѣра Павловна. Да онъ и самъ сознаетъ это и ни мало не огорчается подобнымъ сознаніемъ. Большому кораблю — большое плаваніе.

Чернышевскій присутствовалъ при зарожденіи у насъ новаго типа „новыхъ людей" — революціонера. Онъ радостно привѣтствовалъ появленіе этого типа и не могъ отказать себѣ въ удовольствіи нарисовать хотя бы неясный его профиль. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ съ грустью предвидѣлъ, какъ много мукъ и страданій придется пережить русскому революціонеру, жизнь котораго должна быть жизнью суровой борьбы и тяжелаго самоотверженія. И вотъ Чернышевскій выставляетъ передъ нами въ Рахметовѣ настоящаго аскета. Рахметовъ положительно мучаетъ себя. Онъ совсѣмъ „безжалостный до себя", по выраженію его квартирной хозяйки. Онъ рѣшается даже попробовать, сможетъ-ли вынести пытку и съ этой цѣлью лежитъ всю ночь на войлокѣ, утыканномъ гвоздями. Многіе, и въ томъ числѣ Писаревъ, видѣли въ этомъ простое чудачество. Мы согласны, что нѣкоторыя частности въ характерѣ Рахметова могли быть изображены

иначе. Но вся совокупность его характера все таки остается вполнѣ вѣрной дѣйствительности. Въ каждомъ изъ выдающихся русскихъ революціонеровъ была огромная доля рахметовщины.

Теперь революціонеръ изъ „интеллигентной“ среды почти совершенно съигралъ свою роль. Въ немъ уже нѣтъ оригинальности, онъ повторяется, мельчаетъ. На смѣну ему должны придти и, конечно, придутъ революціонеры изъ рабочей среды, эти истинныя „дѣти народа“. Но онъ имѣлъ свою, полную славы, исторію и потому нельзя не подивиться чуткости Чернышевскаго, который съумѣлъ такъ хорошо подмѣтить и такъ вѣрно изобразить по крайней мѣрѣ главнѣйшія черты только что нарождавшагося тогда типа.

XV

Сенатъ постановилъ лишить Чернышевскаго правъ состоянія, сослать въ каторжную работу въ рудникахъ на 14 лѣтъ, а затѣмъ поселить въ Сибири навсегда. Въ окончательномъ приговорѣ срокъ каторжной работы былъ сокращенъ до 7 лѣтъ. 13 іюня 1864 года на Мытнинской Площади на Пескахъ происходило чтеніе приговора надъ великимъ русскимъ соціалистомъ. Блѣдный, исхудалый, измученный, онъ былъ выставленъ къ *„позорному“* столбу и стоялъ молча, отвернувшись спиной къ чиновнику, читавшему приговоръ. Надъ осужденнымъ продѣланъ былъ обрядъ преломленія шпаги и затѣмъ руки его были продѣты палачемъ въ кольца, прикованныя къ эшафотному столбу. Въ эту минуту на эшафотъ упалъ букетъ, и въ толпѣ, переполнявшей Мытнинскую Площадь, раздались крики сочувствія къ осужденному... Чернышевскаго отправили въ Сибирь.

Извѣстный Муравьевъ-Вѣшатель хотѣлъ было притянуть его къ Каракозовскому дѣлу, но Александръ II почему то воспротивился этому, и Чернышевскій остался въ Сибири. Тамъ онъ пробылъ 20 лѣтъ, при чемъ, по настоянію шефа жандармовъ, графа Шувалова, его миновали всѣ законы смягченія. По окончаніи 7-ми лѣтней каторжной работы онъ былъ поселенъ въ Вилюйскѣ, Якутской области, гдѣ единственными его собесѣдниками могли быть только сторожившіе его казаки и жандармы. Въ этомъ новомъ заключеніи въ отдаленномъ и до крайности нездоровомъ сибирскомъ захолустьѣ Чернышевскій прожилъ до самаго 1884 года, когда ему позволили переѣхать на житье въ Астрахань. Нужно удивляться, какъ вынесъ всю массу обрушившихся на него преслѣдованій этотъ физически безсильный, слабогрудый человѣкъ.

Мы не станемъ говорить здѣсь о довольно многочисленныхъ попыткахъ освобожденія Чернышевскаго, такъ какъ онѣ достаточно извѣстны публикѣ.

Тотчасъ по возращеніи изъ Сибири Чернышевскій снова дѣятельно принялся за литературную работу. Онъ прилежно переводилъ

„Всемірную Исторію“ Вебера и написалъ нѣсколько статей для періодическихъ изданій. Замѣчательно, что одной изъ послѣднихъ статей, написанныхъ нашимъ авторомъ до ссылки, были „Матеріалы для біографіи Н. А. Добролюбова“, и одной изъ первыхъ большихъ статей, написанныхъ имъ по возвращеніи изъ ссылки, было продолженіе тѣхъ же „Матеріаловъ“. Очевидно, что воспоминаніе о безвременно умершемъ, даровитомъ и любимомъ товарищѣ никогда не покидало Чернышевскаго.

О статьяхъ, написанныхъ имъ послѣ ссылки, мы поговоримъ во второй статьѣ. Теперь скажемъ только, что хотя по языку и манерѣ легко было узнать въ этихъ статьяхъ Чернышевскаго, но въ нихъ уже нѣтъ прежняго блеска и прежней глубины его мысли. Его статья о Дарвинѣ положительно слаба, слаба до крайности, до того, что производитъ самое тяжелое впечатлѣніе. Читая ее чувствуешь, что имѣешь дѣло съ писателемъ, уже окончательно разбитымъ и надломленнымъ. Небольшая доля свободы, предоставленная ему передъ смертью, не могла уже воскресить прежняго Чернышевскаго. Прежній Чернышевскій былъ убитъ приговоромъ сената, и никогда русское правительство не совершало большаго преступленія по отношенію къ умственному развитію Россіи. Вотъ почему, заканчивая эту первую статью, мы съ величайшимъ сочувствіемъ повторимъ слова Герцена, написанныя имъ какъ только ему сталъ извѣстенъ приговоръ по дѣлу Чернышевскаго: „Да падетъ проклятіемъ это безмѣрное злодѣйство на правительство, на общество, на подлую, подкупную журналистику, которая накликала это гоненіе, раздула его изъ личностей. Она пріучила правительство къ убійствамъ военноплѣнныхъ въ Польшѣ, а въ Россіи къ утвержденію сентенцій дикихъ невѣждъ сената и сѣдыхъ злодѣевъ государственнаго совѣта... А тутъ жалкіе люди, люди—трава, люди—слизняки говорятъ, что не слѣдуетъ бранить эту шайку разбойниковъ и негодяевъ, которая управляетъ нами!“

Г. Плехановъ.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

ИНОСТРАННАЯ ПОЛИТИКА РУССКАГО ЦАРСТВА.

Мы, члены западно-европейской рабочей партіи, вдвойнѣ заинтересованы въ побѣдѣ революціи въ Россіи.

Во-первыхъ потому, что русское царство составляетъ главнѣйшую крѣпость, запасную позицію и вмѣстѣ резервную армію европейской реакціи, и уже однимъ своимъ пассивнымъ существованіемъ является для насъ постоянной угрозой и опасностью.

Во-вторыхъ, — и на этотъ пунктъ съ нашей стороны не было до сихъ поръ обращено достаточнаго вниманія — мы заинтересованы въ побѣдѣ русской революціи потому, что царская Россія, своимъ безпрерывнымъ вмѣшательствомъ въ западныя дѣла, задерживаетъ и извращаетъ нормальный ходъ нашего развитія, и дѣлаетъ это съ цѣлью пріобрѣсти для себя такое географическое положеніе, которое обезпечило бы за нею господство надъ Европой и сдѣлало бы невозможной побѣду европейскаго пролетаріата.

Карлъ Марксъ впервые указалъ на это и съ 1848 года настойчиво напоминалъ западно-европейской рабочей партіи о неизбѣжной для нея борьбѣ не на жизнь а на смерть съ русскимъ царизмомъ. Это составляетъ одну изъ многихъ его заслугъ. Дѣйствуя въ томъ же направленіи, я и тутъ лишь

предъ измѣнами, тайными убійствами и всякими низостями, не скупясь на подкупы, не заносясь при побѣдахъ, не теряясь при пораженіяхъ, шагая чрезъ милліоны солдатскихъ и, по меньшей мѣрѣ, одинъ царскій трупъ, эта шайка бездомныхъ авантюристовъ сдѣлала больше чѣмъ всѣ царскія арміи для перенесенія русскихъ границъ отъ Днѣпра и Двины за Вислу, къ Пруту, Дунаю и Черному морю, отъ Дона и Волги за Кавказъ, къ истокамъ Оксуса и Яксарта. Гораздо больше чѣмъ всѣ арміи способствовала эта, настолько же безсовѣстная, насколько и даровитая шайка тому, чтобы сдѣлать Россію громадной, сильной и страшной для всѣхъ враговъ, и открыть ей путь ко всемірному господству. Но тѣмъ же самымъ она усилила царскую власть и внутри страны. Въ глазахъ патріотически настроеннной массы публики слава слѣдующихъ одна за другой побѣдъ, могущество и блескъ царизма съ избыткомъ перевѣшиваютъ всѣ прегрѣшенія правительства, весь его деспотическій произволъ и всѣ несправедливости. Шовинистское хвастовство вознаграждаетъ за всѣ пинки. И это тѣмъ легче, чѣмъ меньше извѣстны въ Россіи дѣйствительныя причины ея успѣховъ, чѣмъ полнѣе замѣняются здѣсь всѣ фактическія свѣдѣнія оффиціально вымышленными легендами. Впрочемъ, заботливыя правительства (напр. французское и прусское) всегда стараются о распространеніи подобныхъ легендъ для блага подданныхъ и поднятія ихъ патріотическихъ чувствъ. И каждый русскій, придерживающійся исключительныхъ патріотическихъ воззрѣній, будетъ рано или поздно доведенъ своими воззрѣніями до колѣнопреклоненій передъ царизмомъ, какъ мы это видѣли на примѣрѣ Тихомирова.

Но какимъ же образомъ шайка авантюристовъ могла пріобрѣсти такое сильное вліяніе на ходъ европейской исторіи? Очень простымъ. Шайка не создала, конечно, ничего новаго, она только правильно поняла существующее положеніе вещей и разумно имъ воспользовалась. Всѣ успѣхи русской дипломатіи вытекали изъ совершенно опредѣленной матеріальной основы.

Представимъ себѣ Россію въ половинѣ прошлаго столѣтія. И тогда уже это была громадная страна, обитаемая племенемъ, рѣдкимъ по своей однородности. Въ виду быстраго роста ея, пока еще очень рѣдкаго населенія, уже самый ходъ времени обезпечивалъ увеличеніе ея могущества. Это населе-

ніе находилось въ полнѣйшемъ умственномъ застоѣ, который лишалъ его всякой иниціативы. Но въ предѣлахъ стараго, отъ предковъ унаслѣдованнаго быта, правительство могло его употребить рѣшительно на что угодно. Выносливые, храбрые, покорные и терпѣливые, русскіе представляли собою превосходный матеріалъ для выработки изъ нихъ такихъ солдатъ, какіе требовались въ войнахъ того времени, когда сомкнутыя массы рѣшали судьбу битвъ. Сама страна, лишь одной своей западной границей обращенная къ Европѣ и открытая для ея нападеній, при этомъ лишенная центра, занятіемъ котораго можно было бы вынудить ее къ миру, была по отсутствію дорогъ, по своимъ громаднымъ пространствамъ и по своей бѣдности, почти совершенно недоступна ни для какихъ завоеваній. Такая страна представляла совершенно неприступную позицію, съ которой каждое, умѣющее ею пользоваться правительство могло безнаказанно дозволять себѣ по отношенію къ Европѣ такія вещи, которыя вовлекли бы всякую другую страну въ безконечныя войны.

Сильная до неприступности въ оборонѣ, Россія была сравнительно слаба въ нападеніи. Организація, сборъ, вооруженіе и передвиженіе армій внутри страны были чрезвычайно затруднительны, и къ матеріальнымъ препятствіямъ присоединялось еще безграничное взяточничество чиновниковъ и офицеровъ. Всѣ попытки сдѣлать Россію способной къ большимъ завоевательнымъ войнамъ были до сихъ поръ неудачны, и при всеобщей воинской повинности будутъ, по всему вѣроятію, еще неудачнѣе. Можно сказать, что здѣсь всѣ препятствія растутъ какъ квадраты массы, которую нужно организовать. При этомъ, назначительность городского населенія не дозволяетъ имѣть необходимое число офицеровъ, которые нужны теперь въ такомъ громадномъ количествѣ. Русская дипломатія никогда не забывала объ этой относительной слабости Россіи, всегда старалась избѣгать войнъ и допускала ихъ лишь въ крайнихъ случаяхъ и при исключительно благопріятныхъ условіяхъ. Благопріятны же для Россіи лишь такія условія, при которыхъ ея союзники несутъ главнѣйшія тяжести войны и выставляютъ наибольшія арміи, при чемъ русскія войска, въ качествѣ резервовъ, не участвуютъ въ большинствѣ битвъ, но за то во всѣхъ генеральныхъ сраженіяхъ на ихъ долю выпадаетъ не связанная съ большими пожертвованіями честь рѣ-

шать своимъ появленіемъ окончательный исходъ дѣла. Такъ было въ войнахъ 13 - 15 годовъ. Но не всегда же можно имѣть такую удобную войну, поэтому русская дипломатія предпочитаетъ пользоваться для своихъ цѣлей противоположностью интересовъ и несогласіями европейскихъ державъ, натравляя ихъ однѣ на другія и эксплуатируя ихъ вражду въ пользу завоевательной политики Россіи. Только противъ несомнѣнно слабѣйшихъ противниковъ, въ родѣ шведовъ, турокъ или персовъ, русское правительство предпринимаетъ самостоятельныя военныя дѣйствія и забираетъ за то всю добычу.

Но возвратимся къ Россіи 1760-го года. Сосѣдями этой однородной, неприступной страны были государства, находившіяся въ полнѣйшемъ упадкѣ, близкія, повидимому, къ разложенію и представлявшія поэтому настоящую matière a conquêtes. Силѣ и обаянію Швеціи былъ нанесенъ ударъ именно попыткой Карла XII внести войну внутрь Россіи; этимъ походомъ онъ обезсилилъ свою страну и сдѣлалъ очевидной неуязвимость своего противника. Южные сосѣди Россіи, турки и ихъ данники, крымскіе татары, представляли собою лишь развалины прошлаго величія. Завоевательная сила турокъ была сломлена уже сто лѣтъ тому назадъ; ихъ оборонительная сила была еще значительна, но она постоянно убывала и лучшимъ признакомъ этого ослабленія могли служить начавшіяся волненія христіанскихъ подданныхъ Турціи, славянъ, румыновъ и грековъ, составлявшихъ въ совокупности большинство населенія Балканскаго полуострова. Почти всѣ эти христіане придерживались греческаго вѣроисповѣданія, были слѣдовательно единовѣрцами русскихъ, а славяне, сербы и болгары, были кромѣ того еще и ихъ единоплеменниками. Россіи достаточно было, поэтому, лишь заявить во всеуслышаніе о своемъ призваніи защищать угнетенное православіе и порабощенное славянство, чтобы подъ покровомъ освобожденія создать себѣ почву для завоеваній на Балканскомъ полуостровѣ. На югѣ Кавказа подъ турецкимъ владычествомъ находилась Арменія и нѣсколько другихъ маленькихъ христіанскихъ земель, дававшихъ Россіи прекрасный предлогъ и здѣсь также явиться „освободительницей". Въ перспективѣ за всѣми этими „освобожденіями" красовался такой призъ, равнаго которому не было въ Европѣ. Этимъ побѣднымъ трофеемъ должна была

явиться древняя столица Восточной Римской Имперіи, метрополія всего греко-восточнаго православія, городъ, самое имя котораго на русскомъ языкѣ говоритъ о связанномъ съ нимъ господствѣ надъ Востокомъ и выражаетъ всю обаятельность обладанія этимъ городомъ для восточныхъ христіанъ: Царьградъ, — Константинополь.

Но Царьградъ въ качествѣ третьей столицы Россіи, рядомъ съ Москвой и Петербургомъ, означалъ бы не одно только нравственное вліяніе царизма на восточное христіанство; онъ былъ бы для Россіи ближайшимъ этапомъ къ господству надъ цѣлой Европой. Съ Царьградомъ Россія пріобрѣла бы исключительное господство надъ Чернымъ моремъ, Малой Азіей и Балканскимъ полуостровомъ. Одного желанія царя было бы тогда достаточно, чтобы запереть Черное море для всѣхъ, какъ торговыхъ, такъ и военныхъ флотовъ, за исключеніемъ русскаго, чтобы превратить это море въ русскую гавань, въ мѣсто для маневровъ ея военнаго флота, который по желанію могъ бы тогда, чрезъ укрѣпленный Босфоръ, дѣлать неожиданныя вылазки и снова скрываться въ свое безопасное убѣжище. Тогда Россіи оставалось бы пріобрѣсти такое же господство надъ Зундомъ и Бельтами, чтобы сдѣлаться неприступной также и на морѣ.

Обладаніе Балканскимъ полуостровомъ привело бы Россію къ Адріатическому морю. Сохраненіе такой границы на Юго-Западѣ было бы немыслимо безъ соотвѣтствующаго передвиженія всей западной границы Россіи и безъ расширенія общей сферы ея могущества на Западѣ. Но съ этой стороны положеніе дѣлъ было еще благопріятнѣе, чѣмъ на Югѣ. Ближе всего лежала здѣсь разрываемая безпорядками Польша, дворянская республика, основанная на угнетеніи крестьянъ, не способная по своей конституціи ни къ какому обще-національному дѣйствію и тѣмъ самымъ предназначенная стать легкой добычей своихъ сосѣдей. Съ самаго начала восьмнадцатаго столѣтія Польша, по словамъ самихъ поляковъ, жила безпорядками (Polska nierządem stoi) Иностранныя войска безпрерывно то останавливались въ ней на постой, то проходили черезъ ея области. Польша служила для этихъ войскъ, какъ говорятъ поляки, „корчмой заѣзжей“ (Karczma zajezdna), только посѣтители корчмы забывали обыкновенно объ уплатѣ. Уже Петръ Великій систематически раззорялъ Польшу — его на-

слѣдникамъ оставалось только хорошенько схатить добычу. И для этого у нихъ имѣлся прекрасный предлогъ въ „національномъ принципѣ“. Польша не была цѣльнымъ, одноплеменнымъ государствомъ. Въ то время, когда Великороссія попала подъ монгольское иго, Бѣлоруссія и Малороссія нашли себѣ защиту отъ азіатскаго нашествія въ присоединеніи къ такъ называемому Литовскому княжеству. Это княжество впослѣдствіи добровольно соединилось съ Польшей. Съ тѣхъ поръ, подъ вліяніемъ высшей цивилизаціи Польши, дворянство Бѣлоруссіи и Малороссіи сильно ополячилось, а въ XVI-мъ вѣкѣ, во время владычества въ Польшѣ іезуитовъ, ея православные подданные были принуждаемы къ соединенію съ римской церковью. Все это дало великорусскимъ царямъ желанный поводъ предъявлять права на области, составлявшія когда-то Литовское княжество, какъ на русскія по національности и угнетаемыя поляками, хотя по мнѣнію величайшаго изъ современныхъ славянистовъ, Миклошича, малорусскій языкъ совершенно самостоятеленъ и не можетъ считаться простымъ нарѣчіемъ русскаго языка. Вторымъ предлогомъ вмѣшиваться въ дѣла Польши была защита православія въ лицѣ уніатовъ, хотя послѣдніе уже давно примирились со своимъ положеніемъ относительно римской церкви.

За предѣлами Польши лежала другая страна, находившаяся, повидимому, въ такомъ же безнадежномъ положеніи. Со времени тридцатилѣтней войны Римско-Германская Имперія оставалась государствомъ лишь по имени. Власть имперскихъ князей все болѣе и болѣе приближалась къ полному самодержавію. Ихъ право противиться волѣ императора, замѣнявшее въ Германіи польское liberum veto, было опредѣленно упомянуто въ условіяхъ Вестфальскаго мира и поставлено подъ защиту Франціи и Швеціи. Усиленіе центральной власти въ Германіи зависѣло, слѣдовательно, отъ согласія иностранныхъ державъ, для которыхъ было очень выгодно никогда не допускать этого усиленія. Къ тому же Швеція, въ силу своихъ завоеваній въ Германіи, имѣла мѣсто и голосъ на имперскомъ сеймѣ и являлась его полноправнымъ членомъ. Въ каждой войнѣ императоръ въ числѣ союзниковъ своихъ чужеземныхъ враговъ встрѣчалъ нѣсколькихъ нѣмецкихъ владѣтелей, превращавшихъ такимъ образомъ каждую войну въ междоусобіе. Почти всѣ крупные и средніе владѣтельные дома Герма-

ніи находились на откупу у Людовика XIV-го и экономическое положеніе ихъ владѣній было до такой степени разстроено, что безъ французскаго золота, ежегодно приливавшаго въ Германію, благодаря продажности ея правительствъ, въ странѣ вовсе не было бы денегъ для внутренняго обращенія. Германскій императоръ давно уже искалъ опоры для своей власти не въ имперіи, ничего не дававшей ему, кромѣ заботъ и расходовъ, а въ своихъ австрійскихъ — нѣмецкихъ и не нѣмецкихъ — наслѣдственныхъ владѣніяхъ. Рядомъ съ Австріей начинала уже выдѣляться въ Германіи и ея соперница Пруссія.

Таково было положеніе дѣлъ ко времени Петра Великаго. Петръ былъ дѣйствительно великій человѣкъ, неизмѣримо болѣе великій, чѣмъ „великій" Фридрихъ, покорнѣйшій прислужникъ продолжательницы дѣла Петра — Екатерины II.

Петръ прекрасно оцѣнилъ необычайно благопріятное для Россіи положеніе дѣлъ въ Европѣ. Онъ съ такою же проницательностью понялъ интересы Россіи и установилъ въ общихъ чертахъ ея политику по отношенію къ Германіи, какъ и по отношенію къ Турціи, Польшѣ и Персіи. Его политическая система гораздо яснѣе выражается въ его дѣятельности, чѣмъ въ такъ называемомъ завѣщаніи его, составленномъ, повидимому, какимъ то эпигономъ. Германія занимала Петра больше чѣмъ какая бы то ни было другая страна, за исключеніемъ Швеціи. Сломить шведовъ было необходимо, и онъ достигъ этого. Польша не представляла затрудненій; чтобы захватить ее, стоило только протянуть руку; очередь Турціи еще не наступила; Петръ стремился главнымъ образомъ стать твердой ногой въ Германіи, занять тамъ то положеніе, которое такъ широко эксплуатировала Франція и для пользованія которымъ Швеція была уже слишкомъ слаба. Онъ очень старался о пріобрѣтеніи какой нибудь нѣмецкой области, которая ввела бы его въ число нѣмецкихъ князей; но въ этомъ онъ не имѣлъ успѣха. Ему удалось лишь ввести систему браковъ между членами русскаго царствующаго дома и нѣмецкими владѣтельными домами и положить начало дипломатической эксплуатаціи всѣхъ внутреннихъ раздоровъ въ Германіи. Послѣ Петра положеніе нѣмецкихъ дѣлъ значительно ухудшилось въ пользу Россіи, вслѣдствіе усиленія Пруссіи. У императора внутри самой имперіи выросъ почти равный ему по

силѣ противникъ, существованіе котораго увѣковѣчивало и обостряло раздѣленіе Германіи. Этотъ противникъ былъ въ то же время слишкомъ слабъ, чтобы держаться безъ помощи Франціи, а главнымъ образомъ Россіи. Поэтому, чѣмъ полнѣе освобождалась Пруссія отъ своихъ вассальныхъ отношеній къ Германской имперіи, тѣмъ вѣрнѣе попадала она въ вассальное отношеніе къ Россіи. Такимъ образомъ въ Европѣ оставалось лишь три государства, съ которыми Россіи приходилось считаться: Австрія, Франція и Англія. Ссорить ихъ между собою и подкупать приманками новыхъ областей было не трудно. Франція продолжала еще соперничать съ Англіей на морѣ; ее можно было также поймать на удочку новыхъ владѣній въ Бельгіи и Германіи. Отличной приманкой для уловленія Австріи могли служить обѣщанія всякихъ выгодъ и преимуществъ, которыя она должна получить въ ущербъ Франціи, Пруссіи, а со времени Іосифа II, также Баваріи. Столкновенія между этими державами, при умѣніи русской дипломатіи пользоваться ими, приносили Россіи больше выгодъ, чѣмъ могли бы принести какіе бы то ни было союзники. И лицомъ къ лицу съ этими разлагающимися пограничными странами, съ этими запутанными въ безконечныя препирательства великими державами, раздѣленными преданіями, экономическими, политическими и дипломатическими интересами и стремленіями къ завоеваніямъ, стояла Россія, цѣльная, однородная, юная и быстро развивающаяся, къ тому же нецивилизованная, покорная, представлявшая собою прекрасный матеріалъ для обработки. Какія заманчивыя условія представляла такая страна для талантливыхъ и честолюбивыхъ людей, стремившихся къ могуществу гдѣ бы и какого бы рода ни было, лишь бы только это было дѣйствительное могущество, лишь бы они имѣли настоящую арену для своихъ талантовъ и честолюбія! И такихъ людей въ изобиліи производилъ „просвѣщенный“ восемнадцатый вѣкъ. Состоя на службѣ „человѣчества“, эти люди разъѣзжали тогда по Европѣ, посѣщая дворы просвѣщенныхъ государей — а какая же владѣтельная особа не желала въ то время быть просвѣщенною? — и устраивались тамъ, гдѣ находили благопріятныя условія. Это былъ своего рода дворянско-буржуазный, бездомный и бродячій интернаціоналъ просвѣщенія. Этотъ интернаціоналъ палъ къ ногамъ Семирамиды Сѣвера, также не имѣвшей отечества Софіи Августы Ангальтъ-

Цербстской, названной въ Россіи Екатериной II, и изъ его-то рядовъ выбрала Екатерина элементы для своего іезуитскаго ордена русской дипломатіи.

Въ слѣдующей статьѣ мы увидимъ, какъ дѣйствовалъ этотъ интернаціоналъ, какъ пользовался онъ безпрерывно мѣняющимися цѣлями соперничавшихъ между собою державъ, для достиженія всегда неизмѣнной, никогда не теряемой изъ виду цѣли: всемірнаго господства Россіи.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Ф. Энгельсъ.

——— ———

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

СТОЛѢТІЕ ВЕЛИКОЙ РЕВОЛЮЦІИ.

Centenaire de 1789. Histoire de la Revolution Française par Paul Janet. Paris.

Въ 1889 Франціей, а съ нею и всѣмъ цивилизованнымъ міромъ праздновалось столѣтіе той Революціи, которую по справедливости называютъ Великой, такъ какъ съ нея начинается новая эпоха въ исторіи. Много благодѣяній принесло съ собою это событіе для всего цивилизованнаго человѣчества вообще, но еще болѣе для буржуазіи въ частности и главнымъ образомъ для французской буржуазіи. Оно положило конецъ господству аристократіи и обезпечило за буржуазіей первое мѣсто рѣшительно во всѣхъ отрасляхъ общественной жизни. Всѣ попытки Реставраціи измѣнить созданный Революціей порядокъ дѣлъ оказались безуспѣшными, да Реставрація и не пыталась, впрочемъ, устранить главнѣйшія, т. е. соціальныя слѣдствія Великой Революціи. Всѣ понимали тогда, что въ этомъ отношеніи дѣло рѣшено безповоротно, и какъ ни вознаграждай стараго дворянства, — но его руководящая роль въ соціальной жизни окончена навсегда. Съ Великой Революціи начинается рѣшительное господство буржуазіи.

Какъ же не вспоминать ей объ этомъ важномъ событіи? Какъ не праздновать ей его столѣтія? Еще за нѣсколько лѣтъ до столѣтней годовщины Революціи буржуазная печать на всѣ голоса кричала о приближающемся великомъ торжествѣ. Но съ

какой собственно стороны вспоминала буржуазія о буржуазной революціи? Какъ рисовалось въ ея воображеніи это важное событіе?

Передъ нами книга патентованнаго ученаго французской буржуазіи, Поля Жанэ, котораго нѣкоторые и, — какъ кажется самъ онъ въ томъ числѣ, — считаютъ философомъ. Это обстоятельство, — т. е. что Поль Жанэ имѣетъ какое-то, впрочемъ, совершенно непонятное для насъ отношеніе къ философіи, — очень удобно для насъ въ настоящемъ случаѣ. У кого же, какъ не у буржуазнаго философа искать буржуазной философіи Великой Революціи? Итакъ, поищемъ ее въ книгѣ, заглавіе которой мы выписали въ началѣ нашей статьи.

Но прежде одно маленькое замѣчаніе. Читателямъ извѣстно, что въ семнадцатомъ вѣкѣ Англія пережила свои революціонныя бури. Въ этомъ вѣкѣ въ Англіи совершилось двѣ революціи: одна, которая привела, между прочимъ, къ казни короля Карла I, а другая, закончившаяся „веселымъ пиркомъ" и восшествіемъ на англійскій престолъ новой династіи. Англійская буржуазія совершенно различнымъ образомъ относится къ этимъ революціямъ: первая въ ея глазахъ не заслуживаетъ даже имени революціи и называется просто „великимъ бунтомъ"; другая — величается „славной революціей" (Glorious Revolution). Тайну этого различнаго отношенія къ двумъ революціямъ разъяснялъ еще Огюстэнъ Тьерри въ своихъ статьяхъ объ англійскихъ революціяхъ. Въ первой англійской революціи большую роль игралъ народъ, во второй — онъ, можно сказать, почти совершенно не участвовалъ. Извѣстно, что когда народъ выступаетъ на историческую арену и начинаетъ, по мѣрѣ силъ и пониманія, рѣшать судьбы своей страны, — высшіе классы (въ данномъ случаѣ буржуазія) чувствуютъ себя очень неловко. Народъ всегда „грубъ", а когда онъ проникается революціоннымъ духомъ, то онъ становится, кромѣ того, еще и непочтителенъ; ну, а высшіе классы всегда стоятъ за тонкую деликатность и за почтительность, по крайней мѣрѣ требуютъ ея отъ народа. Вотъ почему высшіе классы и склонны всегда именовать „бунтами" тѣ революціонныя движенія, которыя ознаменовываются преобладающимъ участіемъ въ нихъ народа.

Французская исторія особенно богата „великими бунтами" и „славными революціями". Но во Франціи дѣло происходило

обыкновенно обратно тому, какъ это было въ Англіи XVII-го вѣка. Въ Англіи „великій бунтъ" предшествовалъ „славной революціи." Во Франціи дѣло начиналось обыкновенно со „славныхъ революцій" и только уже послѣ нихъ имѣли мѣсто „великіе бунты." Такъ было въ теченіе всего XIX столѣтія. Въ 1830 году совершилась въ Парижѣ „славная революція," а въ 1831 году въ Ліонѣ происходитъ довольно таки „великій бунтъ" ткачей, напугавшій всю буржуазію. — Въ Февралѣ 1848 года совершилась до такой степени „славная революція," что ее превозносилъ самъ Ламартинъ почти столь же усердно, какъ превозносилъ самого себя. Все шло не то чтобы совсѣмъ уже хорошо, но хоть сносно до тѣхъ поръ, пока въ Іюнѣ не начался новый „великій бунтъ," заставившій буржуазію кинуться въ объятія военной диктатуры. Четвертаго Сентября 1870 года произошла самая „славная" изъ всѣхъ французскихъ революцій, а 18 Марта слѣдующаго года начался самый великій изъ всѣхъ французскихъ бунтовъ. Буржуа утверждаютъ, что „великіе бунты" всегда портили во Франціи дѣло „славныхъ революцій." Мы не можемъ разсуждать теперь, насколько справедливо это въ примѣненіи къ XIX вѣку, у насъ нѣтъ на это времени, такъ какъ намъ нужно побесѣдовать съ буржуазнымъ философомъ о событіяхъ XVIII столѣтія.

Въ концѣ прошлаго вѣка во Франціи также произошли — одинъ „великій бунтъ" и одна „славная революція." Славная революція" началась въ 1789 году, „великимъ бунтомъ" ознаменовался въ особенности 1793 годъ. Зная, какъ относится буржуазія къ „великимъ бунтамъ" и „славнымъ революціямъ," читатель напередъ уже можетъ предсказать отношеніе философа буржуазіи, Поля Жанэ, къ революціоннымъ движеніямъ конца XVIII вѣка во Франціи.

„ Чтобы безпристрастно судить о французской революціи, — разсуждаетъ онъ въ заключительной главѣ своей книги — „надо различать въ ней три стороны: *цѣль*, *средства* и достигнутые *результаты*. Цѣль революціи... пріобрѣтеніе *гражданскаго равенства* и *политической свободы*... была самой великой, самой законной, къ какой когда либо стремился народъ." Но средства были плохи: „слишкомъ часто они были насильственны и ужасны."

Что касается до результатовъ, то гражданское равенство вполнѣ достигнуто, по мнѣнію Жанэ, и не оставляетъ желать

ничего большаго. Но „политическая свобода господствовала во Франціи со времени революціи лишь перемежающимся образомъ и до сихъ поръ находится въ опасности"

Она утвердится лишь тогда, когда французы отвыкнутъ отъ всякихъ насильственныхъ, незаконныхъ средствъ; будутъ смотрѣть на свою революцію какъ на законченную разъ на всегда; когда сама революція перейдетъ въ область исторіи такъ же безповоротно, какъ перешли въ эту область революціи Англіи и Соединенныхъ Штатовъ. Слѣдуетъ твердо держаться за достигнутые революціей результаты, но отказаться отъ революціоннаго духа, отъ незаконныхъ, насильственныхъ средствъ.

Прекрасно. Но прибѣгать къ революціоннымъ средствамъ стали съ самаго 1789 г., т. е не только со времени „великаго бунта," но еще и въ эпоху „славной революціи." Неужели даже и „славная революція" осуждается Полемъ Жанэ за насильственныя средства? Не совсѣмъ такъ, лучше сказать совсѣмъ не такъ. Въ его изложеніи насильственныя средства временъ „славной революціи" оказываются вполнѣ умѣстными, очень полезными и совершенно цѣлесообразными. Онъ относится съ большимъ одобреніемъ ко всѣмъ народнымъ возстаніямъ, направлявшимся противъ королевской власти. Онъ доказываетъ, что безъ этихъ возстаній правительство на первыхъ же порахъ положило бы предѣлъ всѣмъ реформамъ Національнаго Собранія и великія цѣли революціи не были бы достигнуты. Взятіе Бастиліи онъ привѣтствуетъ какъ „первое побѣдоносное появленіе парижскаго народа на сценѣ революціи." Также одобрительно относится онъ и ко второму его появленію на этой сценѣ, 5 и 6 Октября, и ко взятію Тюльери. Только тутъ, доказавши полнѣйшую необходимость сверженія, при самомъ началѣ войны, сносившагося съ непріятелемъ короля, Жанэ меланхолически добавляетъ: „Франція начинала привыкать къ этому печальному средству рѣшать политическія задачи" (ст. 102). Онъ не указываетъ, однако, какимъ же другимъ средствомъ, кромѣ возстанія, можно было рѣшить данную, неотложную задачу?

Только взявъ Тюльери, только совершивъ это послѣднее изъ необходимыхъ, по мнѣнію Жанэ, возстаній, парижскій *народъ* превращается постепенно, подъ перомъ нашего историка, въ *чернь*, руководимую низкими страстями. Теперь дѣло разъясняется: Почему не возставать? Возставать можно, только не

нужно при этомъ руководствоваться низкими страстями. Такъ, что ли, нужно понимать буржуазнаго историка? Нѣтъ, не такъ. Оказывается, что въ настоящее время возставать вовсе нѣтъ ни смысла, ни основанія. Возставать можно было только во время „славной революціи." Теперь понимаемъ. Свергли короля, прикончили аристократію, дали господство буржуазіи, — и сидите смирно, совершивъ въ предѣлахъ земныхъ все земное. Кто же, кромѣ жалкой черни, могъ и можетъ возставать послѣ этого!

Очень хорошо. Что же дальше? А дальше, разумѣется, вотъ что. Поль Жанэ сочувственно относится ко всѣмъ партіямъ, стоявшимъ поочередно во главѣ движенія, кромѣ монтаньяровъ. На нихъ сосредоточиваетъ онъ всё свое негодованіе, для нихъ приберегаетъ онъ всѣ крѣпкія слова и бранные эпитеты.

Между этими злодѣями и „мужественной, великодушной Жирондой" Жанэ проводитъ слѣдующую интересную параллель: „Какъ одни такъ и другіе хотѣли республики..." Но жирондисты „хотѣли республики свободной, законной, милостивой. Монтаньяры желали республики деспотической и ужасной. Не заботясь о свободѣ, монтаньяры дорожили только равенствомъ. И тѣ, и другіе стояли за верховную власть народа; но жирондисты справедливо понимали подъ народомъ всѣхъ; для монтаньяровъ же, по злоупотребленію, которое продолжается и до сихъ поръ, народомъ былъ лишь трудящійся классъ, люди, живущіе работой своихъ рукъ; поэтому однимъ этимъ людямъ и должно было, по мнѣнію монтаньяровъ, принадлежать господство.

Итакъ, политическая программа жирондистовъ сильно отличалась отъ политической программы монтаньяровъ. Откуда происходило это различіе? Самъ Поль Жанэ недурно объясняетъ его происхожденіе. Оно обусловливалось тѣмъ, что монтаньяры иначе, чѣмъ жирондисты, смотрѣли на взаимное отношеніе тогдашнихъ общественныхъ классовъ. Жирондисты „понимали подъ словомъ *народъ* всѣхъ," въ представленіи монтаньяровъ народъ составлялъ лишь трудящійся классъ. Другіе классы, очевидно, не были въ ихъ глазахъ „народомъ." Почему же не были? Вѣроятно потому, что монтаньярамъ казалось, будто интересы этихъ классовъ шли въ разрѣзъ съ интересами класса трудящихся. Вѣдь въ сущности и сами жирондисты понимали подъ словомъ „народъ" не „всѣхъ," т. е.

не всю тогдашнюю французскую націю, а только одно третье сословіе. Входила-ли въ ихъ понятіе о народѣ аристократія? Входило-ли высшее духовенство? Вовсе нѣтъ! Аббатъ Сіэйесъ никогда не шелъ такъ далеко, какъ жирондисты, а между тѣмъ и онъ, въ своей брошюрѣ „Qu'est-ce que le Tiers-Etat?“ прямо противополагаетъ „народъ,“ т. е. третье сословіе, кучкѣ „привиллегированныхъ,“ т. е. дворянству и высшему духовенству. Неужели жирондисты не одобрили бы подобнаго противопоставленія? Конечно, одобрили бы. Они еще горячѣе возставали противъ „привиллегированныхъ.“ Но если за всѣмъ тѣмъ они все таки расходились съ монтаньярами въ своихъ представленіяхъ о „народѣ,“ то не зависѣло ли это оттого, что монтаньяры шли дальше и смотрѣли, какъ на привиллегіи, на такія общественныя учрежденія, которыя казались жирондистамъ священными и необходимыми? Если это было такъ, то естественно, что классы, извлекавшіе пользу изъ такихъ учрежденій, не должны были причисляться монтаньярами къ народу, потому что никто изъ революціонеровъ не причислялъ тогда къ народу, „привиллегированныхъ.“ Споръ возможенъ былъ только относительно того, какіе именно классы слѣдуетъ причислить къ привиллегированнымъ. Монтаньяры считали за народъ только трудящійся классъ, людей, живущихъ работой рукъ своихъ. Такъ не относили-ли они къ „привиллегированнымъ“ такихъ людей и такихъ сословій, которыя хотя тоже живутъ „работой рукъ,“ но рукъ чужихъ, а не своихъ собственныхъ. Не такъ-ли было дѣло? Поль Жанэ заставляетъ думать, что такъ.

Теперь для насъ кое-что уже выяснено, неясно только одно: почему люди, отстаивавшіе дѣло трудящагося класса, склонялись къ республикѣ „деспотической и ужасной.“ Почему не явились они, напротивъ, сторонниками „республики законной, свободной и милостивой“? На это могли быть двоякаго рода причины: во-первыхъ, внѣшнія, во-вторыхъ внутреннія. Начнемъ съ внѣшнихъ причинъ, т. е. съ тогдашнихъ отношеній революціонной Франціи къ другимъ государствамъ.

Положеніе Франціи въ то время, когда Гора взяла въ свои руки диктатуру, было отчаянно, почти безнадежно. „Иностранныя войска вступили съ четырехъ сторонъ на французскую территорію: съ сѣвера — англичане и австрійцы, въ Эльзасѣ — пруссаки, въ Дофинэ и до Ліона — пьемонтцы, въ Руссильонѣ — испанцы. И это въ такое время, когда

гражданская война свирѣпствовала въ четырехъ различныхъ пунктахъ: въ Нормандіи, въ Вандеѣ, въ Ліонѣ и Тулонѣ“ (ст. 176). Къ открытымъ врагамъ надо прибавить разсыпанныхъ по всей Франціи тайныхъ сторонниковъ стараго порядка, готовыхъ тайкомъ помогать непріятелю.

У правительства, взявшаго на себя борьбу съ безсчисленными внѣшними и внутренними врагами, не было ни денегъ, ни достаточнаго войска — ничего, кромѣ безграничной энергіи, горячей поддержки со стороны революціонныхъ элементовъ страны и громадной смѣлости принимать всѣ мѣры для спасенія родины, какъ бы произвольны, беззаконны и суровы онѣ ни были. Призвавши къ оружію всю молодежь Франціи и не имѣя ни малѣйшей возможности вооружить и содержать свои арміи на ничтожныя средства, которыя давали налоги, монтаньяры прибѣгли къ реквизиціямъ, конфискаціямъ, насильственнымъ займамъ, принудительному курсу ассигнацій, словомъ *заставили* запуганные ими имущіе классы содѣйствовать спасенію страны денежными пожертвованіями рядомъ съ народомъ, отдававшимъ для этого спасенія свою кровь. Эти насильственныя мѣры были безусловно необходимы, если только было необходимо спасеніе Франціи. Значительныхъ матеріальныхъ пожертвованій нельзя было ждать отъ доброй воли частныхъ лицъ; это признаетъ самъ Жанэ. Необходима была и желѣзная энергія правительства, доводившая до величайшаго напряженія всѣ живыя силы Франціи. Жанэ признаетъ и это. Онъ желалъ бы только, чтобы диктатура досталась не отвратительнымъ якобинцамъ, а благородной, умѣренной жирондѣ. Еслибы, въ своей борьбѣ съ Горой, жирондисты остались побѣдителями, говоритъ нашъ авторъ, „они очутились бы точь въ точь въ томъ же положеніи, какъ и сами монтаньяры: имъ тогда пришлось бы бороться съ роялистскими возстаніями, подавлять партію монтаньяровъ, отражать внѣшнее нашествіе и сомнительно, чтобы они могли справиться со всѣми этими бѣдствіями безъ диктатуры. Но эта диктатура была бы менѣе кровавой и болѣе уважала бы право и свободу.“ (ст. 144).

Но на какіе же элементы могли опереться умѣренные и аккуратные жирондисты? Когда, побѣжденные въ Парижѣ монтаньярами, они бросились въ департаменты, то встрѣтили тамъ лишь пассивное сочувствіе „медлительнаго и вялаго,“ по

выраженію Жанэ, средняго класса, да коварную поддержку роялистовъ, отъ которой сами отказались. Не такую-ли же точно поддержку дали бы имъ ихъ сторонники и въ борьбѣ съ внѣшнимъ непріятелемъ? Нужно помнить, что низшій, самый революціонный слой населенія — въ особенности парижскаго населенія — не сочувствовалъ и не могъ сочувствовать Жирондѣ. У него, очевидно, были другія понятія о "народѣ" и его интересахъ, чѣмъ у жирондистовъ, умиляющихъ Жанэ широтою своихъ воззрѣній. Именно это обстоятельство и причинило паденіе жирондистовъ и торжество Горы. Такимъ образомъ, они могли разсчитывать почти исключительно на „медлительный и вялый" средній классъ. Многаго-ли можно было ожидать отъ него? Нѣтъ, не по силамъ было умѣренной и либеральной Жирондѣ вывести Францію изъ того критическаго положенія, въ какое попала она въ 1793 году.

Итакъ, по внѣшнимъ причинамъ необходима была диктатура и именно диктатура монтаньяровъ. Но вѣдь когда рѣчь заходитъ о диктатурѣ, то смѣшно и говорить о республикѣ „свободной, законной и милостивой." Революціонная диктатура поневолѣ была такъ же строга и немилостива, какъ строги и немилостивы были вызвавшіе ее къ жизни внѣшніе враги республики. Вспомните манифестъ герцога Брауншвейгскаго. Подумайте, чѣмъ грозила реакціонная Европа революціонной Франціи.

Перейдемъ къ внутреннимъ причинамъ, помѣшавшимъ монтаньярамъ склониться къ республикѣ „свободной, законной и милостивой." Здѣсь прежде всего мы попросимъ читателя обратить вниманіе на знаменитыя права человѣка и гражданина. Въ числѣ этихъ правъ много было такихъ, которыя совершенно совпадали съ интересами низшаго класса населенія. Но было между ними одно, къ которому онъ съ самаго начала долженъ былъ стать въ странное, полное противорѣчій отношеніе. Мы говоримъ о провозглашенномъ тогда правѣ человѣка на *собственность*. Какъ долженъ былъ понимать это право, напримѣръ, парижскій санкюлотъ? Самое названіе его показываетъ, что собственности у него ровно никакой не было, а между тѣмъ онъ имѣлъ на нее право. Какъ же могъ онъ воспользоваться этимъ превосходнымъ правомъ? За примѣромъ ходить было недалеко. Буржуазія порядочно таки пощипала имущества дворянства и духовенства. Не пощипать ли ему имущество буржуазіи? Почему бы нѣтъ? Санкюлоту жилось

тогда изъ рукъ вонъ плохо, хотя и очень весело. Онъ часто голодалъ въ буквальномъ смыслѣ этого слова, а голодъ, какъ извѣстно, очень вкрадчивый совѣтникъ. И вотъ, нашъ бѣднякъ начинаетъ обнаруживать большую безцеремонность по отношенію къ буржуазнымъ имуществамъ. Буржуазія защищается какъ можетъ. Понятно, какимъ образомъ эта соціальная борьба должна была отражаться на политической жизни. „Чернь" сплачивается въ особую партію и выноситъ на своихъ плечахъ монтаньяровъ. Въ то время „чернь" умѣла постоять за себя и скоро достигла господства. Тогда ей оставалось, повидимому, только воспользоваться своей политической властью и завести такія соціальныя учрежденія, благодаря которымъ право человѣка на собственность не было бы уже по отношенію къ ней горькой насмѣшкой. Для тогдашняго, какъ и для современнаго, пролетаріата это возможно было только при одномъ условіи: при полномъ уничтоженіи частной собственности на средства производства и при организаціи производства на общественныхъ началахъ. Но это совершенно немыслимо было тогда по двумъ причинамъ, которыя стояли, впрочемъ, въ тѣсной связи одна съ другой: ни самъ пролетаріатъ не былъ достаточно развитъ для этого, ни тогдашнія средства производства не удовлетворяли элементарнѣйшимъ требованіямъ общественной его организаціи. Поэтому и мысль о немъ не приходила въ голову ни тогдашней черни, ни ея образованнымъ представителямъ. Правда, еще до Революціи во французской литературѣ существовало двѣ, три коммунистическихъ утопіи, но онѣ, по указаннымъ причинамъ, и сами не отличались состоятельностью, и никого не могли увлечь за собою. Что же оставалось дѣлать при такихъ условіяхъ восторжествовавшей на время „черни"? Если нельзя было завести общественнаго производства, то частная собственность по необходимости должна была существовать, и для голодающаго народа возможны были только случайныя насильственныя вторженія въ ея область. Онъ и дѣлалъ такія вторженія, за что его до сихъ поръ продолжаютъ поносить всѣ буржуазные историки. Но при насильственныхъ вторженіяхъ въ область частной собственности, республика не могла быть „законной," потому что законъ обѣщалъ охранять частную собственность. Не могла быть она и „милостивой," потому что вѣдь имущіе слои общества не сидѣли сложа руки при такомъ обращеніи съ ихъ иму-

ществомъ: они усердно искали удобнаго случая положить предѣлъ господству безцеремонной „черни.“ Борьба между тогдашнимъ пролетаріатомъ и имущимъ классомъ по роковой, неотвратимой необходимости должна была принять террористическій характеръ. Только терроромъ и могъ отстаивать пролетаріатъ свое господство въ своемъ тогдашнемъ положеніи, полномъ самыхъ неразрѣшимыхъ экономическихъ противорѣчій. Еслибы пролетаріатъ обладалъ тогда большею развитостью, если бы въ тогдашней экономической жизни существовали условія, необходимыя для обезпеченія его благосостоянія, то ему не было бы никакой надобности прибѣгать къ террористическимъ мѣрамъ. Посмотрите на буржуазію, которую всѣ историки хвалятъ за ея тогдашнее стремленіе къ „законности.“ Положимъ, и она не давала спуску своимъ врагамъ, и она не отступала въ рѣшительныя минуты передъ рѣшительными мѣрами. Но ея дѣло стояло тогда такъ прочно, что ему не могли въ сущности повредить никакіе противники. Добившись гоподства въ эпоху своей „славной революціи“ 1789 года, буржуазія безъ большихъ усилій учредила нужный ей общественный порядокъ и придала ему такую прочность, что самые заклятые реакціонеры едва-ли могли серьезно задумываться объ его уничтоженіи, а если бы попытались уничтожить его, то увидѣли бы, что это невозможно. При такихъ условіяхъ хорошо было буржуазіи говорить о „законности.“ Когда ваше дѣло выиграно, а дѣло вашихъ враговъ проиграно навсегда, когда „законнымъ“ порядкомъ сталъ выгодный для васъ порядокъ, тогда съ какой стати станете вы прибѣгать къ беззаконному способу дѣйствій? Вы имѣете всѣ основанія думать, что законъ вполнѣ оградитъ всѣ ваши преимущества. Буржуазія стремилась къ законности въ *политикѣ*, потому что историческое развитіе совершенно обезпечило ея торжество въ *экономіи*. На ея мѣстѣ и пролетаріатъ не сталъ бы поступать иначе. Что представители „черни,“ монтаньяры, въ принципѣ не менѣе жирондистовъ стояли за свободу и законность, – доказываетъ выработанная ими конституція, самая *свободная* изо всѣхъ, когда либо написанныхъ во Франціи. Этой конституціей вводилось прямое народное законодательство и права исполнительной власти были сведены до минимума. Но по указаннымъ внѣшнимъ и внутреннимъ причинамъ монтаньяры не имѣли возможности привести ее въ дѣйствіе.

Вообще, можно принять за правило, не допускающее исключеній, что чѣмъ меньше шансовъ имѣетъ данный общественный классъ или слой отстоять свое господство, тѣмъ болѣе склонности обнаруживаетъ онъ къ террористическимъ мѣрамъ. Въ XIX вѣкѣ буржуазія во-очію увидѣла, что шансы ея отстоять свое господство надъ пролетаріатомъ все болѣе и болѣе уменьшаются, — и вотъ она все болѣе и болѣе стремится терроризировать пролетаріатъ. Съ іюньскими инсургентами она расправлялась гораздо свирѣпѣе, чѣмъ съ ліонскими ткачами, возстававшими въ 1831 году, а съ „коммунарами„ 1871 г. — еще свирѣпѣе, чѣмъ съ Іюньскими инсургентами. Терроръ, практикованный буржуазіей надъ пролетаріатомъ далеко, безконечно далеко оставляетъ за собою всѣ (страшно преувеличенные реакціонерами) ужасы якобинскаго террора. Робеспьеръ является просто ангеломъ въ сравненіи съ Тьеромъ, а Маратъ чудомъ доброты и кротости въ сравненіи съ буржуазными строчилами временъ знаменитыхъ майскихъ расправъ. Внимательно вдумываясь во французскую исторію нынѣшняго столѣтія, приходится совершенно согласиться съ Герценомъ, который послѣ іюньскихъ дней писалъ, что нѣтъ и не можетъ быть правительства свирѣпѣе правительства осерчалыхъ лавочниковъ.

Именнно благодаря свирѣпости лавочниковъ не могла на долго укрѣпиться и политическая свобода во Франціи. На буржуазію и только на буржуазію падаетъ отвѣтственность за всѣ тѣ частыя уклоненія въ сторону реакціи, какими ознаменовалась французская исторія нынѣшняго вѣка. Даже во время Реставраціи торжество реакціонеровъ въ значительной степени и долгобыло облегчаемо тѣмъ, что, труся передъ рабочими, буржуазія долго не хотѣла вовлекать ихъ въ борьбу.

Возвращаясь къ вопросу о якобинскомъ террорѣ конца прошлаго вѣка, мы скажемъ въ утѣшеніе буржуазнымъ писателямъ, содрогающимся при одномъ воспоминаніи о немъ, слѣдующую, какъ намъ кажется, безспорную истину.

Предстоящій теперь въ цивилизованныхъ странахъ „великій бунтъ“ рабочаго сословія навѣрное не будетъ отличаться жестокостью. Торжество рабочаго дѣла до такой степени обезпечено теперь самой исторіей, что ему не будетъ надобности въ террорѣ. Конечно, буржуазные реакціонеры хорошо сдѣлаютъ, если постараются не попадаться въ желѣзныя объятія побѣдоноснаго пролетаріата. Они поступятъ благоразумно, если

не будутъ подражать монархическимъ заговорщикамъ первой революціи. A la guerre comme a la guerre справедливо говоритъ пословица, и въ разгарѣ борьбы заговорщикамъ можетъ придтись плохо. Но, повторяемъ, успѣхъ пролетаріата обезпеченъ теперь самой исторіей.

Захвативши политическую власть въ свои руки, онъ хорошо и скоро съумѣетъ воспользоваться ею для своихъ экономическихъ цѣлей, а затѣмъ, создавши сообразный со своими нуждами общественный порядокъ, онъ поспѣшитъ перейти къ „законности.“ Трудно-ли будетъ ему уважать законы, продиктованные его собственными интересами?

Празднуя столѣтіе великой Революціи, французская буржуазія какъ бы нарочно задалась цѣлью показать пролетаріату экономическую возможность и необходимость рабочей революціи. Всемірная выставка давала ему прекрасное понятіе о томъ неслыханномъ развитіи, какого достигли въ настоящее время производительныя силы цивилизованныхъ странъ. Ни о чемъ подобномъ не могли даже и мечтать самые смѣлые утописты прошлаго вѣка. Сообразно съ этимъ и освобожденіе пролетаріата — изъ благородной мечты, какою оно было, напримѣръ, во время Бабефа, сдѣлалось теперь исторической неизбѣжностью. Та же самая выставка показала, что при современномъ развитіи производительныхъ силъ и при современномъ анархическомъ состояніи производства промышленные кризисы должны становиться все болѣе и болѣе интенсивными, а слѣдовательно все болѣе и болѣе разрушительно вліять на ходъ всемірнаго хозяйства. Чтобы избавить себя отъ ихъ гибельнаго вліянія, европейскому пролетаріату не остается ничего другаго, какъ именно только положить начало той планомѣрной организаціи общественнаго производства, которая была полнѣйшей невозможностью для французскихъ санкюлотовъ прошлаго столѣтія. Современныя производительныя силы не только допускаютъ такую организацію, но даже настойчиво требуютъ ея. Безъ нея невозможно воспользоваться ими въ полной мѣрѣ. Въ современныхъ механическихъ мастерскихъ трудъ уже принялъ общественный характеръ. Остается только согласить производительныя функціи такихъ мастерскихъ и соотвѣтственно этому измѣнить характеръ присвоенія продуктовъ: изъ частнаго сдѣлать его общественнымъ. Достиженіе этой цѣли и составляетъ задачу будущаго „великаго бунта“ европейскаго про-

летаріата. Собиравшійся въ Іюлѣ нынѣшняго года въ Парижѣ международный соціалистическій конгрессъ не упустилъ случая напомнить ему объ этой великой задачѣ.

А гдѣ же нашъ Поль Жанэ? Гдѣ нашъ философъ? Онъ здѣсь, но мы совсѣмъ позабыли о немъ, разсуждая о задачахъ европейскаго пролетаріата. А теперь вотъ онъ напоминаетъ намъ о себѣ, увѣряя насъ, что нужно „остаться вѣрнымъ духу революціи, осудивъ революціонный духъ.“ (272) Другими словами это значитъ, что человѣчество въ настоящее время должно довольствоваться результатами, добытыми буржуазіей, благодаря Великой Революціи, и не дѣлать ни шагу далѣе. Мы думаемъ, что надо поступать какъ разъ обратно. *Цѣли буржуазіи* не могутъ быть *цѣлями рабочаго класса*, добытые *ею* результаты не могутъ удовлетворить *его*. Поэтому онъ идетъ далѣе, осуждая *буржуазный духъ* Великой Революціи. Но онъ остается вѣренъ *революціонному духу*, потому что оставаться вѣрнымъ ему значитъ неутомимо и безстрашно бороться за лучшее будущее, ведя непримиримую войну со всѣмъ устарѣлымъ и отжившимъ.

Буржуазіи хотѣлось бы убѣдить рабочихъ въ томъ, что современное общество не знаетъ никакого раздѣленія на классы, такъ какъ новѣйшее правовое государство основывается на равенствѣ всѣхъ передъ закономъ. Но это формальное равенство такъ же не утѣшаетъ рабочаго, какъ не утѣшало буржуазію при старомъ режимѣ провозглашенное христіанствомъ равенство всѣхъ передъ богомъ. Не довольствуясь этимъ фантастическимъ равенствомъ, буржуазія не успокоилась до тѣхъ поръ, пока не обезпечила за собою всѣхъ возможныхъ благъ земной жизни. Не удивляйтесь же, господа, что пролетаріатъ не довольствуется юридическими фикціями и говоритъ, что пока существуетъ экономическое неравенство, — въ дѣйствительной жизни равенства нѣтъ и быть не можетъ.

Буржуазіи хотѣлось бы также увѣрить рабочихъ, что въ области экономіи теперь уже нечего дѣлать и что поэтому имъ остается лишь развлекаться забавами „чистой“ политики. Но для рабочихъ заниматься „чистой политикой“ значитъ идти во хвостѣ буржуазныхъ партій. И буржуазія сама прекрасно понимаетъ это значеніе „чистой политики.“ По крайней мѣрѣ — понимала это прежде, когда боролась съ дворянствомъ и духовенствомъ. Въ цитированной уже выше брошюрѣ Qu'est-ce

que le Tiers-Etat?, которую можно назвать программой французской буржуазіи 1789 года, софизмы „чистыхъ политиковъ,“ принадлежавшихъ тогда къ первымъ двумъ сословіямъ, опровергнуты съ большимъ искусствомъ. Аббатъ Сіэйесъ утверждалъ, что нація фактически раздѣлена на два лагеря: лагерь привиллегированныхъ и лагерь угнетенныхъ. Это фактическое раздѣленіе должно отразиться и въ политикѣ. Пусть привиллегированные отстаиваютъ политическими мѣрами свои привиллегіи: это естественно и понятно; но пусть и угнетенные не забываютъ своихъ интересовъ, пусть они выступятъ на открывающуюся арену политической жизни, сплотившись *въ особую партію*. Эта проповѣдь и до настоящей минуты сохранила свой смыслъ и свое значеніе. Обстоятельства измѣнились лишь въ томъ, что теперь привиллегированное мѣсто занимаетъ буржуазія. Какъ же не группироваться рабочимъ въ особую партію угнетенныхъ, враждебную привиллегированной буржуазіи?

Во время „великаго бунта“ французской „черни“ конца прошлаго вѣка противорѣчіе классовыхъ интересовъ буржуазіи и пролетаріата находилось еще въ зародышѣ. Поэтому и сознаніе его въ умахъ пролетаріевъ было еще очень неясно. Выше, объясняя смыслъ того, что Поль Жанэ сказалъ объ якобинскомъ пониманіи „народа,“ мы приписали якобинцамъ враждебное отношеніе ко всѣмъ классамъ, живущимъ работою *рукъ чужихъ*, а не своихъ собственныхъ. Такое пониманіе необходимо вытекало изъ словъ нашего автора. И оно было вѣрно въ томъ смыслѣ, что монтаньяры на дѣлѣ и по инстинкту всегда стремились отстаивать интересы бѣднѣйшаго класса населенія. Но въ ихъ взглядахъ была такая сторона, которая при дальнѣйшемъ своемъ развитіи, сообщила бы имъ совершенно буржуазный характеръ. Эта сторона ихъ взглядовъ очень замѣтна въ рѣчахъ Робеспьера. Она же подвинула якобинцевъ на борьбу противъ гебертистовъ и вообще противъ сторонниковъ такъ называвшихся тогда аграрныхъ законовъ. Но и въ „аграрныхъ законахъ,“ какъ они рисовались въ воображеніи ихъ сторонниковъ, не было ничего коммунистическаго. Частная собственность и неизбѣжно связанныя съ нею мелкобуржуазныя стремленія какъ бы насильно вторгались тогда въ программы самыхъ крайнихъ революціонеровъ. Только Бабефъ становится уже на другую точку зрѣнія, но онъ

является уже въ послѣднемъ дѣйствіи великой трагедіи, когда силы пролетаріата были совершенно истощены предшествовавшей борьбою. Партія монтаньяровъ именно и разбилась объ это противорѣчіе между ихъ мелкобуржуазными понятіями и ихъ стремленіемъ отстаивать интересы пролетаріата.

Въ настоящее время представители рабочаго класса вполнѣ чужды подобныхъ противорѣчій. Современный научный соціализмъ является именно теоретическимъ выраженіемъ непримиримой противоположности интересовъ буржуазіи и пролетаріата. Совершаясь подъ его знаменемъ, предстоящее революціонное движеніе рабочихъ будетъ, собственно говоря,уже не „бунтомъ,“ хотя бы и„великимъ,“ а побѣдоносной *Революціей*, гораздо болѣе *славной*, чѣмъ всѣ „славныя“ революціи буржуазіи.

Сила, простая голая сила штыковъ и пушекъ все болѣе и болѣе становится теперь единственной опорой господства буржуазіи. Въ ея рядахъ появляются откровенные „теоретики,“ открыто признающіе, что современный буржуазный порядокъ не имѣетъ никакихъ теоретическихъ оправданій, да и не нуждается въ нихъ, потому что сила на сторонѣ буржуазіи. Такъ разсуждаетъ напримѣръ, въ своей книгѣ „Rechtsstaat und Socialismus“ австрійскій профессоръ Гумпловичъ. Но всегда-ли сила будетъ на сторонѣ буржуазіи?

Когда, въ одномъ изъ первыхъ засѣданій Генеральныхъ Штатовъ, представители дворянства и духовенства сослались на то, что въ основѣ ихъ привиллегій лежитъ историческое право завоеванія, — теоретикъ буржуазіи, аббатъ Сіэйесъ, гордо отвѣчалъ имъ: Rien que cela, messieurs? Nous serons conquérants à notre tour!

Совершенно то же можетъ отвѣтить и рабочій классъ проповѣдникамъ буржуазнаго насилія.

Столѣтняя годовщина Великой Революціи лишній разъ напомнила пролетаріату, что для его экономическаго освобожденія сдѣлано до сихъ поръ слишкомъ мало, да и не можетъ быть сдѣлано много до тѣхъ поръ, пока онъ, въ свою очередь, не явится *побѣдоноснымъ завоевателемъ*.

МЕЖДУНАРОДНЫЙ РАБОЧІЙ СОЦІАЛИСТИЧЕСКІЙ КОНГРЕССЪ ВЪ ПАРИЖѢ

(14—15 іюля 1889).

I

Помните старинное преданіе, какъ одинъ чародѣй освободилъ заключенныхъ духовъ, а потомъ, забывши слово заклинанія, не былъ въ состояніи ихъ укротить? Его положеніе, говорятъ, было очень трагическимъ... Невольно приходитъ на умъ это преданіе, когда присмотришься къ современному положенію буржуазіи. Силы, вызванныя ею къ жизни могущественнѣе духовъ прежняго времени, въ чемъ если и существовали сомнѣнія, то, конечно, разсѣялись подъ вліяніемъ последней парижской выставки. Читатель еще не забылъ восторговъ и удивленія, вызванныхъ чудесной картиной, которую капитализмъ развернулъ въ столицѣ Европы предъ глазами изумленнаго міра. И было чему подивиться: силы, направленныя теперь на производство по истинѣ колоссальны, ихъ развитіе совершается безостановочно, область господства крупной промышленности расширяется, а производительность труда достигла, при помощи машинъ, небывалыхъ прежде размѣровъ. Но чѣмъ выше мы оцѣнимъ этотъ гигантскій ростъ промышленности, тѣмъ болѣе комическое впечатлѣніе произведетъ фигура вертляваго, самодовольнаго и хвастливаго буржуа, мнящаго себя господиномъ, хозяиномъ положенія. Не очевидно-ли, что не подъ силу частному предпринимателю управиться съ производствомъ, основой которому служитъ современное знаніе и искусство? что всеміpное хозяйство переросло условія, породившія капиталистическій строй, и что требуется нѣчто иное, чѣмъ существованіе класса капиталистовъ для того, чтобы употребить въ дѣло и регулировать силы, пробудить и оживить которыя составляло задачу текущаго столѣтія? Кто же возьметъ на себя эту громадную задачу? И если она превышаетъ силы буржуазіи, то по силамъ-ли она какому нибудь другому классу?

Ее беретъ на себя пролетаріатъ, въ лицѣ наиболѣе развитыхъ слоевъ своего класса, — беретъ совершенно-обдуманно, съ полнымъ знаніемъ дѣла и съ несокрушимой увѣренностью въ побѣдѣ. Понятно, по-

этому какую важность имѣютъ всѣ перепетіи борьбы пролетаріата съ буржуазіей, и какое огромное значеніе получаетъ собравшійся въ Іюлѣ прошлаго года въ Парижѣ международный рабочій соціалистическій конгрессъ.

Отвлекаясь пока отъ вопросовъ, занимавшихъ названный конгрессъ и отъ задачъ, какія онъ поставилъ рабочему классу всего цивилизованнаго міра, обратимъ вниманіе на общій смыслъ такого факта, какъ съѣздъ представителей пролетаріата. Пролетаріатъ — вѣдь это люди живущіе изо дня въ день, которые всю жизнь бьются изъ-за насущнаго хлѣба, которые каждую копѣйку добываютъ потомъ и кровью — какой-же высокой степени классоваго самосознанья долженъ былъ достигнуть этотъ пролетаріатъ, чтобы съ такимъ трудомъ добытыя деньги тратить на конгрессъ своихъ представителей! Не могъ же онъ ожидать непосредственныхъ результатовъ отъ дѣятельности конгресса. Какое же высокое *идеалистическое* настроеніе должно владѣть рабочимъ классомъ, чтобы заставить его приносить для отдаленныхъ историческихъ цѣлей реальныя, для него столь чувствительныя, жертвы! Но таково всегда бываетъ настроеніе тѣхъ классовъ, которые стоятъ въ авангардѣ историческаго движенія: оно является самой характерной ихъ особенностью. Теперь, роль передоваго отряда принадлежитъ рабочему классу. И достойно удивленія то соревнованіе, съ которымъ рабочіе разныхъ странъ старались перещеголять другъ друга числомъ присланныхъ ими делегатовъ; даже маленькія страны—и тѣ не отставали.

Дѣлаясь, подъ вліяніемъ своей исторической миссіи, нравственно чище и болѣе готовымъ на самопожертвованія, рабочій классъ все замѣтнѣе освобождается отъ предразсудковъ, такъ старательно прививаемыхъ къ нему его правителями. Злѣйшій изъ этихъ предразсудковъ, національный антагонизмъ, съ каждымъ днемъ теряетъ почву среди рабочаго класса, и въ то время какъ правители, разжигая низменныя страсти національной вражды и соперничества, создаютъ милліонныя арміи и для нихъ стомилліонные бюджеты, представители пролетаріата всѣхъ цивилизованныхъ странъ братски протягиваютъ другъ другу руки и принимаютъ рѣшенія объ отмѣнѣ постоянныхъ армій. Носитель высшаго типа культуры, пролетаріатъ ставитъ на своемъ знамени братскій союзъ всѣхъ народовъ, между тѣмъ какъ привиллегированные классы съ ихъ правительствами окружаютъ каждую страну цѣпью запретительныхъ пошлинъ и лѣсомъ штыковъ.

Наконецъ, — и это едва ли не самое важное, — успѣхъ конгресса свидѣтельствуетъ съ очевидностью, что великій лозунгъ, провозглашенный 25 лѣтъ тому назадъ интернаціоналомъ (т. е. сравнительно незначительнымъ числомъ группъ рабочей интеллигенціи): „освобожденіе рабочихъ должно быть дѣломъ самихъ рабочихъ“ проникъ въ рабочія массы и овладѣлъ ихъ умами. Рабочій классъ не апеллируетъ больше къ милосердію царей (онъ узналъ имъ цѣну), не довѣряетъ отеческой заботливости гг. фабрикантовъ и хозяевъ, а самъ принимается за рѣшеніе соціальнаго вопроса, создаетъ крупныя организаціи созываетъ свой парламентъ. Даже тѣ слои рабочаго населенія, которые, вслѣдствіе своего уже черезъ чуръ тяжелаго положенія, стояли

до сихъ поръ внѣ движенія, спѣшатъ послать выборныхъ на конгрессъ, чтобы принести свои жалобы на претерпѣваемыя ими обиды. Такъ напр., явился депутатъ отъ марсельскихъ матросовъ и разсказалъ конгрессу о невѣдомыхъ міру притѣсненіяхъ, какимъ подвергаются оторванные отъ всѣхъ, изолированные, а потому и безсильные моряки; былъ делегатъ и отъ парижескихъ гарсоновъ, этихъ паріевъ пролетаріата, въ 1886 г. въ первый разъ организовавшихся въ союзъ, насчитывающій теперь уже до 4500 членовъ; и они воспользовались случаемъ повѣдать представителямъ всемірнаго пролетаріата свою горькую судьбину и предъявить имъ свои, мимоходомъ сказать, поразительно скромныя требованія. Посмотримъ же теперь на этотъ парламентъ и постараемся вкратцѣ отмѣтить наиболѣе крупныя черты, касающіяся какъ его состава и занятій, такъ и достигнутыхъ имъ результатовъ.

Предварительно скажемъ, что, хотя въ Парижѣ засѣдало два конгресса, одинъ. созванный поссибилистами, а другой — коллективистами (такъ называютъ себя французскіе соціаль-демократы), но нашъ отчетъ будетъ касаться только послѣдняго изъ нихъ. Дѣло въ томъ, что, если поссибилисты и стоятъ на соціалистической точкѣ зрѣнія и представляютъ чисто рабочую партію, то все же они далеко еще не отрѣшились отъ преданій стараго времени и часто тащатся во хвостѣ буржуазныхъ радикаловъ. Ради временныхъ выгодъ и минутныхъ успѣховъ они нерѣдко забываютъ великіе принципы рабочаго движенія, словомъ, представляютъ, такъ сказать, оппортюнистскій элементъ пролетаріата. Конечно, лѣтъ десять, пятнадцать тому назадъ и такой конгрессъ какъ поссибилистскій заслуживалъ-бы самаго серьезнаго вниманія и могъ бы считаться явленіемъ весьма знаменательнымъ, но теперь, когда ясное, послѣдовательное и строго научное ученіе соціальной демократіи такой широкой волной разливается въ народныхъ массахъ, шаткій и безпринципный поссибилизмъ является скорѣе препятствіемъ, отвлекая отъ великаго дѣла борьбы умы менѣе проницательные, характеры менѣе рѣшительные. Уже то одно, что буржуазные и даже правительственные органы сравнительно благосклонно относятся къ поссибилистскому конгрессу, противопоставляя его благовоспитанность и умѣренность революціонно-космополитическимъ тенденціямъ марксистовъ, достаточно компроментируетъ его въ глазахъ истинныхъ друзей пролетаріата. Да и кромѣ того поссибилистскій конгрессъ въ гораздо меньшей степени имѣетъ право на названіе международнаго, чѣмъ конгрессъ созванный коллективистами. Въ первомъ только седьмая часть членовъ представляла нефранцузскія рабочія организаціи, между тѣмъ какъ на второй почти половина делегатовъ была послана иностранными союзами и группами. Франція, и та была представлена у поссибилистовъ очень неудовлетворительно, такъ какъ огромное большинство французскихъ делегатовъ послано было на ихъ конгрессъ отъ Парижа, а не отъ провинцій; на соціаль-демократическомъ же конгрессѣ, какъ читатель увидитъ ниже, отношеніе было какъ разъ обратное. Можно прибавить, что изъ делегатовъ поссибилистскаго конгресса нѣкоторые попали на него случайно.

Такъ напр., Бернсъ, извѣстный организаторъ послѣдней грандіозной стачки лондонскихъ портовыхъ рабочихъ и представлявшій на поссибилистскомъ конгрессѣ 5,000-ный союзъ механиковъ, явился къ коллективистамъ и, выразивъ имъ свое полное сочувствіе и солидарность, прибавилъ, что посланъ на другой конгрессъ только благодаря тому обстоятельству, что выборы его въ делегаты состоялись раньше, чѣмъ было получено воззваніе коллективистовъ. Если къ вышеизложенному прибавить еще тотъ фактъ, что рѣшенія, принятыя на обоихъ конгрессахъ, въ существенныхъ чертахъ одинаковы, то читатель согласится, что для характеристики современнаго рабочаго движенія достаточно было ограничиться отчетомъ о конгрессѣ, созванномъ представителями международной соціаль-демократіи*).

II

Воззваніе, съ которымъ организаторы конгресса обратились къ рабочему классу, было подписано представителями соціально-революціоннаго движенія почти всѣхъ цивилизованныхъ странъ. 8 подписей отъ Англіи, между ними Кэнингэмъ Грэамъ (членъ парламента), Австрія, состоящая изъ многихъ національностей, дала цѣлыхъ 33 подписи, за строго организованную нѣмецкую соціаль-демократію подписалась фракція рейхстага. Испанцы и португальцы, итальянцы, голландцы, бельгійцы, швейцарцы, даже греки и русскіе поспѣшили подписаться подъ приглашеніемъ, не говоря уже о Франціи, откуда исходила иниціатива конгресса и гдѣ лучшіе борцы за дѣло рабочихъ взяли на себя его организацію. Въ воззваніи между прочимъ говорится: „Капиталисты приглашаютъ на выставку богатыхъ и сильныхъ міра, чтобъ полюбоваться твореніями рабочихъ, которые, среди богатства столь колоссальнаго, какимъ человѣчество еще никогда не обладало, обречены на нищету. Мы, соціалисты, стремимся къ освобожденію труда, къ отмѣнѣ наемнаго рабства и къ установленію такого строя, въ которомъ всѣ рабочіе, безъ различія пола и національности, пользовались бы правомъ на созданныя ихъ общими усиліями богатства — и мы приглашаемъ дѣйствительныхъ производителей собраться вмѣстѣ съ нами 14 іюля въ Парижѣ."

„Мы приглашаемъ упрочить узы братства, которыя, поддерживая и укрѣпляя всемірный пролетаріатъ въ его борьбѣ, ускорятъ наступленіе новаго порядка вещей."

„Рабочіе всѣхъ странъ, соединяйтесь!"

---

*) Надо тѣмъ не менѣе оговориться, что какъ ни отсталъ поссибилизмъ въ сравненіи съ послѣдовательнымъ ученіемъ марксизма, все же его тенденціи и требованія свидѣтельствуютъ о крупномъ прогрессѣ, совершившемся въ умахъ даже болѣе умѣренныхъ элементовъ французскихъ рабочихъ за послѣдніе 15—20 лѣтъ. Умѣренный поссибилизмъ отражаетъ въ себѣ болѣе высокій уровень классоваго самосознанія пролетаріата, чѣмъ заявленія руководителей послѣдняго во время парижской коммуны.

Горячо откликнулся рабочій классъ на этотъ призывъ. Немедленно начались приготовленія, сборы денегъ, выборы делегатовъ. Рабочая пресса неустанно выясняла колоссальное значеніе такого конгресса и не переставала будить въ рабочихъ массахъ чувства солидарности и братства. Соціаль-демократическая фракція рейхстага, съ своей стороны, обратилась къ германскимъ рабочимъ съ прокламаціей, указывая въ ней, какъ важно для рабочихъ различныхъ странъ выяснить себѣ свои требованія и прійти относительно ихъ къ соглашенію. Такое выясненіе получало особенную важность въ виду предполагавшейся тогда, по иниціативѣ швейцарской республики, конференціи правительствъ промышленныхъ государствъ въ Бернѣ для обсужденія вопросовъ, близко касавшихся рабочаго класса. Остановившись потомъ на тѣхъ полицейскихъ затрудненіяхъ, какія рабочіе Германіи встрѣтятъ при выборѣ делегатовъ и на способахъ обойти эти затрудненія, обративъ также вниманіе на матеріальныя жертвы, какихъ потребуетъ посылка делегатовъ въ Парижъ во время выставки, прокламація продолжаетъ: Не смотря на это, чрезвычайно желательно, чтобы именно нѣмецкіе рабочіе показали, что ихъ не пугаютъ никакія препятствія, и пусть они, отправляя многочисленныхъ депутатовъ, докажутъ свое чувство солидарности и свою готовность бороться за общее дѣло всѣхъ рабочихъ."

„Германскіе рабочіе! Вдумайтесь въ эти слова и дѣйствуйте сообразно съ ними!"

И они вдумались и дѣйствовали. Мы просимъ читателя остановить свое вниманіе на этомъ явленіи, такъ какъ въ немъ особенно ярко выступаетъ противоположность принциповъ пролетаріата и господствующихъ классовъ. Огромная часть нѣмецкой печати и, конечно, вся оффиціальная и оффиціозная пресса Германіи переполнена ругательствами, дышетъ злобой и ненавистью къ Франціи, этой „дикой странѣ", всякая ея неудача встрѣчается этой печатью съ нескрываемымъ злорадствомъ, всякій успѣхъ приводитъ въ меланхолическое настроеніе. Нѣмецкій же пролетаріатъ, проникнутый глубокимъ сознаніемъ солидарности интересовъ всѣхъ народовъ, никогда не переставалъ протестовать противъ этой грубой травли и не упускалъ случая выражать свою симпатію французамъ. Напомнимъ, что нѣмецкая соціальдемократія еще въ 1870 году, когда особенно беззастѣнчиво свирѣпствовали такъ называемыя патріотическія чувства, громко и энергически призывала германскій народъ къ протесту противъ присоединенія Эльзаса-Лотарингіи, за что нѣкоторымъ членамъ партіи пришлось дорого поплатиться: иные изъ нихъ должны были отсиживать долгіе сроки въ тюрьмѣ. И нѣмецкіе рабочіе остались вѣрны этимъ принципамъ и послали на парижскій конгрессъ цѣлый отрядъ своихъ делегатовъ, своихъ передовыхъ бойцовъ, подъ предводительствомъ, какъ сообщалось въ телеграммахъ большихъ газетъ, посѣдѣвшихъ въ бояхъ Либкнехта и Бебеля. Забѣгая впередъ, замѣтимъ тутъ же, что французскіе представители не остались въ долгу у своихъ нѣмецкихъ собратьевъ, къ которымъ они отнеслись съ особенной теплотой. Поль Лафаргъ, открывая конгрессъ и привѣтствуя иностранныхъ делегатовъ

особенно нѣмецкихъ, поспѣшилъ оттѣнить, какое громадное значеніе имѣетъ появленіе германскихъ представителей въ такомъ значительномъ числѣ (ихъ было 85 человѣкъ). Въ то время какъ оффиціальная Германія и Франція стараются превзойти другъ друга въ вооруженіяхъ, рабочая Франція и Германія подаютъ другъ другу руки и констатируютъ предъ глазами всего міра, что для нихъ не существуетъ такихъ вопросовъ, которыхъ они бы не могли разрѣшить по братски, мирнымъ путемъ". Этотъ фактъ имѣетъ, по его мнѣнію, больше значенія, чѣмъ всякія рѣчи и дебаты. „Французскій пролетаріатъ съ глубокимъ сочувствіемъ слѣдитъ за героической борьбой, которую нѣмецкій рабочій ведетъ съ столь спокойной и возбуждающей удивленіе энергіей. Не смотря на политическій терроръ, не смотря на осадное положеніе и тюрьмы, германская соціаль-демократія продолжаетъ стоять во главѣ соціалистическаго движенія всего міра". Во время засѣданій конгресса нѣмцамъ была устроена торжественная овація.

Всѣ другіе промышленные государства, въ томъ числѣ и Америка, имѣли своихъ представителей, такъ что общее число делегатовъ дошло до 410, изъ которыхъ Парижу принадлежало 78 человѣкъ, изъ остальныхъ же большая половина, около 180, приходилась на долю иностранцевъ, а меньшая представляла 1100 коммунъ и 357 организацій французскихъ департаментовъ. Всѣ эти делегаты, за немногими исключеніями, посланы были болѣе или менѣе крупными рабочими союзами (такъ англійскій делегатъ Гарди посланъ 6000 шотландскихъ углекоповъ: нѣмецкіе представители выбраны въ 125 публичныхъ собраніяхъ, а гдѣ по полицейскимъ условіямъ это было невозможно, путемъ подписныхъ листовъ, обращавшихся на фабрикахъ и на заводахъ; нѣкоторые изъ этихъ листовъ покрыты были многими тысячами подписей; даже швейцарскіе уполномоченные представляли союзы въ нѣсколько тысячъ, и одинъ—въ 15000 человѣкъ, (т. н. Grütli—Verein). Такимъ образомъ, делегаты конгресса вполнѣ могли служить истинными выразителями стремленій, идей и чувствъ, одушевляющихъ рабочій пролетаріатъ всего міра.

О внѣшней сторонѣ организаціи конгресса достаточно будетъ сказать нѣсколько словъ. Въ первомъ же засѣданіи, предсѣдателями котораго были выбраны Либкнехтъ и Вальянъ — бывшій „коммунаръ" и теперешній членъ парижскаго муниципалитета, одинъ изъ вожаковъ французскаго пролетаріата — была назначена коммиссія для провѣрки полномочій, и въ тотъ же день, въ послѣобѣденномъ засѣданіи, составлено постоянное бюро, въ обязанности котораго входило избраніе предсѣдателя, а также переводы рѣчей и докладовъ. Послѣднее было не легкимъ дѣломъ, такъ какъ конгрессъ имѣлъ три оффиціальныхъ языка, нѣмецкій, французскій и англійскій, и каждая рѣчь говорилась или, по крайней мѣрѣ, излагалась, трижды. Своими толковыми и умѣлыми переводами, какъ и вообще своей неутомимостью въ качествѣ члена бюро особенно выдавалась Элеонора Марксъ-Эвелингъ (дочь Карла Маркса). Кромѣ нея въ конгрессѣ принимало участіе нѣсколько другихъ женщинъ, большею частью уполномоченныхъ женскими союзами. Изъ нихъ особенное сочувствіе вызывала талант-

ливая представительница берлинскихъ работницъ, Цеткина. Предсѣдательство на конгрессѣ, длившемся недѣлю, поочередно занимали представители почти всѣхъ странъ.

Что касается самихъ засѣданій, то французы увѣрены, что все прошло въ глубокой тишинѣ и спокойствіи. Нѣмцы, болѣе привыкшіе къ дисциплинѣ, остались на счетъ этаго вопроса при особомъ мнѣніи. Въ дѣйствительности конгрессъ не обошелся безъ нѣсколькихъ шумныхъ сценъ и безъ нѣкоторыхъ нарушеній парламентскихъ приличій, что объясняется стараніями нѣсколькихъ, къ сожалѣнію допущенныхъ на конгрессъ, анархистовъ шумомъ и перерывами воспрепятствовать принятію рѣшеній, по ихъ мнѣнію антиреволюціонныхъ. Тактика, которой слѣдуютъ въ такихъ случаяхъ эти почтенные „компаньоны", извѣстна всякому, знакомому съ западно-европейскимъ рабочимъ движеніемъ. Впрочемъ, все это были мелочи, не нарушавшія въ общемъ мирной и величественной картины засѣданій рабочихъ представителей*).

III

Первыя засѣданія были посвящены внутренней организаціи и вопросу о соединеніи обоихъ рабочихъ конгрессовъ. По послѣднему пункту конгрессъ коллективистовъ сдѣлалъ все отъ него зависѣвшее, чтобы достигнуть соглашенія. Не смотря на то, что на поссибилистскомъ конгрессѣ было большее число делегатовъ (это потому, что поссибилисты позволили каждому рабочему кружку прислать трехъ делегатовъ и что поглащающее большинство ихъ состояло изъ парижанъ, для которыхъ званіе делегата не сопряжено было ни съ какими расходами) конгрессъ коллективистовъ принялъ рѣшеніе предложенное Либкнехтомъ, совѣтовавшимъ обоимъ конгрессамъ слиться безъ всякихъ условій въ одинъ. Поссибилисты отвѣтили, что они согласны на соединеніе только подъ условіемъ, чтобы на общемъ конгрессѣ произошла новая провѣрка полномочій по національностямъ. Въ виду того, что однихъ парижскихъ делегатовъ у поссибилистовъ было больше, чѣмъ всѣхъ делегатовъ-коллективистовъ

*) Чтобы не прерывать дальнѣйшаго изложенія, лучше будетъ сказать тутъ же, что многіе изъ делегатовъ, кромѣ засѣданій конгресса, имѣли еще частныя конференціи, въ которыхъ обсуждалось положеніе дѣлъ въ различныхъ отрасляхъ труда. Упомянемъ, напр., о конференціи рудокоповъ, происходившей 18 и 19-го іюля. Обмѣнявшись взаимными сообщеніями о положеніи рабочихъ въ различныхъ странахъ и округахъ, было рѣшено устроить въ не очень отдаленномъ будущемъ международную конференцію горнорабочихъ. А до тѣхъ поръ вмѣняется каждому въ обязанность дѣлать все возможное для расширенія существующихъ организацій, заботиться о созданіи новыхъ и содѣйствовать образованію большихъ національныхъ союзовъ. Особенный интересъ возбуждаетъ заявленіе Фенвика, члена парламента и делегата нортумберлэндскихъ рудокоповъ, предсѣдательствовавшаго на этой конференціи, что если по случаю происходившаго тогда движенія рудокоповъ, хозяева лишили бы нѣкоторыхъ изъ послѣднихъ работы, то горнорабочіе его округа готовы достать таковымъ занятіе съ вознагражденіемъ въ 6 шиллинговъ [3 руб.] за $6^1/_2$ часовъ труда.

вмѣстѣ взятыхъ и что, слѣдовательно, при провѣркѣ полномочій французскихъ представителей первые могли-бы по произволу карать и миловать представителей марксизма, это условіе не могло быть принято, и такимъ образомъ оба конгресса продолжали засѣдать отдѣльно. На всѣ такія проволочки потрачено было, къ сожалѣнію, слишкомъ много времени, и только въ пятомъ засѣданіи конгрессъ могъ приступить къ своей задачѣ, заключавшейся, какъ извѣстно, главнымъ образомъ, въ выработкѣ основъ международнаго законодательства для защиты рабочихъ отъ эксплуатаціи капитала.

Занятія конгресса можно подраздѣлить на двѣ части: во первыхъ, сдѣланы были доклады о положеніи рабочаго класса и о степени развитія соціалистическаго движенія пролетаріата въ различныхъ странахъ; во вторыхъ, предложены и приняты извѣстныя рѣшенія. Потребовалось бы слишкомъ много времени и мѣста, чтобы изложить всѣ доклады, привести и выяснить значеніе всѣхъ рѣшеній, а потому мы ограничимся только главными чертами.

Первымъ докладчикомъ былъ Бебель, встрѣченный съ явнымъ сочувствіемъ. Своимъ простымъ, но неотразимо убѣдительнымъ языкомъ, онъ разсказалъ, какъ германское правительство для борьбы съ соціаль-демократіей создало позорный исключительный законъ противъ соціалистовъ, который, хотя и причинилъ много горя и лишеній отдѣльнымъ личностямъ, но оказался не въ силахъ остановить роста и могущества партіи, въ чемъ убѣдились теперь и враги соціализма. Въ доказательство этого можно привести, между прочимъ, тотъ фактъ, что если законъ и не отмѣненъ до сихъ поръ, то примѣненіе его далеко не такъ часто и не такъ сурово, какъ бывало прежде. Такъ, опять предоставленъ нѣкоторый просторъ рабочей прессѣ, которая дѣйствительно замѣтно оживилась, до сорока газетъ и множество книгъ и брошюръ разносятъ по всей странѣ соціалистическое ученіе; на вновь возникающія организаціи полиція считаетъ нужнымъ смотрѣть сквозь пальцы, число изгнаній значительно уменьшилось. Коснувшись, затѣмъ, вспыхнувшаго въ то время столкновенія между Швейцаріей и Германіей, правительство которой требовало отъ маленькой республики стѣснительныхъ мѣръ по отношенію къ нѣмецкимъ соціаль-демократамъ, пользующимся будто бы швейцарской границей для доставки въ Германію запрещенныхъ изданій, Бебель замѣтилъ, при единодушномъ одобреніи нѣмецкихъ делегатовъ, что еслибы правительство отдѣлило Германію отъ ея маленькой, но свободной сосѣдки непрерывнымъ рядомъ жандармовъ, то и это не остановило бы дальнѣйшаго развитія окрѣпшей въ борьбѣ соціаль-демократической партіи. Послѣ того онъ перешелъ къ характеристикѣ политики нѣмецкой буржуазіи, самой жалкой и ничтожной, по его мнѣнію, изъ всѣхъ. Но тутъ надо замѣтить, что и послѣдующіе ораторы каждой національности требовали пальмы первенства въ пользу своей буржуазіи, а пишущему эти строки кажется, что онъ бы могъ ихъ всѣхъ примирить, разсказавъ имъ кое-что о нашихъ россійскихъ Деруновыхъ и Колупаевыхъ. Повидимому, нравственная дряблость и умственная немощь всюду разлагаютъ высшіе классы и дѣлаютъ ихъ все менѣе и менѣе пригодными для руководства об-

щественными дѣлами. Но вернемся къ Бебелю. По его словамъ, различныя партіи рейхстага не на шутку испугались роста рабочаго движенія и популярности соціаль-демократіи въ массахъ; подъ вліяніемъ этого страха и для завоеванія симпатій рабочихъ, они вступаютъ другъ съ другомъ въ конкурренцію, внося разнообразнѣйшіе законопроэкты въ защиту труда, но въ то же время между рейхстагомъ и правительствомъ состоялось какъ бы безмолвное соглашеніе, по которому буржуазныя партіи напередъ могутъ быть увѣрены, что правительство, отъ выборовъ не зависящее, не дастъ на эти законы своего согласія.

По предмету, составлявшему цѣль созыва конгресса, т. е. по рабочему законодательству, Бебель внесъ выработанный имъ, по порученію нѣмецкихъ делегатовъ проэктъ рѣшенія (съ легкими измѣненіями его проэктъ принятъ и въ этомъ окончательномъ видѣ приведенъ ниже) и закончилъ свою рѣчь пожеланіемъ, чтобы совѣщанія конгресса, къ которымъ съ напряженнымъ вниманіемъ прислушиваются рабочія массы, послужили на пользу и благо пролетаріата всего міра.

Къ воодушевленнымъ апплодисментамъ, съ которыми нѣмцы проводили своего любимаго депутата, присоединились и горячія рукоплесканія непонимавшихъ нѣмецкаго языка фуанцузовъ.

Еще съ большимъ, если возможно, восторгомъ было встрѣчено появленіе на трибунѣ краснорѣчиваго вождя французскихъ марксистовъ, Жюля Гэда. Для русскаго читателя не мѣшаетъ, можетъ быть, замѣтить, что Гэдъ одинъ изъ основателей соціаль-демократической партіи во Франціи; обладая обширнымъ и оригинальнымъ умомъ и крупнымъ полемическимъ талантомъ, нелюбимый поэтому своими врагами, людьми большею частью очень посредственными, онъ одаренъ большимъ даромъ краснорѣчія, соединяющаго въ себѣ южный огонь съ холодной сѣверной разсудительностью. Дѣйствуя несокрушимой логикой на умъ слушателя, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ захватываетъ его душу, увлекаетъ неудержимой силой своей рѣчи. Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ стенографическаго отчета подъ руками и вынуждены ограничиться только краткимъ изложеніемъ его доклада.

Упрекаютъ, сказалъ онъ, нашу рабочую партію въ томъ, что свои идеи она заимствуетъ изъ Германіи, страны Бисмарка, но мы, наоборотъ, вмѣняемъ себѣ въ заслугу то обстоятельство, что стоимъ съ нашими заграничными братьями на одной почвѣ. Существуетъ только одинъ соціализмъ, одно только знамя, которое мы высоко держимъ: красное знамя пролетаріата!

Обрисовавъ затѣмъ въ крупныхъ чертахъ положеніе рабочаго движенія во Франціи, указавъ на существующія уже теперь и еще растущія рабочія организаціи, Гэдъ вмѣстѣ съ тѣмъ откровенно и не безъ горечи сознается, что французская соціаль-демократія далеко уступаетъ въ силѣ нѣмецкой. Причину этого онъ видитъ въ широко распространенныхъ въ рабочихъ кругахъ иллюзіяхъ насчетъ республиканской формы правленія. Только въ послѣднее время замѣчается въ этомъ отношеніи перемѣна къ лучшему. Послѣ того, какъ буржуазныя партіи, поочередно смѣняя одна другую у кормила правленія,

всѣ съ трогательнымъ единодушіемъ обманули надежды народа и оказались одинаково несостоятельными въ устраненіи или смягченіи соціальныхъ бѣдствій, въ рабочемъ классѣ все болѣе крѣпнетъ мысль, что серьезной охраны своихъ интересовъ они могутъ достигнуть, только создавъ свою собственную партію. Однажды овладѣвъ этой идеей, рабочіе не позволятъ болѣе вести себя за носъ разнымъ буржуазнымъ политиканамъ, называйся они Буланже или какъ нибудь иначе. Въ 1871 году Парижъ стоялъ одиноко во Франціи, теперь же въ провинціи выростаетъ цѣлый рядъ промышленныхъ центровъ, изъ которыхъ каждый представляетъ въ меньшемъ размѣрѣ тотъ же Парижъ. Такимъ образомъ, если дѣло опять дойдетъ до рѣшительнаго боя, Парижъ будетъ имѣть достойныхъ товарищей, и на этотъ разъ парижскій пролетаріатъ не падетъ болѣе жертвой своего легковѣрія и недостаточно критическаго отношенія къ буржуазнымъ идеямъ.

По окончаніи своей рѣчи Гэдъ отъ имени 145 рабочихъ группъ и 90 синдикальныхъ камеръ Бордо и Марсели предложилъ рѣшеніе почти тожественнаго содержанія съ рѣшеніемъ, предложеннымъ Бебелемъ. Оба проэкта были переданы бюро для окончательной редакціи. Скажемъ, кстати, что въ томъ же засѣданіи между делегатами конгресса была открыта подписка въ пользу углекоповъ, пострадавшихъ при ужасной катастрофѣ въ С.-Этьенѣ. Одни нѣмецкіе представители подписали тысячу франковъ. Шесть швейцарскихъ делегатовъ пожертвовали 150 франковъ.

Виллямъ Моррисъ, докладчикъ отъ Англіи, счелъ лишнимъ сообщать что-либо о положеніи рабочаго класса, такъ какъ въ существенныхъ чертахъ оно ничѣмъ не отличается отъ бѣдственнаго положенія континентальнаго пролетаріата. Буржуазія же англійская присоединяетъ къ порокамъ, общимъ всѣмъ капиталистамъ, еще специфически ей свойственное ханжество. Что касается успѣховъ соціалистической пропаганды, то они настолько значительны, что начинаютъ внушать страхъ правящимъ классамъ. Чтобы привлечь на свою сторону рабочихъ, буржуазные политики начинаютъ называть себя соціалистами. Такъ напр., Гаркуръ, тотъ самый, который, будучи министромъ, возбудилъ преслѣдованіе противъ Моста, обмолвился въ прошломъ году характерной фразой: „we are now all socialists“ — теперь мы всѣ соціалисты *). Дѣятельность соціалистовъ въ Англіи

*) Насколько слова этого докладчика вѣрно отражаютъ англійскую дѣйствительность, можно убѣдиться изъ недавней рѣчи выдающагося государственнаго человѣка, бывшаго министра и несомнѣннаго будущаго leader'а либеральной партіи. „Волей-неволей,“ читаемъ мы въ этой замѣчательной рѣчи, сказанной 19 ноября въ клубѣ Восьмидесяти: „мы должны заниматься рабочимъ вопросомъ; онъ намъ навязывается не политическими агитаторами, а силой обстоятельствъ; никогда мы не видѣли въ Великобританіи такого сильнаго броженія въ рабочемъ классѣ.“ Къ чему, спрашиваетъ онъ далѣе: „тратить такъ много денегъ на школы, научать дѣтей читать, внушать имъ интересъ къ наукѣ и литературѣ, когда въ то же время мы имъ не даемъ досуга для чтенія? Какой смыслъ въ нашихъ стараніяхъ содѣйствовать семейной жизни рабочихъ, когда они не могутъ посвятить ей ни одного часа? Далѣе Морлей предлагаетъ рядъ реформъ, далеко оставляющихъ за собою государственный псевдосоціализмъ бисмарковскаго покроя. Онъ не останавливается передъ принудительной экспропріаціей доковъ, конно-желѣзныхъ дорогъ, газо- и водопроводовъ и даже земельной собственности; онъ настаиваетъ на необходимости содѣйствовать органи-

направлена пока больше на пропаганду, организація еще слабы; но, имѣя въ виду, что хотя только шесть лѣтъ тому назадъ началась эта пропаганда, однако плоды ея весьма значительны, ораторъ считаетъ себя въ правѣ надѣяться, что на будущемъ соціалистическомъ конгрессѣ Англія будетъ представлена гораздо большимъ числомъ делегатовъ, чѣмъ теперь.

Изъ остальныхъ докладовъ остановимся еще только на двухъ. Положеніе дѣлъ въ Австріи превосходно изложилъ докторъ Адлеръ, человѣкъ съ милліоннымъ состояніемъ, одинъ изъ немногихъ идеологовъ, перешедшихъ на сторону пролетаріата, славный организаторъ австрійской соціаль-демократической партіи, еще молодой, но уже успѣвшій стать замѣтной силой, создать рабочую прессу, отъ которой такъ и брыжжетъ избыткомъ жизненныхъ силъ и смѣлыхъ надеждъ. Тотъ же Адлеръ стоитъ во главѣ лучшаго изъ этихъ органовъ, „Arbeiter-Zeitung“, смѣнившей запрещенную правительствомъ „Gleichheit.“ Согласно его докладу, Австрія занимаетъ промежуточное мѣсто между Германіей и Россіей: на бумагѣ имѣется либеральная конституція, на дѣлѣ разпоряжается произволъ полиціи. Въ этой странѣ феодализмъ представляетъ еще силу, его интересы еще настолько противоположны интересамъ буржуазіи, что онъ съ нею серьезно борется и старается вредить ей, гдѣ только можетъ. Этому обстоятельству Австрія обязана своимъ, сравнительно недурнымъ, рабочимъ законодательствомъ, не мало содѣйствовавшимъ оживленію рабочаго движенія. Австрійскіе соціалисты придерживаются того взгляда, что слѣдуетъ пользоваться всѣми средствами, способными поднять уровень физическаго и духовнаго развитія пролетаріата, подготовляя его къ дѣлу полной эмансипаціи. Поэтому они стоятъ за рабочее законодательство, хотя вовсе не преувеличиваютъ его значенія. Но многое зависитъ отъ того, каковъ будетъ пролетаріатъ въ великій историческій моментъ паденія капиталистическаго строя, — будетъ-ли онъ состоять изъ раскованныхъ рабовъ или изъ мужей, способныхъ освободить самихъ себя. „Быть готовымъ — это все“ — вотъ точка зрѣнія, исходя изъ которой австрійскіе соціаль-демократы отстаиваютъ рабочее законодательство.

Особеннаго вниманія заслуживаетъ рѣчь, сказанная уже упомянутой выше Цеткиной, женой безвременно погибшаго русскаго эмигранта, всецѣло примкнувшаго къ западно-европейскому рабочему движенію и немало поработавшаго на его пользу. Цеткина въ глубоко прочувствованныхъ словахъ защищала передъ конгрессомъ дѣло женскаго равноправія, ставшаго на реальную почву лишь со времени развитія крупной промышленности. Экономическая независимость представляетъ собою тотъ базисъ, на которомъ только и можетъ быть завоевана равноправность женщины съ мужчиной. Правда, зависимость отъ мужа теперь замѣнилась еще горшей зависимостью отъ капиталиста, но все таки запрещеніе женскаго труда, не говоря о его невозможности, было бы и въ принципіальномъ отношеніи отступле-

заціи рабочихъ. Повидимому, сила обстоятельствъ превосходный педагогъ, по крайней мѣрѣ, въ Англіи.

ніемъ назадъ въ мракъ среднихъ вѣковъ. Капиталистическая система создаетъ конкурренцію между женскимъ и мужскимъ трудомъ, но эта конкурренція исчезнетъ вмѣстѣ съ паденіемъ самой системы. Женскій и мужской трудъ имѣютъ не противоположные, а общіе интересы, противоположны только интересы труда и капитала. Поэтому сознательныя работницы вполнѣ и безраздѣльно примыкаютъ къ борющейся соціалистической партіи: онѣ идутъ подъ ея знаменемъ, готовыя на всѣ возможныя жертвы, но въ то же время твердо рѣшившись требовать своей части въ плодахъ побѣды.

Мы вынуждены ограничиться вышеприведеннымъ, хотя было сдѣлано еще много другихъ докладовъ делегатами другихъ странъ. Во всѣхъ этихъ докладахъ рисовалось тягостное положеніе рабочаго класса и болѣе или менѣе сознательное его пробужденіе. Читатель можетъ познакомиться съ ними изъ оффиціальнаго отчета о конгрессѣ, который, надѣемся, не замедлитъ появиться въ печати. Мы же скажемъ теперь еще нѣсколько словъ только о русскихъ делегатахъ.

Ихъ было шесть. Четверо изъ нихъ представляли „интеллигентные“ кружки, а двое русскія рабочія группы въ Америкѣ и Лондонѣ. Въ числѣ „интеллигентныхъ“ делегатовъ были П. Л. Лавровъ и Г. В. Плехановъ. П. Л. Лавровъ указалъ въ своемъ докладѣ, что со времени Петра западно-европейскія идеи мало по малу проникаютъ въ Россію, и всякое явленіе общественной жизни Запада, всякій новый шагъ европейской мысли имѣли свой отголосокъ на нашей родинѣ. Громъ французской революціи отозвался въ Россіи движеніемъ декабристовъ, сенъ-симонизмъ руководилъ кружкомъ Герцена, соціалистическому движенію пролетаріата соотвѣтствуетъ дѣятельность Чернышевскаго, духовнаго отца позднѣйшаго революціоннаго движенія русской молодежи. Тутъ мы должны оговориться: мы не имѣемъ подъ руками подлинной рѣчи П. Л. Лаврова и излагаемъ ея содержаніе по нѣмецкимъ газетамъ, на нихъ, слѣдовательно, падаетъ отвѣтственность за точность нашего изложенія. Дѣлаемъ эту оговорку потому, что намъ многое осталось неяснымъ въ этой рѣчи. Такъ, напримѣръ, переходя къ исторіи 70-ыхъ годовъ и разсказавъ славную повѣсть нашего недавняго прошлаго, П. Л. Лавровъ противополагаетъ направленіе бывшихъ „чернопередѣльцевъ“ міросозерцанію „Народной Воли“. Особенностью послѣдняго онъ считаетъ взглядъ на русскую общину, какъ на рычагъ революціи и соціализма; между тѣмъ, теперь всѣмъ извѣстно, что подобный взглядъ на общину, выросшій изъ славянофильскихъ фантазій, совсѣмъ оставленъ уже всѣми *революціонерами*. Въ чемъ заключается различіе во взглядахъ между бывшими „чернопередѣльцами“, нынѣшними соціаль-демократами и другими „соціалистическими“ русскими группами — это сказать довольно трудно, такъ какъ эти другія группы нигдѣ не высказались опредѣленно. Но во всякомъ случаѣ, онѣ расходятся теперь съ соціаль-демократами не во взглядахъ на общину. Повторяемъ, это мѣсто въ рѣчи почтеннаго П. Л. Лаврова кажется намъ неяснымъ и даже слабымъ. Сказанное имъ объ отличіи соціаль-демократовъ отъ другихъ революціонныхъ группъ справедливо лишь по отношенію къ отличію соціаль-демократовъ отъ огромнаго большинства нашихъ „легальныхъ“

—„интеллигентныхъ“ дѣятелей. Тѣ еще до сихъ поръ носятся и съ общиной и съ другими пресловутыми „устоями“. Но за то мы должны отмѣтить здѣсь съ удовольствіемъ ту откровенность, съ которой П. Л. Лавровъ указалъ нашимъ западнымъ товарищамъ на замѣчающійся теперь въ извѣстныхъ „революціонныхъ“ русскихъ кружкахъ упадокъ мысли и энергіи, выразившійся въ ихъ стремленіи похоронить „на время“ соціализмъ и превратиться въ либераловъ. П. Л. Лавровъ говорилъ объ этомъ очень мягко. Но отрицательное его отношеніе къ такимъ попыткамъ все таки обнаружилось съ достаточной ясностью. Впрочемъ, П. Л. Лавровъ надѣется, что подобное теченіе скоро прекратиться. Мы тоже думаемъ, что оно пока еще не можетъ имѣть успѣха.

Можно было бы ожидать, что въ докладѣ, представленномъ на *рабочій* конгрессъ П. Л. Лавровъ подробнѣе поговоритъ о положеніи русскаго *рабочаго* класса. Онъ не сдѣлалъ этого, вѣроятно потому, что *рабочая* Россія была слишкомъ плохо представлена на конгрессѣ. И дѣйствительно, рядомъ съ представителями рабочихъ *массъ* Германіи, Франціи, Бельгіи и даже Италіи и Англіи наши представители революціонныхъ и по большей части „интеллигентныхъ“ *кружковъ* должны были чувствовать себя очень неловко. Представленныя на конгрессѣ революціонныя силы Россіи относились къ революціоннымъ рабочимъ силамъ другихъ странъ какъ копна сѣна относится къ Монблану. Естественно возникающее отсюда чувство неловкости въ русскихъ делегатахъ заставило Г. В. Плеханова, представителя „Русскаго соціаль-демократическаго союза“ начать свою краткую рѣчь какъ бы извиненіемъ передъ рабочими делегатами другихъ странъ. „Вамъ можетъ быть странно видѣть на этомъ рабочемъ конгрессѣ представителей Россіи — говорилъ онъ — Россіи, гдѣ рабочее движеніе до сихъ поръ, къ сожалѣнію, слишкомъ слабо. Но мы думаемъ, что революціонная Россія во всякомъ случаѣ не только не должна держаться въ сторонѣ отъ новѣйшаго соціалистическаго движенія Европы, но что наоборотъ теперешнее сближеніе ея съ нимъ принесетъ большую пользу дѣлу всемірнаго пролетаріата. Вамъ всѣмъ знакома роль русскаго абсолютизма въ исторіи западной Европы. Русскіе цари были коронованными жандармами, считавшими своей священной обязанностью защищать и поддерживать европейскую реакцію отъ Пруссіи до Италіи и Испаніи. Было бы напрасной тратой словъ говорить здѣсь о той роли, которую напр. Николай игралъ въ 1848 и 1849 г. г.; ясно какъ день, что паденіе русскаго абсолютизма равносильно торжеству международнаго революціоннаго движенія во всей Европѣ. Спрашивается только, при какихъ условіяхъ революціонное движеніе въ Россіи можетъ одержать побѣду надъ русскимъ абсолютизмомъ?

„Нѣкоторые писатели, фантазія которыхъ значительно превышаетъ ихъ соціально-экономическія свѣдѣнія, рисуютъ Россію страной въ родѣ Китая, которая, по своей экономической структурѣ, ничего не имѣетъ общаго съ Западомъ. Это совершенно ложно. Старыя хозяйственныя основы Россіи находятся въ процессѣ полнаго разложенія. Наша сельская община, столь любезная нѣкогда даже нѣкоторымъ соціалистамъ, а на дѣлѣ составлявшая главную опору нашего аб-

солютизма, все болѣе и болѣе дѣлается въ рукахъ сельской буржуазіи орудіемъ для эксплуатаціи большинства земледѣльческаго населенія. Бѣднѣйшая часть крестьянства вынуждена переселяться въ города и промышленные центры; а одновременно съ этимъ крупная фабричная промышленность растетъ, поглощая процвѣтавшую нѣкогда кустарную промышленность въ деревняхъ. Побуждаемое нуждой въ деньгахъ, наше самодержавное правительство всѣми силами содѣйствуетъ этому процессу развитія капитализма въ Россіи. Намъ, соціалистамъ, эта сторона его дѣятельности можетъ доставить только удовольствіе, потому что этимъ путемъ оно само копаетъ себѣ яму. Пролетаріатъ, образующійся вслѣдствіе разложенія сельской общины, нанесетъ смертельный ударъ самодержавію. Если оно, не смотря на героическія усилія русскихъ революціонеровъ, до сихъ поръ не побѣждено въ Россіи, то это объясняется изолированностью революціонеровъ отъ народной массы. Силы и самоотверженіе нашихъ революціонныхъ *идеологовъ* могутъ быть достаточны для борьбы противъ царей, какъ личностей, но ихъ слишкомъ мало для побѣды надъ царизмомъ, какъ политической системой. Задача нашей революціонной интеллигенціи сводится поэтому, по мнѣнію русскихъ соціаль-демократовъ, къ слѣдующему: она должна усвоить взгляды современнаго научнаго соціализма, распространить ихъ въ рабочей средѣ и съ помощью рабочихъ приступомъ взять твердыню самодержавія. Революціонное движеніе въ Россіи можетъ восторжествовать только какъ революціонное движеніе рабочихъ. Другого выхода у насъ нѣтъ и быть не можетъ."

IV

Много — иные находятъ, что даже слишкомъ много — времени заняли эти предварительные рѣчи и доклады Но мы не жалѣемъ объ этомъ. Обмѣнъ мыслей между делегатами различныхъ странъ былъ достаточно полезенъ для того, чтобы не жалѣть о потраченномъ на него времени, тѣмъ болѣе, что сама цѣль конгресса, — выработка программы минимальныхъ требованій отъ рабочаго законодательства, не возбуждала никакихъ споровъ. Делегаты, за исключеніемъ немногихъ анархистовъ, настолько были проникнуты сознаніемъ необходимости законодательнаго огражденія рабочихъ и настолько солидарны въ принципіальномъ обоснованіи этой необходимости, что рѣшенія конгресса приняты почти единогласно и безъ возраженій. Въ виду важности этихъ историческихъ документовъ, мы помѣщаемъ здѣсь переводъ главнѣйшихъ изъ нихъ, не прерывая его собственными разсужденіями.

По вопросу о рабочемъ законодательствѣ рѣшеніе конгресса (предложенное Бебелемъ и Гэдомъ) гласитъ такъ:

Принимая во вниманіе, что капиталистическое производство въ своемъ быстромъ развитіи охватываетъ одну страну за другою;

Принимая во вниманіе, что капиталистическій способъ производ-

ства означаетъ возрастающую эксплуатацію пролетаріата господствующими классами, что все болѣе и болѣе усиливающаяся эксплуатація ведетъ къ соціальному и политическому угнетенію и порабощенію рабочаго класса, а также къ его физическому и моральному вырожденію;

Что поэтому борьба всѣми доступными средствами противъ этой общественной организаціи, губительной для рабочаго класса и опасной для свободнаго развитія человѣчества, составляетъ долгъ и задачу пролетаріата всѣхъ странъ;

Но что первымъ необходимымъ шагомъ на этомъ пути является противодѣйствіе дальнѣйшему разрушительному вліянію господствующаго экономическаго порядка;

Конгрессъ рѣшаетъ, что

I. Серьезное огражденіе рабочихъ законодательнымъ путемъ является неотложной необходимостью во всѣхъ тѣхъ странахъ, гдѣ существуетъ новѣйшій способъ производства.

Основой такого законодательства конгрессъ считаетъ:

a) Введеніе максимальнаго рабочаго дня въ 8 часовъ.

b) Полное запрещеніе работы для дѣтей моложе 14 лѣтъ и ограниченіе труда подростковъ отъ 14 до 18 лѣтъ шестью часами въ день.

c) Запрещеніе ночной работы, исключая тѣхъ отраслей производства, которыя по самой своей природѣ не допускаютъ перерывовъ.

d) Запрещеніе принимать на работы женщинъ въ отрасляхъ, особенно вредныхъ для ихъ организма.

e) Установленіе еженедѣльнаго досуга, продолжающагося непрерывно, по крайней мѣрѣ 36 часовъ.

f) Воспрещеніе ночного труда для женщинъ вообще и для мущинъ моложе 18 лѣтъ.

g) Воспрещеніе такихъ отраслей промышленности и способовъ обработки, которые особенно вредны рабочимъ.

h) Отмѣну т. н. Trucksystem (расплаты съ рабочими предметами потребленія).

i) Назначеніе инспекторовъ, оплачиваемыхъ государствомъ и, по крайней мѣрѣ, наполовину избираемыхъ самими рабочими для надзора за всѣми производствами, включая и домашнюю промышленность.

II. Необходимо обезпечить всѣ эти мѣры законами и международными договорами и потому рабочіе классы всѣхъ странъ приглашаются добиваться наиболѣе подходящими для нихъ путями исполненія этихъ требованій и зорко наблюдать за ихъ осуществленіемъ.

III. Пролетаріи всѣхъ странъ обязаны энергически поддерживать швейцарскую республику въ ея усиліяхъ созвать конференцію правительствъ для выработки международныхъ договоровъ въ защиту труда.

По предложенію Бебеля къ этому рѣшенію былъ добавленъ еще одинъ пунктъ

IV. Кромѣ того конгрессъ объявляетъ обязанностью всѣхъ рабочихъ смотрѣть на работницъ какъ на равноправныхъ товарищей въ освободительной борьбѣ и содѣйствовать осуществленію принципа:

„равное вознагражденіе за равную работу“ также и въ примѣненіи къ работницамъ.

Средствомъ наиболѣе дѣйствительнымъ какъ для достиженія этой цѣли, такъ и для осуществленія освободительныхъ стремленій рабочаго класса вообще, конгрессъ считаетъ сплоченіе пролетаріата во всевозможныя организаціи и требуетъ поэтому полной свободы союзовъ и собраній.

Принято также рѣшеніе, предлагающее рабочимъ всѣхъ странъ организовать въ пользу 8-ми часоваго рабочаго дня повсемѣстную манифестацію, именно 1-го мая 1890-го года, такъ какъ этотъ день еще раньше назначенъ былъ для такой же манифестаціи на конгрессѣ американской федераціи труда.

Кромѣ того рѣшено образовать коммиссію изъ семи лицъ, на обязанности которой лежало бы: во первыхъ, сообщить предполагавшейся тогда бернской конференціи минимальныя требованія, составляющія, по взгляду представителей рабочихъ организацій и соціалистическихъ партій Европы и Америки, необходимое условіе международнаго рабочаго законодательста; во вторыхъ, созвать въ 1891 году слѣдующій международный соціалистическій конгрессъ въ Бельгіи или въ Швейцаріи, и, въ третьихъ, создать съ помощью всѣхъ соціалистическихъ партій, органъ подъ названіемъ „Восьми-часовой рабочій день“. Выборъ членовъ этой коммиссіи порученъ представленнымъ на конгрессѣ швейцарскимъ союзамъ. Первый № этого органа, издающагося на 3-хъ языкахъ, вышелъ на дняхъ въ свѣтъ.

По вопросу о постоянныхъ арміяхъ конгрессъ принялъ слѣдующее рѣшеніе, предложенное Вальяномъ:

Принимая во вниманіе,

Что такъ называемыя національныя арміи новаго времени, обходящіяся Европѣ болѣе чѣмъ въ 4 милліарда ежегодно, скорѣе раззоряютъ народы, чѣмъ служатъ къ ихъ защитѣ, что привиллегированные классы, создавая въ лицѣ пролетаріевъ внутреннихъ враговъ, направляютъ арміи чаще противъ послѣднихъ, чѣмъ противъ враговъ внѣшнихъ;

Что само безпредѣльно возрастающее отягощеніе народовъ необходимымъ образомъ приводитъ къ войнѣ, какъ къ единственному средству выйти изъ невыносимаго положенія,

Конгрессъ

a) Порицаетъ самымъ рѣшительнымъ образомъ воинственныя вожделѣнія, питаемыя правительствами, которыя предчувствуютъ скорое наступленіе конца своего господства.

b) Объявляетъ миръ первымъ и необходимымъ условіемъ рабочаго освобожденія, и

c) Требуетъ отмѣны постоянныхъ армій и введенія общаго народнаго вооруженія на слѣдующихъ основаніяхъ:

Армія есть только школа, въ которую вступаетъ всякій здоровый гражданинъ на время, безусловно необходимое для его воинскаго обученія. Мужчины, окончившіе эту школу, должны быть организованы по мѣстностямъ (par localités) такимъ образомъ, чтобы каждый городъ, каждый округъ имѣлъ свой батальонъ, составленный изъ граж-

данъ. другъ съ другомъ знакомыхъ, вооруженныхъ, снабженныхъ всѣмъ необходимымъ и готовыхъ, въ случаѣ надобности, въ 24 часа выступить въ походъ. Оружіе и все необходимое граждане, какъ это теперь имѣетъ мѣсто въ Швейцаріи, должны хранить у себя дома для защиты народной свободы и безопасности отечества.

Изъ другихъ рѣшеній упомянемъ еще о требованіи амнистіи для всѣхъ политическихъ преступниковъ. Нѣмцы воздержались при голосованіи этого рѣшенія, причемъ отъ ихъ имени Либкнехтъ заявилъ, что характеръ ихъ борьбы въ Германіи таковъ, что тамъ самая рѣчь объ амнистіи могла бы считаться актомъ трусости со стороны германской соціаль-демократіи.

Нужно было бы быть слишкомъ невысокаго мнѣнія о русскомъ читателѣ, чтобы подробно объяснять значеніе принятыхъ рѣшеній. Скажемъ только, что каждое изъ этихъ рѣшеній послужило исходнымъ пунктомъ оживленной агитаціи въ рабочей прессѣ. Особенно пунктъ, требующій установленія 8-ми часового рабочаго дня, встрѣченъ всюду съ неописаннымъ восторгомъ, что не покажется удивительнымъ, если подумать о богатыхъ послѣдствіяхъ, которыя поведетъ за собою осуществленіе этого требованія. Не можемъ отказать себѣ въ удовольствіи привести слѣдующую выписку изъ статьи въ „Arbeiterzeitung“ подъ заглавіемъ „10 выгодъ отъ 8-ми часового рабочаго дня“:

При 8-ми часовомъ рабочемъ днѣ рабочимъ тратится меньше физическихъ силъ и жизнь его становится продолжительнѣе.

При 8-ми часовомъ рабочемъ днѣ требуется большее число рабочихъ, и тѣ, которые не имѣютъ работы, могутъ ее получить.

При 8-ми часовомъ рабочемъ днѣ повышается рабочая плата, потому что уменьшается число лицъ, лишенныхъ занятій и тѣмъ понижающихъ уровень ея.

При 8-ми часовомъ рабочемъ днѣ остается еще 8 часовъ на отдыхъ и 8 часовъ на самообразованіе и удовольствія.

При 8-ми часовомъ рабочемъ днѣ собранія лучше посѣщаются.

При 8-ми часовомъ рабочемъ днѣ увеличивается покупательная сила рабочихъ, вслѣдствіе этого возрастаетъ спросъ на товары, а стало быть, и на новыя рабочія руки для ихъ производства.

При 8-ми часовомъ рабочемъ днѣ рабочія массы достигнутъ большей политической зрѣлости и самостоятельности.

При 8-ми часовомъ рабочемъ днѣ заработокъ выше, а потому является возможность посылать дѣтей вмѣсто фабрики въ школу.

При 8-ми часовомъ днѣ пробудится потребность въ дальнѣйшемъ сокращеніи рабочаго времени.

Недаромъ этотъ же органъ въ одной своей статьѣ говоритъ, что величайшимъ дѣломъ человѣчества, какое теперь стоитъ на очереди, будетъ введеніе 8-ми часового рабочаго дня. Само собою разумѣется, что никто не думаетъ успокоиться, когда побѣда въ этомъ отношеніи будетъ одержана. Наоборотъ всѣ соціалисты согласны съ мыслями, высказанными германскимъ депутатомъ Грилленбергомъ въ рейхстагѣ еще въ 1885 году по подобному же поводу. „Когда наши предложенія будутъ приняты, тогда мы будемъ имѣть возможность ставить дальнѣйшія требованія“. Рѣчь идетъ только о станціи на

пути къ установленію новаго порядка вещей... „Но мы также знаемъ, что крѣпкій, физически и духовно развитой рабочій классъ во всякомъ случаѣ болѣе способенъ къ достиженію своихъ окончательныхъ стремленій, чѣмъ населеніе, развращенное и униженное неисходнымъ горемъ и нищетой".

V

Мы ни въ какомъ случаѣ не можемъ обойти молчаніемъ одно событіе, хотя и не имѣющее прямого отношенія къ занятіямъ конгресса, но многознаменательное само по себѣ. Мы говоримъ о банкетѣ, данномъ парижскимъ муниципалитетомъ въ честь обоихъ конгрессовъ рабочихъ. Городъ Парижъ пожертвовалъ для этой цѣли 50000 фр. и раздалъ членамъ конгрессовъ 4000 билетовъ для знакомыхъ и друзей. Пригласительныя карточки были краснаго цвѣта, т. е. цвѣта революціоннаго знамени пролетаріата. 19 іюля вечеромъ гости наполнили прекрасно иллюминованный Hotel-de-Ville, въ великолѣпныхъ залахъ котораго были роскошно сервированы вина и закуски. Парижскіе рабочіе приглашали гостей не стѣсняться: „nous sommes chez nous", мы здѣсь хозяева, говорили пролетаріи и были правы, такъ какъ значительная часть членовъ парижскаго муниципальнаго совѣта состоитъ изъ ихъ представителей. Чуткій Парижъ, голова и сердце Европы, угощаетъ не царей, не министровъ, а рабочихъ делегатовъ, справедливо усматривая въ нихъ сегодняшнихъ представителей воли народовъ и, быть можетъ, завтрашнихъ распорядителей судебъ міра.

20 іюля конгрессъ закрылся при восторженныхъ возгласахъ въ честь международной соціаль-демократіи. На слѣдующій день приведено въ исполненіе принятое на конгрессѣ, по иниціативѣ нѣмецкихъ делегатовъ, рѣшеніе возложить вѣнки на могилы павшихъ коммунаровъ, а также знаменитыхъ борцевъ за политическое освобожденіе Германіи и проповѣдниковъ союза между нею и Франціей, Берне и Гейне. Въ тотъ же день вечеромъ состоялся частный банкетъ для членовъ конгресса, такъ сказать, семейный вечеръ, на которомъ выраженіямъ взаимной симпатіи не было конца. Тутъ выдающіеся делегаты имѣли случай тѣснѣе сойтись, поговорить, что называется, по душѣ, въ чемъ, впрочемъ, для существа дѣла, не предстояло особой надобности, такъ какъ соціаль-демократія не есть заговорщицкій кружокъ или секта, а широкое, культурно-историческое движеніе рабочихъ массъ.

Мы-бы не могли лучше закончить нашего краткаго отчета, какъ слѣдующими немногими словами, заимствованными изъ Socialdemokrat'а, главнаго органа нашихъ нѣмецкихъ товарищей:

„Международный рабочій конгрессъ принадлежитъ къ тѣмъ событіямъ, которыя — въ противоположность сенсаціоннымъ событіямъ дня — принимаютъ тѣмъ большіе размѣры, чѣмъ большій промежутокъ времени отдѣляетъ ихъ отъ насъ. Таково свойство всѣхъ дѣй-

ствительно крупныхъ фактовъ: ихъ значеніе, вначалѣ понятное лишь немногимъ, уясняется для массъ только мало по малу, самой логикой вещей.“ Сравнивъ, далѣе, рабочій конгрессъ съ французскимъ національнымъ собраніемъ конца прошлаго столѣтія, газета продолжаетъ, что хотя сто лѣтъ тому назадъ третье сословіе и имѣло право сказать, что оно представляетъ весь народъ минусъ полмилліона дворянъ и поповъ, но съ тѣхъ поръ времена измѣнились, и буржуазія, соединившись съ своими прежними врагами, слилась съ ними въ одну реакціонную массу; революціонная же роль перешла къ пролетаріату, который еще съ большимъ правомъ можетъ заявить о себѣ: я весь народъ минусъ ничтожное меньшинство эксплуататоровъ. „Парижскій рабочій парламентъ имѣетъ для исторіи всемірнаго пролетаріата то же значеніе, какое версальскій парламентъ имѣлъ нѣкогда для французской буржуазіи. Національное стало интернаціональнымъ, Францція расширилась до размѣровъ міра. Мы знаемъ, что всемірный прлетаріатъ еще не столь способенъ взяться за правленіе, какъ была французская буржуазія сто лѣтъ тому назадъ, но это не умаляетъ значенія событія. Союзъ между пролетаріями всѣхъ странъ заключенъ, идеалъ Интернаціонала осуществился, великій лозунгъ: „Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь!“ сталъ совершившимся фактомъ.“

Новый товарищъ.

———

ПО ПОВОДУ

СТАЧКИ НА ЛОНДОНСКИХЪ ДОКАХЪ

Письмо въ редакцію „Соціаль-демократа"

ЭЛЕОНОРЫ МАРКСЪ-ЭВЕЛИНГЪ.

Стачка на лондонскихъ докахъ имѣетъ огромную важность съ общей точки зрѣнія; по отношенію же къ англійскому рабочему движенію, никакая оцѣнка ея значенія не можетъ считаться преувеличенной. Въ Англіи, во многихъ отношеніяхъ, съ этой стачки начинается новая эра.

Истъ-Эндъ Лондона давно уже приводилъ въ отчаяніе не только соціалистовъ, но даже простыхъ, заурядныхъ людей, относившихся съ нѣкоторымъ неопредѣленнымъ и сантиментальнымъ сочувствіемъ къ „рабочему." Безъ Истъ-Энда ничего не могло быть сдѣлано. Я помню, что уже съ давнихъ поръ мой отецъ постоянно возвращался къ этому предмету и всегда утверждалъ, что пока не зашевелится Истъ-Эндъ, въ Англіи не можетъ начаться серьезное движеніе рабочаго класса. Онъ заранѣе предсказывалъ это, и событія оправдали его предвидѣніе.

Трудно составить себѣ точное представленіе объ Истъ-Эндѣ и его обитателяхъ тому, кто не жилъ среди этого люда, не видѣлъ этихъ тянущихся на многія мили улицъ съ ихъ отвратительными дворами, задворками и переулками, въ которыхъ кишмя кишатъ человѣческія существа, какъ пчелы въ ульѣ, съ тою разницею, что въ этихъ ульяхъ работа и вся окружающая ее обстановка не имѣютъ ничего общаго ни съ чѣмъ сладкимъ или пріятнымъ.

Быть можетъ, иностранецъ составитъ себѣ нѣкоторое, отдаленное представленіе обо всемъ этомъ, если мы напомнимъ ему, что одинъ изъ пяти жителей Лондона неизмѣнно умираетъ отъ голоднаго истощенія, и что Истъ-Эндъ есть тотъ кварталъ громаднаго города, гдѣ стиснуто вмѣстѣ до милліона человѣческихъ существъ, которыя „голодаютъ

изъ году въ годъ и отъ колыбели до могилы не знаютъ ни минуты полнаго удовлетворенія.“

Однако, какъ въ Дантовскомъ адѣ за глубокими кругами слѣдуютъ еще болѣе глубокіе, такъ и въ преисподней Лондона существуютъ градаціи нищеты. Дномъ этой адской пропасти была мѣстность у входа въ доки. Здѣсь толпились люди, выброшенные, по той или другой причинѣ, изъ правильной арміи труда и утратившіе „всякую надежду“. У воротъ доковъ несчастные забывали все человѣческое и дрались какъ дикіе звѣри. Я видѣла, какъ они рвали, толкали, давили другъ друга, чтобы пробиться впередъ. И горе побѣжденному! Окровавленный, выбившійся изъ силъ, онъ оставался позади, въ то время какъ его счастливый побѣдитель входилъ въ ворота. И все это для того, чтобы въ лучшемъ случаѣ заработать нѣсколько пенсовъ!

Кто могъ бы, глядя на подобныя сцены, думать о возможности поднять эти одичалыя несчастныя существа? Дѣло казалось безнадежнымъ. И тѣмъ не менѣе нашлось нѣсколько мужественныхъ сердецъ, которыя не отчаявались. Въ сѣромъ туманѣ разсвѣта нѣсколько соціалистовъ сходились у страшнаго входа въ доки и говорили о потерянной надеждѣ, какъ тѣмъ, которые входили внутрь, такъ и оставшимся снаружи. Джонъ Бернсъ былъ членомъ этой маленькой группы, которая каждое утро, до начала своей собственной дневной работы, появлялась среди толпившихся здѣсь разбитыхъ и потерянныхъ отбросковъ человѣчества, чтобы обращаться къ нимъ съ своею проповѣдью. И не всѣ брошенныя ими сѣмена упали на каменистую почву. Между слушателями нашлись не совсѣмъ еще сломленные люди, которые начали интересоваться новымъ, удивительнымъ евангеліемъ. Первымъ результатомъ терпѣливой, многолѣтней пропаганды было образованіе союза среди рабочихъ газовыхъ заводовъ. Многіе изъ этихъ рабочихъ извѣстную часть года работали на докахъ и здѣсь встрѣчались съ соціалистами. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ союзъ былъ уже достаточно силенъ, чтобы потребовать и добиться уменьшенія рабочаго дня съ 12 часовъ на 8 вмѣстѣ съ увеличеніемъ заработной платы. Такой необычайный успѣхъ поднялъ духъ Истъ-Энда. Если газовые рабочіе („стокэры“) могли добиться подобныхъ благъ, почему „докэрамъ“ не попытаться въ свою очередь? Они попытались, и результаты ихъ попытки извѣстны теперь цѣлому міру. У входа въ доки собирались митинги, на которые были приглашены Джонъ Бернсъ и Томъ Мэнъ. Рабочіе выступили съ требованіемъ повышенія платы до 6 пенсовъ въ часъ и уничтоженія работы по контрактамъ („Sweating“ system), практиковавшимися на всѣхъ докахъ*).

„Докэры“ выступили въ числѣ многихъ тысячъ, но какъ ни были они сильны и рѣшительны, — предоставленные собственнымъ силамъ,

*) По этой системѣ нанимаемые по часамъ рабочіе обязывались выполнить въ часъ опредѣленное количество работы, за что и получали пять пенсовъ. Кому удавалось сдѣлать больше заданнаго урока, тотъ имѣлъ право на прибавку. Съ одной стороны такая система вызывала страшное напряженіе при работѣ — отсюда и названіе „Sweating“ „потѣніе“, а съ другой, по своей сложности, давала самый широкій просторъ всякимъ сомнѣніямъ, всегда кончавшимся вычетами и недоплатами.

они не могли бы одержать побѣды. Своимъ успѣхомъ они обязаны поддержкѣ грузовщиковъ, матросовъ, лодочниковъ и другихъ категорій рабочихъ Лондонской гавани. Всѣ эти болѣе или менѣе хорошо поставленные, получающіе порядочную плату рабочіе присоединились къ стачкѣ „по принципу.“ Для себя они ничего не требовали и отстаивали только *право*. Въ теченіе четырехъ - недѣльной борьбы имъ всѣмъ приходилось очень круто. Изъ собранныхъ денегъ они не получали ни пенса, многіе совершенно истощили фонды своихъ союзовъ и почти голодали — и все это для того, чтобы помочь докэрамъ*). Во всей исторіи англійскаго рабочаго движенія не было такого блистательнаго примѣра солидарности между рабочими.

Денежная помощь стачечникамъ и всеобщая симпатія къ нимъ со стороны публики и прессы были по истинѣ замѣчательны. Подписка принесла до 47,000 фун. стер., кромѣ 30,000 присланныхъ изъ Австраліи. Причина такой поддержки со стороны средняго класса прекрасно объяснена Энгельсомъ въ его статьѣ “Abdankung der Bourgeoisie**). Она вытекала, какъ показалъ Энгельсъ, вовсе не изъ какихъ нибудь нѣжныхъ чувствъ буржуазіи, а изъ того простого факта, что рабочіе въ данномъ случаѣ вытаскивали для нее каштаны изъ огня. Кромѣ того буржуазія не поняла тогда истиннаго смысла начавшагося движенія. Теперь только она начала понимать его, и уже замѣчается реакція. Буржуа увидѣли, но слишкомъ поздно, что подобно Франкенштейну они способствовали созданію нѣкоего „существа“, котораго не могутъ теперь ни контролировать, ни сжить обратно со свѣту.

Говоря о помощи, оказанной стачечникамъ, было бы слишкомъ несправедливо не упомянуть о дѣятельности „Арміи Спасенія“. Вамъ, дорогіе друзья, какъ и большинству иностранцевъ Армія Спасенія представляется въ дурномъ или смѣшномъ свѣтѣ. Но мы, знающіе лондонскій Истъ - Эндъ, не можемъ не замѣчать ея заслугъ. Члены этой арміи идутъ къ самымъ несчастнымъ изъ несчастныхъ. Они спускаются въ такія грязныя трущобы, при одной мысли о которыхъ иному сдѣлается дурно. Они дѣйствуютъ на такихъ людей, на которыхъ никто иной не можетъ подѣйствовать. Они живутъ жизнью народа, и во всѣхъ послѣднихъ столкновеніяхъ оказывали рабочимъ неоцѣненную помощь. Во время стачки докэровъ „армія“ отдала въ наше распоряженіе свои прекрасно организованные „центры“ для раздачи пособій; ея люди день и ночь работали вмѣстѣ съ нами. Они не надоѣдали намъ своей религіей. Объявивши мнѣ разъ, что за спасеніе моей души возсылаются усердныя молитвы, они уже больше не упоминали о моемъ безбожіи.

Я сообщу вамъ теперь нѣсколько личныхъ наблюденій. Всѣ, дѣйствовавшіе въ Истъ Эндѣ во время стачки, были пріятно поражены поведеніемъ его обитателей. Пьянство почти совершенно исчезло.

---

*) Со времени окончанія стачки нѣкоторыя суммы были уплачены тѣмъ изъ союзовъ, которые истратили на стачку все свое имущество.

**) Переводъ статьи Энгельса помѣщается нами вслѣдъ за письмомъ Марксъ-Эвелингъ.

Мнѣ случалось ходить по улицамъ во всякіе часы дня и ночи, и я неизмѣнно встрѣчала повсюду лишь самое вѣжливое и дружелюбное обращеніе.

Многіе изъ этихъ грубыхъ, невоспитанныхъ людей выказали замѣчательную дѣловитость. Не легко было организовать продовольствіе и распредѣленіе пособій между 80,000—100,000 человѣкъ, но въ нѣсколько дней все это сложное продовольственное дѣло было превосходно организовано. Деньги выдавались только извѣстнымъ, избраннымъ людямъ, дѣйствовавшимъ въ качествѣ „знаменоносцевъ“ *), сборщиковъ (т. е. ходившихъ по улицамъ съ кружками для сбора), а также людямъ, входившимъ въ составъ различныхъ пикетовъ**). Всѣ остальные получали „билетъ на пищу“. Это былъ четвероугольный клочекъ бумаги такого вида:

БИЛЕТЪ на пищу Стоимостью въ одинъ шиллингъ.

Къ каждому изъ этихъ билетовъ была приложена оффиціальная печать одного изъ союзовъ, организовавшихъ стачку, и они принимались лавочниками вмѣсто денегъ. Масса простого физическаго труда, потраченнаго на все это, была громадна. Бернсъ, Мэнъ, весь комитетъ работалъ по 20, а подъ конецъ даже по 24 часа въ сутки. Работа шла днемъ и ночью. Подумайте лишь, сколько должно было длиться одно штемпелеванье и счетъ этихъ билетовъ! Я сама пересчитывала и штемпелевала отъ 10 до 20 тысячъ въ день. И эта работа, не дававшая ни славы, ни извѣстности, весело и съ удовольствіемъ исполнялась людьми, которые лично ничего не могли выиграть отъ нее и ничего не требовали. Интересно также и трогательно было видѣть уже упомянутыхъ мною сборщиковъ, мужчинъ и женщинъ, приносившихъ свои кружки, заключавшія иной разъ такія суммы, которыя составили бы для нихъ цѣлое богатство. Они уходили отъ насъ вполнѣ довольные тѣмъ шиллингомъ, который получали въ качествѣ сборщиковъ. Бернсъ ходилъ среди этой массы мужчинъ и женщинъ съ сотнями фунтовъ въ карманѣ, и у него ни разу не утащили ни одного фартинга.

Вотъ еще нѣсколько любопытныхъ фактовъ: мнѣ передали маленькую сумму, что-то около 12 или 15 фунтовъ, для раздачи наиболѣе нуждающимся изъ женщинъ. Оказалось, что изъ каждыхъ трехъ женщинъ, которымъ я раздавала деньги, двѣ не умѣли писать. Мало того, очень многіе изъ этихъ мужчинъ и женщинъ не умѣютъ дать сво-

*) При процессіяхъ стачечниковъ по городу.

**) Обязанность этихъ пикетовъ, выставленныхъ при входѣ въ доки, заключалась въ томъ, чтобы удерживать отъ работы, не употребляя впрочемъ никакого насилія, тѣхъ, кто выказалъ бы намѣреніе приняться за нее.

его адреса. Они могутъ привести васъ въ свое „жилище“, каково бы оно тамъ ни было, но не знаютъ ни названія улицы, ни номера дома. Одна женщина дала мнѣ адресъ, оказавшійся невѣрнымъ. Она вовсе не хотѣла обмануть меня; но пять лѣтъ тому назадъ она получила письмо, и это необычайное обстоятельство произвело на нее такое сильное впечатлѣніе, что она продолжала давать адресъ того мѣста, гдѣ произошло событіе, хотя и переселилась въ другую улицу. Надо прибавить, что этотъ людъ имѣетъ самое смутное понятіе также и объ именахъ. Они знаютъ другъ друга подъ названіями „Джони Стэрри“ или „Салли Лизъ“; но о фамиліяхъ нѣтъ и помину. Поэтому, въ улицѣ, гдѣ каждый уголъ каждаго дома занятъ какимъ нибудь семействомъ, найти подобнаго „Стэрри“ или „Лизу“ дѣло не легкое. Я перебирала иногда до полудюжины Лизъ, пока не нападала на настоящую.

А какое ужасное количесгво дѣтей въ этихъ трущобахъ! При своей, по необходимости чисто животной, жизни эти люди плодятъ здѣсь дѣтей, какъ кошки котятъ. Во время стачки къ намъ часто приходили женщины съ 8 — 10 дѣтьми, и что это были за несчастныя маленькія существа! Я посѣтила одну бѣдную женщину, которая только что родила двѣнадцатаго ребенка. Она была еще довольно молода. „Богъ посылаетъ дѣтей“ — это говорятъ онѣ всѣ. И если вы имъ замѣтите, что въ такомъ случаѣ богъ же долженъ бы о нихъ и заботиться, то онѣ вамъ отвѣчаютъ безъ слѣда ироніи: „насъ такъ много, что богъ за всѣми присмотрѣть не въ состояніи.

Что же въ концѣ концовъ принесла стачка на докахъ рабочему классу и каково ея значеніе для рабочаго движенія?

Въ матеріальномъ отношеніи она принесла слѣдующее: положеніе самихъ докэровъ значительно улучшилось. Плата увеличилась и отвратительная система контрактовъ уничтожена на всегда. Прямымъ результатомъ стачки на докахъ было также увеличеніе заработной платы на 10% и уменьшеніе часовъ труда приблизительно въ 200 другихъ отрасляхъ лондонской промышленности.

Но этотъ матеріальный выигрышъ ничтоженъ по сравненію съ другими результатами. Стачка съорганизовала до 40,000 человѣкъ, считавшихся до нея настоящими отбросками общества, заставлявшими отчаяваться въ успѣхѣ рабочаго движенія въ Англіи. Эти люди почувствовали теперь свою силу, научились уважать себя и принимать разумное участіе въ политической и соціальной борьбѣ нашего времени.

Я не преувеличу дѣла, если скажу, что въ Англіи началось, наконецъ, *дѣйствительное* движеніе рабочаго *класса*. Кромѣ 40,000 вошедшихъ въ союзъ докэровъ, мы имѣемъ еще отъ 60 до 100 тысячъ мужчинъ и женщинъ, состоящихъ членами „Союза газовыхъ рабочихъ“ и „Всеобщаго союза рабочихъ“. Никогда прежде *чернорабочіе* Англіи не объединялись подобнымъ образомъ. Не лишенъ также значенія

тотъ фактъ, что, въ противоположность всѣмъ старымъ союзамъ Англіи, — Союзъ газовыхъ рабочихъ не представляетъ собою только общество взаимнаго вспомоществованія, не ставитъ своей исключительной цѣлью доставленіе членамъ мелкихъ текущихъ выгодъ, а является чисто *боевой организаціей*. Я горжусь тѣмъ, что основала первую женскую секцію этого союза; теперь такихъ женскихъ секцій въ немъ уже много.

Все это составляетъ огромный выигрышъ. Но движеніе послѣднихъ мѣсяцевъ имѣло и другіе результаты. Въ англійскихъ рабочихъ начинаетъ, наконецъ, развиваться классовое самосознаніе; они начинаютъ смотрѣть на свои столкновенія съ предпринимателями какъ на отдѣльныя проявленія одной великой классовой борьбы. Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ самая мысль о *борьбѣ классовъ* вызвала бы здѣсь всеобщій смѣхъ; теперь ее начинаютъ понимать массы рабочихъ мужчинъ и женщинъ. Они увидѣли, наконецъ, что все общество состоитъ лишь изъ двухъ классовъ: изъ эксплуататоровъ и эксплуатируемыхъ, и что между этими двумя классами не можетъ быть ни мира, ни перемирія, пока не произойдетъ „экспропріація экспропріаторовъ“, и господство одного класса надъ другимъ не отойдетъ въ область прошедшаго.

Въ политическомъ отношеніи англійскій рабочій классъ пришелъ такимъ образомъ въ движеніе. Теперь при выборахъ тѣмъ кандидатамъ, которымъ понадобятся голоса рабочихъ, придется практически включить въ свою программу рѣшенія парижскаго международнаго соціалистическаго конгресса, — а это много значитъ.

Въ соціальномъ, экономическомъ, политическомъ смыслѣ Англія вступаетъ въ новую эру. Старыя, гнилыя партіи совершенно дискредитированы въ глазахъ передовыхъ рабочихъ. Старые, отжившіе Трэдъ-Юніоны, вродѣ союза механиковъ, будутъ неминуемо замѣнены новыми, болѣе современными организаціями. Однимъ словомъ, ученіе соціалистовъ — хотя здѣсь и нѣтъ соціалистической партіи — приноситъ свои плоды. Мы знаемъ, къ чему приведетъ это движеніе. Черезъ какія фазы пройдетъ оно, — этого никто сказать не можетъ. Но въ чемъ мы вполнѣ увѣрены, такъ это въ томъ, что мы идемъ впередъ.

Ваша, дорогіе друзья,

Элеонора Марксъ-Эвелингъ

ОТРЕЧЕНІЕ БУРЖУАЗІИ.

Ф. ЭНГЕЛЬСА.

(Переведено изъ нѣмецкаго „Соціаль-демократа“ отъ 5 Окт. 1889)

До послѣдняго времени англійская буржуазія несомнѣнно обнаруживала гораздо больше классоваго, то есть политическаго смысла, чѣмъ буржуазные классы другихъ національностей. Наша нѣмецкая буржуазія и тупа, и труслива; она не съумѣла даже схватить и удержать политическаго господства, завоеваннаго для нея рабочими въ 1848 году. Рабочему классу придется самому вымести изъ Германіи остатки феодализма и патріархальнаго хозяйства, что уже давнымъ давно должна была бы сдѣлать наша буржуазія. Французская буржуазія, самая алчная изо всѣхъ, самая ненасытная относительно денегъ и наслажденій, до такой степени ослѣплена жадностью, что вовсе не думаетъ объ интересахъ своего будущаго; она живетъ со дня на день, доходитъ въ бѣшеной погонѣ за барышами до самой скандальной продажности, объявляетъ подоходный налогъ соціализмомъ и государственной измѣной, не можетъ ни при одной стачкѣ обойтись безъ выстрѣловъ, и достигаетъ того, что въ республикѣ, при всеобщей подачѣ голосовъ, у рабочихъ почти не остается другихъ средствъ борьбы, кромѣ насильственныхъ, революціонныхъ. Англійская буржуазія не отличается ни глупой жадностью французской, ни глупой трусостью нѣмецкой буржуазіи. Во время своихъ величайшихъ тріумфовъ она постоянно дѣлала рабочимъ уступки; даже самая ограниченная ея часть, консервативная поземельная и финансовая аристократія, не побоялась предоставить право голоса городскимъ рабочимъ въ такихъ размѣрахъ, что лишь по своей собственной винѣ рабочіе не имѣютъ съ 1868 года 40—50 представителей въ парламентѣ. Съ тѣхъ поръ по общему согласію всей, какъ консервативной, такъ и либеральной буржуазіи, расширеніе избирательнаго права распростра-

нено также и на сельскіе округа, размѣры избирательныхъ округовъ уравнены, и этими мѣрами въ распоряженіе рабочаго класса предоставлено еще до 30 мѣстъ въ парламентѣ. Въ то время какъ нѣмецкая буржуазія никогда не обладала способностью руководить націей и представлять ее въ качествѣ господствующаго класса, а французская когда-то обладавшая этой способностью въ большей степени чѣмъ средній классъ какой бы то ни было другой страны, теперь ежедневно доказываетъ, что она ее совершенно утеряла, — въ это самое время англійская буржуазія (съ которою совершенно слилась и такъ называемая аристократія) до самаго послѣдняго времени выказывала еще способность выполнять до извѣстной степени свою роль руководящаго класса.

Но за послѣднее время и англійская буржуазія начинаетъ, повидимому, утрачивать подобныя качества.

Въ Лондонѣ все, что связано со старымъ муниципальнымъ строемъ то есть съ особой конституціей и управленіемъ той части города, которая спеціально называется „Сити“, остается вполнѣ средневѣковымъ. Къ этой средневѣковой области принадлежитъ и первая въ мірѣ Лондонская гавань. Владѣльцы мѣстъ нагрузки, разгрузчики, лодочники, составляютъ настоящіе цехи съ исключительними привиллегіями и сохранили даже отчасти средневѣковые костюмы. За послѣдніе семьдесять лѣтъ стародѣдовскія цеховыя привиллегіи были дополнены и увѣнчаны монополіями, предоставленными компаніямъ, владѣющимъ доками и вся громадная Лондонская гавань оказалась, такимъ образомъ, отданной на жертву безпощаднѣйшей эксплуатаціи небольшого числа привиллегированныхъ корпорацій. Эта уродливая груда привиллегій увѣковѣчена и сдѣлана такъ сказать неприкосновенной посредствомъ безконечнаго ряда создавшихъ ее, запутанныхъ и противорѣчивыхъ парламентскихъ актовъ, изъ которыхъ образовался настоящій юридическій лабиринтъ, — лучшій оплотъ всей этой безобразной системы. Но въ то время какъ въ сношеніяхъ съ торговымъ міромъ корпораціи Лондонской гавани опираются на свои средневѣковыя права и дѣлаютъ эту гавань самою дорогою въ мірѣ, члены этихъ корпорацій превратились, тѣмъ не менѣе, въ чистокровнѣйшихъ современныхъ буржуа, которые, кромѣ, своихъ кліентовъ, подвергаютъ также самой безстыдной эксплуатаціи цѣлыя массы рабочихъ, соединяя, такимъ образомъ, одновременно и въ одномъ карманѣ всѣ выгоды средневѣковаго строя, со всѣми выгодами современнаго капитализма.

Но такъ какъ эта эксплуатація совершалась внутри современнаго капиталистическаго общества, она оставалась подчиненной его законамъ, хотя и была переряжена въ средневѣковый костюмъ. Крупные капиталы поглотили мелкіе, или, по меньшей мѣрѣ, приковали ихъ къ своимъ побѣднымъ колесницамъ. Большія компаніи доковъ подчинили себѣ цехи владѣльцевъ верфей, разгрузчиковъ и лодочниковъ и пріобрѣли, такимъ образомъ, господство надъ всей гаванью. Имъ показалось, что это господство раскрываетъ передъ ними перспективы безконечныхъ барышей. Такія перспективы ослѣпили ихъ. Онѣ повыбрасывали милліоны на глупѣйшія приготовленія. А такъ какъ компа-

ній было нѣсколько, то между ними началась конкуренція, которая стоила имъ новыхъ милліоновъ, вызвала новыя безсмысленныя постройки и привела ихъ на край банкротства, пока онѣ не объединились, наконецъ, два года тому назадъ.

А тѣмъ временемъ торговля Лондона пошла подъ гору. Гавръ, Антверпенъ, Гамбургъ и со времени прорытія новаго морского канала, Амстердамъ стали притягивать къ себѣ все большую и большую часть торговли, центромъ которой раньше служилъ Лондонъ. Ливер пуль, Гуль, Гласгоу тоже взяли кое что на свою долю. Вновь построенные доки стояли пустыми, дивиденды сокращались, а отчасти и вовсе исчезли; избалованные добрымъ старымъ временемъ, высокомѣрные денежные тузы не знали, что предпринять. Они не хотѣли признавать дѣйствительныхъ причинъ относительнаго и абсолютнаго паденія Лондонской гавани. А между тѣмъ, поскольку эти причины имѣютъ мѣстный характеръ, онѣ заключаются именно и единственно въ ихъ собственныхъ, ни съ чѣмъ несообразныхъ дѣйствіяхъ, въ породившихъ эти дѣйствія привиллегіяхъ и въ средневѣковыхъ порядкахъ господствующихъ въ Сити и въ гавани — порядкахъ имѣющихъ полнѣйшее право на мѣсто въ Британскомъ Музеѣ, рядомъ съ египетскими муміями и ассирійскими каменными чудовищами.

Нигдѣ кромѣ Лондона подобная древность не была бы терпима. Въ Ливерпулѣ, гдѣ стало возникать такое же положеніе, оно было уничтожено въ зародышѣ и всему уставу гавани приданъ современный характеръ, Въ Лондонѣ же торговля терпитъ убытки, ворчитъ, — и оставляетъ все по старому. Масса буржуазіи, которая платится за всю эту безтолковщину, склоняется передъ монополіей правда неохотно, но все таки склоняется. У нея уже не хватаетъ энергіи, чтобы сбросить гнетъ, грозящій раздавить со временемъ жизненныя условія цѣлаго Лондона.

Таковы обстоятельства, при которыхъ разразилась стачка на докахъ Возстаетъ не буржуазія, ограбленная привиллегированными компаніями; высокомѣрнымъ магнатамъ доковъ бросаютъ перчатку эксплуатируемые ими рабочіе, бѣднѣйшіе изъ бѣдныхъ, самый низшій слой пролетаріевъ Истъ-Энда. Тутъ только буржуазія соображаетъ, наконецъ, что эти магнаты являются также и ея врагами, что стачечники, борясь за свои интерессы, отстаиваютъ косвенно и интересы буржуазіи. Этимъ объясняются симпатіи къ стачкѣ въ средѣ публики и небывалая щедрость, вдругъ охватившая буржуазное общество. Но на этомъ дѣло и остановилось. Рабочіе пошли въ битву, напутствуемые одобрительными криками и рукоплесканіями буржуазіи; рабочіе не только доказали, что гордые магнаты доковъ вовсе не непобѣдимы, но своей борьбой и побѣдой они такъ подѣйствовали на все общественное мнѣніе, что теперь уже монополіи и всему феодальному уставу гавани долго не прожить, и въ ближайшемъ будущемъ она займетъ таки подобающее ей мѣсто въ Британскомъ Музеѣ.

Все это давнымъ давно должна была сдѣлать сама буржуазія. Но она не могла, или не хотѣла выполнить своего долга. И только теперь, когда рабочіе взяли дѣло въ свои руки, оно будетъ наконецъ сдѣлано.

Другими словами, буржуазія отреклась въ данномъ случаѣ отъ своей собственой роли въ пользу рабочихъ.

А вотъ другая картинка. Изъ средневѣковой Лондонской гавани перейдемъ въ современныя бумагопрядильни Ланкашира. Мы попадаемъ туда въ такое время, когда жатва хлопка 1888 года истощилась, а жатва 1889 года еще не появлялась на рынкѣ, то есть въ ту минуту, когда спекуляція съ сырымъ матеріаломъ имѣетъ всего больше шансовъ на успѣхъ. Одинъ богатый голландецъ, по имени Штинстрандъ, образовалъ съ нѣсколькими соотечественниками компанію для скупки всего находящагося на рынкѣ хлопка, съ цѣлью поднять его цѣну. Владѣльцы бумагопрядилень могли бы разстроить этотъ планъ лишь посредствомъ ограниченія потребленія хлопка, то есть посредствомъ остановки, или сокращенія на нѣсколько дней въ недѣлю, работъ на всѣхъ фабрикахъ. Фабриканты въ теченіе цѣлыхъ шесть недѣль пытались организовать эту пріостановку, но дѣло не удавалось, какъ не удавалось оно никогда и раньше при подобныхъ же обстоятельствахъ. Одни изъ фабрикантовъ такъ задолжали, что всякая остановка грозила имъ банкротствомъ. Другіе были бы рады остановить работы на чужихъ фабрикахъ, ожидая отъ нея повышенія цѣнъ на пряжу, но сами желали продолжать работы, чтобы воспользоваться повышенными цѣнами. Впрочемъ, уже болѣе десяти лѣтъ тому назадъ выяснилось, что существуетъ только одно средство достичь общей остановки работъ на всѣхъ бумагопрядильняхъ для той или другой цѣли. А именно: для этого требуется понизить заработную плату, скажемъ, на 5 процентовъ. Тогда неминуемо начинается стачка, и въ борьбѣ противъ рабочихъ между фабрикантами воцаряется безусловное единодушіе; машины останавливаются даже у такихъ хозяевъ, которые не знаютъ, будутъ ли въ состояніи когда нибудь снова пустить ихъ въ ходъ.

На этотъ разъ, однако, обстоятельства такъ сложились, что объявить пониженіе заработной платы было не удобно. Но какъ иначе достичь одновременнаго прекращенія работъ, безъ котораго фабриканты попадали на нѣсколько недѣль въ полную власть спекуляторовъ? Цѣль была достигнута способомъ, еще не бывалымъ во всей исторіи новѣйшей промышленности.

Фабриканты, черезъ посредство своего центральнаго комитета, „оффиціально“ обратились къ центральному комитету ремесленнаго союза рабочихъ съ просьбой устроить стачку, чтобы заставить, ради общаго блага, непокорныхъ фабрикантовъ закрыть фабрики. Въ глубокомъ сознаніи своей неспособности дѣйствовать сообща, они сами просили когда-то столь ненавидимые ими ремесленные союзы соблаговолить употребить противъ нихъ, фабрикантовъ, принудительныя мѣры, чтобы путемъ насилія заставить ихъ дѣйствовать единодушно въ ихъ собственныхъ интересахъ. Сами по себѣ, безъ принужденія со стороны рабочихъ, они уже къ этому неспособны!

Рабочіе снизошли на просьбу, и съ ихъ стороны оказалось достаточно одной угрозы, что бы покончить все дѣло. Въ 24 часа со-

юзъ спекуляторовъ на хлопокъ былъ разбитъ. Это показываетъ, на что способны фабриканты, и что могутъ сдѣлать рабочіе.

И здѣсь, слѣдовательно, въ современнѣйшей отрасли современной промышленности, буржуазія оказывается столь же неспособной защищать свои классовые интересы, какъ и въ средневѣковой части Линдона. Болѣе того. Обращаясь къ организованнымъ рабочимъ съ просьбой употребить насиліе противъ противъ фабрикантовъ, буржуазія, тѣмъ самымъ, не только открыто сознается въ своей неспособности, не только отрекается отъ своей роли, но въ то же время она признаетъ въ организованномъ рабочемъ классѣ правоспособнаго и законнаго наслѣдника своего господства. Она сама провозглашаетъ во всеуслышаніе, что если отдѣльные фабриканты и способны еще вести дѣла своихъ отдѣльныхъ фабрикъ, то никто уже, кромѣ организованныхъ рабочихъ, не способенъ взять въ свои руки общее руководство дѣлами хлопчатобумажной промышленности. А изъ этого ясно какъ день, что у фабрикантовъ остается теперь только одно призваніе: служить по найму управляющими на фабрикахъ организованныхъ рабочихъ.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

„Вѣчная смѣна формъ, вѣчное отверженіе формы, порожденной извѣстнымъ содержаніемъ или стремленіемъ, вслѣдствіе усиленія того же стремленія, высшаго развитія того же содержанія, — кто понялъ этотъ великій, вѣчный, повсемѣстный законъ, кто и іучился примѣнять его ко всякому явленію, — о, какъ спокойно призываетъ онъ шансы, которыми смущаются другіе!... Онъ не жалѣетъ ни о чемъ, отживающемъ свое время, и говоритъ: пусть будетъ, что будетъ, а будетъ въ к нцѣ концовъ все таки на нашей улицѣ праздникъ!„

Н. Г. Чернышевскій.

Почти немедленно по воцареніи Александра III охранительная печать торжественно увѣдомила читающую публику о томъ, что „правительство идетъ“. Это было очень странное извѣстіе, такъ какъ никто не подозрѣвалъ, что русское правительство находилось до того времени въ отсутствіи Но недоумѣніе публики продолжалось не долго. Скоро всѣ увидѣли, что подъ пришествіемъ правительства охранители понимаютъ пришествіе крайней реакціи. Казалось бы, что реакціонными мѣрами трудно удивить русскаго человѣка. Наши самодержцы никогда не заходили далеко по пути либерализма. Нѣсколько полулиберальныхъ полуреформъ, значеніе которыхъ, и безъ того уже очень ограниченное, тотчасъ же съуживалось разными добавленіями и прибавленіями, — вотъ все, на что рѣшались русскіе монархи даже во время самыхъ сильныхъ увлеченій своихъ либерализмомъ. При томъ же либеральный періодъ ихъ царствованія продолжался обыкновенно не долго. Пошаливъ полуреформами, они скоро приходили въ разсудокъ, остепенялись и по примѣру „возлюбленныхъ“, „въ Бозѣ почившихъ“ предковъ своихъ принимались за рѣшеніе истинной задачи русскаго царизма, которая заключается, какъ извѣстно, въ измышленіи всякаго рода „препонъ и препятствій“. Наконецъ, много-ли можно насчитать у насъ даже и такихъ, хоть на короткое время увлекавшихся либерализмомъ, самодержцевъ? Разъ, два, да и обчелся! Повторяемъ, русскаго человѣка трудно изумить реакціонными подвигами. Но Александру III удалось сдѣлать это трудное дѣло. Съ тѣхъ поръ, какъ онъ сѣлъ на прародительскій престолъ, русскіе люди только и дѣлаютъ, что изумляются. Каждый годъ, каждое полугодіе, почти каждый мѣсяцъ приноситъ съ собою новую „контръ-реформу“, и каждая новая контръ-реформа по своему реакціонному направленію далеко оставляетъ за собою всѣ предшествовавшія. Мы долго не кончили бы, если бы вздумали перечислять всѣ реакціонные подвиги Александра III. Достаточно сказать, что все царствованіе

его отца считается имъ одной сплошной ошибкой, вся правительственная система Александра II кажется ему крайне неблагонамѣренной, чуть-ли не якобинской. Извѣстно, что празднованіе двадцатипятилѣтія крестьянскаго освобожденія было запрещено въ Россіи. Извѣстно также, какъ ломаются теперь земскія и судебныя учрежденія. Нѣжный, почтительный сынъ рѣшился до конца истребить все сдѣланное „обожаемымъ родителемъ". И онъ ни передъ чѣмъ не останавливается для достиженія этой цѣли, онъ идетъ на проломъ, обнаруживая изобрѣтательность, настойчивость и неусыпность щедринскаго „помпадура борьбы", Ѳединьки Кротикова. Мы переживаемъ теперь періодъ реставраціи николаевскихъ порядковъ. Это и значитъ на языкѣ охранителей, что правительство *пришло*.

Переживаемая нами реставрація по отличительнымъ свойствамъ своимъ похожа на всѣ другія реставраціи: много лицемѣрія, много шуму, много свирѣпости, часто безцѣльной и безполезной, много реакціонной реторики и вмѣстѣ съ тѣмъ,—у всѣхъ сколько нибудь проницательныхъ сторонниковъ реакціи, — мало искренней вѣры въ успѣхъ предпринятаго дѣла. Сознаніе невозможности вернуть безвозвратно минувшее ставитъ обыкновенно гг. реставраторовъ въ двойственное, противорѣчивое положеніе. Они „искореняютъ" отдѣльныхъ личностей, ломаютъ учрежденія, разрушаютъ уже сложившіяся и окрѣпшія *формы* народной жизни, но часто даже и не пытаются остановить ея общаго, глубокаго *теченія*, идущаго совсѣмъ не туда, куда хотѣлось бы „*придти*" правительству. Мало того, теченіе это уноситъ ихъ съ собою и заставляетъ ихъ собственными руками доканчивать разрушеніе той самой основы, на которой только и могли бы укрѣпиться дорогіе имъ политическіе и соціальные порядки. Поэтому никакія реставраціи никогда и ничего на долго не раставрируютъ. Конечно, онѣ дѣлаютъ много зла какъ отдѣльнымъ лицамъ и сословіямъ, такъ и всей странѣ въ ея цѣломъ. Упавшимъ духомъ друзьямъ прогресса кажется подчасъ, что ненавистная имъ старина воскресла съ новыми силами. Но проходитъ нѣкоторое время, — и зданіе старыхъ порядковъ, „реставрированное" съ такимъ трудомъ, шумомъ и гвалтомъ, разлетается какъ карточный домикъ, а на развалинахъ его водворяются новыя общественныя формы, въ которыя необходимо должно было вылиться историческое теченіе страны. Жизнь оказывается безконечно сильнѣе полицейскихъ распоряженій, и какъ ни мудрятъ надъ нею „охранители", она въ концѣ концовъ обращаетъ себѣ на пользу даже ихъ реакціонныя „мѣропріятія".

Какъ ни усердно заняты своимъ дѣломъ помпадуры Александра III, но соціальный строй Россіи съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе удаляется отъ ихъ идеала. Въ глубинѣ народной жизни происходитъ безпощадная и безпрерывная ломка старыхъ порядковъ. Возникающія на ихъ мѣстѣ новыя отношенія частью еще не вполнѣ оформились, однако общій характеръ этихъ отношеній достаточно опредѣлился уже и въ настоящее время. Достаточно ясно и то, что эти новыя отношенія находятся въ полнѣйшемъ, непримиримомъ противорѣчіи съ стремленіями реакціонеровъ.

Разрушеніе старыхъ „устоевъ" народной жизни въ значительной

степени причиняется уже простымъ механическимъ давленіемъ государства на общину. Объ этомъ уже много было говорено въ русской литературѣ, поэтому нѣтъ надобности входить въ подробныя объясненія на этотъ счетъ. Укажемъ лишь на одно относящееся сюда и очень характерное явленіе. Передъ нами № 282 „Русскихъ Вѣдомостей“ за 1887 годъ. Мы находимъ тамъ слѣдующее извѣстіе: „**Смоленская губ.** За послѣдніе годы здѣсь особенно часто стали встрѣчаться **случаи досрочнаго выкупа крестьянами своихъ надѣловъ**. Результаты такихъ операцій уже начинаютъ обозначаться довольно ясно. Теперь для всякаго, даже не особенно наблюдательнаго человѣка, въ деревнѣ съ первыхъ же шаговъ замѣтно что-то неладное. Юхновскій уѣздъ, по числу выкупленныхъ надѣловъ, занимаетъ первое мѣсто въ губерніи. До 1887 г., какъ видно изъ данныхъ присутствія по крестьянскимъ дѣламъ, 167 лицами выкуплено 760 надѣловъ. Въ уѣздахъ же: Гжатскомъ, до 1886 года, выкуплено 224 лицами 629 над., въ Сычевскомъ, къ тому же времени, 174 лицами 498½ и въ Вяземскомъ 74 лицами только 222 надѣла. Въ остальныхъ уѣздахъ число выкуповъ, къ счастью, не такъ значительно. Замѣчательно то, что большій процентъ выкупленныхъ надѣловъ въ нашей губерніи приходится именно на уѣзды неплодородные и потому мало-земледѣльческіе, гдѣ крестьяне большую часть года питаются хлѣбомъ, покупаемымъ на деньги, добытыя въ большинствѣ случаевъ сторонними заработками, на каковые и уходитъ почти поголовно все мужское населеніе. (См. В.).“ Какъ вы думаете, читатель, чѣмъ объясняется такое противорѣчивое явленіе: крестьяне землей очевидно не дорожатъ, питаются покупнымъ хлѣбомъ и почти поголовно уходятъ на сторону, а между тѣмъ торопятся выкупить свои надѣлы? Не правда-ли, это очень странно? Было бы странно, если бы лежащіе на крестьянскихъ земляхъ платежи не превышали ихъ доходности. А теперь не только не странно, но какъ нельзя болѣе естественно. Такъ какъ земля у насъ во многихъ мѣстностяхъ не только не обезпечиваетъ благосостоянія крестьянина, но является для него источникомъ всякаго рода обремененій, то неудивительно, что онъ старается раздѣлаться съ нею. Самымъ вѣрнымъ средствомъ для этого является выкупъ земли и ея отчужденіе. И вотъ умножаются „досрочные выкупы надѣловъ“. Здѣсь представляется, повидимому, новое противорѣчіе: выкупаютъ до срока земли — значитъ имѣютъ деньги, а если имѣютъ деньги, то кажется ясно, что малоземелье и высокіе платежи не въ конецъ еще подорвали благосостояніе крестьянства и что толки о крестьяскомъ раззореніи неосновательны. Но и это противорѣчіе разрѣшается очень простымъ образомъ. Изъ наблюденій по другимъ губерніямъ видно, что досрочные выкупы часто производятся состоятельными крестьянами съ цѣлью оградить себя отъ увеличенія надѣла и связанныхъ съ нимъ платежей. Это, разумѣется, возможно только тамъ, гдѣ платежи превышаютъ доходность земель. Тамъ же, гдѣ между доходностью и платежами существуетъ обратное отношеніе, досрочные выкупы не всегда выгодны для состоятельныхъ крестьянъ, потому что увеличеніе надѣла приноситъ имъ прибыль, а не раззореніе. За то въ такихъ случаяхъ до-

срочный выкупъ совершается перѣдко бѣднѣйшими крестьянами, которымъ закабалившіе ихъ кулаки даютъ на него деньги, съ тѣмъ, чтобы присоединить выкупленную землю къ своимъ владѣніямъ (См. въ октябрской книжкѣ „Трудовъ Вольно-экономическаго Общества“ за 1887 г. статью г. Миллера о досрочныхъ выкупахъ въ Моршанскомъ и Кирсановскомъ уѣздахъ Тамбовской губерніи).

По какимъ бы сооображеніямъ ни совершались выкупы крестьянскихъ земель, они ведутъ къ разложенію общины уже по той причинѣ, что величина надѣловъ крестьянъ-собственниковъ остается неизмѣнной. За каждымъ домохозяиномъ упрочивается владѣніе именно тѣмъ числомъ десятинъ, за которое онъ внесъ выкупъ: на уменьшеніе своего надѣла каждый такой домохозяинъ согласится только тогда, когда налоги на землю превышаютъ ея стоимость. Но въ такомъ случаѣ ему выгоднѣе навсегда раздѣлаться съ землею, что онъ и не замедлитъ сдѣлать въ качествѣ собственника. Конечно, возможно еще и такое положеніе дѣлъ, при которомъ большинству членовъ общины выгоднѣе будетъ настаивать на новомъ передѣлѣ выкупленныхъ земель. Такъ называемыя „многодушныя семьи“, пользовавшіяся большимъ числомъ надѣловъ и вносившіе выкупъ за нихъ, могутъ стать, какъ говорятъ крестьяне, „малодушными“. Если такихъ семей окажутся много, то „міру“ выгоднѣе будетъ приступить къ новому передѣлу. Такіе случаи и происходятъ въ дѣйствительности, и на нихъ то особенно охотно ссылаются наши народники для доказательства прочности „устоевъ“: посмотрите, молъ, они съ успѣхомъ сопротивляются даже разлагающему вліянію выкупа. Но такіе случаи доказываютъ лишь то, что крестьянинъ не поцеремонится оттягать у своего сосѣда землю, если только къ тому представится возможность. Въ этомъ мы никогда не сомнѣвались. Но мы очень сомнѣваемся въ томъ, что многія общины крестьянъ-собственниковъ согласятся *повторять* подобные передѣлы. Для повторенія ихъ нужно довольно рѣдкое сочетаніе интересовъ, становящееся все менѣе и менѣе возможнымъ въ виду возрастающей запутанности всѣхъ деревенскихъ отношеній. Благодаря этой запутанности самые передѣлы земель являются въ современной общинѣ лишь дѣлежомъ добычи между деревенскими кулаками. Хотите-ли знать — почему? Пусть объяснитъ это одинъ изъ самыхъ горячихъ нашихъ народниковъ Н. Н. Златовратскій. „Передѣлъ все больше и больше теряетъ свое практически-раціональное значеніе и дѣлается игрой въ „свалку и навалку душъ“, при которой, на второй же день послѣ передѣла, только что уравненные надѣлы снова складываются въ прежнее statu quo, съ незначительными измѣненіями: надѣлы подбираются экономически-мощными хозяевами, иногда группирующими въ своихъ рукахъ до 8-10 надѣловъ, обработывать которые нанимаютъ батраковъ, между тѣмъ какъ сами хозяева этихъ надѣловъ уходятъ въ города, въ заработки или въ батраки на собственные надѣлы.“

Современный „міръ“ взваливаетъ на крестьянина такую массу тяготы и отвѣтственности, что бѣдняки стараются просто раздѣлаться съ землею, люди же зажиточные, имѣющіе возможность обработывать землю, часто стремятся раздѣлаться по крайней мѣрѣ съ общиной.

Въ Елисаветградскомъ уѣздѣ Херсонской губерніи крестьяне, выкупившіе свои надѣлы, „подавали заявленія съ надлежащими документами о зачисленіи ихъ въ разрядъ частныхъ землевладѣльцевъ, особо отъ земли сельскаго общества“ (Русскія Вѣдомости, № 301, 1887 г.). Херсонская казенная палата не уважила ихъ ходатайства и наши народники, вѣроятно, очень благодарны ей за это. Но когда извѣстное стремленіе коренится въ экономическихъ условіяхъ общества, его не подавятъ никакія палаты. Община прочно держалась до тѣхъ поръ, пока держаться за нее выгодно было общинникамъ. Теперь, когда она, утративъ всѣ свои выгодныя стороны, становится простымъ орудіемъ угнетенія крестьянства, она быстро идетъ къ разложенію. Она должна быть разрушена и она разрушается и разрушится окончательно если не тѣмъ, такъ другимъ путемъ.

Посмотрите, какъ все въ современной русской жизни способствуетъ ея разрушенію. Правительство хотѣло оказать поддержку крестьянскому землевладѣнію и устроило крестьянскій поземельный банкъ. Народники не замедлили умилиться при сей вѣрной оказіи, и уже заранѣе говорили о предстоящемъ упроченіи устоевъ. Вышло, однако, не то. Не угодно-ли вамъ вникнуть въ отчетъ о дѣятельности крестьянскаго банка въ 1888 году (Русскія Вѣдомости, Декабрь, 1889 г. №№ 358 и 360). Изъ отчета видно, что въ 1888 г. банкомъ были выданы ссуды по 1,057 сдѣлкамъ. Покупщиками явилось 25,187 домохозяевъ, которыми пріобрѣтено 190,463 десятины. Спрашивается, какую роль играли въ этомъ пріобрѣтеніи наши знаменитые „устои“? „Изъ всего количества пріобрѣтенной при содѣйствіи банка земли наибольшая часть, около 100,000 дес. или болѣе 52 проц. пріобрѣтено товариществами крестьянъ, 87 т. дес. или 46 проц. — сельскими обществами и около 3 т. дес. или 2 проц. — отдѣльными крестьянами“. Уже однѣ эти цифры должны были бы показать народникамъ, что дѣятельность крестьянскаго банка гораздо болѣе способствуетъ разрушенію „усто въ“, чѣмъ ихъ упроченію. Что такое эти покупающія землю товарищества? Изъ какихъ крестьянъ они составляются? Изъ тѣхъ же общинниковъ — но только общинниковъ, отличающихся большей степенью зажиточности, нежелающихъ имѣть дѣло съ сельской бѣднотой и потому составившихъ изъ себя при покупкѣ земель новыя группы. Такимъ образомъ, эти товарищества представляютъ собой продуктъ все того же „слоенія деревни“, раздѣленія ея на пролетаріевъ и богачей, или, по крайней мѣрѣ, „состоятельныхъ домохозяевъ“. Этому послѣднему слою досталось, какъ мы видѣли, больше половины земель, купленныхъ въ 1888 году при содѣйствіи крестьянскаго банка. Этотъ слой и прежде господствовалъ надъ бѣднотой, благодаря своей зажиточности. Крестьянскій банкъ дѣлаетъ его еще болѣе зажиточнымъ, а слѣдовательно даетъ ему новыя средства для поѣданія бѣдноты. Такимъ образомъ, процессъ „слоенія деревни“ еще болѣе усиливается. Можно, конечно, утѣшать себя немного тѣмъ соображеніемъ, что, по крайней мѣрѣ, меньшая часть купленныхъ при содѣйствіи банка земель досталась *сельскимъ обществамъ*, а не однимъ только богатымъ домохозяевамъ. Но и это утѣшеніе въ значительной степени отнимается у насъ такого рода

данными: „среднія цифры, характеризующія размѣры содѣйствія банка, распредѣляются по тремъ группамъ покупщиковъ слѣдующимъ образомъ: причитается на душу купленной земли: у сельскихъ обществъ — 1,88 дес., у товариществъ — 2,92 дес, и у отдѣльныхъ крестьянъ — 4.51 дес. Такимъ образомъ, у сельскихъ обществъ, у этой наиболѣе заслуживающей вниманія и поддержки группы покупщиковъ, количество купленной земли значительно менѣе, нежели при покупкахъ товарищескихъ". Мало того, „средняя цѣна купленной сельскими обществами десятины оказывается много дешевле, чѣмъ у товариществъ; меньше и размѣръ выдаваемыхъ банкомъ ссудъ." Въ отчетѣ не сказано, къ сожалѣнію, чѣмъ объясняется это послѣднее обстоятельство. Но оно могло произойти только отъ двухъ причинъ: или сельскимъ обществамъ досталась земля худшаго качества, чѣмъ товариществамъ и отдѣльнымъ крестьянамъ, или общества эти выступали покупщиками преимущественно въ губерніяхъ съ малоцѣнными землями, между тѣмъ какъ въ болѣе населенныхъ губерніяхъ главными пріобрѣтателями были только представители зажиточнаго слоя деревни. Вѣроятнѣе, впрочемъ, что дѣйствовали обѣ эти причины вмѣстѣ: съ одной стороны лучшія земли попали въ руки товариществъ, которымъ, при большей состоятельности ихъ членовъ покупка гораздо сподручнѣе, чѣмъ цѣлымъ обществамъ; а съ другой — сельскія общества должны проявлять больше крѣпости въ губерніяхъ отдаленныхъ отъ центровъ и менѣе населенныхъ, гдѣ процессъ „слоенія деревни" пока еще гораздо слабѣе. Поэтому сельскія общества и выступали, вѣроятно, главными покупщиками земли въ этихъ губерніяхъ.

Не подумайте, что только въ 1888 году товариществамъ зажиточныхъ домохозяевъ удалось оттѣснить на задній планъ сельскія общества. Это явленіе замѣчалось и прежде, хотя несомнѣнно, что прежде оно было нѣсколько слабѣе. „Вообще съ каждымъ дальнѣйшимъ годомъ дѣятельность банка направляется все болѣе и болѣе въ сторону содѣйствія товарищескимъ покупкамъ" — говорятъ по этому поводу „Русскія Вѣдомости .

Не подумайте также, что „устои" окончательно упрочились въ тѣхъ сельскихъ обществахъ, которымъ удалось увеличить душевой надѣлъ своихъ членовъ въ среднемъ на 1,88 десятины. Во-первыхъ, это ничтожное увеличеніе само по себѣ ничего упрочить не можетъ, а во-вторыхъ, есть серьезныя основанія думать, что эти прикупленныя земли послужатъ именно новой причиной разложенія общины. На какихъ основаніяхъ совершается распредѣленіе купленной земли между членами сельскихъ обществъ? Объ этомъ ничего не говорятъ наши изслѣдователи. Но не трудно видѣть, что въ огромнѣйшемъ большинствѣ случаевъ оно должно совершаться на тѣхъ же основаніяхъ, на какихъ распредѣляются *выкупленныя* надѣльныя земли: кто больше внесъ денегъ, тотъ и земли больше получаетъ. Разъ этотъ принципъ установится по отношенію къ купленнымъ землямъ, онъ не только косвенно будетъ способствовать дальнѣйшему „слоенію деревни", но и прямо подорветъ своимъ вліяніемъ прочность общинныхъ обычаевъ, сложившихся при господствѣ естественнаго,

а не денежнаго хозяйства. Наконецъ, вѣдь не одна только бѣдность и не одно малоземелье ведетъ къ разложенію общины. Гдѣ землею дорожатъ, а дорожить ею можно только въ томъ случаѣ, если ея достаточно для сколько нибудь сноснаго хозяйства — тамъ у зажиточной части крестьянства является новый соблазнъ къ поѣданію бѣдноты, а слѣдовательно и къ разложенію общины. Нѣкоторые наши изслѣдователи прямо говорятъ, что община разлагается всего сильнѣе тамъ, гдѣ владѣніе землею всего выгоднѣе крестьянамъ. Не будутъ-ли нѣкоторыя сельскія общества поставлены именно въ такія выгодныя условія покупками земель съ помощью банка?

Нужно, впрочемъ, замѣтить, что часто купленная крестянами земля не удерживается въ ихъ рукахъ уже потому, что они оказываются не въ состояніи правильно расплачиваться съ банкомъ. Извѣстно, что банкъ выдаетъ крестьянамъ только часть, — правда, наибольшую часть — суммы, необходимой для уплаты за покупаемую ими землю; другая же часть доплачивается продавцу ими самими. Вотъ эти-то „доплаты" и являются часто источникомъ крестьянскаго раззоренія. Не желая упустить продаваемый участокъ изъ своихъ рукъ, крестьянинъ входитъ въ долги, или „спускаетъ за безцѣнокъ свой инвентарь, лишь бы выполнить условія сдѣлки съ продавцомъ. Результатомъ подобныхъ сдѣлокъ сплошь и рядомъ является совершенная невозможность со стороны крестьянъ-собственниковъ обработывать свою вновь пріобрѣтенную землю, отсюда и недоимки въ погашеніи долга банку (см. корреспонденцію изъ Екатеринослава, перепечатанную въ № 292 Русс. Вѣд. 1887 г. изъ „Одесскаго Вѣстника"). Крестьянскому банку, разумѣется, остается только продавать земли несостоятельныхъ плательщиковъ, что онъ и дѣлаетъ съ энергіей, которой очень и очень могло бы позавидовать правленіе дворянскаго банка.

„При первыхъ случаяхъ продажи крестьянскимъ банкомъ земли, купленной при его содѣйствіи, — говоритъ „Русская Мысль" — можно было еще утѣшать себя надеждой, что это будутъ единичные случаи, не имѣющіе значенія въ совокупности всей операціи, подъ которой разумѣлось нѣкоторое частное исправленіе, при помощи банка, крестьянскаго малоземелья. Но теперь, когда число этихъ случаевъ все возрастаетъ и продажи начинаютъ принимать значительные размѣры, можетъ возникнуть именно общій вопросъ: чѣмъ собственно представляется, въ конечномъ результатѣ, дѣятельность банка и къ какимъ послѣдствіямъ она можетъ повести въ своей совокупности? Поведетъ-ли дѣятельность банка къ округленію и упроченію крестьянскаго землевладѣнія или къ нѣкоторой его ликвидаціи?" (Январь, 1890, внутреннее обозрѣніе, стр. 230,).

Заводя крестьянскій земельный банкъ, правительство хотѣло поддержать *крестьянство вообще*. На дѣлѣ же оказалось что оно, своимъ банкомъ, поддерживаетъ только *извѣстную часть крестьянства*, только зажиточный его слой, бѣднота же, благодаря ему, станетъ еще бѣднѣе, и все больше будетъ превращаться въ пролетаріатъ.

Да и что можетъ сдѣлать правительство для обезпеченія б та этой бѣдноты? Ея хозяйственнаго положенія не улучшишь никакими бан-

ками. Чтобы обезпечить его, нужна цѣлая экономическая революція. Читали-ли вы статью г. Никифорова „О причинахъ экономическаго оскудѣнія крестьянъ Волжско-Камскаго края" во 2-ой книжкѣ „Сѣвернаго Вѣстника" за 1888 г.? Статья эта способна привести въ разсудокъ самаго упрямаго оптимиста. Изъ нея онъ узнаетъ много самыхъ поразительныхъ вещей. Узнаетъ, напримѣръ, что на всемъ пространствѣ обширнѣйшаго Волжско-Камскаго края, этой „житницы Россіи", крестьяне страшно страдаютъ отъ малоземелья, такъ какъ многіе и многіе изъ нихъ имѣютъ *менѣе двухъ десятинъ на душу*. Число такихъ крестьянъ простирается въ Оренбургской губ. до 58,9 проц., въ Самарской и Саратовской до 42 проц. въ Казанской и Уфимской до 39 проц., въ Пермской и Симбирской до 32 проц. и т. д. Всѣ такіе крестьяне уже по малоземелью своему являются кандидатами на званіе пролетаріевъ, но государство ускоряетъ раззореніе ихъ хозяйствъ своимъ экономическимъ давленіемъ. По вычисленіямъ г. Никифорова „оказывается, что сумма платежей съ лежащими нынѣ на крестьянахъ долгами, больше чистаго крестьянскаго урожая *) въ губ рніяхъ: Тверской почти въ десять разъ (больше на 991,6 проц.), въ Вятской — больше въ 3, 5 раза; въ Костромской — въ 1, 5 раза (154 проц.); въ Ярославской платежи превышаютъ стоимость чистаго сбора хлѣбовъ на 121 проц., въ Саратовской— на 93 проц., въ Самарской—на 72 проц., въ Нижегородской на 69 проц., въ Казанссой на 54 проц., въ Оренбургской продажа чистаго урожая не только не въ состояніи погасить текущіе платежи, но еще на продовольствіе не хватаетъ хлѣба на 1,380,000 рублей". Такое положеніе дѣлъ вынуждаетъ крестьянъ бросать свои хозяйства и идти въ отхожіе промыслы, чтобы какъ нибудь свести концы съ концами. Число крестьянъ, уходящихъ въ отхожіе промыслы постоянно возрастаетъ. Во многихъ селеніяхъ лѣтомъ не остается „буквально *ни одного мужика рабочаго возраста*, при чемъ всѣ надѣльныя земли, покидаемыя крестьянами, сдаются въ большинствѣ случаевъ *за ничтожную цѣну, не составляющую и четверти лежащихъ на нихъ платежей*" (курсивъ г. Никифорова). А мы-то все радуемъ себя соображеніями о томъ, что нашъ рабочій тотъ же крестьянинъ, что онъ только зимой работаетъ на фабрикѣ, а лѣтомъ спѣшитъ возвратиться подъ власть земли! Было такъ когда-то, но теперь дѣло уже измѣнилось, и чѣмъ дальше, тѣмъ больше будетъ оно измѣняться, такъ какъ новые порядки быстро распространяются на новыя и новыя мѣстности. Теперь крестьянинъ въ огромномъ числѣ случаевъ уже тяготится своимъ надѣломъ; если онъ, тѣмъ не менѣе, возвращается въ деревню изъ своихъ скитаній на заработкахъ, то очень часто не въ силу „власти земли", а единственно только въ силу *власти полиціи*. Тяготится онъ, какъ мы уже видѣли и общиной. „Мужикъ-общинникъ превращается городскимъ вліяніемъ въ мужика-индивидуалиста и явившись въ деревню насмѣхается надъ мірской властью — печально повѣствуетъ г. Никифоровъ — онъ уже не уживается въ одномъ домѣ съ родителями и старшимъ бра-

*) „Т. е. урожая за вычетомъ посѣва и минимальнаго количества хлѣба, необходимаго по казенной нормѣ на продовольствіе".

томъ, власть которыхъ ему, индивидуализировавшемуся (батюшки, какое ужасное слово!) бродягѣ уже не снести. Наступаютъ усиленные семейные раздѣлы... За усиленными семейными раздѣлами послѣдовали и передѣлы общинной земли на подворные участки. Община разлагалась (у г. Никифорова очевидно не поднялась рука написать: община *разлагается*, поэтому онъ предпочелъ прошедшее время). Въ мѣстностяхъ съ наименьшимъ земельнымъ обезпеченіемъ процессъ разложенія общины принялъ поражающе острый характеръ. Такъ въ Ярославской губерніи, по словамъ губернаторскаго отчета, передѣлили землю на подворные участки въ 1880 г. — 13 сельскихъ обществъ, въ 1881 г. — 49, въ 1882 г. — 77, и въ 1885 г. число обществъ, перешедшихъ съ общиннаго владѣнія на подворное достигло уже 100 ...Когда дробилась семья и разрушалась община — одновременно совершалось и *слоеніе* деревни, неизвѣстное дотолѣ крестьянству. Быстро формировался, съ одной стороны, сельскій пролетаріатъ, а съ другой выросталъ кулакъ, еще туже затягивавшій петлю надъ деревней. Народилась кабала, ставшая самостоятельнымъ факторомъ въ процессѣ разложенія общины".

Общины не спасли бы теперь никакіе реакціонные помпадуры и никакіе народники, даже въ томъ случаѣ, если бы мѣры, принимаемыя для ея спасенія и не обращались логикой вещей въ новыя причины ея погибели. Община погибнетъ, потому что существованіе ея не имѣетъ теперь никакого экономическаго смысла. Она является теперь, въ рукахъ кулаковъ и въ рукахъ государства, лишь орудіемъ эксплуатаціи народа. Но и въ этомъ качествѣ она оказывается очень устарѣлой, поэтому за нее не будутъ крѣпко держаться ни кулаки, ни государство.

Пусть справедливость нашихъ словъ подтвердитъ уже цитированный нами, убѣжденный, горячій народникъ. „Мы можемъ указать въ особенности на большія села, которыя представляютъ характерные примѣры особаго рода землевладѣнія, именно „общинъ землевладѣльцевъ", а не „общинъ земледѣльцевъ„,—свидѣтельствуетъ Златовратскій. Въ этихъ селахъ фактически владѣютъ землей изъ 700 душъ всего 40 хозяевъ, которые берутъ на себя обработку всей земли, нанимая на время лѣтнихъ работъ цѣлыя арміи батраковъ. Настоящій же *„правовой"* хозяинъ земли ходитъ въ заработкахъ или просто по міру... Вы совершенно поражаетесь, когда видите, что въ селахъ съ 500—700 душъ весь сельскій сходъ состоитъ только изъ 40 человѣкъ, да изъ нихъ *только* половина работаетъ сама, а прочіе — лавочники, кабатчики, кулаки, „хозяева", собственно же рабочая масса, — женщины, батраки и владѣльцы надѣловъ, ушедшіе въ заработки, — не принимаютъ тутъ никакого участія и на сходъ не ходитъ. Вслѣдствіе всего этого весь хозяйственный инвентарь все больше сосредоточивается въ рукахъ незначительнаго меньшинства; большинство теперь почти совсѣмъ перестаетъ его заводить и начинаетъ *жить на хлѣбахъ*".—Скажите, читатель, кому польза отъ существованія этихъ „общинъ землевладѣльцевъ"? Конечно ужь не сельской бѣднотѣ, это разумѣется само собою. Кулакамъ? Во первыхъ, намъ до нихъ выгодъ нѣтъ никакого дѣла, а во вторыхъ не трудно было бы показать, что

и имъ, говоря вообще, выгоднѣе поскорѣе размежеваться. Но объ этомъ когда нибудь въ другой разъ.

Въ дѣлѣ охраненія и упроченія устоевъ очень многіе разсчитываютъ у насъ на крестьянскія переселенія. Къ переселеніямъ относились у насъ сочувственно всѣ партіи, кромѣ помѣщичьей, которая всегда боялась, что переселенія уменьшатъ число дешевыхъ рабочихъ рукъ и выгодныхъ съемщиковъ земель, принадлежащихъ крупнымъ владѣльцамъ. Подъ вліяніемъ помѣщичьей партіи правительство долго откладывало рѣшеніе этого вопроса, но наконецъ собралось таки съ духомъ и обнародовало въ прошломъ году законъ о переселеніяхъ. Этотъ законъ, такъ называемый законъ 13 Іюля, во всѣхъ своихъ подробностяхъ разобранъ уже въ нашей „легальной“ печати. Такимъ образомъ читателямъ навѣрное уже хорошо извѣстно, что онъ страдаетъ многими недостатками. Новый законъ не обѣщаетъ переселенцамъ никакихъ пособій, поэтому переселяться будетъ по прежнему лишь болѣе состоятельная часть крестьянства. Каждое отдѣльное переселеніе связано съ длиннѣйшимъ рядомъ формальностей, съ истинно „нестерпимой“ административной „волокитой“. По шестой статьѣ закона 13-го Іюля образованіе переселенческихъ участковъ допускается лишь въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ это не принесетъ „ущерба выгодамъ казны“, т. е. иначе сказать, переселенцамъ не будутъ предоставляться тѣ (конечно лучшія земли), которыя казна можетъ сдавать въ аренду на выгодныхъ условіяхъ. Наконецъ, новый законъ воспрещаетъ самовольныя переселенія крестьянъ подъ страхомъ административнаго возвращенія ихъ на родину. Въ виду всего этого трудно даже и рѣшить теперь, увеличитъ или уменьшитъ новый законъ число крестьянскихъ переселеній. Но допустимъ, что онъ увеличитъ ихъ, допустимъ также, что современемъ онъ будетъ доведенъ до всевозможнаго совершенства. Въ какомъ смыслѣ можетъ повліять онъ на экономическій строй крестьянской жизни?

При обсужденіи этого вопроса, какъ и во всѣхъ другихъ случаяхъ, необходимо прежде всего помнить дѣйствительное положеніе *современной* Россіи. Было время, когда переселенія, происходившія главнымъ образомъ по народному почину и очень часто даже вопреки явно выраженной волѣ правительства, дѣйствительно содѣйствовали у насъ упроченію старыхъ порядковъ крестьянской жизни. Если Сибирь, Заволжскій край, Новороссія и Прикавказье вовсе не стояли въ такихъ отношеніяхъ къ центральной Россіи, въ какихъ стоятъ европейскія колоніи къ своимъ метрополіямъ, то это происходило потому, что и въ центральной Россіи и во всѣхъ заселенныхъ русскими выходцами мѣстностяхъ тонъ экономической жизни задавался крестьянствомъ, жившимъ при условіяхъ естественнаго хозяйства. Современное отношеніе колоній къ метрополіямъ предполагаетъ товарное производство и широкое раздѣленіе труда, котораго не знала крестьянская Россія. Такъ было прежде. Но развитіе русскаго капитализма придало современнымъ русскимъ переселеніямъ совершенно новый смыслъ. Въ этомъ убѣдятъ читателя „Статистическія свѣдѣнія о современномъ состояніи Сибири“, приложенныя къ книгѣ г. Ядринцева: „Сибирь какъ колонія“. Свѣдѣнія эти показываютъ, что притокъ переселен-

цевъ въ Сибирь изъ центральныхъ, *промышленныхъ* губерній Россіи совершенно ничтоженъ. Такъ, въ періодъ времени отъ 1846 по 1878 годъ въ Тобольскую губернію выселилось: изъ Владимірской губ. 91 чел., изъ Московской 22, изъ Тульской 429, изъ Ярославской ни одного. Между тѣмъ изъ *земледѣльческихъ* губерній въ то же время выселилось: изъ Воронежской 5427 человѣкъ, изъ Пензенской 2312, изъ Витебской 2.343, изъ Курской — 5.337, изъ Псковской 7,031. Вѣдомость о переселеніи крестьянъ въ Томскую губернію охватываетъ лишь 1870 - 1879 гг. По свѣдѣніямъ томской казенной палаты оказывается, что между тѣмъ какъ изъ Тамбовской губ. переселилось за это время 2,177 человѣкъ, изъ Воронежской 1,855, изъ Самарской 1,054, — изъ Владимірской губ. выселилось только 383 человѣка, изъ Московской же и Ярославской губ., повидимому, не переселилось ни одного. Вѣдомость о переселеніи крестьянъ изъ внутреннихъ губ. Россіи въ Алтайскій горный округъ даетъ слѣдующія цифры за 1866 - 77 гг.: изъ Пермской 1.131, изъ Самарской — 906, изъ Воронежской — 1,217, изъ Тамбовской — 1,376, изъ Владимірской — 43, изъ Московской — 4, изъ Тверской — 9, изъ Ярославской ни одного. До 1863 года наибольшее число переселенцевъ давали главнымъ образомъ земледѣльческія губ., какъ Тамбовская, Воронежская, Пензенская, Калужская, Орловская и Курская. Положимъ, что это отчасти объясняется преобладаніемъ въ этихъ губерніяхъ государственныхъ крестьянъ, переселеніе которыхъ не могли закрѣпощать помѣщики, но и послѣ 19-го Февраля, когда къ переселенцамъ изъ перечисленныхъ губерній присоединилось множество выходцевъ изъ губерній заволжскихъ, центральная, промышленная полоса Россіи продолжаетъ, какъ мы видѣли, принимать въ переселеніяхъ лишь самое ничтожное участіе. Дайте себѣ трудъ слѣдить въ теченіе нѣкотораго времени за свѣдѣніями о переселеніяхъ, часто сообщаемыми въ нашихъ періодическихъ изданіяхъ; вы увидите, во-первыхъ, что переселенцы продолжаютъ направляться на окраины исключительно изъ земледѣльческихъ губ. *); вы увидите также, что изъ этихъ губерній переселяется не столько бѣднота, сколько средній деревенскій слой, дорожащій землею, но не имѣющій достаточныхъ надѣловъ. Сельская бѣднота и въ этихъ губерніяхъ уже не думаетъ о переселеніяхъ, а идетъ въ отхожіе промыслы, ищетъ заработка въ батракахъ. Въ центральныхъ же, промышленныхъ губерніяхъ о переселеніяхъ не думаетъ, какъ мы видѣли, почти никто, потому что тамъ преобладаютъ уже не земледѣльческіе, а промышленные интересы. Вслѣдствіе этого, даже самая широкая организація крестьянскихъ переселеній не могла бы отразиться непосредственно на экономическихъ отношеніяхъ центральной, промышленной Россіи. Правда, ея посредственное вліяніе было бы очень велико: она пове-

*) Русское правительство знаетъ это очень хорошо. Министерство внутреннихъ дѣлъ, собиравшее въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ свѣдѣнія о переселеніяхъ, пришло къ тому выводу, что въ нихъ нуждаются лишь слѣдующія губ.: Тульская, Рязанская, Тамбовская, Пензенская, Воронежская, Орловская, Курская, Черниговская, Полтавская, Харьковская, Симбирская и Казанская. Какія это губерніи? Земледѣльческія, или промышленныя?

ла бы, во-первыхъ, къ созданію новыхъ рынковъ на окраинахъ, а во вторыхъ, къ увеличенію покупательной силы населенія земледѣльческихъ губерній, избавленныхъ отъ нынѣшняго малоземелья. Увеличеніе спроса на произведенія промышленныхъ мѣстностей Россіи повело бы частью къ увеличенію спроса на рабочія руки, а слѣдовательно къ нѣкоторому улучшенію участи сельской бѣдноты, стремящейся на заработки, частью же оно повело бы за собою усовершенствованіе способовъ фабричнаго производства. Все это, разумѣется, было бы очень хорошо. Но могло-ли бы это помѣшать развитію капитализма? Напротивъ, все это усилило бы его развитіе, а слѣдовательно и разложеніе старыхъ устоевъ. Такимъ образомъ, мы видимъ, что по какой-то странной игрѣ экономическихъ силъ всѣ проэкты, придуманные нашими народниками для борьбы съ капитализмомъ, пошли бы и отчасти уже идутъ при своемъ осуществленіи ему на пользу. А можетъ быть въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго? Можетъ быть иного и ожидать нельзя въ тѣхъ странахъ, которыя уже попали на слѣдъ естественнаго закона капиталистическаго развитія? Мы не станемъ спорить съ читателемъ, если онъ вздумаетъ настаивать на такомъ объясненіи.

Не менѣе чѣмъ о крестьянскомъ банкѣ и о переселеніяхъ, наша печать толкуетъ теперь о кустарной промышленности. Положеніе русскихъ кустарей съ каждымъ годомъ дѣлается все болѣе и болѣе затруднительнымъ. Борьба со скупщиками и фабрикантами все болѣе становится для нихъ непосильною. Объ этомъ печатается теперь много извѣстій, мы приведемъ только одно. Недавно г. Штанге, въ своемъ докладѣ кустарному отдѣленію общества для содѣйствія русской промышленности и торговлѣ, такъ характеризовалъ положеніе кустарей знаменитаго села Павлова: „Въ Павловѣ населеніе развито, съ большимъ чувствомъ человѣческаго достоинства; нищенства нѣтъ, а, напротивъ, внѣшній видъ села богатъ... шелковую шубку можно встрѣтить изрѣдка и на женѣ кустаря, въ домахъ кустарей чистота, на окнахъ цвѣты, стѣны оклеены хорошими обоями. Но все это остатки прежняго благополучія; теперь уже не сошьешь шубки и не поправишь избы; многія семьи питаются мѣсяцами однимъ хлѣбомъ, да и того не досыта, а между тѣмъ вся семья — жена, мать, дѣти, сидятъ за работой съ 1 часу ночи и до поздняго вечера; въ избѣ не топлено, освѣщеніе — лучина, работники почти голые.“ Источникъ такого печальнаго положенія докладчикъ видитъ во вредномъ вліяніи скупщиковъ, которые берутъ издѣлія кустарей за безцѣнокъ, и тѣмъ понижаютъ ихъ доходъ до ничтожнаго уровня. „Лѣтъ семь тому назадъ давняя ихъ борьба противъ кустарей увѣнчалась успѣхомъ, и всѣ дѣла общества села Павлова перешли въ ихъ руки... Эти господа съумѣли обойти земство, власти, захватить всякую помощь, адресуемую извнѣ кустарямъ, а послѣднихъ чуть-ли не довести до голодной смерти“ („День“, № 570, 11 января 1890 г.). Бѣдные кустари обратились къ „высшему правительству“ съ прошеніемъ, которое подписано 500 съ лишнимъ отцовъ семействъ и въ которомъ они молятъ о скорой помощи. Говорятъ, что къ этому прошенію сочувственно отнеслись министерства финасовъ и государственныхъ иму-

ществъ, а земство съ своей стороны поспѣшило, какъ говорится у насъ, придти къ нимъ на помощь. Кустарямъ наобѣщали множество самыхъ пріятныхъ и полезныхъ вещей: открытіе въ Павловѣ ломбарда съ выдачею ссудъ подъ издѣлія, учрежденіе конторы для правильнаго непосредственнаго сбыта товаровъ; расширеніе существующаго музея для поднятія техники производства и проч. Теперь кустари должны быть очень довольны тѣмъ, что имъ пришло въ голову обратиться къ „высшему правительству". Неизвѣстно только, въ какой мѣрѣ будутъ сдержаны данныя имъ обѣщанія, и не съумѣютъ-ли какъ нибудь на новый манеръ извернуться скупщики и фабриканты, которые въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ были воротилами даже въ пресловутомъ „всесословномъ" земствѣ. Газета „День" смотритъ на этотъ вопросъ очень оптимистически, она говоритъ, что теперь „видимо владычеству кулаковъ наступаетъ конецъ." Мы, по свойственному намъ пессимизму, не раздѣляемъ этой пріятной увѣренности. Кустарямъ давно уже обѣщаютъ „придти къ нимъ на помощь", они терпѣливо ждутъ помощи, а она или не приходитъ совсѣмъ, или даже попадаетъ иногда, какъ увѣряетъ г. Штанге, въ руки все тѣхъ же скупщиковъ и фабрикантовъ; такимъ образомъ, „барина все нѣту, баринъ все не ѣдетъ"...

Ну, а что, если онъ, наконецъ, пріѣдетъ? Мы лично думаемъ что онъ никогда не сдѣлаетъ этого, но, по принятому нами обыкновенію, мы не навязываемъ своего мнѣнія читателю, а хотимъ, напротивъ, внимательно вдуматься въ вѣроятныя и возможныя послѣдствія предполагаемаго пріѣзда „барина". Итакъ, вообразимъ, что онъ пріѣхалъ, и притомъ пріѣхалъ къ кустарю вообще, а не къ одному павловцу, т. е. что помощь кустарямъ не ограничилась предѣлами нѣсколькихъ селеній. Кустарей у насъ считается около семи милліоновъ; но допустимъ, что ихъ только три милліона. Сколько милліоновъ рублей нужно для того, чтобы оказать имъ серьезную матеріальную помощь? Мы отъ себя ничего не подсказываемъ читателю, пусть онъ дѣлаетъ какую ему угодно смѣту, пусть онъ доводитъ въ своихъ разсчетахъ искомую цифру до минимума. Онъ во всякомъ случаѣ согласится что денегъ для помощи кустарямъ нужно много, очень много. Допустимъ теперь, хотя и не имѣемъ для этого достаточнаго основанія, что деньги кустарямъ даны. Что сдѣлаютъ они съ этими деньгами? Сдѣлаютъ то, что подсказываетъ имъ ихъ экономическое положеніе: это ясно. Но что же именно можетъ подсказать оно имъ? Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, нужно выяснить себѣ, что такое кустарь, какъ производитель. Въ этомъ отношеніи кустарь характеризуется тремя признаками: 1) въ своей мастерской онъ болѣе или менѣе самостоятеленъ; 2) онъ работаетъ не по заказу, какъ ремесленникъ, а для сбыта на большомъ внутреннемъ, а отчасти даже и заграничномъ, рынкѣ, требованія котораго ему не могутъ быть извѣстны, и 3) въ своихъ способахъ производства онъ является очень и очень отсталымъ. Мы говоримъ, что даже въ своей мастерской кустарь является лишь болѣе или менѣе самостоятельнымъ. И въ самомъ дѣлѣ, кустарь нерѣдко имѣетъ нѣсколькихъ „работничковъ", которые въ скоромъ времени разсчиты-

ваютъ стать самостоятельными производителями. Черезъ положеніе „работничка“ случается проходить многимъ кустарямъ, а потому самостоятельность ихъ и является лишь относительною. Другіе изъ указанныхъ нами признаковъ не нуждаются ни въ поясненіяхъ, ни въ доказательствахъ. Посмотримъ же теперь, какъ отразилось бы на положеніи кустарей устройство, положимъ, хоть банка для содѣйствія кустарной промышлености. Чтобы успѣшно бороться съ крупными производителями, кустарямъ нужно прежде всего усвоить новѣйшіе способы производства. Въ значительномъ числѣ случаевъ это окажется невозможнымъ для нихъ потому, что новѣйшіе способы производства требуютъ для своего примѣненія обширныхъ мастерскихъ; въ маленькой же мастерской кустаря они непримѣнимы. Положимъ, что нѣкоторые кустари заведутъ артели. Но вѣдь не всѣ заведутъ ихъ; какъ же устроятъ свои дѣла кустари, не вошедшіе въ артели? У однихъ способы производства окажутся лучше, у другихъ хуже, одни станутъ работать съ помощью болѣе или менѣе усовершенствованныхъ пріемовъ, другіе вынуждены будутъ придерживаться старины. Вотъ уже вамъ первая причина возростанія неравенства между кустарями: тѣ, которые окажутся въ состояніи завести болѣе совершенные способы производства, явятся опасными конкуррентами отсталыхъ производителей. Пойдемъ далѣе. Выдавая ссуды покупателямъ земли, крестьянскій банкъ не лишаетъ ихъ права обработывать купленные участки съ помощью батраковъ. Если бы даже законодатель и захотѣлъ запретить имъ это, то онъ не имѣлъ бы никакой возможности слѣдитъ за исполненіемъ закона. То же было бы и съ воображаемымъ „кустарнымъ“ банкомъ. Поэтому получаемыя изъ него ссуды нерѣдко шли бы на наемъ лишнихъ „работничковъ“. Вотъ вамъ другая причина усиленія неравенства между кустарями. Пойдемъ еще далѣе. Кустари работаютъ, сказали мы, не на заказъ, какъ ремесленники, а на обширный, отчасти даже заграничный, рынокъ, требованія котораго имъ никогда не извѣстны въ точности; они работаютъ на обумъ, какъ и крупные предприниматели. Къ чему же ведетъ неизвѣстность требованій рынка и вообще современная анархія въ производствѣ? Она ведетъ къ колебаніямъ цѣнъ и къ кризисамъ. Какъ отражаются кризисы на положеніи отдѣльныхъ предпринимателей? Слабые раззоряются, сильные богатѣютъ. Спасетъ-ли правительственный кредитъ кустарей отъ такого рода рыночныхъ вліяній? Не только не спасетъ, но, напротивъ, обезпечивая за ними болѣе дѣятельную роль на рынкѣ, онъ тѣмъ болѣе усилитъ ихъ зависимость ото всѣхъ его законовъ. Слѣдовательно, вліяніе рынка съ своей стороны будетъ развивать неравенство между кустарями. Можно было бы не безъ пользы обратить вниманіе еще на нѣкоторыя условія, но и сказаннаго достаточно, чтобы видѣть, до какой степени кредитъ кустарямъ уподобился бы по своимъ послѣдствіямъ кредиту, оказываемому крестьянамъ при покупкѣ земель. И тотъ и другой одинаково могутъ лишь усилить — одинъ „*слоеніе*“ деревни, другой — *слоеніе массы кустарей*. А это значитъ, что и тотъ и другой, далекіе отъ того, чтобы задержать развитіе капитализма, могутъ только ускорить его окончательное торжество.

Однако, не довольно-ли намъ толковать о народѣ и о всякаго рода самостоятельныхъ и несамостоятельныхъ производителяхъ? Неужели нѣтъ болѣе интересной темы? Позволительно-ли забывать о доблестномъ россійскомъ дворянствѣ, которое, по его собственнымъ словамъ, вступаетъ теперь въ новую эру существованія? Дѣйствительно, пора поговорить намъ объ этомъ почтенномъ сословіи.

Оно, безъ шутокъ, вступило теперь въ новую эру существованія. Прежде оно жило трудомъ крѣпостныхъ Ивашекъ и Палашекъ, потомъ, при „царѣ освободителѣ", дѣятельно проѣдало полученныя всѣми правдами и неправдами выкупныя свидѣтельства, а теперь думаетъ жить на счетъ царскихъ подачекъ. Ссылаясь на заслуги предковъ, и на свою испытанную будто бы вѣрность трону, оно жалобно указываетъ на свое обнищаніе и назойливо проситъ государственной помощи:

Подайте мальчику на хлѣбъ...

И правительство щедро подаетъ „на хлѣбъ" балованному „мальчику". Едва-ли въ исторіи кредитныхъ учрежденій какой бы то ни было страны можно найти что нибудь подобное русскому дворянскому банку. Это по истинѣ нѣчто неслыханное и небывалое. Вамъ, дворянину тмутараканскаго уѣзда, нужны деньги? Идите въ дворянскій банкъ, вы получите ихъ на самыхъ выгодныхъ условіяхъ. Вы получили деньги и, comme de raison, спустили ихъ на парижской выставкѣ, ослѣпивъ своей „боярской" щедростью современныхъ французскихъ Аспазій? Бѣда не велика, „рука дающаго", повидимому долго еще не изсякнетъ, и при томъ же вы можете совсѣмъ не безпокоиться на счетъ расплаты съ банкомъ. Ваши недоимки припишутся къ вашему долгу, и вы заплатите его (если заплатите), безо всякихъ процентовъ, черезъ 30, 40, 50 лѣтъ. Понимаете-ли что это значитъ? Мало-ли что будетъ черезъ 30, 40, 50 лѣтъ! Тогда можетъ быть не останется и слѣда отъ дворянскихъ помѣстій. Значитъ недоимка просто дарится вамъ, во вниманіе къ тому, что вы — русскій дворянинъ, предокъ котораго, выйдя изъ Золотой Орды, позналъ, по приказанію начальства, истиннаго бога, за что и былъ пожалованъ селами и деревнями. Нехорошо было бы забывать подобныя историческія заслуги. Итакъ, кутите съ миромъ, судьба вашихъ родовыхъ владѣній обезпечена.

Чѣмъ же платитъ царю дворянство за эти щедрыя подачки? Оно платитъ „вѣрностью трону", т. е. отреченіемъ отъ всякаго политическаго смысла. По случаю преобразованія крестьянскихъ и мировыхъ учрежденій полтавское дворянство обратилось къ царю съ слѣдующимъ, совершенно непостижимымъ адресомъ:

„Всемилостивѣйшій Государь!

Цѣлый рядъ преобразованій незабвеннаго Родителя Вашего, продолжаемыхъ и Вами, Государь, служитъ очевиднымъ доказательствомъ постояннаго довѣрія Монарха къ дворянству.

Привыкнувъ изъ поколѣнія въ поколѣніе быть вѣрными слугами своихъ Государей, дворяне и нынѣ, какъ всегда, считаютъ для себя священнѣйшимъ долгомъ быть проводниками предначертаній Монарха.

Всеподданнѣйше просимъ Ваше Императорское Величество принять увѣреніе полтавскаго дворянства, что оно останется вѣрно своимъ преданіямъ и готово дать свои лучшія силы на службу Престолу и Отечеству.

Подлинный подписали: гг. губернскій и уѣздные предводители дворянства и всѣ присутствовавшіе дворяне."

(Правительственный Вѣстникъ, 1889 г. № 255).

„Преобразованія", предпринятыя Александромъ III сводятся къ полнѣйшей отмѣнѣ преобразованій прошлаго царствованія. Если преобразованія прошлаго царствованія были полезны, то нельзя благодарить отмѣняющаго ихъ Александра III. Если они были вредны, то почему же вспоминается съ благодарностью виновникъ ихъ, Александръ II? Но полтавскіе дворяне не смущаются подобными соображеніями, они благодарятъ обоихъ преобразователей, за что и получаютъ, въ свою очередь, „Высочайшую" благодарность. „О Россъ, о родъ непобѣдимый!" Извольте послѣ этого разсчитывать на политическій смыслъ „общества", въ которомъ главную роль до сихъ поръ играетъ дворянство.

А впрочемъ, точно-ли оно играетъ до сихъ поръ главную роль? Если судить по образу жизни и по дипломамъ, то дворянство дѣйствительно является у насъ самымъ „культурнымъ" сословіемъ. Но намъ право кажется, что въ своихъ отношеніяхъ къ правительству торгово-промышленный классъ проявляетъ гораздо больше зрѣлости. Поклянчить на счетъ субсидій и всякаго рода "покровительства" очень не прочь, какъ всѣмъ извѣстно, и наше „почтенное" купечество. Но въ тонѣ тѣхъ прошеній, съ которыми обращается оно къ правительству (разумѣется, мы говоримъ лишь о попадающихъ въ печать) слышится больше... не скажемъ чувства собственнаго достоинства, а какой то самоувѣренности. Купечество говоритъ въ прошеніяхъ тономъ человѣка, состоящаго „при своемъ капиталѣ", знающаго, что имъ „за все заплочено", и потому увѣреннаго, что безъ него дѣло не обойдется. Въ дворянскихъ же адресахъ и ходатайствахъ слышится тонъ человѣка, который „нѣсколько поиздержался" и которому во что бы то ни стало нужно поскорѣе занять денегъ. И дворянству и купечеству способъ выраженій подсказывается, разумѣется, не сердцемъ, а кошелькомъ. Но такъ какъ купеческая „мошна" постоянно увеличивается въ объемѣ, между тѣмъ какъ „портъмонэ"дворянина все болче и болѣе тощаетъ, то гг. предприниматели „ходатайствуютъ" спокойнымъ и отчасти даже повелительнымъ басомъ, дворянство же „взываетъ" просительнымъ, робкимъ и сиплымъ теноркомъ. „Кто устоитъ въ неравномъ спорѣ?" Кто получитъ больше, дворянство или купечество?

Мы думаемъ, что дѣла купечества обстоятъ „много превосходнѣй". Во первыхъ, подачки, получаемыя дворянствомъ являются ничтожной крохой въ сравненіи съ тѣмъ, что было сдѣлано, дѣлается и будетъ сдѣлано для буржуазіи, а во вторыхъ, и самый кредитъ, открытый правительствомъ „благородному сословію", явится для нашей буржуазіи новымъ источникомъ дохода. Большая часть полученныхъ изъ дворянскаго банка денегъ пойдетъ, конечно, не на улучшеніе по-

мѣщичьихъ хозяйствъ, а на всякаго рода „культурныя“ развлеченія и наслажденія, поглотившая уже не мало дворянскихъ имуществъ. Извѣстно, что спускаемыя дворянствомъ деньги всегда находятъ вѣрную дорогу въ карманъ буржуазіи. А если бы и случилось такое чудо, что дворяне на занятыя деньги стали бы улучшать свои хозяйства, то это повело бы только къ развитію капиталистическаго земледѣлія и къ окончательному превращенію помѣщиковъ въ сельскую буржуазію. Какъ видите, куда ни кинь, — все клинъ: на пользу буржуазіи обращается у насъ рѣшительно все, что ни дѣлается для другихъ сословій. Русскій капитализмъ неотвязчивъ теперь какъ природа: гони его въ дверь, онъ влетитъ въ окно.

Сознаніе неотвратимаго и полнаго торжества капитализма начинаетъ проникать теперь и въ русскую „легальную“ литературу, извѣстная часть которой такъ долго и упорно закрывала глаза на непріятную для нея дѣйствительность. „Ветхія рамки патріархальнаго экономическаго быта не выдержали подъ напоромъ болѣе сильныхъ экономическихъ теченій — пишетъ г. Ф. Андреевъ въ „Сѣверномъ Вѣстникѣ“ (Январь 1890 г., областной отдѣлъ, стр. 56). Хорошо-ли это или дурно, но только движеніе совершается этимъ новымъ путемъ... Будемъ ли мы сожалѣть или печаловаться о прошломъ, но изъ жизни уже невозможно устранить такія явленія, какъ желѣзныя дороги, пароходство, ростъ городовъ, осложненіе денежныхъ процессовъ, развитіе личныхъ потребностей и пр. и пр. Могло-ли этого не быть? Ни въ какомъ случаѣ, разумѣется. Если бы мы не желали этихъ измѣненій, если бы мы всячески противились имъ, то насъ поволокъ бы за собою западъ, насъ захватилъ въ свои могучія объятія международный рынокъ и культура сосѣднихъ народностей. Такъ оно въ дѣйствительности и было во всемъ, что касалось нашего экономическаго быта и производительности“. Развивая дальше эту совершенно вѣрную мысль, г. Ф. Андреевъ неожиданно заговариваетъ о необходимости приспособленія „*исконныхъ формъ жизни*“ народа къ *новымъ требованіямъ экономіи.* Въ этомъ случаѣ онъ не проявляетъ, конечно, большой логичности, такъ такъ, по его же собственнымъ словамъ, „ветхія рамки патріархальнаго экономическаго быта (а слѣдовательно и „исконныя формы жизни“) *не выдержали* напора болѣе сильныхъ экономическихъ теченій“. Не выдержали — значитъ не могли „приспособиться“, а не могли приспособиться, значитъ нечего и толковать о приспособленіи. Но логичность г. Андреева насъ мало интересуетъ. Для насъ любопытно лишь признаніе имъ факта торжества новыхъ формъ экономическаго быта надъ старыми, что же касается до выводовъ изъ этого факта, то мы съумѣемъ сдѣлать ихъ и сами.

Давно уже было сказано, что политическая конституція всякой данной страны естественно выростаетъ изъ соціальныхъ условій ея быта. Съ измѣненіемъ этихъ условій измѣняются и политическія формы. Соотвѣтствіе между политическими формами и соціальными условіями быта устанавливается не сразу, такъ какъ и условія эти не сразу же принимаютъ совершенно новый видъ. Въ теченіе нѣкотораго времени можетъ существовать очень сильное противорѣчіе между консти-

туціей страны и ея соціальнымъ бытомъ. Такимъ противорѣчіемъ и вызываются обыкновенно проявленія общественнаго недовольства, оппозиціонныя и революціонныя теченія. Борьба между отживающимъ порядкомъ и новыми требованіями жизни ведется съ перемѣннымъ счастьемъ, пока новыя требованія не пріобрѣтаютъ, наконецъ, силы, необходимой для прорванія старыхъ политическихъ плотинъ. Въ такихъ случаяхъ никогда невозможно опредѣлить съ точностью время предстоящаго взрыва, но внимательный наблюдатель можетъ довольно точно отмѣчать ростъ новыхъ условій общественной жизни и, основываясь на этомъ, опредѣлять ближайшія задачи своей политической дѣятельности.

Наша русская конституція сводится къ тѣмъ статьямъ Свода Законовъ, которыя гласятъ, что царь есть единственный распорядитель всѣхъ внутреннихъ и внѣшнихъ судебъ Россіи. Такая конституція не оставляетъ мѣста для политической самодѣятельности гражданъ, и потому противники ея говорятъ обыкновенно, что у насъ вовсе нѣтъ конституціи. Но это не точно. Конституція есть у насъ, какъ и вездѣ, — и даже, повторяемъ, писанная конституція, занесенная въ Сводъ Законовъ, — да только она не похожа на современныя конституціи Запада. Откуда произошло это различіе? Если политическая конституція всякой данной страны коренится въ условіяхъ ея соціальнаго быта, то отличительныя свойства нашей русской конституціи должны объясняться особенностями соціальнаго быта Россіи. Похожъ-ли онъ на соціальный бытъ современной западной Европы? Прежде былъ очень не похожъ: западная Европа характеризуется господствомъ капитализма, Россія характеризовалась прежде господствомъ патріархальнаго крестьянскаго хозяйства. Въ соціальномъ отношеніи Россія была совершенно „самобытной“ страною, какимъ то Китаемъ въ Европѣ. Неудивительно, что и политическій ея строй отличался большой „самобытностью“. А теперь мы видимъ, что и въ Россіи все болѣе и болѣе развивается капитализмъ, т. е. возникаютъ такія формы соціальнаго быта, которыми характеризуется западная Европа. Въ соціальномъ бытѣ Россіи совершается теперь глубокій процессъ *европеизаціи*. Этотъ процессъ необходимо поведетъ за собою и *политическую европеизацію Россіи*, т. е. измѣненіе ея конституціи въ духѣ новѣйшихъ европейскихъ конституцій. За измѣненіемъ экономической основы нашего общественнаго зданія естественно должна послѣдовать передѣлка его политической крыши. Въ настоящее время между новыми условіями нашей соціальной жизни и нашей конституціей существуетъ противорѣчіе; правительство старается удержать всѣ „права и преимущества“ самодержавной монархіи, вернуть ей прежнюю силу и крѣпость, довольно таки сильно расшатанную въ царствованіе Александра II. Но это также невозможно для нашей самодержавной монархіи, какъ невозможно старику превратиться въ юношу. Теперь реакція у насъ, повидимому всесильна. Но можетъ-ли правительство устранить указанное противорѣчіе между старымъ политическимъ строемъ Россіи и ея новыми экономическими отношеніями? Не только не можетъ, но оно невольно усиливаетъ его, содѣйствуя росту новыхъ экономическихъ отношеній. Иначе оно и не можетъ поступать,

потому что новыя условія соціальнаго быта уже достаточно сильны теперь, чтобы заставлять его держаться необходимой для ихъ дальнѣйшаго развитія экономической политики. При такомъ положеніи дѣлъ судьба самодержавной монархіи можетъ считаться уже рѣшенною. Когда именно падетъ она — этого предсказать нельзя, какъ нельзя предсказать дня и часа смерти человѣка, поражаемаго смертельнымъ недугомъ; но что она падетъ, въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія. Ея паденіе готовятъ не одни только революціонеры. Сами по себѣ революціонеры были бы не страшны для правительства. Непоправимая бѣда монархіи заключается въ томъ, что даже ея самые вѣрные подданные своей экономическою дѣятельностью непрерывно и неустанно приближаютъ ея гибель. А въ виду этого и революціонеры могутъ стать грозной общественной силой. Успѣхъ ихъ дѣла обезпечивается всѣмъ складомъ и всѣмъ ходомъ нашей современной общественной жизни.

Вопросъ лишь въ томъ, съумѣютъ-ли революціонеры согласовать свои усилія съ направленіемъ общественнаго развитія. Говоря вообще, *всякій* протестъ противъ самодержавія согласуется съ этимъ направленіемъ. Но не всякій въ одинаковой степени подрываетъ современный политическій порядокъ. Производительный и полезный трудъ можетъ быть болѣе или менѣе производителенъ, болѣе или менѣе полезенъ, смотря по пріемамъ и орудіямъ трудящагося. Между русскими революціонерами теперь единства меньше,чѣмъ когда бы то ни было: одни предпочитаютъ одинъ способъ борьбы, другіе — другой, третьи—третій, и такъ далѣе, до безконечности сказали бы мы, если бы число русскихъ революціонеровъ не было пока еще очень ограничено. Такое раздѣленіе очень печально, такъ какъ оно ослабляетъ силы революціонеровъ. Но оно въ то же время и неизбѣжно. Прежде въ основаніи нашихъ революціонныхъ программъ лежала непоколебимая увѣренность въ экономической самобытности Россіи. Эта точка отправленія была у всѣхъ одна, поэтому теоретическія разногласія между революціонерами по существу дѣла оказывались незначительными. Но вотъ пришло такое время, когда всѣ увидѣли, что экономическая самобытность Россіи быстро отходитъ въ область патріотическихъ преданій. Явилась настоятельная потребность кореннымъ образомъ передѣлать всѣ революціонныя программы, приведя ихъ въ соотвѣтствіе съ новыми условіями общественной жизни, существованія и силы которыхъ не могли отрицать даже самые рьяные самобытники. Извѣстно, что всѣ такого рода пересмотры всегда вызываютъ множество споровъ и разногласій. Этимъ то и объясняется современное отсутствіе единства между русскими революціонерами. Но у людей, желающихъ что нибудь дѣлать, не могутъ же вѣчно продолжаться програмные споры. Мало по малу снова сгруппируются разрозненныя теперь силы русскихъ революціонеровъ. Уже теперь, при всемъ разнообразіи революціонныхъ взглядовъ, ясно, что только два направленія могутъ у насъ разсчитывать на будущее: либеральное и социаль-демократическое. Всѣ остальныя „программы“ представляютъ собою лишь эклектическую смѣсь этихъ двухъ направленій и потому осуждены на исчезновеніе. Постепенно взгляды нашихъ

революціонеровъ настолько выяснятся, что ихъ перестанутъ удовлетворять программы-ублюдки, и тогда одни изъ нихъ *совершенно махнутъ рукой на соціализмъ* и впрягутся въ либеральную колесницу, другіе же *совершенно усвоятъ себѣ соціалистическіе взгляды*, т. е. сдѣлаются *соціаль-демократами*. Каковы шансы этихъ двухъ партій?

Революціонеры, склонные къ либерализму, возлагаютъ свои надежды на „общество"; соціаль-демократы на рабочій классъ. Чьи разсчеты вѣрнѣе, основательнѣе?

Изъ какихъ элементовъ состоитъ наше „общество"? Частью изъ чиновничества, частью изъ дворянства, частью изъ буржуазіи. Чего можно ожидать отъ каждаго изъ этихъ слоевъ? Отъ чиновниковъ въ лучшемъ случаѣ лишь „попустительства", отъ буржуазіи „легальной" оппозиціи противъ полицейскаго и бюрократическаго произвола, отъ дворянства... но читатель и самъ знаетъ, что отъ дворянства можно ожидать теперь, главнымъ образомъ, лишь выпрашиванія денежныхъ подачекъ у правительства. На такой тройкѣ далеко не уѣдешь. Правда, въ тремъ перечисленнымъ и сильно перемѣшаннымъ между собою слоямъ нужно прибавить еще слой идеологовъ-разночинцевъ, людей „либеральныхъ профессій", по самымъ условіямъ своей жизни враждебныхъ самодержавію. Слой этотъ очень не великъ, но на Западѣ онъ съигралъ важную историческую роль, увлекая за собою народъ въ борьбу за политическую свободу. У насъ ему не суждено съиграть, повидимому, такой роли, потому что онъ не имѣетъ никакого вліянія на народъ. Опираясь на народъ и преимущественно на рабочее населеніе крупныхъ центровъ, либеральные члены общества пріобрѣли бы огромную силу, безъ поддержки же рабочаго населенія они—все равно, что нѣсколько нулей безъ единицы впереди: ничтожество, полнѣйшее ничто. И наши либералы даже и не задумываются о необходимости выйти изъ своего ничтожества, у нихъ нѣтъ даже и помышленія о распространеніи своихъ политическихъ взглядовъ въ народѣ. Можно ли разсчитывать на такихъ людей? Помилуйте, да вѣдь они и сами никогда на себя не расчитывали!*)

Остается рабочій классъ, на который указываютъ нашимъ революціонерамъ соціаль-демократы. Роль рабочаго класса въ политической исторіи Запада извѣстна всѣмъ и каждому. Одинъ очень неглупый англичанинъ замѣтилъ, что въ политикѣ рабочій классъ—то же, что паръ въ промышленности, т. е. могучая революціонная сила. Но русскій человѣкъ, даже хвастаясь своей самобытностью, въ глубинѣ души питаетъ къ себѣ и ко всему своему глубочайшее презрѣніе. То — Западъ, а то — мы, куда намъ ужь до Запада, такъ отвѣчаютъ обыкновенно соціаль-демократамъ. Но позвольте, господа, зачѣмъ же такое смиреніе? Почему вы думаете, что мы представляемъ собою какую-то отверженную расу, что мы навсегда останемся пасынками исторіи? Васъ все смущаетъ воспоминаніе о самобытности, отъ которой

*) Революціонеры, склоняющіеся къ либерализму, въ особенности уповали на *земства*. Въ земствахъ преобладающая и руководящая роль принадлежала *дворянству*. Слѣдовательно можно сказать, что стремленія нашихъ революціонеровъ стали въ последнее время опредѣляться такимъ образомъ: одна часть ихъ (либералы) фактически разсчитывала преимущественно на дворянство, т. е. на *эксплуататоровъ*, другая (соціаль демократы) на рабочихъ, т. е. на *эксплуатируемыхъ*.

вы и сами не ожидаете ничего хорошаго въ политикѣ. Вы разсуждаете такъ: ни дворянство наше, ни буржуазія не имѣютъ значенія, принадлежащаго или принадлежавшаго этимъ классамъ на Западѣ, слѣдовательно и рабочему классу не суждено у насъ уподобиться западно-европейскому. Но вѣдь этотъ выводъ совсѣмъ не основателенъ. Что подумали бы вы о критикѣ, который, изучивъ русскій классицизмъ и романтизмъ, Сумароковыхъ и Марлинскихъ, сказалъ бы себѣ такъ: русскіе классики и русскіе романтики ровнехонько ничего не стоютъ въ сравненіи съ западно-европейскими; изучать ихъ не стоило труда, слѣдовательно не стоитъ изучать и русскихъ реалистовъ; вѣроятно всѣ эти Толстые и Тургеневы не болѣе какъ Сумароковы современнаго беллетристическаго реализма. Какъ вы думаете, былъ бы правъ нашъ критикъ? А вѣдь его умозаключеніе относительно русской реалистической беллетристики было бы построено на основаніяхъ, совершенно подобныхъ тѣмъ, на которыхъ вы основываете ваше мнѣніе о будущей роли русскаго рабочаго класса. Вы разсуждаете такъ же отвлеченно и потому односторонне, какъ разсуждалъ бы нашъ воображаемый критикъ. Вы не принимаете въ соображеніе того, что условія нашей общественой жизни быстро измѣняются, а отъ нихъ-то все и зависитъ въ политикѣ, какъ и въ литературѣ. Не было у насъ общественныхъ условій, благопріятныхъ для самостоятельнаго творчества, — не было и самостоятельныхъ художниковъ, а были только подражатели; явились условія, благопріятныя для самостоятельнаго творчества,—и подражатели совсѣмъ стушевались, а на первый планъ выступили самостоятельные художники. То же самое и въ политикѣ. Пока условія нашей соціальной жизни не были похожи на условія жизни европейской, невозможно было и сословіямъ нашимъ играть такую же роль, какую играли западныя сословія. Историческая роль нашего дворянства дѣйствительно во многомъ отличается отъ роли дворянства западно-европейскаго. Но условія нашей соціальной жизни измѣняются, они *уже* значительно измѣнились и чѣмъ дальше, тѣмъ больше будутъ измѣняться. Поэтому слѣдующій за дворянствомъ классъ, буржуазія, навѣрное съиграетъ роль, уже во многихъ отношеніяхъ похожую на роль западной буржуазіи*). Рабочій же классъ прямо не въ состояніи будетъ найти иной роли, чѣмъ та, которую этотъ классъ имѣлъ на Западѣ, совершенно такъ же, какъ не могли бы наши современные художники не быть реалистами. если бы даже и захотѣли этого. Русскій рабочій классъ это тотъ классъ, которому суждена *наиболѣе европейская роль* въ русской политической жизни, поэтому и партія, представляющая его интересы, необходимо будетъ наиболѣе *западническою* изо всѣхъ русскихъ партій.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ ближайшею и важнѣйшей задачей русскихъ соціаль-демократовъ являлась теоретическая выработка и

---

*) Не нужно, впрочемъ, забывать, что исторія и политическая роль различныхъ сословій и классовъ была далеко не одинакова въ различныхъ государствахъ Запада. Такъ напр. политическая роль нѣмецкой буржуазіи очень не похожа на политическую роль буржуазіи французской и т. д. Ошибочное представленіе о Западѣ, какъ о чемъ то совершенно однородномъ, часто спутывало взгляды русскихъ революціонеровъ.

распространеніе ихъ взглядовъ въ средѣ революціонеровъ-идеологовъ. Теперь эта предварительная работа можетъ считаться законченною. Теперь русскіе соціаль-демократы уже могутъ и должны взяться за практическую дѣятельность въ средѣ рабочихъ. Почва для нашей дѣятельности достаточно подготовлена исторіей, намъ нужно лишь энергически взяться за ея воздѣлываніе. И намъ стыдно было бы не проявить всей необходимой въ этомъ случаѣ энергіи, потому что насъ не могутъ смущать тѣ теченія въ русской соціальной жизни, передъ которыми въ недоумѣніи останавливались революціонеры прежняго времени. Мы не боимся быстраго развитія капитализма въ Россіи: мы понимаемъ, что онъ приближаетъ насъ къ нашей цѣли. Не пугаетъ насъ и временное торжество реакціи: мы видимъ, что неумолимая логика исторіи вынуждаетъ самихъ реакціонеровъ разрушать своей экономической политикой ту соціальную основу, на которой незыблемо покоилось когда-то безобразное зданіе русскаго самодержавія. Мы знаемъ непреодолимую силу историческаго движенія, и потому можемъ съ твердой и спокойной энергіей дѣлать свое дѣло. „Пусть будетъ что будетъ, а будетъ въ концѣ концовъ все таки на нашей улицѣ праздникъ“.

ИЗБІЕНІЕ

ПОЛИТИЧЕСКИХЪ ССЫЛЬНЫХЪ

ВЪ ЯКУТСКѢ

Свирѣпость нашихъ современныхъ помпадуровъ превышаетъ всякое вѣроятіе. Въ расправахъ со своими врагами, революціонерами, они не останавливаются рѣшительно ни передъ чѣмъ. Самъ „незабвенный“ Николай нашелъ бы ихъ слишкомъ кровожадными. Весною прошлаго года въ Якутскѣ разыгралась драма, извѣстіе о которой вызвало негодованіе даже многихъ умѣренныхъ органовъ западноевропейской печати. Насколько знаемъ, возмутительная сущность этой кровавой драмы сводится къ слѣдующему.

Въ началѣ Февраля прошлаго года главнымъ начальникомъ Якутской области былъ назначенъ и. д. губернатора П. П. Осташкинъ. Каковъ былъ этотъ человѣкъ, — объ этомъ можно судить по его чиновной карьерѣ. Онъ получилъ образованіе лишь въ красноярскомъ училищѣ для канцелярскихъ служителей и, кажется, постоянно служилъ въ Сибири. Люди богатые и со связями не отдаютъ своихъ дѣтей въ училища для канцелярскихъ служителей; ясно, что у родителей Осташкина не было ни богатства, ни связей и что сынъ ихъ могъ сдѣлать карьеру только благодаря собственной настойчивости и находчивости. И онъ дѣйствительно сдѣлалъ ее, потому что исправлять должность губернатора, хотя бы и въ Якутскѣ, — это уже не маленькій постъ для бѣднаго плебея. Чего стоилъ Осташкину такой успѣхъ? Кто знаетъ наши порядки вообще и сибирскіе въ частности, тотъ не затруднится отвѣтомъ. Изворотливости Молчалина не всегда достаточно чиновнику-плебею для подобныхъ успѣховъ. Ему нужно соединить ее съ предпріимчивостью Чичикова и съ холодной жестокостью опричника, чтобы быстро восходить по лѣстницѣ

повышеній. По всему видно, что Осташкинъ вполнѣ удовлетворялъ всѣмъ этимъ требованіямъ. Его родная сестра находится въ административной ссылкѣ въ Сибири. Можетъ быть онъ самъ донесъ на нее.

Такого-то человѣка назначили начальникомъ Якутской области, гдѣ, какъ извѣстно, всегда много ссыльныхъ. Разумѣется, онъ сейчасъ же сообразилъ, что притѣсняя ихъ, легко заслужить новыя поощренія со стороны начальства. Но соловья баснями не кормятъ, од нихъ словесныхъ поощреній мало, нужно добиться утвержденія въ должности губернатора. Но какъ добиться этого? Вотъ если бы ссылъные сдѣлали „бунтъ", онъ усмирилъ бы ихъ и тогда ужъ, навѣрное, получилъ бы щедрую награду. И почему бы имъ не взбунтоваться? Вѣдь все равно пропащія головы, а для Осташкина прямая и огромная выгода. Но ссыльные „злоумышленники", какъ нарочно, не „бунтовали". Тогда Осташкинъ рѣшился взбунтовать ихъ по своему. Въ половинѣ Марта онъ сдѣлалъ распоряженіе о немедленной высылкѣ 16 человѣкъ ссыльныхъ въ Верхоянскъ и Средне Колымскъ. Перевозка ссыльныхъ въ эти отдаленные „города" должна была совершиться при такихъ условіяхъ, которыя грозили этимъ жертвамъ административнаго произвола не только страшными лишеніями, но прямо смертью отъ голода или отъ холода. Это знали ссыльные, зналъ и Осташкинъ, но именно на этомъ-то и былъ построенъ весь его разсчетъ. Ссыльные, какъ назначенные, такъ и неназначенные къ дальнѣйшей высылкѣ, стали дѣлать ему свои представленія, и, наконецъ, обратились къ нему, каждый отъ себя, съ формальными прошеніями. Полицмейстеръ Сухачевъ, принявши эти прошенія, сказалъ ссыльнымъ, чтобы на другой день они собрались всѣ въ квартирѣ одного изъ нихъ, именно Ноткина. На слѣдующее утро, 22 Марта, они дѣйствительно собрались туда въ числѣ 31 человѣка: Софья Гуревичъ, Сергѣй Пикъ, самъ Ноткинъ, Петръ Мухановъ, Григорій Шуръ, Альбертъ Гаусманъ, Николай Зотовъ, Левъ Коганъ-Бернштейнъ, Сарра Коганъ-Бернштейнъ, Іосифъ Миноръ, Михаилъ Гоцъ, Вѣра Гассохъ, Іосифъ Эстеровичъ, Михаилъ Эстеровичъ, Михаилъ Орловъ, Матвѣй Фундаминскій, Александръ Гуревичъ, Евгенія Гуревичъ, Михаилъ Уфландъ, Моисей Брамсонъ, Маркъ Брагинскій, Паулина Перли, Анастасія Шехтеръ, Леонидъ Берманъ, Константинъ Терешковичъ, Самуилъ Ротинъ, Анастасія Болотина, Роза Франкъ, Сергѣй Капгеръ, Анна Зороастрова, Борисъ Гейсманъ. Вскорѣ къ нимъ явился полицейскій надзиратель Олесовъ и потребовалъ, чтобы они всѣ шли въ полицейское управленіе. Ссыльные отказались сдѣлать это, ссылаясь на вчерашнее распоряженіе полицмейстера. Надзиратель скрылся, а немного спустя послѣ его ухода явились солдаты, подкрѣпляемые полицейскими и казаками. Какъ значительны были силы „христолюбиваго воинства", показываетъ то обстоятельство, что однихъ солдатъ *съ ружьями, заряженными заранѣе,* было болѣе 100 человѣкъ (по нѣкоторымъ извѣстіямъ 140). Вся эта команда ворвалась въ довольно обширную квартиру Ноткина и принялась „брать" ссыльныхъ. „Брали" ихъ такъ усердно и такъ удачно, что немедленно же нѣкоторые изъ нихъ были избиты *при-*

кладами и ранены *штыками*. У нѣкоторыхъ изъ ссыльныхъ были револьверы. Доведенные до крайности, они стали отстрѣливаться. Храбрые военачальники только этого и ждали. Что могутъ сдѣлать нѣсколько револьверовъ противъ солдатскихъ ружей? Ссыльные, разумѣется, были побѣждены. Шестеро изъ нихъ были убиты: Подбѣльскій *), Пикъ, С. Гуревичъ, Ноткинъ, Шуръ и Мухановъ; девять человѣкъ оказались тяжело ранеными; всѣхъ остальныхъ жестоко избили. Такъ кончился первый актъ сочиненной Осташкинымъ драмы.

Мѣстомъ дѣйствія второго акта была зала военнаго суда. „6-го іюля — пишетъ одинъ изъ осужденныхъ по этому дѣлу — насъ привели въ судъ, гдѣ объявили, что мы предаемся суду для сужденія по законамъ военнаго времени. Бернштейна внесли туда на кровати. Кромѣ судей, насъ и громаднаго количества солдатъ на судѣ никого не было. 7-го начались допросы. Защитниковъ намъ не дали; обвинительнаго акта не предъявили; вызывали въ судъ по одиночкѣ... допросъ каждаго отдѣльнаго лица продолжался не болѣе пяти минутъ; вотъ образчикъ: Дѣлопроизводитель — Ваша фамилія? Подсудимый — Такая-то. Дѣлопр. — Лѣта? Подс. — 28. Вопросъ: Вѣроисповѣданіе? Отвѣтъ: Іудейскаго. Воп.: Исполняете-ли вы обряды религіи? Отв.: Со дня перваго ареста нѣтъ. В. Подтверждаете-ли свои показанія, данныя на слѣдствіи? Отв. Да. Вопр. Что имѣете сказать въ свое оправданіе? Отв. Чтобы оправдываться, я долженъ знать, въ чемъ меня обвиняютъ. Дѣлопроизв. — Васъ обвиняютъ въ вооруженномъ сопротивленіи властямъ. Отв. На чемъ основано это обвиненіе? Дѣлопр. Судъ не обязанъ этого вамъ предъявлять. Отв. Присутствіе на квартирѣ не есть еще сопротивленіе; я тамъ былъ, но сопротивленія не оказывалъ. Я не понимаю, почему меня привлекаютъ по этому дѣлу. Дѣлопр. — Неумѣстно учить судъ, говорите короче, болѣе ничего не имѣете заявить? Подс. — Нѣтъ. Дѣлопр. — Можете идти. (подсудимаго уводятъ). Такимъ манеромъ допрашивали каждаго изъ насъ.“

Это злостное издѣвательство надъ правосудіемъ закончилось 13-го Іюля слѣдующимъ драконовскимъ приговоромъ: Л. Коганъ-Бернштейнъ, А. Гаусманъ и Н. Зотовъ осуждены на смертную казнь черезъ повѣшеніе, І. Миноръ, М. Гоцъ, А. Гуревичъ, Мих. Орловъ, М. Брагинскій, М. Фундаминскій, М. Брамсонъ, М. Уфляндъ, С. Ротинъ, І. Эстеровичъ, Сарра Коганъ-Бернштейнъ, В. Гассохъ, А. Болотина, П. Перли приговорены, по лишеніи всѣхъ правъ состоянія, къ каторжнымъ работамъ *безъ срока*; А. Шехтеръ и Р. Франкъ, въ виду того, что онѣ проявили „добрую волю“, согласившись идти въ полицію и уговаривали товарищей идти туда („онѣ этого не дѣлали, такъ какъ нечего было и уговаривать, когда всѣ и такъ хотѣли идти“, — замѣчаетъ авторъ уже цитированнго нами письма), по лишеніи всѣхъ правъ состоянія, къ каторжнымъ работамъ на 15 лѣтъ; С. Капгеръ, А. Зороастрова и Б. Гейсманъ, въ виду того, что они пріѣхали изъ

*) Подбѣльскій прибѣжалъ на квартиру Ноткина, услышавъ перестрѣлку. Солдаты, какъ видно, нарочно пропустили его черезъ свою цѣпь, чтобы имѣть одной жертвой больше.

улуса: первый — 21 Марта, а остальные два — 22-го утромъ, прошеній не подавали, на квартиру Ноткина пришли случайно, приговариваются (за что?!), по лишеніи всѣхъ правъ состоянія, къ каторжнымъ работамъ срокомъ на 15 лѣтъ; К. Терешковичъ, М. Эстеровичъ, Л. Берманъ и Е. Гуревичъ, какъ несовершеннолѣтніе(!), къ каторжнымъ работамъ въ рудникахъ на 10 лѣтъ; Магатъ и Рѣзникъ, какъ подававшіе прошенія, но не бывшіе на квартирѣ Ноткина, — по лишеніи всѣхъ правъ состоянія, ссылаются въ отдаленнѣйшія и малонаселеннѣйшія мѣста Якутской области (еще разъ, за что же, за *прошеніе*?); Надѣевъ, какъ прошенія не подававшій, на квартирѣ Ноткина не бывшій и просто захваченный на улицѣ — оправданъ. Эта мягкость по отношенію къ Надѣеву дополняется тѣмъ, что *убитые,* какъ гласитъ имѣющійся у насъ документъ, „отъ суда освобождены". Удивительная снисходительность!

Пятаго Августа получилась конфирмація приговора. По „Высочайшему повелѣнію" приговоръ суда, касающійся Бернштейна, Гаусмана, Зотова, М. Гоца, Ал. Гуревича, Минора, Орлова, Терешковича, Магата, Надѣева и умершихъ (!): Гуревичъ, Ноткина, Пика, Муханова, и Шура, — утвержденъ. Опредѣленныя судомъ безсрочныя каторжныя работы Брагинскому, Брамсону, Ротину, Уфланду, Фундаминскому, І. Эстеровичу, Саррѣ Бернштейнъ, Болотиной, Вѣрѣ Гассохъ, Перли, — замѣнены каторжными работами: первымъ шести на 10 лѣтъ, а остальнымъ на 15 лѣтъ; опредѣленный судомъ десятилѣтній срокъ каторжныхъ работъ Берману, М. Эстеровичу, Е. Гуревичъ сокращены: первымъ двумъ до 8 л., а послѣдней до шести; опредѣленный судомъ срокъ 15-лѣтнихъ каторжныхъ работъ Анастасіи Шехтеръ и Розѣ Франкъ сокращенъ до 4 л.; опредѣленное удомъ наказаніе Зороастровой, Капгеру и Гейсману замѣнено: первымъ двумъ ссылкой въ отдаленнѣшія мѣста Якутской области съ лишеніемъ всѣхъ правъ состоянія, а Гейсману заключеніемъ въ тюрьму гражданскаго вѣдомства съ употребленіемъ на самыя тяжкія изъ установленныхъ въ сихъ мѣстахъ заключенія работы; по отношенію къ Рѣзнику, который, за отправленіемъ въ Верхоянскъ, въ судъ не вызывался, приговоръ суда отмѣненъ и дѣло о немъ передано въ надлежащее судебное мѣсто гражданскаго вѣдомства.

Седьмого Августа въ пять часовъ утра были казнены приговоренные къ смерти Бернштейнъ, Гаусманъ и Зотовъ. Раненый въ боинѣ на квартирѣ Ноткина, Л. Коганъ-Бернштейнъ не вставалъ еще съ кровати. Его такъ и принесли на ней подъ висѣлицу, *затѣмъ на него надѣли петлю, а кровать изъ подъ него вытащили.*

Въ ожиданіи казни, приговоренные вели себя съ замѣчательнымъ мужествомъ и достоинствомъ. Письма ихъ къ роднымъ и къ товарищамъ, писанныя непосредственно передъ казнью, когда на дворѣ у оконъ ихъ тюрьмы уже стояли висѣлицы, исполнены самообладанія и горячей вѣры въ будущее Россіи, ихъ „матушки и мачихи". Мы считаемъ долгомъ напечатать дошедшіе до насъ отрывки этихъ *святыхъ* писемъ.

Изъ письма Николая Львовича Зотова къ товарищамъ

„Цѣлую, обнимаю всѣхъ, всѣхъ товарищи, братья! Всѣ вы мнѣ въ этотъ моментъ тѣ же братья! Я хотѣлъ писать еще вчера; всѣмъ, всѣмъ, всѣмъ хотѣлъ писать, но... такъ сложилось время, что не было возможности... Вотъ вамъ мой завѣтъ, дорогіе братья, на первое время. Употребите всѣ свои силы, и подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ финала этихъ ужасовъ, этой бойни, этой рѣзни, эксплуатируйте всѣми способами, всеобщими усиліями эту драму, этотъ колоссальный примѣръ жестокости, самоуправства, безчеловѣчности русскаго деспотизма и его системы. Открыто пишите во всѣ стороны нашей матушки и мачихи, и за границу и Кеннанамъ всякимъ. Надъ этимъ стоитъ поработать; это — единственное, чѣмъ мы можемъ окупить потери этой расправы. Я пишу сумбурно, но вы меня поймете, такъ какъ каждый изъ васъ думаетъ самъ также. О болѣе широкихъ моихъ пожеланіяхъ не говорю.... Всѣхъ, братья, всѣхъ люблю, всѣхъ цѣлую, память о всѣхъ уношу съ собою.... Какъ у меня ни дурна голова, но я сейчасъ всѣхъ помню, всѣхъ дорогихъ товарищей, всѣхъ хотѣлъ бы обнять.... Ну, еще разъ прижимаю васъ къ самому, самому сердцу...

„Вашъ до петли

Львовичъ"

„Сейчасъ выходилъ. Столбы (т. е. для висѣлицъ) ставятъ при фонаряхъ. Конечно, Альбертъ Львовичъ передастъ вамъ такіе же поцѣлуи, какъ и я и Левъ Матвѣевичъ.

„Бѣдняги, они васъ и видѣть не могутъ! Многое хотѣлось бы сказать на прощаніе, да теперь не соберусь съ мыслями, да и совершенно минуточки не урвешь.

„Еще разъ цѣлую и обнимаю всѣхъ

Львовичъ."

Изъ письма Николая Львовича Зотова къ отцу:

„6/7 августа, три часа ночи.

„На заднемъ дворѣ, при фонаряхъ уже ставятъ столбы. Мы видимъ, какъ созидаются наши висѣлицы. Какая простота нравовъ! Часовъ въ 8 вечера приходилъ ко мнѣ священникъ. Я его отослалъ очень вѣжливо, объявивъ ему, что, къ сожалѣнію, за этой жизнью не жду ничего больше. Женя у меня сейчасъ на послѣднемъ свиданіи была. Она видѣла всѣ мои послѣднія минуты и опишетъ ихъ вамъ; мнѣ самому это теперь невозможно сдѣлать. Я чувствую себя душевно бодро, свѣтло даже, но и усталость за то чувствую страшную — и физическую, и нервную. Вотъ уже безъ малаго 2-ое сутокъ нервы работаютъ чудовищно! Сколько сильныхъ ощущеній!

„Ну, дорогіе мои, родные мои, сердечные мои, прижимаю Васъ въ послѣдній, послѣдній разъ къ груди своей! Я умираю очень и очень легко съ сознаніемъ правоты, съ чувствомъ силы въ груди. Мнѣ только страшно за остающихся въ живыхъ дорогихъ людей. Что мои страданія! они на нѣсколько часовъ, а имъ то сколько сн-

лы нужно вынести это!... Я ни о чемъ другомъ, какъ объ этомъ, почти и думать не могу, какъ посмотрю на Женю....

„Вошелъ конвой, принесли казенную одежду, — и я уже переодѣлся. Сижу въ портахъ и въ рубахѣ, и мнѣ страшно холодно (порты и рубаха мокры отъ дождя). Не думайте, что рука дрожитъ отъ волненія. Прощайте, прощайте, дорогіе!

„Вашъ до гробовой доски

Коля."

Изъ письма Альберта Львовича Гаусмана:

„**Якутскъ. Гауптвахта, 7 августа, 3/4 перваго ночи.**

„Извините, что буду краткомъ. Не до подробныхъ писемъ какъ-то

„Нить мыслей часто прерывается воспоминаніями о былыхъ встрѣчахъ. Позвольте только проститься съ Вами.... Всѣмъ товарищамъ передайте мой горячій привѣтъ и послѣднее прости.

„Если когда-нибудь доживете до радостныхъ дней, моя мысль, если можно такъ выразиться, будетъ съ Вами.

„Я умираю съ вѣрою въ торжество истины. Прощайте, братья!

Вашъ А. Гаусманъ."

Изъ письма Льва Матвѣевича Когана-Бернштейна къ товарищамъ:

„**Якутскъ. 6 августа 1889 г.**

„Дорогіе мои, хорошіе друзья и товарищи!

„Не знаю, удастся-ли мнѣ проститься съ вами. Надежды почти нѣтъ. Но я мысленно простился со всѣми Вами. Я глубоко, глубоко перечувствовалъ за это время ваше теплое, хорошее отношеніе ко мнѣ. Мнѣ еще немного осталось жить....

„Простимтесь заочно, дорогіе друзья и товарищи, и пусть послѣднее наше прощаніе будетъ озарено надеждою на лучшее будущее нашей бѣдной, бѣдной, горячо-любимой родины! Никогда ни одна капля силы не пропадала въ мірѣ. — Не пропадетъ, стало быть, и жизнь человѣческая задаромъ! Никогда не надо горевать о ней. Оставьте мертвыхъ мертвецамъ, — у васъ впереди живая связь, нравственная, горячая и самая возвышенная съ вашей изстрадавшейся родиной! Не говорите и не думайте, что ваша жизнь пропала, что она вся пройдетъ въ напрасныхъ страданіяхъ и мученіяхъ на каторгѣ и въ ссылкѣ. Страдать муками своей родины, быть живымъ укоромъ всѣмъ исчадіямъ мрака и зла — это великое дѣло! Пусть это будетъ вашей послѣдней службой — не бѣда. Вы принесли свою лепту на алтарь борьбы за народную волю. А кто знаетъ, быть можетъ, вамъ удастся увидѣть и лучшіе дни. Быть можетъ, вы доживете до той счастливой минуты, когда освобожденная родина встрѣтитъ своихъ вѣрныхъ, любящихъ и любимыхъ дѣтей съ открытыми объятіями и вмѣстѣ съ ними отпразднуетъ великій праздникъ свободы. Тогда, друзья, помяните Вы и насъ добрымъ словомъ, и это будетъ лучшей, величайшей наградой за всѣ наши испытанія. Да не покинетъ

васъ никогда эта великая надежда также, какъ она не покинетъ меня и на самомъ эшафотѣ. Цѣлую васъ крѣпко, горячо отъ всей моей любящей души. Вашъ весь

Л. Бернштейнъ."

„Еще разъ прощайте, дорогіе друзья. Крѣпко цѣлую васъ.

Вашъ Бернштейнъ."

А Осташкинъ? Онъ утвержденъ въ должности губернатора. Такимъ образомъ, цѣль этой гіены была вполнѣ достигнута.

Подвиги царскихъ людоѣдовъ до такой степени краснорѣчивы, что не нуждаются въ комментаріяхъ. Горе побѣжденнымъ! — вотъ что хочетъ сказать правительство своимъ звѣрски-жестокимъ обращеніемъ съ революціонерами, попавшими къ нему въ руки. Пусть будетъ такъ! Придетъ время, когда оно на себѣ испытаетъ всю безпощадную суровость этого правила!

НОВЫЯ КНИГИ

— **Biographie des alten Veterens der Freiheit Ioh. Ph. Becker. Herausgegeben von Zentral-Komité Genfs zur Denkmal—Enthülung am 17 März 1889. Zürich. 1889.**

Брошюрка, заглавіе которой мы выписали, интересна потому, что въ ней разсказана жизнь одного изъ замѣчательнѣйшихъ представителей революціоннаго движенія въ Германіи XIX вѣка. Іог. Ф. Беккеръ не былъ, подобно Марксу или Энгельсу, выдающимся теоретикомъ. Ему пришлось довольно много написать въ теченіесвоей долгой жизни (1809—1886). Онъ писалъ книги, брошюры, воззванія, газетныя статьи, былъ редакторомъ очень дѣльнаго рабочаго органа (Vorbote, 1866—1871), былъ даже стихотворцемъ. Но слава его заключается не въ литературныхъ его произведеніяхъ: въ нихъ нѣтъ ничего замѣчательнаго, выходящаго изъ ряду вонъ. Его права на вѣчную признательность со стороны рабочаго класса основываются на той самоотверженности и той преданности дѣлу народнаго освобожденія, которыми запечатлѣлась вся его долгая жизнь, полная борьбы и лишеній. Начиная съ конца двадцатыхъ годовъ и до самой своей смерти въ декабрѣ 1886 года, I. Ф. Беккеръ всегда стоялъ въ первыхъ рядахъ революціонеровъ, всегда готовъ былъ для торжества революціоннаго движенія пожертвовать и спокойствіемъ своимъ и самою жизнью. Бѣднякомъ родился, бѣднякомъ жилъ, бѣднякомъ умеръ этотъ человѣкъ, которому однако, не разъ представлялась въ жизни возможность обогатиться и жить припѣваючи, въ средѣ многочисленнаго и любимаго семейства. Беккеръ все испыталъ на своемъ вѣку: онъ былъ и подмастерьемъ, и купцомъ, и журналистомъ, и военачальникомъ. Но работа подмастерья приноситъ немного. Что касается торговыхъ предпріятій Беккера, то съ ними всегда случалось такъ, что едва онъ брался за одно изъ нихъ и налаживалъ его до извѣстной степени, — немедленно вспыхивало гдѣ нибудь революціонное движеніе, и нашъ предприниматель бросалъ счетныя книги, брался за ружье и спѣшилъ на поле битвы. Гдѣ именно, въ какой странѣ начиналось движеніе, — это было для него рѣшительно все равно: онъ сражался и въ Швей-

царіи, и въ Германіи (гдѣ очень отличился во время баденскаго революціоннаго движенія 1849 г.); въ Италіи только случай помѣшалъ ему принять участіе въ битвахъ Римской республики 1849 г. и въ походахъ Гарибальди; пишущему эти строки онъ уже въ глубокой старости часто говаривалъ полушутя-полусерьезно, что поѣдетъ въ Россію, какъ только „сѣверные медвѣди“ начнутъ свою революцію. Подобная непосѣдливость, пожалуй, и не повредила бы его матерьяльному благосостоянію. У него оказались такія большія способности къ военной службѣ, столь несомнѣнные военные таланты, что онъ могъ бы составить себѣ блестящую военную карьеру. Въ 1860 г. итальянское правительство, ожидая новой войны съ Австріей, предлагало ему чинъ полковника, хорошее жалованье и начальство надъ особымъ легіономъ, организація и пополненіе котораго предоставлялись ему самому. Прими Беккеръ это предложеніе — онъ дошелъ бы, можетъ быть, до „степеней извѣстныхъ“, дослужился бы до высокихъ чиновъ и жирной пенсіи. Но охотно служа *народамъ* въ ихъ освободительныхъ, революціонныхъ движеніяхъ, онъ не считалъ возможнымъ служить современнымъ правительствамъ. Онъ отклонилъ выгодное предложеніе и остался такимъ же перекати-полемъ, какимъ былъ до того времени. Съ начала шестидесятыхъ годовъ, когда съ новой силой стало возврождаться подавленное въ 1848-9 гг. движеніе рабочаго класса, Беккеръ является дѣятельнымъ и сознательнымъ его участникомъ. Онъ находился въ тѣсныхъ сношеніяхъ съ Лассалемъ, былъ членомъ Международнаго Товарищества Рабочихъ (издававшійся имъ журналъ „Vorbot“ былъ однимъ изъ лучшихъ органовъ этого знаменитаго Товарищества); въ августѣ 1869 г. мы видимъ его на конгрессѣ въ Эйзенахѣ, послѣ котораго нѣмецкая соціаль-демократія выступаетъ въ видѣ окончательно сложившейся партіи, съ послѣдовательной программой и строго выработанной организаціей. Послѣ распаденія въ 1872 г. Международнаго Товарищества Рабочихъ по причинамъ, о которыхъ здѣсь говорить не мѣсто, Беккеръ продолжалъ дѣйствовать главнымъ образомъ во французской Швейцаріи, гдѣ имъ сдѣлано все, что можно было сдѣлать при мелко-буржуазномъ характерѣ мѣстной промышленности и соотвѣтствующей ему неразвитости рабочихъ. Когда физическія силы начали измѣнять ему въ его преклонныхъ лѣтахъ, и онъ уже не могъ работать съ прежней энергіей, онъ не переставалъ поддерживать своими совѣтами и своимъ горячимъ сочувствіемъ новыхъ, молодыхъ дѣятелей. Мы помнимъ, съ какою теплой симпатіей относился онъ къ Ж. Гэду, предпринявшему агитаціонное путешествіе по французской Швейцаріи. Добродушно подшучивая надъ пылкимъ и увлекающимся французомъ, онъ въ то же время обнаруживалъ къ нему поистинѣ трогательную любовь и нѣжность, справедливо видя въ немъ надежду и гордость соціаль-демократической партіи во Франціи, Короче, всякій, кто хотѣлъ что нибудь сдѣлать для рабочаго движенія, могъ безошибочно разсчитывать на сочувствіе и поддержку „папы Беккера“.

„Беккеръ былъ рѣдкій человѣкъ“, говоритъ его біографъ. И дѣйствительно, такіе люди рѣдки вездѣ. Начиная съ двадцатыхъ годовъ нынѣшняго вѣка, нѣмецкая молодежь сильно увлекалась освободительнымъ движеніемъ. Революціонеровъ было много: почти каждый не со-

всѣмъ тупой учащійся или учившійся молодой человѣкъ отдалъ свою дань всеобщему увлеченію. Но для огромнаго большинства революціонеровъ въ Германіи, *какъ и вездѣ*, подобное увлеченіе было временнымъ, скоропреходящимъ. Годы горячей юности быстро протекали, молодой человѣкъ становился человѣкомъ среднихъ лѣтъ, его силы истощались борьбою за личное существованіе — и бывшій революціонеръ мало по малу превращался въ зауряднаго „филистера", образъ котораго былъ ему такъ ненавистенъ когда-то. Вездѣ и повсюду много званныхъ, но мало избранныхъ. Беккеръ имѣлъ счастье принадлежать къ избраннымъ. Ни тяжелый жизненный опытъ, ни нужда, ни годы не могли подкосить его революціонной энергіи. Дойдя до семидесятилѣтняго возраста, онъ остался такимъ же энтузіастомъ свободы, какимъ былъ въ своей зеленой юности. И въ этомъ — его огромная заслуга, въ этомъ — его право на всеобщее уваженіе.

Другой заслугой Беккера является его чуткость и внимательность по отношенію къ требованіямъ времени. Онъ обладалъ рѣдкою способностью къ самосовершенствованію. Въ концѣ двадцатыхъ годовъ онъ выступаетъ передъ нами въ качествѣ довольно неопредѣленнаго представителя оппозиціи противъ тогдашнихъ нѣмецкихъ порядковъ. Затѣмъ онъ постепенно демократизируется, а въ шестидесятыхъ годахъ оказывается сознательнымъ послѣдователемъ *современнаго научнаго соціализма*. Только очень и очень немногіе изъ нѣмецкихъ *демократовъ* поняли смыслъ новаго ученія; только очень и очень немногіе изъ нихъ съумѣли стать *соціаль*-демократами. Большинство ихъ бросилось въ ряды *буржуазныхъ* партій. Беккеръ поступилъ иначе, онъ явился исключеніемъ изъ общаго правила, — и этимъ заслужилъ вѣчную признательность со стороны пролетаріата.

Наконецъ, къ числу характерныхъ и привлекательныхъ свойствъ Беккера нужно отнести тотъ здравый смыслъ, который всегда заставлялъ его искать рѣшенія политическихъ вопросовъ въ *дѣйствительныхъ*, *существующихъ* въ данное время *отношеніяхъ* силы въ странѣ. Это драгоцѣнное свойство онъ обнаружилъ еще на извѣстномъ Гамбахскомъ праздникѣ 1832 г. „Присутствующіе на праздникѣ профессора и ораторы предлагали лишь пассивное сопротивленіе — разсказывалъ онъ впослѣдствіи, въ письмѣ къ нѣкоторымъ изъ нѣмецкихъ товарищей. Я вышелъ изъ терпѣнія, вскочилъ на опрокинутую бочку и закричалъ этимъ болтунамъ: распоряженія правительствъ поддерживаются штыками; поэтому имъ повинуются. Наши прошенія и протесты не поддерживаются ничѣмъ; поэтому они кажутся правительствамъ смѣшными. Если мы хотимъ успѣха нашимъ протестаціямъ, мы должны опереться также на штыки и пушки. *Постараемся же вооружить народъ!*". Объ этомъ разумномъ совѣтѣ не мѣшало бы вспомнить нынѣшнимъ нашимъ сторонникамъ либеральныхъ прошеній и „легальныхъ" протестовъ, которые никакъ не хотятъ понять, что пока за ними не обезпечена *народная* поддержка, они останутся въ глазахъ правительства смѣшными *болтунами*.

На деньги, собранныя по подпискѣ, въ которой приняли участіе соціаль-демократы самыхъ различныхъ странъ и языковъ, Беккеру поставленъ памятникъ на кладбищѣ св. Георгія въ Женевѣ. Разноязыч-

ныя подписи, украшающія этотъ памятникъ, свидѣтельствуютъ о глубокомъ уваженіи къ покойному всемірной соціаль-демократической партіи.

Г. П.

— Nach zehn Jahren. Material und Glossen zur Geschichte des Socialistengesetzes. I. Historisches. London. Germain Cooperative Publ shing C', 1889.

Въ октябрѣ 1888 г. окончилось первое десятилѣтіе существованія германской соціальной демократіи подъ дѣйствіемъ исключительнаго закона, изданнаго съ цѣлью уничтожить ее, или, по крайней мѣрѣ, задержать ея развитіе. Однако, соціалистическая партія Германіи не очень много пострадала отъ направленнаго противъ нея закона. Можно даже подумать, что онъ 'не только не повредилъ ей, а, наоборотъ, послужилъ на пользу. По крайней мѣрѣ, къ такому заключенію приводитъ насъ книга, названіе которой выписано въ заглавіи нашей замѣтки.

Уже въ 1887 г. центральный органъ этой партіи, „Соціаль-демократъ", издававшійся тогда въ Цюрихѣ, а теперь издающійся въ Лондонѣ, заговорилъ о томъ, что ей слѣдуетъ „достойнымъ образомъ отпраздновать десятилѣтній юбилей" такъ называемаго соціалистическаго закона. По предложенію этого органа рѣшено было ознаменовать это юбилейное торжество изданіемъ „Памятной записки", въ которой „изображено было бы дѣйствіе закона во всѣхъ сферахъ и направленіяхъ". Рекомендуемая нами вниманію читателей книга, или вѣрнѣе брошюра и есть первая часть этой „Памятной записки". Вотъ въ нѣсколькихъ словахъ ея содержаніе.

Она состоитъ изъ пяти отдѣловъ, изъ которыхъ первый посвященъ описанію успѣховъ рабочаго движенія въ Германіи со времени объединенія лассальянцевъ и марксистовъ въ одну соціаль-демократическую партію до покушеній Геделя и Нобилинга въ 1878 г. на жизнь Вильгельма I. Второй отдѣлъ рисуетъ намъ свойства той нравственной атмосферы, которую Бисмарку удалось, при помощи этихъ покушеній, создать въ индифферентныхъ массахъ, въ буржуазіи и въ либеральной „интеллигенціи". Загипнотизировавъ сознаніе и волю массы избирателей, доведя до чудовищныхъ размѣровъ ея представленіе объ опасности, непосредственно угрожающей всему обществу со стороны краснаго призрака, воплощеннаго въ соціальной демократіи, Бисмаркъ распустилъ парламентъ, а новые выборы доставили ему большинство, принявшее исключительный законъ противъ соціалистовъ. — Третій отдѣлъ, подъ заглавіемъ „*Исключительный законъ*", знакомитъ читателя съ текстомъ этого закона, съ преслѣдованіями, обрушившимися на соціаль-демократію тотчасъ по обнародованіи его, съ печальнымъ состояніемъ ея въ первое время этихъ преслѣдованій и съ первыми симптомами ея быстраго приспособленія къ новымъ условіямъ борьбы. Въ слѣдующемъ отдѣлѣ разсказывается о первыхъ, тайно организованныхъ *внѣ Германіи*, конгрессахъ соціалистической партіи и о выборахъ 1881 г. въ рейхстагъ. Тамъ же разска-

зывается о попыткахъ, сдѣланныхъ реакціонной партіей послѣ этихъ выборовъ задобрить партію пролетаріата и даже войти съ нею въ сдѣлку цѣною взаимныхъ уступокъ: союзники правительства предлагали соціаль-демократамъ поддержку на дополнительныхъ выборахъ и давали обязательство содѣйствовать отмѣнѣ исключительнаго закона; за то Бебель, Либкнехтъ и Газенклеверъ должны были бы заявить, что они признаютъ *искренность реформаторскихъ намѣреній имперскаго правительства по отношенію къ рабочимъ* и что они готовы работать въ мирѣ *сообща* съ соціально-реформаторскими партіями (т. е. съ представителями клерикальной и юнкерской реакціи) на пользу улучшенія экономическихъ отношеній. Само собою разумѣется, что предложенія реакціонеровъ отвергнуты были съ презрѣніемъ. Пятый отдѣлъ обнимаетъ періодъ съ 1881 г. приблизительно до 1889 и касается слишкомъ многихъ явленій и фактовъ, чтобы можно было резюмировать его содержаніе въ нѣсколькихъ строкахъ.

Разбираемая нами брошюра представляетъ собою, какъ можно частью видѣть изъ сказаннаго нами, очеркъ исторіи соціальной демократіи за послѣднія 14-15 лѣтъ. Объемъ брошюры не позволилъ ей охватить всѣ стороны и все богатое содержаніе этой исторіи. Но не въ этомъ состояла задача „юбилейной записки". Назначеніемъ ея было представить исторію возникновенія соціалистическаго закона и показать послѣдствія его, какъ для рабочей партіи, такъ и для правительства. Но попутно, по скольку этого требовала главная задача, авторъ даетъ читателю не мало матеріала, крайне интереснаго для ознакомленія съ ходомъ развитія рабочаго движенія въ Германіи со времени образованія тамъ единой соціально-демократической партіи. Съ своей стороны, воспользуемся въ предлагаемой замѣткѣ выходомъ „юбилейной записки" для бѣглаго разсказа объ истинныхъ мотивахъ, побудившихъ Бисмарка добиться отъ парламента изданія исключительнаго закона противъ соціалистовъ.

Прежде всего нѣсколько словъ о состояніи рабочей партіи въ Германіи наканунѣ изданія этого закона.

Въ маѣ 1875 года состоялся объединительный конгрессъ общегерманскаго рабочаго союза (лассальянцевъ) и соціально-демократической рабочей партіи (марксистовъ). Не прошло 14 мѣсяцевъ, какъ объединенная партія пріобрѣла 12 новыхъ политическихъ органовъ и одну беллетристическую газету, „Новый міръ". Черезъ новыхъ 9 мѣсяцевъ она пріобрѣла еще 18 періодическихъ изданій, такъ что общее число ихъ поднялось до 41. Цифра подписчиковъ прежнихъ органовъ за этотъ короткій промежутокъ времени почти удвоилась. Кромѣ того партія имѣла въ своемъ полномъ распоряженіи 14 собственныхъ типографій и къ услугамъ ея стояли еще 14 газетъ, издававшихся ремесленными союзами. Наконецъ, количество расходившихся въ продажѣ брошюръ дошло до нѣсколькихъ сотъ тысячъ экземпляровъ.

Особенно сильное впечатлѣніе на буржуазію произвели успѣхи соціальной демократіи на выборахъ 1877 г. въ рейхстагъ. Число голосовъ, полученныхъ ея депутатами поднялось съ 351,081 (въ 1874 г.)

до 486,863 *) Главный приростъ соціалистическихъ голосовъ приходился на долю такихъ крупныхъ центровъ, какъ Берлинъ, Бреславль, Дрезденъ, Магдебургъ, Нюренбергъ, Лейпцигъ, Гамбургъ. Въ первыхъ четырехъ городахъ число соціалистическихъ избирателей удвоилось за трехлѣтній промежутокъ отъ выборовъ 74 до 77 г. И это обстоятельство въ особенности тревожило воображеніе господствующихъ классовъ Германіи.

Не успѣли послѣдніе опомниться отъ побѣдъ соціалистическаго пролетаріата въ періодъ избирательной агитаціи 77 г., какъ явились новые, страшные для нихъ факты. Мы имѣемъ въ виду послѣдовавшія одна за другой грандіозныя манифестаціи берлинскихъ рабочихъ въ началѣ весны 78 г.

Одна изъ нихъ устроена была по поводу похоронъ наборщика Августа Гейнша, одного изъ самыхъ преданныхъ и дѣятельныхъ членовъ соціалистической партіи. Не отличаясь ораторскимъ талантомъ, онъ тѣмъ не менѣе успѣлъ пріобрѣсть огромную популярность среди берлинскихъ рабочихъ, главнымъ образомъ благодаря своей неутомимой дѣятельности въ качествѣ организатора ихъ для всевозможныхъ цѣлей. Онъ умеръ 7 марта 78 г., а 10-го *сотни* тысячъ рабочихъ сопровождали его гробъ, и въ бѣдныхъ кварталахъ, черезъ которые его везли, на крышахъ и окнахъ многихъ домовъ вывѣшены были траурныя знамена. Такая же грандіозная манифестація устроена была въ апрѣлѣ того же года по случаю похоронъ умершаго въ тюрьмѣ отъ чахотки Павла Дентлера, редактора соціалистической „Берлинской Свободной Прессы".

Еще въ 1874 г. либеральная буржуазія утѣшала себя надеждой, что большіе города, какъ „очаги интеллигенціи и образованія", останутся недоступными „лжеученіямъ соціалистической партіи" и доказывала, что вліянію послѣдней подпадаетъ только фабричный пролетаріатъ и „деморализованное" населеніе промышленныхъ сельскихъ округовъ. Теперь она къ ужасу своему увидѣла что именно наиболѣе крупные центры „интеллигенціи и образованія" въ значительной мѣрѣ уже превратились и грозятъ совсѣмъ превратиться въ соціально-демократическія твердыни. „Кто говоритъ теперь, — писала либеральная „Магдебургская газета" по поводу похоронъ Гейнша, — о рабочихъ баталліонахъ Берлина? Это полки, дивизіи, бригады; болѣе того: ничуть не преувеличивая, можно сказать, что цѣлые корпусы шли за гробомъ покойника, оказавшаго, конечно, ихъ дѣлу большія услуги."

Въ виду такихъ явленій, вполнѣ естественно, что противники соціальной демократіи измѣнили свое лестное мнѣніе о большихъ городахъ; теперь они объявили ихъ „гнѣздомъ бездомной (vaterlandsloses) сволочи", и вдругъ начали прославлять крестьянина, какъ охранителя „порядка", „мира" и „закона". „*Поселянинъ*, заявляли они, *твердою рукой привелъ въ равновѣсіе колеблющіеся вѣсы и задержалъ на пути камень, угрожавшій въ своемъ движеніи всему существующему строю*". Глава прогрессистовъ, Рихтеръ, приглашалъ либеральныхъ избирателей по случаю дополнительныхъ выборовъ въ Эрфур-

*) Цифры эти относятся только къ главнымъ выборамъ.

тѣ подавать свои голоса скорѣе въ пользу консервативнаго кандидата, чѣмъ соціалистическаго. Такимъ образомъ, почва для соединенія господствующихъ классовъ или ихъ руководителей въ одну „партію порядка" для общей борьбы съ соціальной демократіей была къ началѣ 1878 г. довольно подготовлена; нужны были только нѣкоторыя благопріятныя обстоятельства и внѣшній толчекъ для того, чтобы имперское правительство рѣшилось воспользоваться этимъ настроеніемъ буржуазныхъ классовъ. Такимъ внѣшнимъ толчкомъ или поводомъ послужили, какъ извѣстно, выстрѣлы Геделя и Нобилинга въ Вильгельма I-го; обстоятельства же, особенно вынуждавшія Бисмарка поскорѣе, если не окончательно уничтожить соціальную демократію — на что, быть можетъ, и онъ самъ, какъ умный человѣкъ, не разсчитывалъ — то, по крайней мѣрѣ, надѣть на нее крѣпкій намордникъ и тяжелыя цѣпи, заключались въ слѣдующемъ.

Милліарды, полученные Германіей послѣ войны 1870-71 г. отъ французовъ, истощились, и для дальнѣйшаго поддержанія ея въ роли первостепенной военной державы въ Европѣ, необходимо было подумать о новыхъ податныхъ источникахъ. Отсюда планы Бисмарка и его совѣтниковъ относительно увеличенія старыхъ косвенныхъ налоговъ и введенія новыхъ. Для осуществленія этихъ проэктовъ необходимо было заручиться согласіемъ національно-либеральной партіи, представляющей главнымъ образомъ интересы крупной промышленной буржуазіи. Послѣдняя въ свою очередь очутилась около средины семидесятыхъ годовъ, благодаря всемірному экономическому кризису, въ крайне стѣсненномъ положеніи. Чтобы обезпечить себѣ внутренній и, по возможности, внѣшній рынокъ, она начала стремиться къ введенію покровительственныхъ пошлинъ. Обезпечивая сбытъ ея товаровъ внутри Германіи по высокимъ цѣнамъ, онѣ тѣмъ самымъ давали ей возможность продавать ихъ въ другихъ странахъ по низкимъ цѣнамъ. И вотъ только въ обмѣнъ за такую уступку націоналъ-либералы выражали готовность поддержать Бисмарка въ его финансовыхъ проэктахъ. На этой именно почвѣ обоюдныхъ услугъ и заключена была парламентская сдѣлка между нимъ и представителями крупной буржуазіи.

Но для осуществленія ихъ обоюдныхъ плановъ необходимо было войти въ соглашеніе еще съ однимъ соціально-политическимъ факторомъ, именно съ крупными землевладѣльцами, т. е. съ консервативной партіей. „Пошлина на хлѣбъ и скотъ въ обмѣнъ за пошлину на желѣзо и пряжу" — таковы были основанія сдѣлки, заключенной, при посредничествѣ имперскаго правительства, между промышленными и землевладѣльческими феодалами Германіи подъ конецъ 70-хъ годовъ.

Итакъ, коренное измѣненіе господствовавшей до того времени въ имперіи экономической политики, — основанной на принципахъ „свободной торговли", — съ спеціальною цѣлью обезпеченія крупному капиталу и землевладѣнію большихъ барышей, а казнѣ обильныхъ источниковъ дохода, — такова была сущность сдѣлки между правительствомъ, представителями крупной промышленности и юнкерствомъ. И вотъ для реализаціи этой сдѣлки оказалось необходимымъ такъ

или иначе устранить съ арены политической борьбы соціалистическую партію. Быстрые успѣхи ея въ городскихъ центрахъ показали реакціонерамъ, что она можетъ явиться на пути къ осуществленію ихъ плановъ большимъ препятствіемъ. Правда, у нея еще слишкомъ мало было силъ для рѣшительнаго нападенія на самыя основы современнаго общественнаго строя. Противъ милліоновъ мелкихъ и среднихъ буржуа и крестьянъ, преданныхъ еще индивидуалистическимъ началамъ общежитія, нѣсколько сотенъ тысячъ соціалистическихъ избирателей представляли собою слишкомъ малую силу, чтобы, опираясь на нее, можно было отважиться на вооруженную борьбу съ „государствомъ и обществомъ" буржуазіи. Но дѣло въ томъ, что задуманные Бисмаркомъ проэкты непосредственно затрогивали насущнѣйшіе интересы огромнаго, подавляющаго большинства среднихъ и низшихъ классовъ Германіи. Напередъ можно было быть увѣреннымъ, что соціальная демократія, какъ наиболѣе рѣшительная и единственно революціонная партія въ странѣ, не упуститъ такого удобнаго момента, чтобы выступить со всей присущей ей энергіей на защиту *„всего нѣмецкаго народа"* противъ правительства и его союзниковъ. И если въ сферѣ болѣе коренныхъ вопросовъ вліяніе ея ограничивалось тогда передовыми слоями промышленнаго пролетаріата, то въ борьбѣ противъ косвенныхъ налоговъ и покровительственныхъ пошлинъ она, пожалуй, увлекла бы за собою и огромную массу среднихъ и мелкобуржуазныхъ элементовъ; во всякомъ случаѣ она своей неутомимой агитаціей распространила бы оппозиціоное настроеніе въ массахъ и тѣмъ самымъ способствовала бы усиленію буржуазныхъ противниковъ новой экономической политики, и именно партіи прогрессистской. Для произведенія соціалистической революціи, „корпусы" соціальной демократіи были еще черезчуръ слабы, но, въ качествѣ передовыхъ отрядовъ и бродильнаго элемента для возбужденія въ народныхъ массахъ энергическаго противодѣйствія новой экономической политикѣ правительства, силы этихъ „корпусовъ" были болѣе чѣмъ достаточны.

Читатель самъ видитъ, какъ важно было для Бисмарка въ интересахъ проведенія его соціальной политики принятіе исключительныхъ мѣръ противъ соціальной демократіи. Необходимо было отнять у нея изъ подъ ногъ почву для агитаціи среди массъ и, по возможности, изолировать ее отъ внѣ ея стоящихъ слоевъ населенія.

Для достиженія этой-то цѣли покушенія Геделя и Нобилинга оказались какъ нельзя болѣе кстати. Извѣстно, что по полученіи депеши въ Фридрихсруэ о выстрѣлѣ перваго въ германскаго императора, Бисмаркъ телеграфировалъ министерству внутреннихъ дѣлъ: *„Исключительные законы противъ соціальной демократіи."*

Покушенія эти дали Бисмарку возможность распространить панику въ массѣ населенія, парализовать на время ея сознаніе и волю и усилить въ буржуазныхъ классахъ ненависть къ соціальной демократіи до такой степени, чтобы у нихъ пропала всякая охота противодѣйствовать его реакціоннымъ планамъ. Читатель припомнитъ сказанное нами выше о сильномъ впечатлѣніи успѣховъ соціальной демократіи въ большихъ городахъ на либеральную „интеллигенцію". Неудивительно, поэтому, что даже крайняя фракція ея, прогрессист-

ская, какъ болѣе всего потерпѣвшая отъ роста соціалистическаго движенія, сознательно или безсознательно содѣйствовала реакціонерамъ въ ихъ усиліяхъ: съ одной стороны, сбить съ толку народныя массы, а съ другой, — сконцентрировать всѣ политическія страсти буржуазіи на мысли объ энергической самооборонѣ противъ соціалистической демократіи. Лишь только въ іюнѣ 78 г. распущенъ былъ рейхстагъ и началась избирательная агитація, прогрессисты издали воззваніе и во главѣ его слова: *„Вонъ соціальную демократію изъ рейхстага!“* Они провозгласили необходимость образованія единой „партіи порядка“ изъ *всѣхъ* противниковъ соціальной демократіи, съ однимъ общимъ лозунгомъ: во что бы то ни стало помѣшать выбору хотя бы одного изъ представителей послѣдней въ парламентъ.

Нечего и говорить, что правое крыло либераловъ, а тѣмъ болѣе реакціонныя партіи по меньшей мѣрѣ не отставали отъ прогрессистовъ въ этомъ натравливаніи индифферентныхъ массъ и „общества“ на соціалистовъ. „Магдебургская газета“, „Берлинскій Тагблатъ“, „Національная газета“ (все либеральные органы) обратились съ воззваніемъ къ „работодателямъ“, въ которомъ приглашали ихъ прогнать изъ своихъ мастерскихъ всѣхъ соціаль-демократическихъ рабочихъ. Кромѣ того, предпринимателямъ предлагалось обязать рабочихъ подпиской, что они не будутъ принадлежать къ соц.-демократической партіи, не будутъ давать въ пользу ея пожертвованій и не станутъ голосовать за ея кандидатовъ въ рейхстагъ. Въ томъ же духѣ дѣйствовало правительство. Тогдашній министръ торговли, Майбахъ, обратился къ торговымъ и промышленнымъ палатамъ съ особымъ циркуляромъ, въ которомъ указывалъ на опасности, грозящія существующему общественному строю со стороны соціальной демократіи, и рекомендовалъ лишать ея приверженцевъ работы въ видахъ болѣе успѣшной борьбы съ нею. Предприниматели, бравшіе на себя заказы отъ правительства, должны были контрактомъ обязываться не терпѣть въ свохъ мастерскихъ рабочихъ, принадлежащихъ къ соціалистической партіи.

Такова атмосфера, которую Бисмарку удалось создать въ Германіи во второй половинѣ 78 г., благодаря покушеніямъ Геделя и Нобилинга, покушеніямъ, не имѣвшимъ никакого отношенія къ соціальной демократіи или, вѣрнѣе, находившимся въ прямомъ противорѣчіи со всей ея тактикой. Не смотря, однако, на совокупныя усилія всѣхъ „партій порядка“, частныхъ предпринимателей и правительства, выборы 1878 года доставили революціонному пролетаріату 9 мѣстъ въ рейхстагѣ; въ большихъ городскихъ центрахъ число соціалистическихъ голосовъ опять увеличилось, и только въ сельскихъ округахъ, гдѣ правительственный и хозяйскій терроръ сильнѣе давилъ избирателей, оно нѣсколько упало. Но своей главной цѣли правительство все таки достигло: выборы, произведенные при всеобщей паникѣ и скрежетѣ зубовномъ филистеровъ всѣхъ цвѣтовъ и направленій противъ соціальной демократіи, доставили Бисмарку такое большинство въ рейхстагѣ, которое ему нужно было для его реакціонныхъ плановъ. Прежде всего оно приняло исключительные законы противъ

соціалистовъ, а затѣмъ уже начался дѣлежъ добычи между составными элементами этой реакціонной коалиціи.

„Соціалистическій законъ“ имѣлъ своей непосредственной цѣлью устраненіе соціальной демократіи, какъ наиболѣе активнаго и непримиримаго противника реакціи, съ политической арены, но обстановка, при которой онъ появился на свѣтъ, должна была послужить средствомъ для осуществленія другой задушевной мысли Бисмарка: обезсиленія либерализма и его болѣе крайнихъ представителей. Какъ извѣстно, съ этой стороны старанія Бисмарка увѣнчались блестящимъ, хотя быть можетъ, и не очень прочнымъ успѣхомъ. Какъ разъ обратное случилось съ ожиданіями реакціонно-либеральныхъ партій отъ „благотворнаго“ дѣйствія исключительнаго закона на развитіе рабочаго движенія. Мы уже имѣли случай касаться этого предмета въ нашемъ сборникѣ („Соціаль-демократъ“ 1888) г. *). Исторія германской соціальной демократіи за послѣднія 12 лѣтъ представляетъ собою непрерывную нить фактовъ въ подтвержденіе только что сказаннаго о полной негодности выкованнаго либерально-реакціонной коалиціей оружія для истребленія этой партіи. Оно оказалось негоднымъ даже на то, чтобы задержать ее хотя временно въ ея ростѣ и движеніи. Здѣсь не мѣсто излагать ея исторію; она заслуживаетъ самостоятельнаго очерка, который и надѣемся представить въ одной изъ послѣдующихъ книжекъ „Соціаль-демократа“. Позволимъ себѣ, однако, въ заключеніе нашей замѣтки, указать на одно, весьма любопытное, послѣдствіе соціалистическаго закона.

Правительство съ самаго начала поняло, что одними исключительными законами невозможно сломить партію, пустившую столь глубокіе корни въ рабочемъ населеніи такихъ центровъ, какъ Берлинъ, Гамбургъ, Бреславль и т. п. Поэтому, еще во время преній объ исключительномъ законѣ Бисмаркъ указывалъ на намѣренія правительства выступить въ роли „соціальнаго реформатора“ и представить рейхстагу цѣлый рядъ проэктовъ для „лѣченія соціальной болѣзни нашего вѣка“. Въ то же время, органъ придворнаго попа Штекера, „Государственный Соціалистъ“, изо дня въ день помѣщалъ на своихъ столбцахъ такія филиппики противъ „денежнаго капитала“ и биржевой спекуляціи, противъ эксплуатаціи „бѣдныхъ и слабыхъ богатыми и сильными“, что иной неопытный читатель могъ бы, пожалуй, приписать ихъ перу завзятаго соціаль-демократа. И точно такимъ же языкомъ заговорили Штекеръ, профессоръ Адольфъ Вагнеръ и ихъ антисемитическіе сподвижники въ народныхъ собраніяхъ. Извѣстно, что Штекеръ повелъ около того времени очень дѣятельную агитацію „въ народѣ“ и образовалъ „христіанско-соціальную партію“ среди рабочихъ. Словомъ, правительство въ союзѣ съ попами и представителями университетской науки задумало повести аттаку противъ соціальной демократіи, на ея же собственной территоріи: образовать новую „рабочую партію“, и, опираясь на нее, бороться одновременно и противъ революціонныхъ элементовъ пролетаріата, и противъ „разлагающаго“ либерализма. „Государственный соціализмъ“

*) Рабочее движеніе въ началѣ шестидесятыхъ годовъ и теперь.

провозглашенный реакціонными демагогами лозунгомъ поднятаго ими движенія, хотя зародился раньше изданія соціалистическаго закона, но пріобрѣлъ особое практическое значеніе только благодаря этому закону. Имъ пользовались въ парламентской прессѣ и собраніяхъ, какъ миной, которая должна взорвать на воздухъ всѣ укрѣпленія демократическаго или революціоннаго соціализма. Уничтоживъ или обезсиливъ послѣдній, государственный соціализмъ, казалось, непремѣнно привлечетъ на сторону правительства и его союзниковъ рабочія массы и тѣмъ самимъ сдѣлаетъ реакцію всемогущей въ ея стремленіи окончательно добить ненавистный ей либерализмъ.

Но и демагогическія попытки реакціонныхъ „соціаль-реформаторовъ“ разбились въ пухъ и прахъ при столкновеніи съ неутомимой энергіей воспитанныхъ въ школѣ марксизма соціалистическихъ кадръ германскаго пролетаріата. Благодаря ихъ неустанной пропагандѣ, рабочія массы Германіи уже вышли изъ того жалкаго состоянія политическаго индифферентизма и неразвитости, когда расположеніе народа покупается чечевичной похлебкой и любой демагогъ можетъ обратить ихъ въ слѣпое орудіе для домашнихъ междоусобій высшихъ классовъ. Болѣе 750,000 голосовъ, полученныхъ соціаль-демократическими кандидатами во время выборовъ въ 1887 г.— таковъ отвѣтъ, данный германскимъ пролетаріатомъ представителямъ реакціи на ихъ льстивыя обѣщанія и заискиванія его расположенія. Предстоящіе выборы доставятъ имъ еще болѣе непріятный сюрпризъ.

Какъ только законъ противъ соціалистовъ былъ принятъ, правительство съ поспѣшною яростью набросилось на ихъ союзы и прессу. Вскорѣ почти всѣ ихъ органы и типографіи были закрыты. Между тѣмъ, теперь едва ли найдется много городовъ съ нѣсколькими досятками тысячъ жителей, гдѣ бы соціально-дамократическая партія не имѣла собственной газеты. Есть даже городки съ населеніемъ всего въ 8—12 тыс. гдѣ мѣстные рабочіе имѣютъ *собственный* соціалистическій органъ. Правительство со своимъ *исключительнымъ* закономъ оказалось безсильнымъ противъ рабочей прессы; оно вынуждено терпѣть ее, конечно, преслѣдуя ее, по мѣрѣ силъ и возможности. Оно пробовало доканать партію безчисленными преслѣдованіями и процессами; а теперь сами реакціонныя газеты констатирують, что оно терпитъ на этомъ пути одни только моральныя пораженія. Партія, противъ которой направленъ исключительный законъ, празднуетъ его „десятилѣтній юбилей“ изданіемъ особой брошюры объ исторіи его возникновенія и дѣйствія. Для самихъ же виновниковъ этого закона онъ сталъ въ тягость, точно гиря, привязанная ими себѣ къ ногамъ или къ шеѣ. Не будемъ ломать себѣ голову надъ вопросомъ, о томъ, хватитъ ли у нихъ умѣнья и сообразительности добровольно снять съ политическаго противника цѣпи, которыя хотя и причиняютъ ему страданія, но не мѣшаютъ ему, однако, крѣпнуть и развиваться, а имъ самимъ доставляютъ множество непріятностей *). Для

*) Замѣтка эта была писана, когда вопросъ о соціалистическомъ законѣ еще не былъ рѣшенъ рейхстагомъ. Теперь извѣстно, что старый законъ остается въ силѣ до октября 1890 года, а законопроэктъ, стремящійся къ его увѣковѣченію и усиленію отвергнутъ. *Ред.*

настроенія реакціонно-либеральной коалиціи характерно заявленіе „Національной газеты“, сдѣланное по поводу моральной грязи, которою процессъ противъ 90 соціалистовъ въ Эльберфельдѣ забрызгалъ правительство. Остается только одно средство для успѣшной борьбы съ соціаль-демократіей — писалъ этотъ органъ національ-либераловъ, именно: создать особое *международное* право для рабочихъ“. Такой способъ дѣйствій можетъ, по мнѣнію „Нац. газеты“, повести къ образованію „умѣренной рабочей партіи“ и къ постепенному обезсиленію соц.-демократіи. Другими словами, поклонники Бисмарка желали бы, чтобы правительство германское взяло на себя инициативу въ дѣлѣ осуществленія рѣшеній международнаго конгресса соціаль-демократовъ въ Парижѣ. Чтожь? Богъ ему въ помощь. Соціалисты первые порадуются этому, какъ самому блестящему тріумфу надъ своими многочисленными врагами.

Мы воспользовались только крайне незначительной долей матеріала, содержащагося въ „юбилейной запискѣ“. Въ заключеніе еще разъ рекомендуемъ ее вниманію всѣхъ нашихъ соотечественниковъ, интересующихся исторіей германской соціаль-демократіи. Замѣтимъ только, что она предполагаетъ уже нѣкоторое знакомство съ главными фазами этой исторіи.

П. Аксельродъ.

— La civilisation et les grands fleuves historiques. Par Léon Metchnikoff, avec une préface de M. Elisé Reclus. Paris. 1889.

О книгѣ покойнаго Л. И. Мечникова совсѣмъ молчатъ наши періодическія изданія. Что означаетъ это? Можетъ быть она не заслуживаетъ вниманія? Но какъ бы кто ни относился ко взглядамъ ея автора, нельзя же не видѣть, что въ ней гораздо больше серьезнаго содержанія, чѣмъ во всѣхъ сочиненіяхъ „субъективныхъ“ нашихъ „соціологовъ“. Французская литература много богаче русской дѣльными трудами по общественнымъ наукамъ, а между тѣмъ и въ ней книга Л. И. Мечникова является немаловажнымъ пріобрѣтеніемъ. Почему же не говорятъ о ней наши журналы? Должно быть опять пошалила цензура, которая, какъ извѣстно, склонна была одно время даже Дарвина „изъять изъ обращенія“. Если наше предположеніе справедливо, то вопросъ рѣшается очень просто. Съ цензурой ничего не подѣлаешь. Всѣ мы, русскіе читатели и писатели, давно уже привыкли къ неуживчивому и взбалмошному нраву этой старухи.

Къ чему же сводится вредное содержаніе книги Л. И. Мечникова? О немъ можно и должно было бы написать много, но это немыслимо для насъ въ настоящее время. Надѣемся, что въ одной изъ слѣдующихъ книжекъ намъ удастся подробнѣе разобрать историческіе взгляды покойнаго русскаго изгнанника, сопоставивъ ихъ со взглядами другихъ новѣйшихъ изслѣдователей общественныхъ явленій. Теперь же мы вынуждены ограничиться коротенькой замѣткой.

Нисколько не преувеличивая дѣла, можно сказать, что книга Л. И. Мечникова затрогиваетъ самые основные вопросы философіи исторіи и для нѣкоторыхъ изъ нихъ даетъ вполнѣ удовлетворительное рѣшеніе. Кромѣ того она положительно изобилуетъ чрезвычайно мѣткими замѣчаніями по частнымъ, второстепеннымъ вопросамъ науки, и нужно было бы только изложить эти замѣчанія въ болѣе систематической формѣ, чтобы еще болѣе обогатить содержаніе книги. Вѣроятно авторъ и сдѣлалъ бы это, еслибы смерть не унесла его такъ преждевременно въ могилу. Постараемся же передать его мысли въ немногихъ, но по возможности точныхъ словахъ.

Подъ вліяніемъ какихъ причинъ совершается внутреннее развитіе человѣческихъ обществъ? Почему одни племена остаются почти совершенно неподвижными, другія же соединяются въ обширныя государственныя тѣла, гдѣ начинается политическая жизнь, возникаютъ науки, литература, прикладныя и изящныя искусства. большія производительныя силы, словомъ, все то, что мы называемъ цивилизаціей? И почему носителями цивилизаціи въ разныя времена являются различные народы? Почему въ данную историческую эпоху главныя силы цивилизаціи сосредоточиваются въ данномъ мѣстѣ, или въ данныхъ мѣстахъ, чтобы впослѣдствіи занять новую территорію, первенство которой оспаривается затѣмъ новыми соперницами? Почему центръ тяжести цивилизаціи перенесся съ береговъ Нила, Тигра и Евфрата въ Грецію и Римъ, а потомъ въ Среднюю Европу, откуда онъ, того и гляди, перейдетъ въ Сѣверную Америку? Есть-ли какая нибудь законосообразность въ этомъ, повидимому, чрезвычайно капризномъ ея ходѣ? Наконецъ, и это можетъ быть самое интересное, вѣдь не все хорошо и въ цивилизованныхъ странахъ. Историческое развитіе покупается очень дорогою цѣною. Оно ведетъ, по крайней мѣрѣ на время и, нужно сознаться, на очень продолжительное время, къ раздѣленію общества на классы и сословія, къ господству незначительныхъ кучекъ привиллегированныхъ, къ угнетенію народной массы, къ приниженію человѣческой личности, а часто и къ самымъ гнуснымъ, самымъ отвратительнымъ проявленіямъ деспотизма. Что же гонитъ человѣчество въ суровую школу цивилизаціи? Какая сила заставляетъ нѣкоторыя человѣческія племена покидать свои первобытныя отношенія, складываться въ новыя политическія группы и выходить на тяжелую „барщину исторіи“?

Разумѣется, нѣтъ ничего легче, какъ разрѣшить подобные вопросы ссылкою на божественное провидѣніе: такъ угодно богу въ его неизмѣченной мудрости, — такой отвѣтъ не оставляетъ мѣста сомнѣніямъ. Но въ наукѣ онъ не можетъ имѣть никакого значенія. Пока мы ссылаемся на волю божества, мы не имѣемъ права говорить о законосообразности явленій. Открытіе же этой законосообразности и составляетъ задачу науки. Вотъ почему серьезная наука никогда не могла ужиться въ мирѣ съ религіей. Мало по малу наука сбила религію со всѣхъ ея позицій, и въ настоящее время уже никто изъ людей, имѣющихъ хоть нѣкоторое понятіе о научномъ мышленіи, не станетъ ссылаться на божью волю, какъ на причину явленій природы или общественнаго развитія. Но недостаточно от-

казаться отъ ссылокъ на божественное провидѣніе, чтобы усвоить себѣ всѣ пріемы строгой научной мысли. Въ общественной наукѣ мы часто и до сихъ поръ встрѣчаемся съ совершенно произвольными толкованіями событій, съ совершенно ненаучными объясненіями явленій. Справляться съ логикой въ дѣлѣ подобныхъ объясненій не всегда считается обязательнымъ. Когда поднимается вопросъ о причинѣ того или другого историческаго явленія, то часто бываетъ, что неглупые и серьезные люди довольствуются такими отвѣтами, которые не рѣшаютъ ровно ничего, представляя собою лишь повтореніе вопроса въ новыхъ выраженіяхъ. Положимъ, вы задаете „ученому" одинъ изъ поставленныхъ выше вопросовъ. Вы спрашиваете, — почему одни народы развиваются съ такою поразительною медленностью, между тѣмъ какъ другіе быстро идутъ по пути цивилизаціи? „Ученый" безъ запинки отвѣчаетъ вамъ, что это объясняется свойствами расы. Понимаете-ли вы смыслъ такого отвѣта? Нѣкоторые народы развиваются медленно потому, что таково уже свойство ихъ расы, чтобы имъ развиваться медленно; другіе же — цивилизуются очень быстро, потому что главное свойство ихъ расы заключается въ томъ, они могутъ развиваться быстро. Если вы станете сравнивать одинъ съ другимъ различные цивилизованные народы, то и здѣсь вы увидите, съ какою удивительною легкостью объясняются свойствами расы всѣ особенности ихъ исторіи. Въ рукахъ умѣлыхъ людей „раса" оказывается ключемъ къ рѣшенію всѣхъ вопросовъ общественной науки. Въ виду удивительной силы этого магическаго слова, можно, казалось бы, ожидать, что связанное съ нимъ понятіе отличается полною ясностью и опредѣленностью. Однако, на дѣлѣ оказывается, что это вовсе не такъ.

Въ книгѣ „Цивилизація и великія историческія рѣки" есть превосходная глава, въ которой авторъ подвергаетъ строгому разбору современное ученіе о расѣ. Онъ указываетъ прежде всего на тотъ странный фактъ, что при объясненіи общественныхъ явленій любятъ ссылаться на свойства расы въ особенности дарвинисты, т. е. сторонники принципа эволюціи, вполнѣ признающіе въ теоріи, что свойства даннаго вида или данной разновидности являются плодомъ приспособленія его къ средѣ въ борьбѣ за существованіе. Потомъ Л. И. Мечниковъ мастерски показываетъ всю неопредѣленность и всю сбивчивость понятія о расѣ, при чемъ приводитъ свидѣтельство такого выдающагося антрополога какъ Топинаръ, который утверждаетъ, что въ виду продолжительнаго смѣшенія и скрещиванія различныхъ племенъ нельзя и толковать теперь о чистыхъ расахъ, и что „когда мы говоримъ объ индо-германской, латинской, нѣмецкой, англійской, славянской расѣ, то слово *раса* можетъ имѣть смыслъ лишь политическаго термина, обозначаетъ только случайное скопленіе различныхъ антропологическихъ элементовъ." Л. И. Мечниковъ прибавляетъ къ этому, что всѣ великія цивилизаціи были плодомъ очень сложной смѣси различныхъ этническихъ элементовъ, смѣси, въ которой иногда нельзя даже приблизительно опредѣлить относительное значеніе ея составныхъ частей. Трудно сказать, напримѣръ, какая раса, черная, желтая или бѣлая сдѣлала наибольшій взносъ въ цивилизацію древ-

наго Египта. Исторія Халдеи показываетъ даже, что въ дѣлѣ цивилизаціи *черная*, *„кушитская“* раса, опередила всѣ другія. Чернокожіе ученые того времени могли бы, такимъ образомъ, считать свою расу самой способной къ прогрессу и съ сожалѣніемъ посматривать на племена бѣлыя и желтокожія, коснѣвшія тогда въ застоѣ и невѣжествѣ. Теперь положеніе дѣлъ измѣнилось, теперь бѣлая раса стоитъ впереди всѣхъ другихъ, между тѣмъ какъ черная поражаетъ своею отсталостью. Но если бы даже и допустить, что бѣлая раса дѣйствително способнѣе всѣхъ другихъ къ развитію, то это мало объясняло бы намъ различіе въ исторической судьбѣ народовъ. Мы все таки не знали бы, „почему столь родственныя между собою этническія группы, какъ курды и нѣмцы, англичане и афганцы, одинаково принадлежащія къ арійской вѣтви бѣлой расы, играли въ исторіи такія различныя роли“ (стр. 98). Очевидно, что различіе ихъ ролей опредѣлялось не свойствами расы, а какими-то другими причинами, о которыхъ слишкомъ мало задумывались люди, привыкшіе все сваливать на расу.

Но гдѣ же искать этихъ причинъ? Л. И. Мечниковъ отвѣчаетъ, что искать ихъ нужно во вліяніи географической среды, окружающей человѣческія общества. Всѣмъ извѣстно, что свойства географической среды въ различныхъ мѣстахъ очень различны, а потому различны и судьбы племенъ, испытывающихъ на себѣ ея могучее дѣйствіе. Мысль о вліяніи географической среды на историческую судьбу человѣчества далеко не нова въ наукѣ. Ее не разъ высказывали еще греческіе и римскіе писатели, въ новѣйшее время ее развивали Монтескье, Гегель, Бокль, Риттеръ и многіе другіе. Но ве рѣдко вліяніе географической среды на историческія судьбы человѣческихъ обществъ понималось очень неяснымъ и даже прямо ошибочнымъ образомъ. Главная ошибка нѣкоторыхъ изслѣдователей сводилась въ этомъ случаѣ къ тому, что слѣдовъ вліянія этой среды они искали больше въ *психологіи* или даже въ *физіологіи* различныхъ племенъ, чѣмъ въ ихъ *соціальномъ* бытѣ. Подъ вліяніемъ географической среды, говорили они, сложился такой-то и такой-то характеръ даннаго племени, а характеръ его, въ свою очередь, опредѣлилъ собою его исторію. Но не трудно видѣть, что такое разсужденіе опять приводитъ насъ къ тѣмъ же свойстватъ расы. Разница лишь въ томъ, что въ этомъ случаѣ происхожденіе мнимыхъ свойствъ расы выясняется нѣсколько подробнѣе. Изслѣдователи этого направленія забывали, что человѣкъ живетъ въ обществѣ. вліяніе котораго на его характеръ и привычки безконечно сильнѣе непосредственнаго вліянія природы. Поэтому, чтобы правильно оцѣнить вліяніе географической среды на историческую судьбу человѣчества, нужно прослѣдить, какъ эта природная среда вліяетъ на складъ и свойства той *общественной среды*, которая ближайшимъ образомъ опредѣляетъ характеръ и наклонности человѣка. Л. И. Мечниковъ довольно подробно разсмотрѣлъ вліяніе „великихъ историческихъ рѣкъ“ Нила, Тигра и Евфрата, Кіанга и Гоанг-го, на развитіе древнихъ восточныхъ цивилизацій. Эти цивилизаціи были не только древними, но и древнѣйшими. Поэтому понятно, что правильно поставленное

изученіе ихъ должно выяснить намъ, какая именно географическая среда наиболѣе способствовала рѣшительному выступленію человѣчества на путь цивилизаціи. Важныя особенности „великихъ историческихъ рѣкъ“ сводятся, по замѣчанію Л. И. Мечникова, къ слѣдующему: „орошаемыя ими страны могутъ стать, смотря по обстоятельствамъ, или житницами, изъ которыхъ люди трудомъ нѣсколькихъ дней могутъ почерпать средства къ существованію въ теченіе цѣлаго года, или — кладбищами, усѣянными безчисленными трупами, жертвами наводненій, голода и заразы. Чтобы эксплуатировать исключительную среду, создаваемую этими рѣками, необходимы совокупныя усилія строго дисциплинированныхъ рабочихъ, вербуемыхъ между побережнымъ населеніемъ, обыкновенно очень разнообразнымъ по своему составу, различнымъ по языку, расѣ, внѣшнему виду и обычаямъ. Каналы Кіанга и плотины Гоанг-го по всей вѣроятности, представляютъ искусно организованный совокупный трудъ болѣе многочисленныхъ поколѣній, чѣмъ пирамиды и храмы Египта. Малѣйшая небрежность въ рытьѣ того или другого рва или въ поддержаніи какой нибудь насыпи, малѣйшая лѣность, эгоизмъ, проявляемый однимъ человѣкомъ или одной группой людей въ дѣлѣ охраненія общаго воднаго богатства, становится въ подобной исключительной средѣ источникомъ общественнаго бѣдствія, непоправимаго народнаго несчастія. Такимъ образомъ, кормилица-рѣка подъ страхомъ смерти вынуждаетъ къ тѣсной и постоянной солидарности всѣ эти массы населенія, часто незнакомыя или даже враждебныя между собою; она осуждаетъ каждаго на такія работы, общеполезность которыхъ обнаруживается лишь со временемъ и планъ которыхъ чаще всего непонятенъ среднему человѣку. Вотъ истинная причина боязливаго и благоговѣйнаго обожанія Рѣки, этого бога, который питаетъ и повелѣваетъ, убиваетъ и даетъ жизнь, повѣряетъ свои тайны немногимъ избраннымъ, но требуетъ слѣпого повиновенія отъ простого смертнаго.“ (стр. 189) И въ самомъ дѣлѣ, переведенный г. Масперо и цитируемый Л. И. Мечниковымъ гимнъ Нилу, не оставляетъ никакого сомнѣнія на счетъ источника этого обожанія. „Привѣтъ тебѣ, о Нилъ, ты, который проявляешься на землѣ и мирно приходишь, чтобы дать жизнь Египту. Создатель хлѣба, творецъ ячменя, онъ увѣковѣчиваетъ теченіе времени... Его трудъ даетъ отдыхъ милліонамъ несчастныхъ. Когда онъ убиваетъ, боги на небесахъ падаютъ ницъ, люди гибнутъ... Когда онъ поднимается, земля преисполняется радости, всякое брюхо веселится, всякое существо получаетъ свою пищу, всѣ зубы принимаются за работу... самыя жертвоприношенія существуютъ лишь благодаря ему“ и проч. (стр. 215-216). Но тотъ же самый могучій и таинственный богъ, создатель „всѣхъ хорошихъ вещей, создавалъ также и деспотизмъ, свойственный древнему Египту. „Никакой народъ — говоритъ Ленорманъ объ египтянахъ — не заходилъ такъ далеко въ своемъ почтеніи къ власти государя, не ставилъ такъ высоко понятія о власти, не обоготворялъ ее до такой степени. И это происходило оттого, что нигдѣ задача и необходимость этой власти не выяснялись до такой степени народу условіями матеріальной жизни, производствомъ предметовъ самой первой

потребности." При внимательномъ отношеніи къ дѣлу оказывается, впрочемъ, что и власть халдейскихъ царей основывалась на матеріальныхъ условіяхъ жизни, на производствѣ предметовъ первой необходимости. Это сознавали, повидимому, и сами цари. „Я изучилъ тайны рѣкъ для блага людей... — говоритъ о себѣ одинъ изъ нихъ. — Я провелъ рѣчную воду въ пустыни; я наполнилъ ею изсохшіе рвы... я оросилъ пустынныя равнины; я далъ имъ плодородіе и изобиліе; я сдѣлалъ изъ нихъ обитель счастья" и т. д. (стр. 258 разб. книги). Говоря вообще, таково же было экономическое значеніе деспотической власти и въ Китаѣ, по крайней мѣрѣ, въ области Янъ-тсе-Кіанга и нижняго Гоанго. „Тамъ мы опять встрѣчаемся съ такой средой, которая, щедрою рукой вознаграждая трудъ человѣка, вынуждаетъ его, подъ страхомъ истребленія, къ полной солидарности, къ строгой и постоянной дисциплинѣ, распространяющейся даже на самыя мелкія частности жизни." (стр. 353-354). Наконецъ, хотя въ Индіи свойства географической среды и помѣшали возникновенію государственнаго единства, но и тамъ они сдѣлали деспотизмъ неизбѣжной и для извѣстнаго времени полезной политической формой. У насъ есть достаточно данныхъ для того, чтобы представить себѣ тѣ соціально-политическія отношенія, которыя существовали у индійскихъ арійцевъ до возникновенія у нихъ деспотическихъ государствъ. Эти отношенія характеризуются въ особенности независимостью общины, во главѣ которой стоялъ выборный начальникъ. По географическимъ условіямъ страны, общины могли оставаться независимыми лишь до тѣхъ поръ, пока индійскіе арійцы жили въ роскошныхъ долинахъ Кашмира, „гдѣ сложились древнѣйшіе гимны Ригъ-Веды, и въ сосѣдствѣ Гинду-Куша. Изобиліе дождей въ соединеніи съ плодородіемъ почвы благопріятствовало пастушеской жизни и обработкѣ почвы свободнымъ трудомъ небольшихъ независимыхъ группъ." Еслибы арійцы не пошли дальше въ своемъ заселеніи Индіи, они могли бы навсегда сохранить свои первобытныя свободныя учрежденія, за то и не играли бы никакой роли въ исторіи. Но они неудержимо подвигались внутрь страны, гдѣ ихъ ожидали уже иныя географическія условія. „Обширная мѣстность, которая въ сводѣ Ману называется „срединною страною", Мадья-деза, имѣетъ всѣ отличительные признаки среды, благопріятной для историческаго развитія." (стр. 303). Тамъ земледѣліе, продолжая щедро вознаграждать усилія человѣка, становится однако немыслимымъ безъ той планомѣрной организаціи и дисциплины труда, которыя, создавъ древнія цивилизаціи, создали также и древнее деспотическое государство. Тоже и во всемъ бассейнѣ Ганга. Обширная система орошенія тамъ совершенно необходима; малѣйшая неисправность въ поддержаніи этой системы грозитъ странѣ болѣе страшными бѣдствіями, чѣмъ самое опустошительное нашествіе непріятеля. Центральная власть, завѣдывающая этой системой, пріобрѣтаетъ огромную силу и становится деспотической.

Но древнія восточныя цивилизаціи представляютъ собою только первые большіе шаги человѣчества на пути историческаго развитія. Для слѣдующихъ шаговъ требуется уже иная географическая среда,

благопріятствующая развитію иныхъ соціально-политическихъ отношеній. Развитіе техническихъ искусствъ и возростаніе богатства создаютъ надобность въ международныхъ сношеніяхъ, въ обмѣнѣ. Центръ тяжести цивилизаціи переносится на берега средиземныхъ морей. На историческую сцену выступаютъ новые дѣятели: финикійцы, греки, римляне и т. д. Тѣ народы, которые подобно древнимъ египтянамъ, по тѣмъ или другимъ причинамъ, не могутъ приспособиться къ новымъ условіямъ цивилизованнаго существованія, отступаютъ на задній планъ, приходятъ въ упадокъ. Для народовъ же, сумѣвшихъ приспособиться къ этимъ условіямъ, начинается новый періодъ процвѣтанія. Такова была судьба Халдеи, которая въ первомъ періодѣ является исключительно земледѣльческой страною, но затѣмъ играетъ огромную роль въ торговлѣ Персидскаго залива, этого ближайшаго къ Европѣ средиземнаго моря Востока. Но постепенно международныя сношенія развиваются до такой степени, что средиземныя моря становятся тѣсны для нихъ и тогда образованное человѣчество входитъ въ періодъ *океаническихъ цивилизацій*, выдвигающій на первый планъ страны, наиболѣе удобныя для развитія океанической торговли.

Въ соціально-политическомъ отношеніи древнія рѣчныя цивилизаціи характеризуются, какъ мы знаемъ, преобладаніемъ обширныхъ деспотій; въ періодъ цивилизаціи средиземныхъ морей, къ которому нашъ авторъ относитъ и средневѣковую Европу, выступаетъ новый принципъ. Господствующей формой является федеративная республика, основанная, впрочемъ, на рабствѣ, и потому всегда болѣе или менѣе *олигархическая* (стр. 44-45). Наконецъ, новѣйшій океаническій періодъ цивилизаціи по направленію своему одинаково враждебенъ и деспотизму и олигархіи, онъ стремится воплотить въ жизнь провозглашенныя Великой Революціей права человѣка, устранить господство однихъ классовъ надъ другими, осуществить принципы *свободы, равенства и братства* (стр. 51-52).

Итакъ, при данныхъ природой условіяхъ человѣческаго существованія, деспотизмъ, раздѣленіе общества на классы, угнетеніе одного класса другимъ и всѣ подобныя этому черныя стороны цивилизаціи были необходимы для ея развитія. Но успѣхи этого развитія постепенно ведутъ къ ихъ отрицанію и уже недалеко то время, когда начнется новый періодъ свободныхъ и разумныхъ общественныхъ отношеній. Къ такому выводу приходитъ Л. И. Мечниковъ, и за этотъ то выводъ обидѣлась должно быть наша старушка-цензура. Что касается до насъ, то, разумѣется, мы принимаемъ его всецѣло. Намъ кажется только, что авторъ иногда выражаетъ его нѣсколько не точно. Въ концѣ первой главы своей книги онъ выставляетъ, между прочимъ, такое положеніе: „соціологическій прогрессъ — говоритъ онъ — обратно пропорціоналенъ насилію, принужденію, *власти* и прямо пропорціоналенъ отсутствію стѣсненій *воли*, свободѣ, *анархіи*“ (стр. 28). Это доказалъ. по его мнѣнію, еще Прудонъ. Съ такой постановкой вопроса мы согласиться не можемъ. Во-первыхъ, выставленное авторомъ положеніе опровергается содержаніемъ его собственной книги. Сравните общественный строй, выработавшійся въ періодъ „рѣчныхъ

цивилизацій“, со строемъ первобытныхъ человѣческихъ обществъ, и вы увидите, что „принужденіе“ и „*власть*“ играютъ гораздо большую роль въ первомъ, чѣмъ во второмъ. Но можно-ли сказать, что „рѣчныя цивилизаціи“ въ смыслѣ „соціологическаго *прогресса*“ ушли назадъ сравнительно съ первобытными обществами? Можно больше симпатизировать свободному быту дикарей, чѣмъ цивилизованной деспотіи, но зачѣмъ же придавать слову *прогрессъ* такое произвольное и парадоксальное значеніе, благодаря которому оказывается, что первобытныя племена, почти не двигаясь съ мѣста, ушли по пути прогресса дальше, чѣмъ народы, оставившіе за собою длинный историческій путь? Вообще мы думаемъ, что въ общественной наукѣ вредны всякія отвлеченныя формулы. Уже вслѣдствіе своей отвлеченности онѣ всегда крайне односторонни и никогда не охватываютъ богатаго содержанія дѣйствительной жизни и исторіи. Распредѣлять различныя общества по степенямъ „прогресса“ и принимать при этомъ въ соображеніе только одну сторону ихъ отношеній, — это то же, что распредѣлять растительные виды, роды и семейства по количеству тычинокъ, или человѣческія расы по разрѣзу волосъ: ошибки и противорѣчія немедленно явятся въ огромномъ числѣ. Въ первобытныхъ обществахъ больше свободы, чѣмъ въ восточныхъ деспотіяхъ, но восточныя деспотіи все таки гораздо дальше ушли по пути прогресса, потому что населеніе ихъ имѣетъ гораздо большую власть надъ природою, чѣмъ свободные дикари. Вѣдь нельзя же разсуждать о прогрессѣ *человѣка*, не принимая во вниманіе степени власти его надъ *природой*? Способность къ пріобрѣтенію такой власти составляетъ главнѣйшее отличіе человѣка отъ животнаго. Если бы онъ не обладалъ ею, и если бы мѣра власти его надъ природой не измѣнялась при благопріятныхъ условіяхъ, то не было бы исторіи, не было бы и человѣческаго прогресса ни въ какомъ смыслѣ этого слова. Кромѣ того мы замѣтимъ еще вотъ что. Для насъ, какъ мы уже сказали, не подлежитъ сомнѣнію тотъ выводъ, что исторія ведетъ человѣчество къ свободѣ и равенству. Но ведетъ-ли оно его къ анархіи? Можно-ли сказать, что общественное развитіе идетъ по тому направленію, на которое указывалъ Прудонъ? Далеко нѣтъ. „Анархія“ Прудона до такой степени пропитана духомъ мелкобуржуазнаго индивидуализма, что если бы человѣчество когда нибудь прониклось прудоновскими идеями, то совершенно невозможной стала бы планомѣрная организація общественнаго производства на какихъ бы то ни было началахъ, не говоря уже о началахъ свободы и равенства. Конечно, въ тѣхъ общественныхъ формахъ, къ которымъ видимо идетъ теперь цивилизованное человѣчество, не можетъ имѣть мѣста ни деспотизмъ, ни политическая власть одного класса надъ другимъ, ни, наконецъ, та, по внѣшности демократическая, власть, которая поддерживаетъ теперь въ нѣкоторыхъ странахъ экономическое господство буржуазіи надъ пролетаріатомъ. Но вѣдь сохранитъ же общество *власть* надъ своими собственными производительными силами? Сохранитъ оно *власть* надъ организаціей этихъ силъ? Конечно — да, потому что отказъ *отъ этой власти* былъ бы для него равносиленъ *самоубійству*. Но въ такомъ случаѣ общество это не будетъ *анархи-*

ческимъ, потому что анархія означаетъ полное безвластіе, оставляющее неограниченный просторъ,— не свободѣ, немыслимой безъ организаціи, — а *произволу* отдѣльныхъ лицъ, исключающему всякую организацію. Вообще мы позволимъ себѣ замѣтить, что соображенія объ анархіи довольно сильно повредили достоинству книги Л. И. Мечникова, — повредили тѣмъ, что помѣшали систематическому развитію лежащихъ въ ея основѣ совершенно вѣрныхъ и плодотворныхъ мыслей. Иногда онъ какъ бы опасается своихъ выводовъ, идущихъ въ разрѣзъ съ анархическими воззрѣніями, и тогда онъ начинаетъ смягчать ихъ различными оговорками, противорѣчащими его ученію. Вотъ одинъ изъ многихъ примѣровъ. Показавъ какъ нельзя болѣе ясно, что въ древнемъ Египтѣ производство не могло устроиться иначе, какъ при помощи деспотической власти, онъ считаетъ нужнымъ смягчить свои слова и ссылается на Элизэ Реклю, по мнѣнію котораго географическія условія представляли жителямъ долины Нила выборъ между деспотизмомъ и ассоціаціей, основанной на равенствѣ всѣхъ и каждаго (стр. 227). Правда, нашъ авторъ тотчасъ же замѣчаетъ, что слова: прогрессъ и эволюція не имѣли бы смысла, если бы древніе египтяне могли начать со свободной ассоціаціи. Но если это такъ, то значитъ для древнихъ египтянъ выходъ былъ только въ сторону деспотизма, а потому и нельзя сказать, какъ это говоритъ Л. И. Мечниковъ, что „даже съ самаго начала, среда, представляемая долиной Нила, не навязывала жителямъ деспотизма", а только „совѣтовала имъ быть солидарными". Повторяемъ, подобными оговорками Л. И, Мечниковъ только подрывалъ значеніе своихъ собственныхъ научныхъ выводовъ, а склонность къ такимъ оговоркамъ явилась у него, какъ намъ кажется, именно отъ нѣкотораго пристрастія къ „анархіи". Пристрастіе къ ней еще и въ другомъ смыслѣ повредило Л. И. Мечникову. Оно препятствовало ему послѣдовательно провести въ своей книгѣ матеріалистическій взглядъ на исторію. Анархическое ученіе до-нельзя идеалистично. Анархисты много говорятъ о свободѣ, о правахъ человѣческой личности, о вредѣ всякой власти и проч. и проч., но они совершенно не принимаютъ въ соображеніе объективныхъ условій развитія человѣчества, тѣхъ условій, которыя не только не создаются волей человѣка, но напротивъ сами своимъ вліяніемъ опредѣляютъ направленіе его воли и его дѣйствій. Задача же современнаго матеріализма въ примѣненіи къ общественной наукѣ именно въ томъ и заключается, чтобы показать, какимъ образомъ развитіе человѣчества совершалось подъ вліяніемъ независѣвшихъ отъ его воли объективныхъ условій его существованія. Иначе сказать, современный матеріализмъ стоитъ въ полнѣйшемъ противорѣчіи со всѣмъ духомъ анархическаго ученія. Человѣкъ, хотя отчасти симпатизирующій анархизму и принимающій хотя немного въ серьезъ это ученіе, поневолѣ будетъ увлекаться по временамъ идеалистическими объясненіями исторіи, хотя бы онъ, по основнымъ взглядамъ своимъ, и былъ убѣжденнымъ матеріалистомъ. Вотъ напримѣръ, главнѣйшія положенія философіи исторіи Л. И. Мечникова совершенно матеріалистичны. Но въ частностяхъ онъ не рѣдко уклоняется въ сторону идеализма. Такія частности встрѣчаются почти въ каждой главѣ его

книги. Въ главѣ „Индъ и Гангъ“ онъ говоритъ, что Индія имѣла особенную задачу въ исторіи человѣчества, и что „возмутительнымъ учрежденіемъ кастъ она начала исторію права„ (стр. 281). Такое большое значеніе приписываетъ онъ кастамъ потому, что по его мнѣнію касты ставили предѣлы неограниченной въ другихъ центрахъ „рѣчныхъ цивилизацій“ царской власти. „Въ древности одна только Индія съумѣла осуществить такой общественный порядокъ, который регулировался своимъ внутреннимъ механизмомъ независимо отъ принужденій личной и произвольной власти. Чтобы разрѣшить эту задачу всемірной исторіи Индія преувеличила до абсурда, до возмутительности тѣ классовыя различія, которыя возникаютъ повсюду“. Все это тѣмъ сильнѣе отзывается идеализмомъ, что мы вовсе не видимъ, какъ же собственно возникли индійскія касты и какимъ образомъ авторъ связываетъ возникновеніе ихъ со свойствами географической среды. Въ настоящее время самое существованіе этихъ кастъ въ томъ видѣ, въ какомъ представлялъ ихъ себѣ Л. И. Мечниковъ, подвергается сильному сомнѣнію. Вотъ какъ высказывается по этому поводу Г. С. Мэнъ, писатель, компетентности котораго никто не станетъ отрицать. „Мнѣ извѣстно ходячее народное мнѣніе, будто бы индійское общество раздѣлено такъ сказать на много горизонтальныхъ слоевъ, изъ которыхъ каждый составляетъ особую касту. Это — совершенное заблужденіе. Крайне сомнительно, была-ли когда нибудь справедлива браминская теорія о кастахъ, стоящихъ одна надъ другой... вѣроятно даже, что наибольшая важность приписывалась такой теоріи въ новѣйшее время, чѣмъ когда либо въ древнѣйшія времена. Въ дѣйствительности въ Индіи существуетъ только одна каста — жрецовъ, которая въ извѣстномъ, хотя очень ограниченномъ смыслѣ считается стоящей выше всѣхъ... Каста есть просто названіе ремесла или занятія“... (Деревенскія общины на Востокѣ и Западѣ. С.-Петер. 1874, стр. 32—33). Мы не хотимъ спорить о томъ, правъ или неправъ Г. С. Мэнъ, хотя и думаемъ, что онъ правъ. Но читатель согласится, что Л. И. Мечникову во всякомъ случаѣ не слѣдовало говорить объ особенной исторической задачѣ Индіи, не показавъ предварительно, что взглядъ Мэна ошибоченъ. Нашъ авторъ пренебрегъ требованіями критики въ интересахъ предвзятаго идеалистическаго взгляда, совсѣмъ не вяжущагося съ главными положеніями его исторической теоріи.

Прежде чѣмъ указать другія, подобныя же уклоненія его въ сторону идеализма, мы замѣтимъ, что вообще въ разбираемомъ нами сочиненіи географъ слишкомъ мало оставляетъ мѣста историку. Это можетъ быть происходитъ оттого, что авторъ не имѣлъ времени придать своему изложенію надлежащую соразмѣрность. Но какъ бы то ни было, недостатокъ этотъ присущъ его книгѣ. Географическія особенности территорій рѣчныхъ цивилизацій указаны въ ней съ такими подробностями, которыя не оставляютъ ничего желать. Но какъ только рѣчь заходитъ о характерѣ общественныхъ отношеній, создаваемомъ этими особенностями, изложеніе становится *очень* краткимъ. Оно становится *слишкомъ* краткимъ, когда авторъ касается внутренняго развитія выросшаго на берегахъ географическихъ рѣкъ обще-

ственнаго порядка. Отъ этого ученіе Л. И. Мечникова страдаетъ, сказали бы мы, нѣкотораго рода *географическимъ схематизмомъ*. Намъ могутъ замѣтить, что современная наука даетъ пока еще слишкомъ мало данныхъ для всесторонняго изученія характера и развитія общественныхъ отношеній древняго Востока. Это справедливо; но все таки слѣдовало воспользоваться всѣми тѣми данными, которыя есть, а Л. И. Мечниковъ этого не сдѣлалъ. Отсюда выходитъ вотъ что: хотя книга его вообще не оставляетъ сомнѣнія въ томъ, что географическая среда вліяетъ на человѣка главнѣйшимъ образомъ *черезъ посредство возникающихъ подъ ея дѣйствіемъ экономическихъ отношеній*, но экономическая сторона дѣла выяснена имъ въ этой книгѣ все таки очень мало. Если бы онъ побольше обратилъ на нее вниманія, то можетъ быть нашелъ бы въ ней разгадку такихъ явленій, которыя ему приходилось обяснять простымъ „*истощеніемъ*" даннаго историческаго народа, убылью въ немъ жизненнаго „*сока*" и т. п. Необходимость перехода человѣчества изъ одного періода цивилизаціи въ другой стала бы еще болѣе очевидною. Характеристическіе признаки различныхъ періодовъ обозначались бы яснѣе, а происхожденіе этихъ признаковъ стало бы понятнѣе. Намъ кажется, что разъ Л. И. Мечниковъ заговорилъ объ особенностяхъ, напримѣръ, цивилизацій средиземныхъ морей, то ему слѣдовало сдѣлать хотя бы намекъ на происхожденіе этихъ особенностей изъ свойствъ географической среды и *черезъ посредство* экономіи. Теперь же остается неясно, почему эти цивилизаціи были, какъ онъ ихъ называетъ, олигархическими, т. е. почему онѣ основывались на рабствѣ. Точно также слѣдовало бы подробнѣе объяснить и то, на какомъ основаніи и въ какой мѣрѣ авторъ уподобляетъ бытъ средневѣковой континентальной Европы быту такихъ республикъ, какъ финикійская, карѳагенская, аѳинская и т. д. Одного порабощенія массъ еще недостаточно для такого уподобленія. При томъ же порабощеніе массъ въ средиземно-морскихъ цивилизаціяхъ имѣетъ свою исторію, для объясненія которой недостаточно сдѣлать общее указаніе на роль средиземныхъ морей, а нужно прослѣдить внутреннюю экономическую исторію возникшихъ на ихъ берегахъ обществъ. Л. И Мечниковъ говоритъ, что средневѣковый феодализмъ со своимъ крѣпостнымъ правомъ представляетъ собою лишь сельское дополненіе къ городскимъ республикамъ въ родѣ Карѳагена, Аѳинъ или Рима (стр. 50). Но вѣдь *сельское* значитъ по преимуществу *земледѣльческое*, а для земледѣльческихъ народовъ по собственной теоріи Л. И. Мечникова море не имѣетъ значенія; земледѣльческіе народы часто даже удаляются отъ моря, „поворачиваются къ нему спиною", вмѣсто того, чтобы искать его. Какимъ же образомъ средиземное море могло имѣть рѣшительное вліяніе на складъ общественныхъ отношеній средвѣковой земледѣльческой Европы? Ясно, что вліяніемъ географической среды нельзя выяснить всего хода исторіи. Среда дѣлаетъ, конечно, свое дѣло, но создавшіяся подъ ея вліяніемъ общественныя отношенія также имѣютъ свою внутреннюю логику, которая часто можетъ стать даже въ противорѣчіе съ требованіями среды. Въ новѣйшей исторіи Европы, какъ и во всякой другой, можно указать нѣсколько примѣровъ подобнаго противорѣчія. Изученіе внутренней логики общественныхъ и главнымъ

образомъ экономическихъ отношеній обязательно никакъ не меньше, чѣмъ изученіе *географической* подкладки всемірной исторіи. Эти два рода изученія дополняютъ одно другое, и подъ ихъ соединеннымъ напоромъ мало по малу откроются интимнѣйшія тайны исторіи. Для изученія внутренней логики общественныхъ отношеній много сдѣлано въ послѣднія сорокъ лѣтъ въ особенности *школой Маркса*, и нельзя не пожалѣть, что Л И. Мечниковъ оставилъ безъ вниманія почти всѣ ея выводы. Въ концѣ концовъ, и говоря вообще, его работа приводитъ къ тѣмъ же заключеніямъ, къ какимъ пришли марксисты. Но заключенія его много выиграли бы въ стройности и послѣдовательности, если бы онъ 'воспользовался историческими взглядами Маркса и Энгельса для ихъ провѣрки. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно взять хотя бы приведенное уже мнѣніе Л. И. Мечникова о томъ, что историческое развитіе ведетъ къ переустройству общественныхъ отношеній въ смыслѣ свободы и равенства. На чемъ основывается это мнѣніе? На общемъ соображеніи о томъ, что люди должны научиться современемъ организовать свой трудъ безъ палки деспота и безъ корыстнаго надзора предпринимателя. |Это соображеніе имѣетъ за себя большую вѣроятность; такую большую, что нашему автору въ сущности не было никакой надобности подкрѣплять его аналогіями, заимствованными изъ области явленій природы, такъ какъ всѣ такого рода аналогіи обыкновенно очень натянуты и |произвольны. Но все таки, какъ ни вѣроятно соображеніе Л. И. Мечникова, оно остается *только вѣроятнымъ*. Характеръ несомнѣнности оно могло бы пріобрѣсти только въ томъ случаѣ, если бы онъ хоть въ немногихъ словахъ показалъ, какимъ образомъ логика внутреннихъ отношеній современныхъ цивилизованныхъ странъ ведетъ къ указанной имъ цѣли. Школа Маркса сдѣлала это, обративъ надлежащее вниманіе на размѣры и свойства современныхъ производительныхъ силъ, и на противорѣчіе этихъ силъ съ современными отношеніями призводства. Марксъ показалъ, до какой степени неизбѣжно соціализмъ вытекаетъ изъ капитализма. Жаль, что Л. И. Мечниковъ не нашелъ нужнымъ считаться съ ученіемъ Маркса. Это ученіе придало бы его теоріи прогресса характеръ большей строгости и достовѣрности. Школа Маркса и у насъ имѣла своихъ послѣдователей. Книга Н. Зибера „Очерки первобытной экономической культуры“ очень пригодилась бы Л. И. Мечникову въ его изслѣдованіяхъ.

Говоря все это, мы ни на минуту не забываемъ, однако, что la critique est aisèe, l'art est difficile, и что слишкомъ рѣдко появляются|сочиненія, на которыя не могли бы сдѣлать нѣкоторыхъ возраженій и замѣчаній даже наиболѣе расположенные къ автору и наиболѣе согласные съ нимъ критики. Мы помнимъ также, что на книгу Л. И. Мечникова нельзя смотрѣть какъ на вполнѣ законченное произведеніе, что смерть помѣшала ему придать ей надлежащую отдѣлку. Но и въ настоящемъ своемъ видѣ книга эта остается замѣчательной работой, и мы настойчиво совѣтуемъ познакомиться съ нею, о лучше сказать изучить ее, тѣмъ изъ нашихъ читателей, которые дастаточно владѣютъ французскимъ языкомъ.

I II.

— Russie et Liberté par un gentilhomme Russe. Deuxième édition. Paris 1889.

Передъ нами лежитъ второе изданіе книги „русскаго дворянина": „Россія и Свобода". Мы не знаемъ, издана-ли она еще хоть одинъ разъ. Не знаемъ даже, дѣйствительно-ли она выдержала два изданія, или выпустившій ее въ свѣтъ парижскій книгопродавецъ г. Альберъ Савинъ употребилъ, для облегченія ея сбыта, извѣстный пріемъ, съ помощью котораго очень легко приписать нѣсколько изданій даже очень плохо расходящейся книгѣ. Можетъ быть, что на самомъ-то дѣлѣ разбираемое нами сочиненіе цѣликомъ осталось на полкахъ у издателя. Если это дѣйствительно такъ, то очень жаль. Книга русскаго дворянина заслуживаетъ полнаго вниманія всякаго образованнаго читателя, какой бы онъ ни былъ національности. Она написана господиномъ, который, хотя и не пожелалъ назвать себя, но тѣмъ не менѣе даетъ ясно понять, что онъ играетъ не послѣднюю роль въ русской правительственной системѣ. По его словамъ, онъ принималъ большое участіе въ „контръ-реформахъ" нынѣшняго царствованія. Нѣкоторыя изъ нихъ даже предприняты будто бы по его совѣту. Именно, уничтоженіе „чудовищной юрисдикціи мировыхъ судей" въ деревняхъ и „передѣлка земства въ истинно-русскомъ духѣ", эта „прелюдія къ другимъ, не менѣе необходимымъ" контръ-реформамъ, „совершились сообразно заключеніямъ доклада, представленнаго авторомъ этой книги Е. В. Государю Александру III въ 1881 г и удостоившагося одобренія августѣйшаго монарха" (стр. 339—340). Если авторъ говоритъ правду (а мы не имѣемъ никакихъ основаній принимать его за Хлестакова), то его книга даетъ намъ прекрасный случай ознакомиться съ духомъ и направленіемъ людей, стоящихъ теперь во главѣ русскаго правительства. Куда идутъ они? Какова послѣдняя цѣль ихъ стремленій? Сочиненіе вліятельнаго при дворѣ „русскаго дворянина" даетъ очень ясные отвѣты на всѣ эти интересные вопросы.

„Сѣверный медвѣдь съѣстъ Капиталъ, Соціализмъ и германское Единство — этихъ трехъ незаконныхъ дѣтищъ Свободы, Равенства и Братства" — такъ гласитъ эпиграфъ разбираемой нами книги. Уже отсюда видно, что „Сѣверный медвѣдь" задалъ себѣ не шуточную задачу. Трудно съѣсть „Капиталъ", или „Соціализмъ", или „германское Единство", взятые по одиночкѣ; но съѣсть ихъ всѣ заразъ, — для этого нуженъ по истинѣ медвѣжій желудокъ. Да и медвѣжій желудокъ, пожалуй, не вынесетъ такой обильной пищи и придетъ въ сильное разстройство. По крайней мѣрѣ у многихъ читателей можетъ явиться опасеніе за здоровье русскаго Топтыгина.

Никто не станетъ отрицать основательность подобнаго опасенія. Самъ „русскій дворянинъ", имѣющій удовольствіе принадлежать къ числу вожаковъ „Сѣвернаго медвѣдя", чувствуетъ, что этими вожаками затѣвается очень нелегкое дѣло. Но онъ вѣритъ въ его успѣхъ, и чтобы сообщить свою вѣру читателямъ, преподноситъ имъ свое сочиненіе. По совершенно понятной причинѣ сочиненіе это написано на французскомъ языкѣ: высшій классъ въ Россіи хорошо владѣетъ

французскимъ языкомъ, слѣдовательно, языкъ не помѣшаетъ людямъ этого класса прочесть книгу нашего „дворянина". До другихъ же классовъ ему нѣтъ дѣла, такъ какъ, по его мнѣнію, имъ вовсе не пристало разсуждать о судьбахъ своей родины. Не мѣшая распространенію его идей въ Россіи, французскій языкъ имѣлъ въ глазахъ автора то огромное преимущество, что позволялъ ознакомиться съ ними и французамъ, которые до сихъ поръ мало знаютъ языкъ „Сѣвернаго медвѣдя". А для французовъ очень важно знакомство съ идеями „русскаго дворянина", потому что онъ даетъ имъ въ своей книгѣ множество дѣльныхъ совѣтовъ. Сказать по правдѣ, онъ и написалъ-то ее, главнымъ образомъ, въ интересахъ французовъ, чтобы разоблачить передъ этой прекрасной, великодушной націей весь гнусный смыслъ трехъ ужасныхъ словъ: *свобода*, *равенство*, *братство*, — этихъ словъ, которыя стоятъ „въ полнѣйшемъ противорѣчіи съ природой, здравымъ смысломъ и логикой", и составляютъ настоящую „*дьявольскую троицу*, поставившую Францію на край бездны". Авторъ прекрасно сдѣлалъ, что пришелъ на помощь къ французамъ. У насъ въ Россіи дѣло обстоитъ еще не такъ плохо: у насъ есть жандармы и урядники для борьбы противъ „дьявольской троицы", а у бѣдной Франціи единственной опорой и поддержкой является нашъ благородный „русскій дворянинъ" со своей книгой. Не помоги онъ ей во время, — ея судьба была бы рѣшена, а теперь она еще можетъ поправиться, потому что книга нашего автора — это цѣлое откровеніе.

„Русскій дворянинъ" задался похвальною цѣлью опровергнуть тѣ ложные принципы, тѣ гнусныя ученія о „свободѣ, равенствѣ и братствѣ", которыя принесли такъ много вреда Западной Европѣ и даже проникли въ Россію, гдѣ подъ ихъ вліяніемъ находился императоръ Александръ II, сдѣлавшій много зла своими неумѣлыми реформами. Революціонныя лжеученія не всегда пользовались кредитомъ въ Европѣ. Было время, когда все шло хорошо, народы спокойно жили подъ властью королей, духовенства и дворянства, а о революціяхъ не было и слуху. Но вотъ въ Германіи, въ странѣ, жители которой представляютъ собою „воплощенную посредственность" и, вѣроятно по этой причинѣ, имѣютъ склонность къ „діалектикѣ" и „раціонализму", явились три вреднѣйшихъ человѣка: Лютеръ, Гуттенбергъ и Шварцъ. Лютеръ, „отецъ лжи и бунта", заговорилъ о свободѣ; Гуттенбергъ изобрѣлъ книгопечатаніе, — „роковое орудіе распространенія нелѣпостей, основанныхъ на этой свободѣ"; наконецъ, Шварцъ „укралъ у китайцевъ тайну приготовленія пороха, орудія массовыхъ убійствъ, совершаемыхъ въ теченіе трехъ столѣтій во имя той же свободы". Замѣтьте, пожалуйста, что всѣ эти гадости сдѣланы именно нѣмцами, которыхъ „русскій дворянинъ" и осыпаетъ за это справедливыми укоризнами. Однако, бѣда была бы не велика, если бы вредныя ученія и открытія нѣмцевъ не перешли границъ Германіи: о нѣмцахъ жалѣть нечего, имъ туда и дорога. Хуже всего то, что за нѣмецкія лжеученія впослѣдствіи схватились французы, тѣ самые французы, которые во время Реформаціи имѣли еще достаточно здраваго смысла, чтобы не поддаться вліянію Лютера.

Когда за распространеніе вредныхъ идей взялась Франція, то дѣло не ограничилось „діалектикой“. Революціи послѣдовали одна за другой, отъ патріархальныхъ учрежденій добраго стараго времени не осталось и слѣда, *капиталъ* сдѣлался всесиленъ, онъ породилъ *пролетаріатъ*, и благодаря всему этому, Франція, а съ нею и вся Западная Европа находится теперь наканунѣ соціальной революціи и анархіи. Недалеко время господства „Луизы Мишель и компаніи“. Напрасно стали бы возражать автору „нѣкоторые французы“, что современная французская республика имѣетъ очень мало общаго съ анархіей. Его не собьешь такими возраженіями. „Я отвѣчаю, говоритъ онъ: между конституціонной монархіей, республикой и анархіей различіе состоитъ только въ формѣ и возрастѣ; конституціонная монархія естъ только станція на пути къ республикѣ, а республика есть мостъ, который неминуемо ведетъ къ анархіи“ (стр. 12). Какъ же быть? Единственное средство спасенія заключается, по мнѣнію автора, въ возвращеніи къ „*патріархальной монархіи*“, которая, къ счастью человѣчества, еще существуетъ въ Россіи. Патріархальная монархія это — „единственная серьезная и устойчивая соціальная система, гарантирующая жизнь и имущество лица, единственная система, позволяющая человѣку пользоваться свободой, правда, относительной, но за то не вымышленной и гораздо болѣе широкой, чѣмъ та, какую когда бы то ни было можетъ предложить людямъ самая либеральная республика“ (стр. 14—15). Съумѣютъ-ли европейскія общества своевременно покончитъ съ „дьявольской троицей“ свободы, равенства и братства и вернуться къ патріархальной монархіи? Временами авторъ сомнѣвается въ этомъ—и тогда ему кажется, что „великая соціальная революція“ на Западѣ неизбѣжна (стр. 329—330); временами же напротивъ, онъ еще вѣритъ въ здравый смыслъ европейскихъ народовъ, и тогда ему представляется, что дѣло ихъ обновленія пойдетъ приблизительно такимъ образомъ. Нѣмцы надоѣдятъ всѣмъ и каждому со своимъ милитаризмомъ, и европейская война станетъ неизбѣжной. Тогда на сцену выступитъ Россія и, можно сказать, шутя спасетъ цивилизованный міръ отъ угрожающихъ ему бѣдствій войны и революцій. „Русскому царю достаточно будетъ *произнести кстати нѣкія многозначительныя слова* (курсивъ принадлежитъ автору). Въ одно мгновеніе ока разрушатся всѣ *Лиги мира*, и Германія сдѣлается тѣмъ, чѣмъ хотѣлъ сдѣлать ее Фридрихъ II: великой націей, полезной и трудолюбивой, но раздѣленной на маленкія независимыя другъ отъ друга княжества, связанныя между собою для обороны, но уже не для нападенія... Избавленное отъ кошмара милитаризма, европейское общество пойметъ тогда роль и назначеніе Россіи. Единство власти снова покажется ему необходимостью и абсолютной истиной. Возвратясь къ своимъ королямъ, оно легко защититъ себя противъ капитала и спокойно примется за разрѣшеніе соціальнаго вопроса“ (стр. 46—47). Чтобы облегчить европейскому обществу возвратъ „къ королямъ“, авторъ и опровергаетъ революціонныя лжеученія или, говоря его словами, возстановляетъ истинные принципы.

Онъ подходитъ къ этому дѣлу издалека. Для борьбы со „свободой, равенствомъ и братствомъ“, онъ строитъ огромную научную батта-

рею, ссылается на логику, на исторію, на механику, на астрономію, на физіологію, на психологію, на біологію, на антропологію и на этнографію. Словомъ, передъ его всеобъемлющимъ умомъ проходятъ всѣ науки и всѣ онѣ согласно вопіютъ, что свобода и равенство — сущій вздоръ и что ина слава лунѣ, ина слава солнцу, ина слава звѣздамъ, звѣзда бо отъ звѣзды разнствуетъ во славѣ. „Вопросите простѣйшій организмъ инфузорій, или человѣческій организмъ, или, наконецъ, организмъ міровъ, разсмотрите ихъ съ физической и съ моральной точки зрѣнія, и со всѣхъ сторонъ вы получите одинъ и тотъ же отвѣтъ: *все, что организовано, т. е. все, что живетъ и движется, покоится на извѣстной центральной системѣ, на автократіи, и нигдѣ никакого слѣда ни конституціонализма, ни парламентаризма, ни свободы, ни равенства*" (стр. 17; курсивъ опять принадлежитъ автору).

Замѣтимъ мимоходомъ, что намъ очень нравится этотъ строго-научный способъ доказательства посредствомъ *аналогіи*, который даетъ возможность одерживать блестящія побѣды надъ „свободой и равенствомъ" съ драгоцѣнною помощью амебъ и инфузорій. Въ послѣдовательномъ примѣненіи этого метода „русскій дворянинъ" далеко оставилъ позади себя буржуазныхъ соціологовъ. Тѣ все ссылались на „организмъ" для доказательства неизбѣжности существованія класса эксплуатируемыхъ и класса эксплуататоровъ. Смѣлый дворянинъ пошелъ гораздо далѣе; онъ показалъ, что даже простѣйшіе организмы съ поразительною ясностью подтверждаютъ необходимость „автократіи" и приведенія самихъ эксплуататоровъ къ одному общему знаменателю царскихъ холоповъ. Это и ново и смѣло и поучительно. Интересно знать, что возразятъ буржуазные соціологи „русскому дворянину"?

Чтобы дать читателю понятіе о научныхъ пріемахъ нашего автора, приведемъ то мѣсто изъ его книги, гдѣ онъ говоритъ о различіи половъ. „Какова причина и смыслъ различія половъ"? спрашиваетъ онъ читателя и, не надѣясь получить отъ него резонный отвѣтъ, спѣшитъ дать собственное объясненіе. Ему кажется, что „мыслители" не умѣли удовлетворительно разрѣшить этотъ вопросъ потому, что ихъ понятія сбиваются съ толку „старыми заблужденіями". Въ примѣръ такихъ заблуждающихся мыслителей онъ приводитъ Фирхова, хотя и не считаетъ нужнымъ остановиться на „ошибочной теоріи біогенезиса", предложенной нѣмецкимъ ученымъ. Собственная теорія нашего автора, опирающаяся на открытія Коперника, Ньютона и Дарвина, сводится къ слѣдующему. „Человѣкъ есть вѣнецъ творенія", „человѣческое общество представляетъ собою микрокосмъ, зеркало, въ которомъ очень точно отражается наша планетная система". Астрономія же учитъ насъ, что въ то отдаленное время, „когда изъ первобытнаго хаоса обрзовались планеты, наша земля составляла одну массу съ луною; подчиняясь законамъ тяготѣнія, эта не твердая масса раздѣлилась на двѣ части, и такимъ образомъ явился нашъ шаръ и его спутникъ. Совершенно также полужидкая монада или монера, отъ которой мы безъ сомнѣнія происходимъ, должна была сперва представлять собою единую массу, имѣющую свойство воспро-

изводиться сначала посредствомъ сегментація, потомъ посредствомъ самооплодотворенія; поднимаясь выше по лѣстницѣ организаціи, она сдѣлалась, наконецъ, двуполой. Эта научная истина вполнѣ подтверждается священнымъ писаніемъ... Моисей говоритъ" и т. д. и т. д. (стр. 232—233). Оставляя въ сторонѣ вопросъ о томъ, точно-ли Моисей не противорѣчитъ нашему автору, мы попросимъ безпристрастнаго читателя, сказать себѣ, положа руку на сердце, не ясна-ли ему теперь до послѣдней степени причина существованія половъ, и вообще, можетъ-ли онъ указать въ исторіи науки болѣе замѣчательное открытіе? По крайней мѣрѣ мы не знаемъ ничего болѣе глубокаго и гордимся геніемъ „русскаго дворянина", хотя, ослѣпленные „старыми заблужденіями", мы и не ие имѣемъ честп принадлежать къ его партіи.

Нужно, впрочемъ, сознаться, что, избалованный тою любезностью, съ которой мать-природа открываетъ ему свои тайны, онъ становится иногда невнимателенъ къ предмету своего изслѣдованія, а вслѣдствіе этого ему случается иногда доказывать прямо противоположное тому, что онъ хочетъ доказать. Вотъ напримѣръ, онъ, разумѣется, очень не любитъ матеріалистовъ и съ большою охотою готовъ былъ бы уничтожить ихъ, хотя бы въ теоріи. Онъ и идетъ на нихъ войною въ своей книгѣ, но — увы! — самъ, незамѣтно для себя, поддается вліянію ихъ лжеученій. Въ результатѣ его разсужденій оказывается, что „всемірная субстанція подраздѣляется на два первоначальныхъ элемента: жидкость видимую и жидкость невидимую", и что „этимъ двумъ элементамъ мы даемъ названіе матеріи и духа" (стр. 205). Слѣдовательно духъ есть ничто иное, какъ „невидимая жидкость"! Одного этого было бы достаточно, чтобы справедливо заподозрить нашего автора въ матеріализмѣ. Но это подозрѣніе еще болѣе усиливается, когда онъ заявляетъ, что для науки не важно, представляетъ-ли собою невидимая жидкость (или иначе *эѳиръ*) „нѣчто совершенно отличное по своей природѣ отъ матеріи, или она сама есть крайне разрѣженная матерія" (стр. 204). Въ виду такихъ выводовъ „дворянина", матеріалисты едва-ли согласятся признать себя побѣжденными.

Иногда же нашъ авторъ вдается въ толкованія догматовъ вѣры, несовсѣмъ согласныя съ ученіемъ православной церкви. Чтобы защитить догматъ безплотнаго зачатія Іисуса, онъ ссылается на теорію самопроизвольнаго зарожденія. „Почему атеисты смѣются надъ догматомъ Безплотнаго Зачатія? восклицаетъ авторъ. Развѣ онъ не является въ концѣ концовъ (apres tout) истиннымъ символомъ самопроизвольнаго зарожденія?" (стр. 216—217). Мы позволимъ себѣ по этому поводу сдѣлать два замѣчанія „русскому дворянину". Во-первыхъ, говоря о зачатіи Іисуса нельзя ссылаться на самопроизвольное зарожденіе: по теоріи это зарожденіе совершается безъ матери, а Іисусъ, если мы не ошибаемся, родился отъ Маріи. Автору лучше было бы сослаться на извѣстное, всѣми зоологами принятое теперь ученіе о *парѳеногенезисѣ*, т. е. о происхожденіи дѣтеныша отъ матери-дѣвственницы. Но и здѣсь, — пусть подумаетъ авторъ, прилично-ли приравнивать богородицу къ тѣмъ, можно сказать, не стоющимъ козявкамъ,

у которыхъ наблюдалось размноженіе безъ оплодотворенія? Что общаго у Маріи съ такими козявками? Не хорошо, не хорошо: „русскій дворянинъ" хотѣлъ побѣдить атеистовъ, а вмѣсто этого самъ вдался въ крайне соблазнительную ересь!

Но довольно уже мы говорили объ его теоретическихъ подвигахъ. Поговоримъ теперь о предлагаемыхъ имъ практическихъ планахъ борьбы съ матеріализмомъ, атеизмомъ и революціей. Въ этихъ планахъ прежде всего останавливаютъ на себѣ вниманіе читателя, придуманныя авторомъ мѣры противъ евреевъ. Нашъ авторъ терпѣть не можетъ евреевъ. Да это и понятно въ виду того зла, которое они сдѣлали, по его мнѣнію, Европѣ. Во-первыхъ, развитіе капитализма ведетъ Европу къ соціализму, а въ глазахъ „русскаго дворянина" евреи являются чуть-ли не единственными представителями и обладателями капитала. Кромѣ того, ему иногда кажется, что сама „дьявольская троица", т. е. свобода, равенство и братство, была придумана евреями для болѣе удобнаго обиранія арійскаго племени (стр. 326—327). Какъ же не нападать ему на евреевъ, которые къ тому же издаютъ, по его словамъ, отвратительный запахъ. Онъ сожалѣетъ о томъ, что египетскому Фараону не удалось истребить всѣхъ еврейскихъ младенцевъ мужескаго пола. Удайся имъ это полезное предпріятіе — давно бы уже „нильскіе крокодилы разрѣшили своими челюстями вопросъ о зарождавшемся капиталѣ и объ его спутникѣ, соціализмѣ" (стр. 293). Иногда кажется, что въ своемъ азартѣ противъ евреевъ „русскій дворянинъ" самъ готовъ превратиться въ нильскаго крокодила. „Нѣкоторые предлагаютъ безпощадное массовое истребленіе жидовъ — говоритъ онъ — и эта система заслуживаетъ вниманія" (стр. 304). Однако, пусть не пугаются русскіе евреи: нашъ авторъ любитъ, подобно гоголевскому „значительному лицу", распечь человѣка и привести его въ трепетъ, но на кровавыя мѣры онъ все таки не рѣшается. Для борьбы противъ евреевъ онъ придумалъ слѣдующія, некровопролитныя и вмѣстѣ съ тѣмъ очень остроумныя мѣропріятія. Ему кажется необходимымъ возвратъ къ средневѣковымъ *гэтто* и къ тому костюму, желтаго цвѣта, — „цвѣта каторжниковъ" — который евреи обязаны были носить когда-то. „Къ желтому костюму слѣдовало бы прибавить ожерелья изъ колокольчиковъ, чтобы уподобить жидовъ гремучимъ змѣямъ; или можно было бы навѣшивать на нихъ трещотки, подобныя тѣмъ, какія носили въ Средніе Вѣка прокаженные; во всемъ этомъ я не вижу никакого неудобства" (стр. 307). Одного только боится „русскій дворянинъ": ему кажется, что еврея не сократишь подобными геніальными мѣропріятіями. „Это демонъ. Онъ играетъ роль искусителя, онъ искушаетъ христіанъ предложеніемъ въ займы денегъ". По этому поводу нашъ авторъ въ безсиліи разводитъ руками и совѣтуетъ христіанамъ утромъ и вечеромъ повторять „молитву господню", слѣдующимъ образомъ измѣнивъ ея окончаніе: Господи, охрани насъ отъ искушенія ростовщика. И избави насъ отъ жида. Аминь" (стр. 308). Прекрасное и совершенно безобидное средство!

Но зачѣмъ все это? скажетъ иной читатель. Къ чему говорить о сочиненіи чудака, который очевидно не находится въ трезвомъ умѣ

и твердой памяти? Что „русскій дворянинъ“ большой чудакъ — противъ этого мы спорить не станемъ. Что книга его (да проститъ онъ нескромный отзывъ рецензента!) производитъ впечатлѣніе горячечнаго бреда, — это также не подлежитъ сомнѣнію. Но вѣдь этотъ чудакъ, этотъ человѣкъ, одержимый горячечнымъ бредомъ, получаетъ похвалы отъ „августѣйшаго монарха“, онъ имѣетъ вліяніе, измышляетъ контръ-реформы. Этотъ человѣкъ является однимъ изъ вожаковъ „Сѣвернаго медвѣдя“ и не только не замѣчаетъ своего болѣзненнаго состоянія, но говоритъ тономъ величайшаго авторитета. читаетъ нотаціи одержимой революціоннымъ бѣсомъ Европѣ и, указывая на свою „*патріархальную монархію*“, скромно намекаетъ, что онъ, въ случаѣ чего, могъ бы выступить въ Европѣ въ качествѣ новѣйшаго Солона. Вотъ что поучительно, вотъ что заслуживаетъ величайшаго вниманія всякаго мыслящаго человѣка. Повторяемъ, мы очень желали бы, чтобы книга „русскаго дворянина“ разошлась, какъ можно болѣе. Европейцы увидятъ изъ нея, къ чему стремится правительство Александра III, они поймутъ, что духъ этого правительства враждебенъ не только всякому дальнѣйшему движенію впередъ, но и всему существующему общественному европейскому порядку, въ которомъ оно не видитъ и не можетъ видѣть ничего, кромѣ порожденія „дьявольской троицы“ — свободы, равенства и братства. Въ особенности для французовъ сочиненіе нашего автора могло бы быть очень полезно. Оно ясно показываетъ, что сѣверный Топтыгинъ никогда не можетъ быть искреннимъ союзникомъ французской республики, что дружную поддержку со стороны Россіи Франція можетъ получить только въ случаѣ своего „возвращенія къ королямъ“ и что даже за малѣйшія уступки русской дипломатіи она должна платить пріостановкой своего внутренняго развитія. До сихъ поръ еще французы, къ сожалѣнію, недостаточно поняли эти горькія, но полезныя для нихъ истины. Книга „Россія и Свобода“ можетъ значительно облегчить ихъ пониманіе.

А для насъ, для русскихъ, — какихъ полезныхъ уроковъ не заключаетъ въ себѣ эта книга! Посмотрите, сколько и какихъ „контръ-реформъ“ придумалъ ея авторъ, повидимому, не умѣющій связать въ своей головѣ двухъ мыслей! Мы уже приводили выше его горделивое признаніе въ томъ, что уничтоженіе мировыхъ судовъ въ деревняхъ и передѣлка земства „въ истинно- русскомъ духѣ“ еще въ 1881 г. предлагались имъ Александру III. Но это было только начало. Теперь полюбуйтесь желательнымъ „русскому дворянину“ продолженіемъ. Онъ хочетъ, 1) чтобы русская нація была „избавлена отъ западнаго обскурантизма путемъ реформъ въ народномъ образованіи и созданія раціональной науки, существенно русской по своему духу; 2) чтобы государство было, по крайней мѣрѣ отчасти, избавлено отъ тираніи капитала вообще и заграничнаго въ частности; 3) чтобы дворянство было избавлено отъ поземельныхъ банковъ и отъ частнаго ростовщичества, и чтобы ему дана была возможность стать тѣмъ, чѣмъ оно всегда было: интеллигентнымъ и по природѣ своей консервативнымъ классомъ, направляющимъ патріотизмъ другихъ классовъ; 4) чтобы крестьяне были избавлены отъ ихъ свободы, которая отдаетъ ихъ во

власть лѣни, пьянства, ростовщиковъ, кулаковъ, разврата и бѣдности, и чтобы они были отданы подъ опеку государства, могущую замѣнить прежнюю опеку помѣщиковъ; 5) чтобы города были избавлены отъ грабежа, практикуемаго ихъ эдилами; 6) чтобы судъ былъ избавленъ отъ неправосудія присяжныхъ и отъ дорого-стоющей болтовни адвокатовъ; 7) чтобы, наконецъ, русское общество было избавлено отъ эксплуатаціи его частными банками, еврейскими ссудными кассами и акціонерными компаніями; чтобы все это было сдѣлано путемъ перенесенія кредитныхъ и промышленныхъ функцій на государство, путемъ заведенія по всюду срогаго контроля и содѣйствія во всѣхъ частныхъ предпріятіяхъ возникновенію артелей, этихъ истинно русскихъ ассоціацій,которыя призваны положить современемъ конецъ господству капитала и рѣшить мирнымъ и законнымъ путемъ великій соціальный вопросъ" (стр. 338--340). Словомъ, русскій дворянинъ хотѣлъ бы, по его собственному выраженію, какъ губкой стереть все, сдѣланное въ Россіи съ 1856 по 1881 г. Конечно, не много найдется людей, которыхъ могли бы подкупить въ проэктахъ нашего автора фразы противъ грабежей городовъ ихъ эдилами или противъ адвокатской болтовни. Со смысломъ этихъ громкихъ фразъ всѣ давно уже знакомы изъ „Московскихъ Вѣдомостей" и „Русскаго Вѣстника". Выходки противъ капитала и защита артелей покажутся, пожалуй, соблазнительнѣе. Многіе изъ нашихъ „друзей народа" въ своихъ понятіяхъ не пошли дальше соціализма, насаждаемаго мощною рукой помпадуровъ (укажемъ хоть на г. В. В.). Но и такихъ людей образумитъ, можетъ быть, мысль о томъ, что въ проэктахъ „русскаго дворянина" помпадурскій соціализмъ тѣсно связанъ съ деспотизмомъ чиновниковъ, съ тираніей дворянства и съ *освобожденіемъ* крестьянъ *отъ свободы*. Если книга нашего автора откроетъ имъ глаза на ихъ вѣроятно невольныя ошибки, то она и этимъ уже принесетъ не мало пользы. Наконецъ, просвѣщенной части русской буржуазіи проэкты „русскаго дворянина" покажутъ, до какой степени интересы „патріархальной монархіи" идутъ въ разрѣзъ съ интересами ихъ класса. Было время, когда русская монархія поддерживала буржуазію всѣми зависѣвшими отъ нея способами. Русская буржуазія обязана нашей монархіи по меньшей мѣрѣ столько же, сколько была обязана въ свое время французской монархіи французская буржуазія. Фактически и теперь еще русское правительство, даже тѣми своими мѣропріятіями, которыя имъ дѣлаются въ интересахъ другихъ сословій, работаетъ на пользу буржуазіи. Отсюда — вѣрноподданническія чувства ея огромнѣйшей части. Наша буржуазія не мало терпѣла отъ нашихъ бюрократическихъ порядковъ и не рѣдко ворчала при этомъ. Но въ общемъ она все таки оставалась вѣрноподданной, потому что „отъ добра добра не ищутъ". Теперь вліятельный „русскій дворянинъ" предлагаетъ правительству начать походъ противъ капитализма и взяться за разрѣшеніе соціальнаго вопроса. Мы очень желали бы, чтобы правительство послѣдовало его совѣтамъ. Соціальнаго вопроса оно, конечно, не разрѣшитъ, смѣшно и говорить объ этомъ. Но буржуазію нашу подобными попытками оно быстро и прочно цивилизуетъ. Экономически русская промыш-

ленная и торговая буржуазія давно уже заняла видную роль въ обществѣ. Ей недоставало политическаго сознанія и развитія. Съ божьею помощью сторонники „патріархальной монархіи" дадутъ ей его своими реакціонными попытками рѣшенія соціальнаго вопроса. Энергично поведя походъ противъ „западнаго обскурантизма", они толкнутъ нашихъ буржуа на путь *западничества*, сдѣлаютъ привлекательными для нихъ западно-европейскія либеральныя идеи и этимъ сослужатъ огромную службу дѣлу русскаго прогресса. Пусть же работаютъ прилежнѣе единомышленники „русскаго дворянина", пусть ихъ реакціонныя дурачества все сильнѣе и сильнѣе возбуждаютъ противъ современнаго правительства общественное мнѣніе Россіи. Это очень на руку нашему брату, революціонеру.

Логика исторіи неумолима, — замѣчаетъ не помнимъ уже на какой страницѣ своей книги нашъ авторъ. Изо всѣхъ высказанныхъ имъ мыслей это — единственная, съ которой можно согласиться. Въ самомъ дѣлѣ, посмотрите,какъ безпощадно дурачитъ исторія представителей отжившихъ политическихъ системъ или даже цѣлыхъ общественныхъ классовъ; посмотрите, до какой степени лишаетъ оно ихъ всякой способности къ серьезному мышленію, всякой талантливости и оригинальности. Возьмите хоть нашего „патріархальнаго" самодержца Александра III. Гдѣ его сторонники, гдѣ люди его защищающіе? Ихъ много въ полицейскихъ участкахъ, много среди армейскихъ бурбоновъ, много между тупымъ реакціоннымъ дворянствомъ, много между жадными биржевиками и предпринимателями, много быть можетъ даже въ неразвитой народной массѣ; но много-ли ихъ въ средѣ образованной и честной? Много-ли талантовъ въ реакціонномъ лагерѣ нашей литературы? Во время коронаціи вышло и дѣятельно распространялось въ Москвѣ поэтическое произведеніе, если не ошибаемся, нѣкоего г. Бѣлокопытина. Произведеніе это начинается слѣдующими прекрасными словами:

Господи, помоги мнѣ издать сочиненіе,
Дабы къ святому дню коронованія
Осуществить общее народное стремленіе
И истребить соціалистовъ до основанія!

Далѣе слѣдуетъ цѣлая филиппика противъ соціалистовъ, изъ которой мы запомнили такое мѣсто:

Ахъ, вы варвары, злодѣи, соціалисты.
Вы могли быть педагоги и юристы,
Но вы всѣ бунтуете такимъ родомъ,
Кайтесь, мошенники, передъ народомъ!

Въ серединѣ своего произведенія авторъ неожиданно переходитъ къ самому себѣ и сообщаетъ, что „переноситъ горя не мало", такъ какъ слишкомъ плохо учился въ кадетскомъ корпусѣ. Это послѣднее признаніе было, впрочемъ, совершенно излишне, такъ какъ стихи достаточно свидѣтельствовали объ успѣхахъ вѣрноподданнаго поэта въ наукахъ. Но это все равно, главное въ томъ, что г. Бѣлокопытинъ, конечно, являлся единственнымъ безусловнымъ сторонникомъ самодержавія изо всѣхъ русскихъ поэтовъ. Другіе, можетъ быть, и не прочь были воспѣть царя при случаѣ, но у каждаго изъ нихъ на-

вѣрное находились свои оговорки, навѣянныя вліяніемъ лукаваго Запада и мѣшавнія имъ одобрять всѣ дурачества абсолютизма. Г. Бѣлокопытинъ былъ чуждъ всякихъ западныхъ вліяній, онъ былъ истиннымъ и безпримѣснымъ пѣвцомъ Александра III, его *Державинымъ*. „Русскій дворянинъ“ является теперь истиннымъ теоретикомъ современаго царизма. Онъ выдвинулъ на защиту „патріархальной монархіи“ подлинную философію мракобѣсія. Философъ стоитъ поэта, а оба они, вмѣстѣ взятые, вполнѣ достойны своего „обожаемаго“ монарха.

Г. П.

— **Джорджъ Кенанъ о Россіи. Сибирь и Ссылка.** Переведено съ англійскаго. Изданіе парижскаго соціально-революціоннаго фонда. Парижъ 1890 г.

Г. Кенанъ безпощадно разоблачилъ нѣкоторую долю гнусностей русскаго правительства передъ читающей публикой образованнаго міра. Этимъ онъ оказалъ величайшую услугу революціонерамъ, и этого было бы уже достаточно, чтобы статьи благороднаго американца показались намъ превосходными. Но это не единственное достоинство ихъ. Всякій образованный читатель, къ какой бы партіи онъ ни принадлежалъ, долженъ будетъ признать, что статьи эти написаны рукой человѣка, одареннаго недюжиннымъ литературнымъ талантомъ. Правдивость ихъ говоритъ сама за себя. Въ виду этого, очень хорошо поступили лица, рѣшившіяся издать статьи г. Кенана въ русскомъ переводѣ. Теперь появилась пока только часть статей г. Кенана. Парижскій литературный фондъ обѣщаетъ продолжать свое изданіе. Онъ готовитъ къ печати второй выпускъ статей американскаго писателя, куда войдетъ все, написанное имъ до сихъ поръ о Россіи. Желаемъ полнаго успѣха этому полезному предпріятію.

Г. П.

АРЕСТЫ ВЪ РОССІИ.

Мы получили свѣдѣнія о слѣдующихъ арестахъ въ Россіи.

Въ Іюлѣ прошлаго года въ Смоленскѣ арестованы по дѣлу о тайной типографіи: Хмѣлевскій, Середа, наборщикъ Звиринъ и еще около 30 рабочихъ. Поэтому же дѣлу были обыски и аресты во всемъ районѣ Орловско-Витебской желѣзной дороги.

Въ Августѣ въ Кіевѣ, по дѣлу о пропагандѣ среди рабочихъ арестованы: Владиміръ Соколовъ, Берковичъ. Гальперинъ, рабочій Голомбь. Тогда же въ Друскеникахъ арестованъ докторъ медицины Абрамовичъ и увезенъ въ Кіевъ.

Въ Конотопѣ арестованъ аптекарскій ученикъ Григорій Полякъ и увезенъ въ Кіевъ. Тамъ же арестованы два студента и по ихъ дѣлу были обыски въ Минскѣ и на Югѣ.

Въ Сентябрѣ въ Минскѣ арестованъ Шапиро и были обыски у нѣкоторыхъ рабочихъ; обыски у рабочихъ возобновились въ концѣ года и повели къ нѣсколькимъ арестамъ. Арестованъ былъ, между прочимъ, Мерлинскій.

Въ Берлинѣ I Января 1890 года арестованъ студентъ-политехникъ Рувимъ Протасъ и увезенъ въ Минскъ, на родину. Въ то же время арестованъ вернувшійся изъ ссылки Іофинъ, но былъ скоро выпущенъ. Арестованъ также Вольпе и перевезенъ въ Петербургъ, гдѣ вып. на поруки.

Въ Аахенѣ 16 Апрѣля 1889 г. арест. Григорій Гуковскій. Сидитъ теперь въ Петербургѣ въ Домѣ Пред. Заключенія.

Въ Одессѣ лѣтомъ 1889 г. арестованы: Сабсай, Бродскій, Бардахъ, Валовацъ, Вургафтъ, Файнштейнъ, Березецеръ, Гольденбергъ, Эпштейнъ, Рублевъ, Гуковская. Всѣ они выпущены на поруки. Тамъ же арест. Рымашевскій, о судьбѣ котораго не имѣемъ дальнѣйшихъ свѣдѣній.

Въ Херсонѣ арестована на улицѣ Гимельфарбъ.

Въ Елисаветградѣ арестованъ въ 1889 г. Слободской. Сосланъ на 5 лѣтъ въ Восточную Сибирь.

Въ Харьковѣ арест. Левшина. Выпущена на поруки.

Въ Ковно арест. въ Ноябрѣ 1889 г. Матисъ. Отвезенъ въ Петербургъ.

Н. П. Ермолаевъ (ст. технол. инст.) и О. Ф. Петлина (слуш. акуш. курсовъ) высланы весною 1888 г. изъ Петербурга на родину, въ Томскъ. Весною 1889 г. приговорены *административнымъ порядкомъ* къ тюремному заключенію.

Въ Минскѣ арест. Ворнотовская, А. Гуковская, С. Кондоровская

Первая сидитъ до сихъ поръ. Остальные выпущены до окончанія дѣла.

Лангарнъ арест. по дорогѣ домой въ Вильно. Сидитъ въ Оренбургѣ.

Въ Томскѣ весною 1888 г. арест. Ивановъ, народный учитель, и Самохваловъ, который выпущенъ на поруки.

Въ Казани арест. Матвѣевъ.

Въ Гомелѣ арест. весною 1889 г. Александръ Залкиндъ, который перевезенъ въ Петербургъ, и Роза Гинцбургъ, выпущ. на поруки.

Кромѣ того мы имѣемъ извѣстіе объ арестѣ Петлина, Твердомедова и Дѣдуловой изъ Уфы. Гдѣ они арест., намъ неизвѣстно. Петлинъ выпущенъ на поруки. Дѣдулова отдана подъ надзоръ полиціи на два года. О судьбѣ Твердомедова не имѣемъ извѣстій.

9-го Августа 1888 г. на вокзалѣ въ г. Ковно арест. Самуилъ Рабиновичъ.

Въ Шлиссельбургѣ находится теперь 28 человѣкъ, именно: Лопатинъ Германъ, Морозовъ Ник., Ивановъ Сергѣй, Мартыновъ, Юрковскій. Шебалинъ, Стародворскій, Антоновъ, Филиппова Вѣра, Волькенштейнъ, Ашенбреннеръ, Буцинскій, Ивановъ Вас., Поповъ Мих., Оржихъ Борисъ, Суровцевъ, Похитоновъ, Варынскій; Яновичъ, Конашевичъ, Лаговскій, Лукашевичъ, Новорусскій, Фроленко, Манучаровъ, Щедринъ, Тригони и Панкратовъ; умерли въ Шлиссельбургѣ и Петроп. Кр. въ разное время слѣд. лица: Юрій Богдановичъ, Сав. Златопольскій, Арончикъ (?), Исаевъ, Колоткевичъ, Немоловскій, Теллаловъ, Малавскій, Долгушинъ, Михайловъ Алек.(?), Буцевичъ, Геллисъ Мейеръ, Терентьева, Нечаевъ, Ширяевъ, Клѣточниковъ, Макаръ Тетерка, Тихоновичъ, Оболѣшевъ (Сабуровъ), Натансонъ Ольга, Лангансъ Мартынъ.

Списокъ пожертвованій

1) л on Ganpesausschus der deutschen Socialisten in der Szweitz tür politische verbannte Fr. 60.

2) Черезъ П-ка и сочувствующихъ въ пользу одного поселенца 70 франковъ.

·3) Въ пользу рабочей литературы изъ Россіи 52 руб. и изъ вечера 55 франковъ.